This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,242,299

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817
LIBRARIES

ХОЛМСКАЯ РУСЬ.

V

Batiushkov, Nikolai

ХОЛМСКАЯ РУСЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ

РУССКАГО ЗАБУЖЬЯ.

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

ИЗДАНО ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

П. Н. Батюшковымъ.

Съ 2 хромолитографіями, 45 гравюрами и картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, № 39.
1887.

DK
511
.C378
B33

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Января 1887 года

VI. 5
1331.

Stacks
Gre
U Univ State Library Ric Lit
2 2 11
703523 093

ОГЛАВЛЕНІЕ.

От издателя XI

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Предѣлы Русскаго Забужья. Составъ населенія. Языкъ и устная народная словесность.

Предѣлы Холмской Руси.—Разныя названія ея.—Составныя ея части.—Холмщина и Подляшье.—Названія первоначальныхъ жителей Холмщины; родство ихъ съ жителями Волыни и Галиціи; языкъ и народныя пѣсни.—Подляшье, составъ его жителей, древнія черты языка и родство съ сосѣдними русскими племенами. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. Историческія судьбы края и отдѣльныхъ составныхъ частей его отъ начала русской исторіи до люблинской уніи 1569 года.

Начальная связь Холмской Руси съ Кіевомъ.—Власть надъ ней св. Владиміра и Ярослава Мудраго —Посягательства польскихъ королей на нее.—Походы русскихъ князей на ятвяговъ.—Русскіе области и города въ Забужьи и между ними Холмъ.—Русскіе княжескіе роды потомковъ св. Владиміра и Ярослава, владѣвшіе въ этихъ областяхъ.—Родъ Владиміра Мономаха, какъ славнѣйшій и сильнѣйшій изъ нихъ.—Романъ Мстиславичъ и Даніилъ Романовичъ; ихъ могущество; возвышеніе Холма при Даніилѣ; нашествіе татаръ на Русь; мужество Даніила въ борьбѣ съ разными врагами земли Русской; обширность и могущество его державы.—Раздѣленіе Галицко-Волынскаго княжества между потомками Даніила.—Ослабленіе рода Даніилова и захватъ разныхъ частей Галицко-Волынскаго княжества Польшей и Литвой.—Послѣдніе холмскіе князья.—Унія Литвы съ Польшей въ 1386 году.—Взаимныя отношенія Литвы и Польши до 1569 года.—Люблинская унія Литвы съ Польшей въ 1569 году и послѣдствія ея 7

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Состояніе православія въ краѣ при русскихъ князьяхъ и подъ владычествомъ Литвы и Польши. Древніе памятники православія. Утвержденіе и распространіе католичества.

Народный характеръ православія въ Холмской Руси.—Распространеніе его изъ Моравіи и изъ Кіева.—Холмская епархія и предѣлы

ея: древнѣйшія православныя церкви и монастыри; церковное управленіе; православныя церковныя братства.—Отношенія Болеслава Тройденовича, Казиміра Великаго и Ягайла къ православной церкви.—Флорентійская унія и митрополитъ Исидоръ.—Грамоты и распоряженія Ягеллоновъ въ пользу и противъ православныхъ.—Твердость православныхъ въ вѣрѣ.—Количество костеловъ и состояніе католичества въ Холмской землѣ 35

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Упадокъ православной церкви и бѣдствія ея отъ католиковъ. Брестская церковная унія. Состояніе уніи и православія въ Холмской Руси въ XVII вѣкѣ.

Понятіе о церковной уніи.—Подготовленія къ брестской уніи.—Упадокъ западно-русской церкви и усиленіе католичества; оживленіе православной западно-русской церкви и отпаденіе отъ нея недостойныхъ іерарховъ.—Объявленіе уніи на брестскомъ соборѣ 1596 года.—Твердость православныхъ въ своей вѣрѣ.—Ипатій Поцѣй и его дѣйствія противъ православія.—Учрежденіе базиліанскаго ордена и оживленіе уніи.—Общія судьбы уніи и православія въ западной Руси въ XVII вѣкѣ.—Положеніе уніи и православія въ Холмской Руси въ XVII вѣкѣ.—Львовскій православный епископъ Гедеонъ Балабанъ и холмскіе уніатскіе епископы Збируйскій и Андреевскій.—Возстановленіе православной западно-русской іерархіи патріархомъ Ѳеофаномъ.—Холмскій православный епископъ Паисій и уніатскіе епископы Пакоста и Меѳодій Терлецкій.—Возстановленіе правъ православной церкви на сеймѣ 1632 года.—Митрополитъ Петръ Могила въ Холмскомъ краѣ.—Возстаніе Богдана Хмельницкаго, коснувшееся и Холмской Руси.—Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ и холмскій православный епископъ Діонисій Балабанъ.—Отмѣна данныхъ православнымъ правъ.—Московскія и казацкія войска въ Литвѣ и Холмскомъ краѣ.—Состояніе уніи и православія въ Холмской Руси при холмскихъ уніатскихъ епископахъ Яковѣ Сушѣ, Александрѣ Лодзятѣ и Гедеонѣ Войнѣ-Оранскомъ.—Совращеніе въ унію Замостьскаго, Люблинскаго и другихъ православныхъ братствъ.—Состояніе католичества и число костеловъ въ Холмской Руси въ XVII-мъ вѣкѣ. . . 57

ГЛАВА ПЯТАЯ. Состояніе православія и уніи въ XVIII вѣкѣ.

Вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши.—Записка объ уничтоженіи русской народности въ Польшѣ.—Замостьскій соборъ.—Гоненія на православіе; положеніе Дрогочинскихъ и Яблочинскаго монастырей.—Положеніе уніатскаго духовенства и базиліанъ.—Базиліанскіе монастыри: Замостьскій, Бѣльскій и Холмскій.—Положеніе уніатской іерархіи.—Холмскіе епископы Левицкій, Володкевичъ и Рылло. . . 123

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Политическія судьбы края со времени перваго раздѣла Польши и до позднѣйшаго времени. Состояніе православія и уніи въ краѣ со времени раздѣловъ Польши. Упадокъ уніи и русскаго обряда и пробужденіе русской народности.

Первый и третій раздѣлы Польши; образованіе герцогства Варшавскаго и царства Польскаго и судьбы его.—Общій очеркъ состоянія русскаго обряда и русской народности въ краѣ; положеніе уніатской церкви въ Австріи и въ герцогствѣ Варшавскомъ, а потомъ въ царствѣ Польскомъ; холмскіе епископы Рылло, Ростоцкій и Важинскій; епископъ Цѣхановскій.—Попытки къ очищенію русскаго уніатскаго обряда послѣ польскаго мятежа 1831 года; противодѣйствіе со стороны холмскаго епархіальнаго уніатскаго начальства; епископъ Шумборскій; заявленія уніатскихъ священниковъ о желаніи своемъ возсоединиться съ православною церковію; возсоединеніе нѣкоторыхъ уніатскихъ приходовъ: пріостановка сего дѣла.—Холмскіе уніатскіе епископы Терашкевичъ и Калинскій, какъ сторонники латино-польской партіи; заявленія благонамѣренныхъ уніатовъ; яновская католическая миссія; участіе Калинскаго въ польскомъ повстаніи . . . 154

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Мѣры къ очищенію русскаго уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній. Возсоединеніе холмскихъ уніатовъ съ православною церковію въ 1875 году. Заключеніе.

Преобразованіе царства Польскаго послѣ польскаго мятежа 1863 года; Н. А. Милютинъ и князь В. А. Черкаскій; упорство Калинскаго и удаленіе его; управляющій епархіей протоіерей Войцицкій; посланія консисторіи и смуты на Подляшьи.—Епископъ Михаилъ Куземскій, его дѣятельность и отставка.—Управляющій епархіей протоіерей Попель; болгаро-уніатскій архіепископъ Іосифъ; очищеніе уніатскаго обряда, новыя смуты на Подляшьи и папское посланіе противъ Попеля.—Отвѣтъ государя императора уніатской депутаціи въ Варшавѣ.—Возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію.—Высочайшая аудіенція, данная холмской депутаціи въ 1875 году.—Заключеніе. 179

Указатель источниковъ, служившихъ матеріалами для составленія текста 3

Объясненія къ рисункамъ 9

Указатель личныхъ именъ 55

РИСУНКИ И ГРАВЮРЫ.

А. Священныя изображенія.

1. Чудотворная икона Холмской Божіей Матери (на отдѣльномъ листѣ) 153
2. Крестъ съ изображеніемъ Купятицкой Божіей Матери (на отдѣльномъ листѣ) 161
3. Чудотворная икона Лѣснинской Божіей Матери 173

4. Славянскіе первоучители, святые Кириллъ и Меѳодій (хромолитографія на отдѣльномъ листѣ) 41
5. Св. равноапостольный князь Владиміръ (хромолитографія на отдѣльномъ листѣ) 7
6. Рака св. преподобномученика Аѳанасія Филипповича . . . 165

Б. Портреты.

7. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ (на отдѣльномъ листѣ) 157
8. Царь Алексѣй Михайловичъ (на отдѣльномъ листѣ) 169
9. Императоръ Петръ I Алексѣевичъ (на отдѣльномъ листѣ) . 179
10. Императрица Екатерина II Алексѣевна (на отдѣльномъ листѣ) 189
11. Императоръ Николай I Павловичъ (на отдѣльномъ листѣ) . 195
12. Императоръ Александръ II Николаевичъ и императрица Марія Александровна (на отдѣльномъ листѣ) 208
13. Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ (на отдѣльномъ листѣ). 121
14. Кіевскій митрополитъ св. Петръ Могила (на отдѣльномъ листѣ). 145
15. Сплѣтскій архіепископъ Маркъ-Антоній Господнѣчичъ . . . 138
16. Гетманъ запорожскихъ казаковъ Богданъ Хмельницкій и его бердышъ (на отдѣльномъ листѣ) 149
17. Епископъ лужскій и острожскій Кириллъ Терлецкій 109
18. Уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй 115
19. Полоцкій архіепископъ, уніатскій лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ 132
20. Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко (на отдѣльномъ листѣ). 199
21. Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій (на отдѣльномъ листѣ) 203
22. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой (на отдѣльномъ листѣ). 207
23. Уніатская депутація изъ Холмской Руси 209

В. Виды мѣстностей и зданій.

24. Городъ Холмъ въ XVI вѣкѣ 25
25. Бѣлавинская башня близъ Холма 13
26. Столпьенская башня близъ Холма 21
27. Холмскій каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ . . . 45
28. Каменецъ-Литовская башня XIII вѣка 29
29. Успенская церковь въ г. Щебрешинѣ, Замостьскаго уѣзда, Люблинской губерніи 53

30. Преображенская церковь въ селѣ Сычинѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи 59
31. Яблочинскій Онуфріевскій монастырь, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи 185
32. Спасо-Преображенская церковь въ г. Люблинѣ 125
33. Свято Духовская церковь въ посадѣ Коднѣ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи 85
34. Михайло-Архангельская церковь въ селѣ Витулинѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи 61
35. Свято-Троицкая церковь въ селѣ Буковичи, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи 69
36—37. Дмитріевская церковь въ селѣ Чернеевѣ, Холмскаго уѣзда, Люблинской губерніи:
наружный видъ 73
внутренній видъ 77
38. Николаевская церковь въ г. Замостьѣ, Люблинской губерніи 193
39. Кирилло-Меѳодіевская часовня въ г. Холмѣ 213

Г. Разныя гравюры.

40. Гербъ Володиміро-Галицкой земли 37
41. Плита князя Ивана Семеновича Сапѣги 89
42. Страница изъ апостола львовской первопечати 92
43. Изображеніе св. евангелиста Луки львовской первопечати . 93
44. Гербъ Ходкевича 101
45. Гербъ московскаго первопечатника Ивана Ѳедорова 105
46. Письмо Іосафата Кунцевича 133
47. Страница изъ посланія Сплѣтскаго Архіепископа Марка-Антонія Господнѣчича въ южно-русскомъ переводѣ . . . 139
48. Карта Люблинской и Сѣдлецкой губерній съ показаніемъ границъ половины XIII вѣка. 216

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Творяй же истину грядетъ къ свѣту.
Ев. Іоанна, гл. III, ст. 21.

Тамъ русскій духъ... Тамъ Русью пахнетъ!
А. Пушкинъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, президента Императорской академіи наукъ, графа Д. А. Толстаго, о пользѣ, которую можетъ принести широкое распространеніе вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ мѣстностяхъ Привислинскаго края, всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить издателю «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ» составить и напечатать, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, историческій очеркъ Забужной Руси.

Приступивъ къ исполненію Высочайшей воли, издатель считаетъ нужнымъ предпослать нѣсколько словъ, для оправданія заглавія и выясненія значенія и цѣли предлагаемаго труда.

Забужная полоса Россіи, составляющая нынѣшнія Люблинскую и Сѣдлецкую губерніи Варшавскаго генералъ-губернаторства, извѣстна въ простонародьи подъ названіемъ Холмщины и Подляшья. Въ историческихъ судьбахъ этой области первенствующая роль принадлежитъ городу Холму; исторія же Подляшья не только тѣсно связана съ Холмщиной, но и создавалась подъ ея ближайшимъ и преобладающимъ вліяніемъ. Въ славномъ въ древности Холмѣ, бывшемъ стольномъ городѣ галицко-русскихъ князей, до возникновенія уніи, находилась православная каѳедра, по имени которой и архипастыри всего При-

вислинскаго края титулуются Холмско-Варшавскими. Вотъ объясненіе, почему издатель далъ предлагаемой книгѣ названіе «Холмская Русь», хотя въ ней идетъ рѣчь и о Подляшьи.

Забужная Русь воспріяла крещеніе, почти одновременно, съ Востока и Запада. Она приблизилась къ свѣту вѣры Христовой еще въ вѣкъ св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, пришедшихъ съ Востока на Западъ въ славянскую Моравію еще тогда, когда христіанскій міръ Востока и Запада составлялъ единую вселенскую, православную церковь. Святые братья преподали тамошнимъ славянамъ ученіе этой церкви, также священныя книги и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. А св. Меѳодій, учившій въ Моравіи еще долго по кончинѣ брата, простиралъ отсюда проповѣдь Евангелія и въ предѣлы Вислы, граничащіе съ Прибужьемъ. Но привислинскіе славяне не умѣли сберечь ни для себя, ни для сосѣдей начатковъ православно-христіанскаго ученія и славянскаго богослуженія, насажденныхъ св. Меѳодіемъ. Промыслъ Божій открылъ Забужной Руси другой путь къ свѣту вѣры при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Принявъ вѣру Христову отъ того же Востока, откуда были и св. первоучители славянскіе, онъ постарался просвѣтить ею и крестить всѣ славяно-русскія племена своей великой державы, къ которымъ принадлежали также дулебы и бужане, древніе обитатели Прибужья. Тогда же было воспринято во всей Руси и славянское богослуженіе, какъ дарованное всѣмъ славянамъ ихъ первоучителями, вмѣстѣ съ ученіемъ единой вселенской православной церкви. Но въ то время, какъ въ земляхъ польскихъ славянъ начатки церкви православной съ ея ученіемъ и богослуженіемъ продолжали утрачиваться подъ позднѣйшимъ наплывомъ и давленіемъ латинства, въ Холмско-Подляшскомъ краѣ православная церковь оставалась незыблемою и пребыла твердою основою народной жизни на цѣлые вѣка. Впослѣдствіи путемъ обмана, лести и насилія была введена здѣсь унія, но она не подточила основъ русской народности, не искоренила преданій и не ослабила естественнаго тяготѣнія края къ коренной православной Руси, не взирая на всѣ усилія со стороны польскаго правительства и латинскаго духовенства.

Въ нашей научной литературѣ исторія Забужья мало разработана; труды же польскихъ и иностранныхъ изслѣдователей не свободны отъ предвзятыхъ мыслей и узко-національнаго пристрастія. Лѣтописныя и устныя преданія искажены поляками въ видахъ достиженія политическихъ цѣлей, а уцѣлѣвшіе отъ варварскаго уничтоженія и фальсификаціи памятники древняго русскаго зодчества и письменности преднамѣренно игнорируются ими. Среди русскаго населенія Забужья распространяются книги, брошюры и картины заграничной и подпольной печати, которыя представляютъ страну въ ложномъ свѣтѣ, вносятъ смуту въ народѣ нашемъ и порождаютъ иногда весьма печальныя послѣдствія, вынуждая свѣтскую власть вмѣшиваться въ дѣла совѣсти. Еще недавно обнаружено тайное хожденіе по Холмщинѣ переряженныхъ учениковъ Лойолы, которые, подъ видомъ продавцовъ и мелкихъ промышленниковъ, раскинули между православными свои сѣти для уловленія сельскаго люда и отторженія его отъ православной церкви.

Ослабленію и искорененію этого зла можетъ отчасти содѣйствовать школа, которая для этого нуждается однако въ руководящихъ пособіяхъ. Вотъ почему, съ появленіемъ въ свѣтъ VII и VIII выпусковъ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ» (въ которыхъ помѣщены научныя изслѣдованія о краѣ, основанныя на письменныхъ сказаніяхъ и народныхъ преданіяхъ, и описаны остатки древняго русскаго зодчества и письменности),—явилась мысль воспользоваться этимъ матеріаломъ для составленія пособія преподавателямъ въ школахъ и вообще лицамъ, близко стоящимъ къ народу, въ нашихъ западныхъ, русскихъ окраинахъ, чтобы чрезъ ихъ посредство творилась истина, грядущая къ свѣту.

Предлагаемое изданіе не ограничивается строго предѣлами Холмщины и Подляшья, такъ какъ исторія ихъ имѣетъ тѣсную связь съ прочими нашими западными губерніями. Всѣ эти западныя области, заселенныя одними и тѣми же племенами—бѣлоруссами, малороссами и литовцами, имѣютъ почти одну и ту же исторію. Составляя, въ начальную пору своей исторической жизни, одно Кіевское княжество, которое обладало и За-

бужною Русью, и сѣверными землями—Дрогичинскою и Мельникскою, области эти почти одновременно распались на удѣльныя княжества и одна за другою подпали подъ чуждое иго; одинаково твердо стояли за вѣру отцовъ и свою народность; одними и тѣми же путями были совращены въ унію и отчасти въ латинство, и, наконецъ, послѣдовательно, одна за другою, объединившись съ великою землею Русскою подъ скипетромъ исконнаго владыки, царя всей Руси, возсоединились съ православною церковью.

Къ сожалѣнію, эти окраины наши, подобно Холмской Руси, по возсоединеніи съ православною церковью, не остаются и донынѣ свободными отъ латино-польской пропаганды.

Въ Бѣлоруссіи, рядомъ съ русскою школою, возникаютъ тайныя латино-польскія школы, открываемыя ксендзами; польскій языкъ начинаетъ вытѣснять мѣстную русскую рѣчь; народная русская пѣсня, оглашавшая страну съ незапамятныхъ временъ, замѣняется польскими гимнами и «кантычками» костельнаго напѣва; ксендзы открыто порицаютъ православную вѣру и все русское.

На Подоліи и на Волыни, рядомъ съ религіозною пропагандою и открытіемъ тайныхъ польскихъ школъ, учреждаются ночныя сходки подъ наименованіемъ «таемницъ», для пѣнія польскихъ гимновъ, а въ пограничныхъ мѣстностяхъ появились іезуитскія миссіи, которыя завлекаютъ православный народъ послушать «большой науки», «столѣтняго казаня». И слушая нерѣдко на сходкахъ и въ школѣ нелѣпыя нареканія на православіе и наглую ложь о Россіи, мѣстный православный людъ мало по малу вноситъ въ свою семью ненависть ко всему русскому, православному.

Есть основаніе думать, что въ виду этихъ грустныхъ явленій издаваемая нынѣ книга будетъ небезполезна не для одной Забужной Руси, но и для губерній Сѣверо- и Юго-западнаго края Россіи. На ряду съ тѣми благотворными мѣрами, которыя правительство издавна принимаетъ въ отношеніи народнаго образованія, книга эта можетъ послужить однимъ изъ средствъ къ поддержанію и укрѣпленію народнаго духа, возмущаемаго

внутренними и внѣшними врагами единства Россіи, и къ ослабленію и уничтоженію навязываемыхъ русскому простолюдину нелѣпыхъ польскихъ мечтаній.

Предлагаемый историческій очеркъ принадлежитъ перу профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова, которому, по просьбѣ издателя, было оказано содѣйствіе со стороны профессора той же академіи И. И. Малышевскаго.

Составители очерка признали необходимымъ, для полноты и единства взгляда, частью сокращать матеріалы основнаго источника, частью же примирять и приводить къ единству мнѣнія изслѣдователей Забужной Руси, внесшихъ свой вкладъ въ «Памятники русской старины», и восполнять эти матеріалы изслѣдованіями, появившимися въ свѣтъ уже по выходѣ VII и VIII выпусковъ этого изданія.

Текстъ иллюстрованъ соотвѣтственными рисунками, гравюрами и т. п., почерпнутыми главнымъ образомъ изъ художественнаго альбома «Памятниковъ». Этотъ матеріалъ пополненъ нѣсколькими новыми иллюстраціями, отвѣчающими содержанію книги. Къ числу ихъ относится, прежде всего, впервые появляющаяся въ свѣтъ копія съ фрески св. Владиміра XII вѣка, открытой при реставраціи Успенскаго собора въ гор. Владимірѣ на Клязьмѣ, построеннаго кн. Андреемъ Боголюбскимъ. Затѣмъ слѣдуетъ галлерея новыхъ портретовъ, не вошедшихъ въ альбомъ «Памятниковъ», а именно Петра I, Екатерины II, Николая I, Петра Могилы, гр. Д. А. Толстаго и др., воспроизведенныхъ съ лучшихъ оригиналовъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о факсимиле царя Михаила Ѳедоровича, подпись котораго не находится ни въ одномъ изъ публичныхъ хранилищъ древней письменности. Въ концѣ книги приложена историко-географическая карта Холмско-Подляшскаго края, на которой, кромѣ современныхъ границъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній и ихъ уѣздовъ съ приходами по вѣроисповѣданіямъ, нанесены границы русскихъ земель половины XIII вѣка. Трудъ опредѣленія этихъ границъ принадлежитъ автору изслѣдованія о «Червенскихъ городахъ», А. В. Лонгинову.

При размѣщеніи рисунковъ въ книгѣ была принята во вниманіе та послѣдовательность, въ какой упоминается въ текстѣ объ изображенномъ лицѣ или предметѣ. Независимо отъ свѣдѣній, которыя читатель встрѣтитъ въ книгѣ объ извѣстномъ лицѣ, или древнемъ памятникѣ, изображенныхъ въ рисункахъ, приложенъ въ концѣ книги объяснительный текстъ каждаго рисунка. Этотъ текстъ составленъ М. И. Городецкимъ, который трудился вообще по редакціонной части изданія.

Всѣ рисунки, гравюры, факсимиле и проч. исполнены въ Петербургѣ: хромолитографіи — Штадлеромъ и Паттинотомъ; гравюры на деревѣ—ксилографомъ Вейерманомъ, фотоцинкографіи — Корнфельдомъ; карта — картографическимъ заведеніемъ Ильина. Текстъ и рисунки отпечатаны въ типографіи «Товарищества Общественной Пользы», подъ наблюденіемъ директора Товарищества Вишнякова.

Февраль, 1887 года.

Глава первая.

Предѣлы Русскаго Забужья. Составъ населенія. Языкъ и устная народная словесность.

Предѣлы Холмской Руси.—Разныя названія ея.—Составныя ея части.—Холмщина и Подляшье.—Названія первоначальныхъ жителей Холмщины; родство ихъ съ жителями Волыни и Галиціи; языкъ и народныя пѣсни.—Подляшье, составъ его жителей, древнія черты языка и родство съ сосѣдними русскими племенами.

Предѣлы Холмскаго или—точнѣе—Холмско-Подляшскаго края въ настоящее время ограничиваются губерніями Люблинскою и Сѣдлецкою и нѣкоторыми мѣстностями губерній Сувалкской (Августовскій уѣздъ) и Ломжинской (Мазовецкій уѣздъ). [1]) По положенію главныхъ частей своихъ «за Бугомъ», край этотъ означался иногда названіемъ Забужья, Забужной Руси, подобно тому, какъ страны у Днѣпра обозначались названіями Приднѣпровья, Заднѣпровья. Составляя исконное достояніе русскаго народа, этотъ край однако же раздѣлялся на нѣсколько частей, которыя рѣдко и ненадолго соединялись между собою подъ одной государственною и церковною властію. Незначительная рѣчка Влодава, впадающая въ Бугъ, раздѣляла этотъ край на двѣ половины — южную и сѣверную, или, какъ нынѣ обыкновенно называютъ ихъ, Холмщину (Люблинскую губ.) и Подляшье (Сѣдлецкую губ.). Первая всегда тянула къ сосѣднему южно-русскому краю и по частямъ и въ различное время входила въ составъ древнихъ земель Люблинской, Белзской, Червенской и особенно Холмской, составлявшей ея ядро, а въ послѣдствіи времени, подпавъ подъ иго Польши, принадлежала къ воеводствамъ русскому (галицко-русскому) и отчасти Люблинскому. Вторая половина Забужной Руси состояла изъ древнихъ земель Дрогичинской и Мельникской, названныхъ впослѣдствіи Подляхіей или Подляшьемъ, тянула къ Бресту и въ XIV-мъ вѣкѣ захвачена была Литвой, а въ 1569

году присоединена къ Польшѣ. Въ древности предѣлы Подляшья простирались на сѣверъ, черезъ Тыкоцинъ и мимо Ломжи, до города Августова.—Въ церковномъ отношеніи первая половина Забужья, съ частію нынѣшнихъ Галиціи и Волыни, составляла съ XIII-го вѣка особую Холмскую епархію, а большая часть второй принадлежала къ Владиміро-Брестской епархіи. Такъ было до нынѣшняго вѣка, когда обѣ эти половины стали объединяться между собою въ гражданскомъ и церковномъ управленіи и составили одну епархію Холмскую. [2])

Этому раздѣленію Забужной Руси на двѣ половины соотвѣтствовалъ, въ извѣстной мѣрѣ, и племенной составъ населенія обѣихъ половинъ.

На пространствѣ нынѣшней Люблинской губерніи и по сосѣдству съ нею, по сообщенію преподобнаго Нестора лѣтописца, жили первоначально бужане и дулѣбы, сосѣдившіе съ хорватами; во времена же лѣтописца тутъ уже были волыняне. По всей вѣроятности, всѣ эти названія прилагались къ одному и тому же славяно-русскому племени, которое, не имѣя еще общенароднаго сознанія, общихъ племенныхъ интересовъ и имени, случайно складывалось въ племенныя общины или даже союзы, получавшіе наименованіе или отъ названія рѣкъ, при которыхъ селились, или отъ названія городовъ и владѣтельныхъ князей. Такъ напримѣръ, названіе бужанъ означало жителей, поселившихся по берегамъ Буга; дулѣбы, по словамъ польскаго историка Длугоша, получили названіе отъ своего князя Дулѣба; а названіе волынянъ нѣкоторые производятъ отъ главнаго города этого племени. Слѣдовательно, всѣ эти племенныя названія обозначаютъ собственно одинъ народъ или одно племя, [3]) которое распознается по нынѣшнему населенію Люблинской губерніи, находящемуся здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Это—именно малорусское населеніе, родственное малороссамъ нынѣшнихъ Волыни и Галиціи. Не смотря на продолжительное ополячиваніе, которому издавна подвергалась Люблинская губернія,—въ очень многихъ мѣстахъ ея, особенно въ Грубешовскомъ уѣздѣ, польское вліяніе въ сельскомъ населеніи почти совсѣмъ незамѣтно, вслѣдствіе чего тамъ въ полной и неприкосновенной чистотѣ сохранились праотеческіе нравы, пѣсни, обычаи и обряды. Въ послѣднее время они стали записываться преимущественно народными учителями и воспитанниками холмской учительской семинаріи

и пока собраны въ г. Грубешовѣ и уѣздахъ Грубешовскомъ (въ посадахъ Городлѣ и Крыловѣ, въ селахъ Монятычахъ, Турковицахъ, Теребинѣ, Тератинѣ и Черничинѣ), Холмскомъ (въ селахъ Свирщовѣ и Дрищовѣ), Томашовскомъ (въ селѣ Потуржинѣ) и Бѣлгорайскомъ (въ селѣ Рожанцѣ). Очень многія изъ записанныхъ здѣсь пѣсенъ представляютъ повтореніе или видоизмѣненіе общихъ малорусскихъ и галицко-русскихъ народныхъ пѣсенъ, хотя есть и такія, которыя свойственны только Холмщинѣ. Сходны или даже тождественны у холмскихъ малороссовъ съ волынскими и галицко-русскими обрядовыя пѣсни, какими сопровождаются въ народѣ праздники новаго года, Пасхи, Рождества, разныя полевыя работы и народныя игры и увеселенія. Таковы пѣсни на новый годъ, щедривки, пасхальныя хороводныя пѣсни и игры, веснянки, купальскія, обжиночныя или дожиночныя, колядскія, свадебныя, семейныя, рекрутскія, казацкія думы (о Нечаѣ и др.), пѣсни о панщинѣ и проч. [4])

Сѣдлецкая губернія, Августовскій уѣздъ Сувалкской губерніи и часть Мазовецкаго уѣзда Ломжинской губерніи составляютъ часть Подляшья, образовавшагося изъ древнихъ земель Дрогичинской, Мельникской и Бѣльской. Область эта въ древнія времена только у сѣвернаго конца и у южнаго была заселена русскимъ народомъ: у сѣвера бѣлорусскимъ племенемъ, которое тамъ составляетъ самую западную часть бѣлоруссовъ, а на югѣ — малорусскимъ племенемъ, составлявшимъ здѣсь прежде тоже крайнюю сѣверозападную вѣтвь малороссовъ, зашедшихъ сюда изъ Волыни, Галиціи и Холмско-Люблинской области. Вся средина Подляшской области составляла древнее мѣстожительство ятвяговъ. Русскія племена, малороссійское изъ Бреста, Дрогичина, Брянска, Бѣльска, подвигались все болѣе и болѣе въ Ятвяжскую землю съ юга, а бѣлоруссы — съ сѣверовостока изъ Трокской, Виленской и Гродненской областей. Оба эти племени больше всего потрудились для заселенія этой страны, давно уже сошлись въ своемъ движеніи, — бѣлоруссы съ сѣвера, малороссы съ юга, и до сихъ поръ составляютъ въ ней плотное, коренное населеніе, такъ-что съ весьма давнихъ временъ вся Подляшская земля сдѣлалась русскою страною. Надвигались часто въ эту страну, при истребленіи ятвяговъ, и поляки мазовецкаго племени. Этому особенно много содѣйствовало то, что въ древнія времена, еще до соединенія Литвы съ Польшей,

литовскіе князья иногда отдавали части Подляшья въ залогъ за деньги мазовецкимъ князьямъ. Но русскій духъ здѣсь всегда былъ такъ силенъ, что поселявшіеся мазуры въ значительной степени русѣли, особенно тѣ изъ нихъ, которые заходили далеко на востокъ, напримѣръ къ Бѣльску. [5])

Объ исконномъ существованіи на Подляшьи и о новомъ приливѣ сюда въ разныя времена и съ разныхъ сторонъ русскаго населенія свидѣтельствуютъ и мѣстныя народныя пѣсни, записанныя въ недавнее время въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Бѣльскомъ (въ посадѣ Пищацѣ и селахъ Циціборѣ, Горбовѣ, Кошолахъ, Желевихѣ, Поросляхъ, Шостакахъ, Яблочнѣ, Суграхъ), Влодавскомъ (въ с. Полюбичахъ), Константиновскомъ (въ селахъ Голодницѣ, Кленовицѣ, Хотычахъ и Челегиницѣ) и Радинскомъ (въ посадѣ Вогинѣ и селѣ Пашенкахъ). [6]) Въ русскомъ языкѣ этихъ пѣсенъ замѣчаютъ чрезвычайное разнообразіе говоровъ или разнорѣчій и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видятъ уцѣлѣвшія черты первоначальнаго русскаго языка, изъ котораго развились потомъ два главныя русскія нарѣчія—бѣлорусское и малорусское. На основаніи изученія подляшскихъ разнорѣчій, насколько они сохранились въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ, изслѣдователь южно-русскихъ нарѣчій Житецкій полагаетъ, что прежде, чѣмъ явились въ Подлящье русскіе поселенцы, тамъ жило уже славянское племя, языкъ котораго составилъ основаніе подляшскихъ разнорѣчій,—племя, родственное сосѣднимъ дреговичамъ и бужанамъ или бѣлоруссамъ и малоруссамъ, такъ какъ въ подляшскихъ разнорѣчіяхъ нѣтъ существенныхъ слѣдовъ западнославянскаго (польскаго) происхожденія, а есть только внѣшнія, позднѣйшія наслоенія. Затѣмъ, во время существованія Кіевскаго и Галицкаго княжествъ въ языкъ древнѣйшихъ туземцевъ постепенно вносилась примѣсь южнорусскихъ стихій, которыя въ то время не утратили еще первобытныхъ оттѣнковъ. Съ паденіемъ южной Руси, самодѣятельность кіевскихъ и галицкихъ переселенцевъ въ Подляшьи прекратилась. Событія падали на мѣстное населеніе, такъ сказать, сверху, а не по его почину, и потому не возбуждали самодѣятельности народнаго духа. Много разъ край былъ разоряемъ, но старое населеніе не пропадало безслѣдно. Остатки его, по прошествіи грозы, снова занимали родныя мѣста: являлась новая примѣсь изъ новыхъ пришельцевъ, которая входила въ соединеніе съ однородными слоями прежняго

населенія, и т. д. Такъ повторялась нѣсколько разъ одна и та же исторія безъ существенныхъ измѣненій: на одинъ слой населенія внѣшнимъ образомъ налегалъ другой, и притомъ такъ, что рядомъ съ позднѣйшимъ оставались и болѣе древніе, не исключая и самыхъ древнихъ. Поэтому-то въ подляшскихъ разнорѣчіяхъ мы видимъ такое поразительное разнообразіе: они заключаютъ, на сравнительно небольшомъ пространствѣ Гродненской и Сѣдлецкой губерній, всѣ оттѣнки малорусскихъ говоровъ, разбросанные отъ самаго крайняго востока до предѣловъ южнорусскаго племени въ Угорской Руси. Поэтому-то, съ другой стороны, не затерялись въ подляшскихъ разнорѣчіяхъ слѣды глубокой древности. [7])

Въ настоящее время въ Сѣдлецкой губерніи русскій народъ дѣлится, по языку, на четыре главныя отрасли: 1) На границѣ Люблинской губерніи и дальше надъ рѣкою Бугомъ народъ, по языку и одеждѣ, похожъ на жителей Люблинской губерніи и говоритъ обыкновеннымъ волынско-галицкимъ нарѣчіемъ. 2) Граничатъ съ этимъ народомъ во Влодавскомъ уѣздѣ полѣшуки, говорящіе сѣвернымъ малорусскимъ говоромъ, который распространенъ также, съ одной стороны, по теченію Десны, въ Черниговской губерніи, съ другой стороны— по теченію Припети въ сѣверной части Кіевской и Волынской губерній и въ южной части Минской. Въ Сѣдлецкой губерніи, въ этомъ отношеніи, замѣчательны деревни: Ополе, Ганскъ, Коденецъ, Любень, Брусъ. 3) Третью отрасль составляютъ тѣ деревни Радинскаго уѣзда, гдѣ сплошное русское населеніе. Кромѣ того, такой-же народъ живетъ и во Влодавскомъ уѣздѣ отъ границы Радинскаго и Бѣльскаго уѣздовъ, напримѣръ въ Полюбичахъ, Вишницахъ, Городницѣ. Въ Бѣльскомъ и Константиновскомъ уѣздахъ большею частію такой же народъ, напримѣръ въ Россошѣ, Ломазахъ и Дубовѣ, но не вездѣ. Есть деревни, напримѣръ Рокитно, особенно надъ Бугомъ, съ народомъ первой отрасли. Говоръ этой отрасли г. Желеховскій называетъ сѣверно-малорусскимъ подляшскимъ нарѣчіемъ. На этомъ языкѣ сохранилось въ Рудпинской церкви нѣсколько старинныхъ документовъ отъ времени Стефана Баторія. Народъ, употребляющій этотъ говоръ, весьма скоро выучивается русскому языку. Этотъ говоръ представляетъ переходную ступень къ бѣлорусскому нарѣчію. 4) Четвертую отрасль составляютъ мѣстности съ русскимъ населеніемъ, но уже ополячив-

шимся. Сюда относятся, прежде всего, мѣстечко Межирѣчье и Русковольскій приходъ, гдѣ народъ говоритъ по-польски. Въ Соколовскомъ и Сѣдлецкомъ уѣздахъ народъ говоритъ по-польски, исключая двухъ приходовъ, гдѣ еще слышно мѣстное русское нарѣчіе третьей отрасли. Есть тамъ одинъ приходъ, гдѣ народъ у себя въ хатѣ при своихъ говоритъ «по своему», т. е. по-русски, при постороннихъ же, на улицѣ, въ городѣ, только по-польски. Въ посадѣ Островѣ, Влодавскаго уѣзда, мѣщане говорятъ въ настоящее время по-польски, но старики помнятъ, что прежде всѣ говорили на своемъ русскомъ нарѣчіи. [8])

[illegible]

Kopia z dyplomu VII półko gminy [illegible]

Св. равноапостольный князь
Владиміръ.
Копія съ фрески XII вѣка, открытой въ Успенскомъ соборѣ г. Владиміра на Клязмѣ.

Глава вторая.

Историческія судьбы края и отдѣльныхъ составныхъ частей его отъ начала русской исторіи до люблинской уніи 1569 года.

Начальная связь Холмской Руси съ Кіевомъ. — Власть надъ ней св. Владиміра и Ярослава Мудраго.—Посягательства польскихъ королей на нее.—Походы русскихъ князей на ятвяговъ.—Русскіе области и города въ Забужьи и между ними Холмъ.—Русскіе княжескіе роды потомковъ св. Владиміра и Ярослава, владѣвшіе въ этихъ областяхъ. — Родъ Владиміра Мономаха, какъ славнѣйшій и сильнѣйшій изъ нихъ.—Романъ Мстиславичъ и Даніилъ Романовичъ; ихъ могущество; возвышеніе Холма при Даніилѣ; нашествіе татаръ на Русь; мужество Даніила въ борьбѣ съ разными врагами земли русской; обширность и могущество его державы. — Раздѣленіе Галицко-Волынскаго княжества между потомками Даніила.—Ослабленіе рода Даніилова и захватъ разныхъ частей Галицко-Волынскаго княжества Польшей и Литвой. — Послѣдніе холмскіе князья.—Унія Литвы съ Польшей въ 1386 году.—Взаимныя отношенія Литвы и Польши до 1569 года.—Люблинская унія Литвы съ Польшей въ 1569 году и послѣдствія ея.

Въ начальную пору русской исторіи, вся западная Русь имѣла близкія связи съ княжествомъ Кіевскимъ и входила въ его составъ. Еще въ XVII вѣкѣ холмскій уніатскій епископъ, Яковъ Суша, записалъ народное преданіе о томъ, будто бы князь Щекъ получилъ, при раздѣлѣ русской земли, между прочимъ, и нынѣшнія земли холмскія и построилъ столпы подъ Холмомъ среди лѣсовъ, пущъ и источниковъ, чтобы любоваться звѣремъ, приходившимъ къ ключамъ на водопой. [9]) Оставляя въ сторонѣ историческую достовѣрность этого преданія, замѣтимъ только, что оно само по себѣ весьма важно для насъ, какъ выраженіе народнаго сознанія мѣстнаго населенія о связи своей съ Кіевомъ и первыми кіевскими князьями. Объ этой же связи свидѣтельствуетъ и темное лѣтописное сказаніе о томъ, что въ 907 году кіевскій князь Олегъ, шедши на грековъ, «поя множество варягъ и словѣнъ, и деревляны, и хорваты, и дулѣбы, и тиверцы». [10]) Но болѣе достовѣрныя извѣстія о Забужной Руси и связи ея съ Кіевскимъ княжествомъ начинаются со времени равноапостольнаго великаго

князя св. Владиміра, который распространилъ свою власть какъ на южную, такъ и на сѣверную части Забужной Руси.

Въ 981 году, по словамъ Лаврентьевской лѣтописи, «иде Володимеръ къ ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне (до 1132 г.) подъ Русью». А Червенъ находился тамъ, гдѣ нынѣ село Чермо, недалеко отъ Холма. Къ числу червенскихъ городовъ нѣкоторые предположительно относятъ и города Холмъ и Люблинъ. Слѣдовательно, въ этотъ походъ св. Владиміръ овладѣлъ почти всею нынѣшнею Люблинскою губерніей. Въ извѣстіи лѣтописца есть однако же неточность, заключающаяся въ томъ, будто бы св. Владиміръ ходилъ къ ляхамъ и отнялъ у нихъ червенскіе города. Поляки въ то время еще не владѣли Краковомъ и, по причинѣ черезполосности, не могли владѣть червенскими городами и прилегающими къ нимъ странами. Поэтому заключаютъ, что св. Владиміръ въ этотъ походъ и въ слѣдующій за тѣмъ 991 года противъ хорватовъ занялъ Прикарпатскую страну между рѣками Саномъ, Вепремъ и Бугомъ, ни какому государству не принадлежавшую, покоривъ своей власти мелкія свободныя славянскія племена. Уже въ 999 году поляки овладѣли Краковомъ, а чрезъ это придвинулись къ русскимъ предѣламъ и дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого, вступили въ борьбу съ Русью за обладаніе краемъ.[11]) Однимъ изъ первыхъ столкновеній въ этой борьбѣ былъ пресловутый походъ Болеслава храбраго на Кіевъ, на помощь зятю своему Святополку Окаянному противъ Ярослава. На возвратномъ пути изъ Кіева, Болеславъ «городы червенскіе зая собѣ», которые, по смерти Болеслава I, въ 1025 году, мудрый князь Ярославъ I съ храбрымъ братомъ Мстиславомъ уже дѣйствительно отнялъ у ляховъ, хотя уже не могъ возвратить Бѣлой Хорватіи (Краковской области), навсегда оставшейся за Польшей. Во время этого похода Ярослава I и Мстислава въ червенскихъ городахъ и въ цѣлой странѣ, не смотря повидимому на короткій срокъ польскаго владѣнія въ ней (1018—1125 г.), было уже множество ляховъ, часть которыхъ и вывелъ Ярославъ, какъ плѣнныхъ, и отвелъ имъ особыя земли въ Кіевской области по рѣкѣ Роси.[12]) Въ 1073—1074 гг. польскій король Болеславъ II-й, вмѣшавшись въ распрю сыновей Ярослава изъ-за Кіева, въ качествѣ сторонника старшаго изъ нихъ, Изяслава I, пытался воспользоваться этимъ для захвата земель Холмской и Волынской, гдѣ

уже были города или замки, какъ напр. Холмъ, Волынь, Владиміръ. Всѣ они построены были изъ дерева и глины на природныхъ возвышенностяхъ и снабжены были достаточнымъ числомъ русскихъ войскъ. По свидѣтельству Длугоша, эти укрѣпленные города находились тогда во власти владимірскаго князя Григорія, который добровольно подчинился будто бы Болеславу II-му. [13]) Но когда кіевскій князь Всеволодъ, выступивъ противъ Изяслава на Волынь, здѣсь же братски помирился съ нимъ, то и затѣя Болеслава оказалась напрасною.

Наравнѣ съ Холмщиной или южнымъ Забужьемъ принадлежала Кіевскому княжеству и сѣверная часть края, населенная въ значительной мѣрѣ русскимъ племенемъ, для защиты котораго отъ ятвяговъ и поляковъ первые русскіе князья предпринимаютъ сюда цѣлый рядъ походовъ. Въ 983 году, по сказанію лѣтописи, «иде Володимеръ на ятвяги и побѣди ятвяги и взя землю ихъ»; въ 1038 году «Ярославъ иде на ятвяги»: въ 1041 году ходилъ Ярославъ на мазовшанъ, а преемникъ его Изяславъ «побѣди голяди». Надобно полагать, что древнѣйшіе города этого края Брестъ, Дрогичинъ, Мельникъ и другіе основаны были первыми кіевскими князьями. Городъ Брестъ упоминается уже въ 1019 году, въ разсказѣ лѣтописца о скитаніяхъ «Окаяннаго» Святополка, преслѣдуемаго и Ярославомъ и угрызеніями своей совѣсти послѣ убіенія имъ св. Бориса и Глѣба: «принесоша и (его) къ Берестью»,—говоритъ лѣтопись. Основаніе же Дрогичина и Мельника литовско-польскія сказанія приписываютъ Ярославу I. Походъ его на ятвяговъ въ 1038 г., по этимъ сказаніямъ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ: Ятвяжская земля была снова покорена, и въ ней будто-бы были тогда основаны и населены русскими поселенцами города по Бугу: Дрогичинъ, Мельникъ, Брянскъ и др. Часть ятвяговъ была переведена въ Русь, другіе отодвинулись на сѣверо-западъ къ Нареву и границамъ прусской Галиндіи. Въ послѣдствіи времени русскія владѣнія въ этомъ краѣ простирались на югъ до рѣки Кросны (нынѣ Трсны) и нынѣшняго посада Вогина, въ Радинскомъ уѣздѣ, Сѣдлецкой губерніи, и стали граничить съ южнымъ Забужьемъ или собственно Холмщиной, такъ-что обѣ эти части края во время удѣльно-вѣчеваго уклада одинаково входили въ семью княжескихъ удѣловъ Западной Руси и даже сливались иногда въ одно княжество. Съ 1171 года Брестское княжество присоединено было къ Владимірскому. [14])

Съ половины XI-го вѣка и образованія въ Западной Руси княжескихъ удѣловъ, въ Холмско-Подляшскомъ краѣ съ его окрестностями стали выдѣляться отдѣльныя области или земли Люблинская, Брестская, Холмская, Червенская, Белзская, Галицкая и Перемышльская, границы которыхъ, впрочемъ, постоянно колебались и были крайне неустойчивы. Съ начала образованія удѣловъ и далѣе въ вѣкахъ XII, XIII и до половины XIV-го вѣка немногіе годы проходили безъ того, чтобы та или другая область не измѣняла внѣшней своей формы. Отъ времени до времени появились новыя области, напр. Буская, Дрогичинская, Теребовльская, Звенигородская, которыя затѣмъ снова сливались съ какимъ либо княжествомъ.

Русскіе князья, владѣвшіе въ тѣ вѣка удѣлами въ Западной Руси, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разными областями Забужья, принадлежали къ разнымъ вѣтвямъ одного и того же широко разросшагося потомства Ярослава I. Упомянемъ здѣсь о знаменитѣйшихъ изъ нихъ. Таковы Володарь и Василько Ростиславичи, правнуки Ярослава I, по старшему сыну его, а ихъ дѣду Владиміру Ярославичу, который княжилъ и свято-почилъ въ Новгородѣ Великомъ. Сынъ Владиміра, отецъ Володаря и Василька, Ростиславъ нѣкоторое время владѣлъ Перемышльскою и Владиміро-Волынскою землями. Потомъ онъ ушелъ въ далекую Тмутаракань, а ляхи съ своимъ королемъ Болеславомъ II захватили Перемышль. Смѣлые и предпріимчивые Володарь и Василько, съ братомъ своимъ Рюрикомъ, отвоевали у ляховъ Перемышль и увеличили добытую волость частію Червенской земли съ городомъ Теребовлемъ. Перемышль и Теребовль остались за Ростиславичами и перешли къ ихъ потомкамъ, которые увеличили свои наслѣдственные удѣлы и образовали особое галицкое княженіе, Галицкую землю. Внукъ Володаря (черезъ его сына Владимірка), славный Ярославъ Осмомыслъ, особенно устроилъ и усилилъ Галицкое княжество. Онъ увеличилъ благосостояніе страны и расширилъ свою власть въ Люблинской странѣ. Мелкіе князья галицкіе сидѣли по Бугу, въ Брестѣ, Дрогичинѣ, Брянскѣ. Могущество Ярослава Осмомысла такъ воспѣлъ пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ»: «Ты, Ярославъ, сидя на златокованномъ престолѣ, подпираешь своими желѣзными полками Карпатскія горы, запираешь ворота Дуная, заграждаешь путь венгерскому королю, запираешь ворота къ Кіеву и далеко мечешь твои стрѣлы». Сыновья Ярослава Осмомысла († 1187 г.) не умѣли поддерживать

власти отца и могущества своего рода. Княжества Галицкое и Владимірское съ принадлежащими къ нимъ землями достались во власть другаго, наиболѣе умнаго и сильнаго рода въ потомствѣ Ярослава I.

Этотъ родъ идетъ отъ Ярослава мудраго чрезъ сына его Всеволода I и внука Владиміра Мономаха. Владиміръ Мономахъ, княживъ прежде на разныхъ удѣлахъ, былъ наконецъ и великимъ княземъ кіевскимъ (1113—1125). То былъ князь добрый, братолюбивый и милосердный, учительный и благочестивый; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ храбрый и воинственный, неутомимо ратовавшій за русскую землю и русскій народъ, охраняя ихъ отъ всѣхъ враговъ. Не разъ ходилъ онъ и въ прибужныя земли: въ Сутеску-Червенъ онъ творилъ миръ съ ляхами. Сутескомъ называется нынѣ село въ Красноставскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи, близъ р. Вепра и недалеко отъ бывшаго города Червена, нынѣ Чермо, Томашовскаго уѣзда. По всей вѣроятности, это и есть мѣстность стараго Сутеска-Червенъ. Сперва къ роду Мономаха перешло Владиміро-Волынское княжество, которымъ и вмѣстѣ Червенскою землею владѣли князья изъ его сыновей, внуковъ и правнуковъ. А сынъ правнука Мономаха Романъ Мстиславичъ, также владѣвшій Владимірскимъ княжествомъ, овладѣлъ въ 1199 году и Галицкимъ княжествомъ, соединивъ подъ одной державой два важнѣйшія южно-русскія княжества. Но это объединеніе стоило Роману большихъ усилій и продолжительной борьбы съ братьями и родственниками. Имъ удавалось иногда завладѣвать тѣмъ или другимъ городомъ, тою или другою областію изъ владѣній Романа. Такъ напр., въ 1204 году племянникъ Романа Александръ Всеволодовичъ, занявъ Владиміръ, завладѣлъ и Холмскою землею, какъ принадлежавшею къ княжеству Владимірскому, при чемъ оказывается, что эта земля была въ то время уже густо заселена и имѣла нѣсколько городовъ. Въ ипатьевской лѣтописи, подъ 1204 годомъ, читается слѣдующее: «Олександръ прия Угровескъ, Верещинъ, Столпъе, Комовъ» и пр. Не смотря однако же на эти препятствія къ объединенію и усиленію Галицко-Волынскаго княжества со стороны братьевъ и родственниковъ, Романъ Мстиславичъ достигнулъ небывалаго дотолѣ въ Западной Руси могущества и получилъ извѣстность даже въ чужихъ краяхъ. Прежде всего онъ обратилъ свои силы противъ литовскаго племени ятвяговъ, которые, послѣ сліянія Волыни и Галиціи, входили какъ-бы угломъ въ новое Галицко-Волынское кня-

жество, тѣснилъ ихъ и заставлялъ отъ звѣроловства и хищничества обращаться къ земледѣлію, или орать землю. Тогда-то составилась извѣстная поговорка: «Романе, Романе, худымъ живеши, Литвой ореши!»

Вмѣстѣ съ этой борьбой съ ятвягами, сила галицкая увеличивалась въ нынѣшней Люблинской области, и завязывалась борьба галицкихъ князей съ польскими, мазовецкими князьями. Романъ Мстиславичъ питалъ смѣлые замыслы смирить Польшу и возвратить захваченныя ею русскія области. Польскіе историки съ негодованіемъ отзываются о немъ, что «онъ объявилъ себя самодержцемъ русской земли, тайно и явно своими набѣгами разорялъ Люблинскую и Сандомирскую земли и во многихъ мѣстахъ устроилъ укрѣпленные станы и поселилъ тамъ много людей, чтобы оттуда нападать на край и опустошать его, и, наконецъ, овладѣлъ Люблинскою землею, которой онъ домогался». Роману Мстиславичу нѣкоторые приписываютъ поставленіе на Бѣлавинской башнѣ, близъ Холма, двуглаваго каменнаго орла, какъ знакъ власти Византійской имперіи, перешедшей и въ Русь, такъ какъ извѣстно, что Романъ дружилъ съ византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ и помогалъ ему съ успѣхомъ противъ непріятелей. Папа римскій Иннокентій III, услышавъ о побѣдахъ и могуществѣ Романа, въ 1204 или 1205 г. засылалъ къ нему посла съ предложеніемъ покровительства и королевской короны, подъ условіемъ принятія латинской вѣры. Когда посолъ заявилъ, что папа, посредствомъ меча Петрова, можетъ надѣлить его областями и сдѣлать великимъ государемъ, то гордый Романъ, обнаживъ собственный мечъ, сказалъ послу: «такой-ли то мечъ Петровъ у папы? Если такой, то можетъ раздавать города; а я, имѣя свой при бедрѣ, не хочу куповати, ино кровію, якоже отцы и дѣды наши размножили русскую землю».

Романъ Мстиславичъ скончался въ 1205 году, не осуществивъ вполнѣ своихъ широкихъ плановъ и намѣреній. Его дѣло продолжалъ сынъ его Даніилъ Романовичъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василькомъ Романовичемъ. [15])

Первые годы княженія Даніила Романовича были весьма смутны для Галицко-Волынскаго княжества. Даніилъ недолго сидѣлъ на Галицкомъ княжествѣ, которое было захватываемо новгородъ-сѣверскими князьями, венгерскимъ королевичемъ Коломаномъ, краковскимъ кня-

земъ Лешкомъ, сандомирскимъ воеводой Пакославомъ и др., а Даніилу Романовичу уступленъ былъ Владиміръ съ Брестомъ и Холмскою землею. Подъ 1213 годомъ, въ ипатьевской лѣтописи читается: «Данилу же, возвратившуся к домови, и ѣха с братомъ и прия Бе-

Бѣлавинская башня близъ г. Холма.

рестий, и Угровескъ, и Верещинъ, Столпье, Комовъ, и всю Украйну». Но Даніилъ не думалъ отказываться отъ Галича. Послѣ долгой борьбы разныхъ соперниковъ изъ-за этого города и его областей, борьбы съ ними и самаго Даніила, въ союзѣ съ вѣрнымъ братомъ своимъ Василькомъ, храбрый и умный Романовичъ успѣваетъ окон-

чательно подчинить себѣ Галичъ, въ 1237 году. Но еще раньше этого времени, какъ бы не разсчитывая на прочность владѣнія Галичемъ и не полагаясь на вѣроломныхъ галицкихъ бояръ, Даніилъ старается упрочить свое господство въ нынѣшней Холмщинѣ, привести ее въ цвѣтущее состояніе и укрѣпить противъ непріятеля. Съ этою цѣлью онъ устраиваетъ сначала, въ 1223 году, Угровескъ или Угрускъ и въ немъ каѳедру православнаго епископа, а затѣмъ возстановляетъ и укрѣпляетъ Холмъ.

Городъ Холмъ возобновленъ былъ Даніиломъ Романовичемъ около 1235 года. По разсказу лѣтописи, однажды князь Даніилъ забавлялся ловами на берегахъ р. Угерки, одного изъ притоковъ западнаго Буга. Понравилось ему тутъ одно красивое возвышеніе, покрытое рощами и окруженное зелеными лугами. Онъ спросилъ у окрестныхъ жителей: «какъ называется сіе мѣсто?»—«Холмъ ему имя»,—получилъ онъ въ отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ показываетъ, что мѣсто это было не пустопорожнее и носило опредѣленное, древнее названіе. Мы знаемъ, что Холмъ, какъ городъ, упоминался еще подъ 1074 годомъ. Князь полюбилъ это мѣсто и вознамѣрился построить здѣсь сначала небольшой городокъ, т. е. крѣпостцу, съ церковію во имя св. Іоанна Златоустаго. Исполнивъ это намѣреніе, онъ однако не ограничился тѣмъ, а вокругъ малаго городка или кремля заложилъ потомъ большой городъ, который старательно укрѣпилъ и обстроилъ.

Едва только Даніилъ обстроилъ и укрѣпилъ Холмъ, какъ послѣдовало нашествіе татаръ, которые въ 1240 году нахлынули на Западную Русь, превратили Кіевъ въ груду развалинъ, двинулись на Волынь, въ Галицію, также разрушая города и нерѣдко истребляя все населеніе ихъ, затѣмъ обогнули Карпатскія горы, разорили Венгрію, далѣе южныя славянскія государства и по южной окраинѣ нынѣшней Россіи возвратились въ восточную Россію. Лишь немногіе галицко-русскіе города уцѣлѣли отъ татарскаго разоренія, и между ними оказался городъ Холмъ, который татары тщетно осаждали своими полчищами. Эта безопасность г. Холма привлекла къ нему еще болѣе поселенцевъ, которые наполнили и городъ и окрестныя села. Съ особою охотою Даніилъ принималъ сюда разныхъ ремесленниковъ, бѣжавшихъ предъ татарами, и съ помощію ихъ еще болѣе распространилъ и украсилъ Холмъ, который сдѣлался столицею Червонной Руси на

все остальное время Даніилова княженія. Въ этотъ городъ онъ перевелъ изъ Угровска и епископскую каѳедру Холмской Руси. Въ Холмѣ онъ и умеръ и похороненъ. Тамъ же погребены сыновья его Романъ и Шварнъ, великій князь литовскій, князь холмскій и белзскій, и правнукъ, юный князь Михаилъ Юрьевичъ.

Послѣ татарскаго разгрома, около трехъ лѣтъ Даніилъ Романовичъ не слѣдовалъ примѣру сѣверо-восточныхъ князей и не ѣхалъ самъ въ Золотую Орду выпрашивать ханскій ярлыкъ на свои волости, занимаясь все это время возобновленіемъ разрушеннаго татарами. Но вотъ, въ 1245 году, пришло отъ Батыя грозное слово, и Даніилъ, щадя свою землю, рѣшился на время подчиниться необходимости и отправился на берега Волги для изъявленія своей покорности. Ханъ видимо былъ доволенъ покорностію такого знаменитаго, сильнаго князя и милостиво принялъ и отпустилъ его, утвердивъ за нимъ отцовскія владѣнія. Но тяжела показалась гордому русскому князю ханская милость, и съ той поры сверженіе татарскаго ига сдѣлалось его завѣтною мечтой. Съ этою цѣлью онъ стремился къ усиленію своего государства путемъ объединенія его и возвращенія отторгнутыхъ отъ него земель и старался заключать союзы со своими сосѣдями.

Въ первомъ отношеніи особенно для насъ важны стремленія Даніила Романовича овладѣть Люблиномъ и походы его на ятвяговъ.

По польскимъ свѣдѣніямъ, городъ Люблинъ основанъ будто бы около 810 года на мѣстѣ прежняго поселенія Длотличе. Находясь на границѣ между народностями польской и русской и на пути постоянныхъ набѣговъ ятвяжскихъ на Русь и Польшу, этотъ городъ населенъ былъ разнороднымъ захожимъ людомъ изъ степи и изъ-за рѣки Вепра и, постоянно держась на сторожѣ, представлялъ изъ себя своего рода Сѣчь, казачество, пріютъ бродячаго и гулящаго люда съ обѣихъ сторонъ. Въ составѣ люблинскаго населенія несомнѣнно была весьма значительная доля и русскихъ православныхъ обитателей. Это удостовѣряется, между прочимъ, древнѣйшимъ памятникомъ православія въ Люблинѣ, церковію св. Николая, которая, по свидѣтельству Кадлубка, построена въ концѣ X вѣка. Но смѣшанный составъ люблинскаго населенія и пограничное его положеніе были причинами того, что эти, по выраженію ипатьевской лѣтописи, «ляхове украиняне» служили разнымъ сторонамъ, смотря по выгодамъ, предупреждали русскихъ о

движеніи на нихъ ляховъ, вступали въ тайныя сдѣлки то съ мазовецкими, то съ русскими князьями, и обманывали тѣхъ и другихъ. И нашъ ипатьевскій лѣтописецъ, и Длугошъ съ краковскими лѣтописями достаточно раскрываютъ, что ниодна пограничная область на Руси и въ Польшѣ не испытывала столько разореній, какъ Люблинъ съ окрестностями. Ятвяги, Литва разоряютъ его едва не каждогодно; русскіе князья часто идутъ наказать его за сношеніе съ ляхами. Но Люблинъ скоро успѣвалъ оправиться, населеніе не надолго оскудѣвало. Для ляховъ это былъ плохой наблюдательный пунктъ, для русскихъ—безпокойный сосѣдъ. Послѣ походовъ св. Владиміра и Ярослава I на червенскіе города и со времени развитія въ Западной Руси удѣльнаго строя и до начала XIII-го вѣка, т. е. въ теченіи двухъ почти столѣтій. Люблинъ, повидимому, оставался на сторонѣ Польши. Но съ усиленіемъ и сосредоточеніемъ Галицко-Волынскаго княжества, русскіе князья начинаютъ заявлять свои притязанія и на Люблинъ, какъ на свое достояніе. Мы знаемъ уже, что Романъ Мстиславичъ имѣлъ виды на Люблинъ. Его дѣло продолжалъ сынъ его Даніилъ Романовичъ. По сообщенію нашей лѣтописи, въ 1246 году онъ съ братомъ Василькомъ повоевалъ Люблинскую область и осадилъ самый Люблинъ, но, по просьбѣ жителей, снялъ осаду, взявъ съ нихъ обѣщаніе не помогать своему князю. Длугошъ утверждаетъ даже, что въ этомъ году Даніилъ Галицкій овладѣлъ Люблиномъ, быстро возвелъ въ немъ каменную крѣпость, окружилъ глубокими рвами и палисадами, и съ тѣхъ поръ эта область оставалась во владѣніи русскихъ около 60 лѣтъ. Нѣкоторые, впрочемъ, относятъ завоеваніе Люблина Даніиломъ только къ предмѣстьямъ его, тогда какъ самый городъ оставался-де во власти поляковъ. Во всякомъ случаѣ то достовѣрно, что съ XIII-го вѣка галицко-волынскіе князья простираютъ виды свои и на Люблинъ, который съ этого времени надолго становится яблокомъ раздора между Западною Русью и Польшей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе Даніила Романовича обращено было и на Подляшье, граничившее съ ятвягами и часто подвергавшееся ихъ нападеніямъ Съ цѣлію избавить свои владѣнія отъ ятвяжскихъ набѣговъ, Даніилъ предпринималъ нѣсколько походовъ противъ ятвяговъ, изъ коихъ самый опустошительный походъ его былъ четвертый, въ 1256 году.

Устроивъ свое государство и округливъ и обезопасивъ его границы отъ набѣговъ хищниковъ, Даніилъ Романовичъ, черезъ 17 лѣтъ послѣ

Батыева погрома, начинаетъ принимать рѣшительныя мѣры къ борьбѣ съ татарами. Онъ вошелъ въ тѣсныя, родственныя связи съ угорскимъ королемъ Белою IV-мъ и съ князьями польскими, принималъ даже дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ событіяхъ средней Европы и вообще занялъ видное мѣсто среди европейскихъ государей. Съ 1255 года онъ уже носилъ королевскій титулъ, который однако онъ принялъ весьма неохотно, по настоянію лишь поляковъ. Обрядъ королевскаго вѣнчанія былъ совершонъ папскимъ легатомъ въ городѣ Дрогичинѣ. Папа Иннокентій IV хлопоталъ тогда объ уніи, т. е. о подчиненіи русской церкви римскому главенству, и обѣщалъ воздвигнуть новый крестовый походъ, чтобы помочь Даніилу свергнуть татарское иго. Но когда папскія воззванія къ таковому походу остались безплодными, Даніилъ прервалъ свои сношенія съ Римомъ и до конца жизни былъ и остался православнымъ, такъ что преемникъ Иннокентія IV, папа Александръ IV, укорялъ Даніила въ мнимой неблагодарности, велѣлъ ольмюцкому и бреславскому бискупамъ проклясть его и возстановлялъ противъ него литовскаго князя Миндовга, которому также послалъ королевскую корону. Однако Даніилъ не покинулъ своихъ намѣреній относительно татаръ и поднялъ противъ нихъ открытое возстаніе, пользуясь нѣкоторыми замѣшательствами, наступившими въ Ордѣ по смерти Батыя, и заключилъ союзъ съ прежнимъ своимъ врагомъ, литовскимъ княземъ Миндовгомъ. Успѣху этого возстанія въ началѣ помогла неспособность ближайшаго татарскаго темника или воеводы Куремсы, который въ 1259 году осадилъ-было сначала Владиміръ-Волынскій, а потомъ Луцкъ, но не имѣлъ успѣха и ушелъ въ степь. Избавясь отъ Куремсы, Даніилъ дѣятельно принялся возстановлять свой любимый Холмъ, недавно передъ тѣмъ пострадавшій отъ пожара, вновь отстроилъ его храмы и создалъ или возобновилъ и богато украсилъ каѳедральный соборъ во имя пресвятой Богородицы. Онъ также вновь и старательно укрѣпилъ городъ Холмъ и строилъ и укрѣплялъ разные города на случай новаго татарскаго нашествія, которое въ самомъ дѣлѣ не замедлило послѣдовать въ слѣдующемъ же 1260 году.

Ханъ Беркай отозвалъ неспособнаго Куремсу, а на его мѣсто прислалъ съ новыми полчищами стараго Бурундая, сподвижника Батыева при завоеваніи Руси. Хитрый, опытный Бурундай прежде всего постарался поссорить галицкаго короля съ Миндовгомъ и, направляясь противъ Мин-

довга, потребовалъ содѣйствія себѣ и отъ Даніила Романовича, который на этотъ разъ не рѣшился отвѣтить отказомъ и послалъ съ Бурундаемъ воевать Литву брата своего Василька. Въ слѣдующемъ 1261 году Бурундай явился снова и, разгнѣвавшись на то, что встрѣченъ былъ не самимъ Даніиломъ, а сыномъ его Львомъ и холмскимъ епископомъ Іоанномъ, потребовалъ, чтобы разметаны были всѣ «города», т. е. городскія стѣны. Дѣлать было нечего: Василько и Левъ, не имѣя ни откуда помощи и находясь въ рукахъ татаръ, рѣшились исполнить требованіе, хотя бы и не вполнѣ, и уничтожили городскія стѣны въ Львовѣ, Кременцѣ, Луцкѣ и Владимірѣ-Волынскомъ. Уцѣлѣлъ одинъ только Холмъ, любимый городъ Даніила, благодаря хитрости Василька и догадливости защищавшихъ его бояръ. Оставивъ Холмъ въ покоѣ, Бурундай со своимъ полчищемъ и съ тѣми же волынско-галицкими князьями устремился на ляховъ, съ цѣлію разрушить ихъ союзъ съ русскими князьями, прошелъ область Люблинскую, у Завихоста переправился за Вислу и осадилъ и взялъ Судомиръ (нынѣ Сандомиръ). Отсюда татары двинулись въ глубь Польши и разорили городокъ на Лысой Горѣ съ каменнымъ храмомъ св. Троицы. Послѣ этого татары ушли назадъ.

Во время Бурундаева нашествія, Даніилъ Романовичъ удалился въ Польшу, а оттуда въ Угрію. Теперь, воротившись въ свою землю, при видѣ разоренныхъ городскихъ укрѣпленій, онъ убѣдился въ своемъ безсиліи свергнуть ненавистное иго и снова долженъ былъ признать себя татарскимъ данникомъ, хотя и не унизился до новой поѣздки въ Орду. И самъ Бурундай, очевидно, дѣйствовалъ съ осторожностью по отношенію къ галицкому королю, сильнѣйшему изъ русскихъ государей того времени. Вообще татары относились къ нему съ уваженіемъ, и тяжесть татарской зависимости для Галицко-Волынской Руси была гораздо легче, нежели для другихъ русскихъ земель.

Даніилъ Романовичъ скончался въ 1264 году, а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и братъ и вѣрный другъ его Василько.

Время княженія Даніила Романовича представляетъ высшую точку развитія могущества Галицко-Волынскаго княжества, обнимавшаго при немъ почти всю нынѣшнюю Галицію (за исключеніемъ Краковскаго и Сандомирскаго округовъ), Волынь, Подолію, части Кіевской, Минской и Гродненской губерній, Люблинскую землю, значительную часть Мол-

давіи и даже самый Кіевъ, такъ какъ извѣстно, что въ годъ нашествія Батыева (1240 г.) сидѣлъ здѣсь намѣстникъ Даніила — Димитрій. [16])

Къ сожалѣнію, Даніилъ Романовичъ, слѣдуя обычаямъ своего времени, еще при жизни своей раздѣлилъ свое княжество между братомъ и сыновьями своими и тѣмъ положилъ начало ослабленію своего государства, вслѣдствіе чего оно, по частямъ, стало подчиняться болѣе сильнымъ сосѣдямъ своимъ,—полякамъ и литовцамъ, и наконецъ совершенно поглощено было ими.

Прежде всего сошло съ поприща исторіи потомство Василька Романовича, владѣвшаго Владиміро-Брестскимъ княжествомъ. Васильку наслѣдовалъ сынъ его Владиміръ. Еще при жизни отца онъ ходилъ вмѣстѣ съ нимъ и двоюроднымъ братомъ своимъ Шварномъ Даниловичемъ въ 1262 году воевать ляховъ: Шварнъ началъ воевать около Люблина, а Владиміръ около Бѣлой. Получивъ въ наслѣдство удѣлъ отца, Владиміръ Васильковичъ обратилъ особенное вниманіе на Брестскую землю, такъ часто опустошаемую ятвягами и захватываемую поляками. Уже въ 1264 году Казиміръ Справедливый, по свидѣтельству Кадлубка, желая наказать ятвяговъ, состоявшихъ на жалованьи у русскаго дрогичинскаго князя (вѣроятно воеводы), за ихъ набѣги на польскія владѣнія, осадилъ Дрогичинъ и довелъ до того, что онъ долженъ былъ сдаться, а затѣмъ уже направился и противъ ятвяговъ. Подъ 1276 годомъ волынскій лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ Васильковичъ, избирая за Брестомъ мѣсто, гдѣ бы поставить городъ, построилъ Каменецъ (Литовскій) и укрѣпилъ Брестъ. Но около 1280 года послѣдовало новое разореніе Брестской земли и отторженіе нѣкоторыхъ частей ея. Въ этомъ году, Левъ Даниловичъ, по смерти Болеслава Стыдливаго, задумалъ занять краковскій престолъ, но потерпѣлъ отъ преемника Болеславова, Лешка Чернаго, пораженіе. Пользуясь этимъ пораженіемъ, ляхи воевали у Бреста по Кроснѣ (нынѣшней Трснѣ) и взяли десять селъ, но были отражены берестянами. Вѣроятно, въ это время Лешекъ Черный, по русски Лестько, захватилъ у Владиміра Васильковича село Воинь, нынѣшній посадъ Вогинъ, близь г. Радина, Сѣдлецкой губерніи. Въ томъ же 1280 году, Владиміръ Васильковичъ, пригласивъ Литву для участія въ походѣ противъ Болеслава мазовецкаго, ограбивъ Щекаревъ (нынѣшній Красноставъ) съ окрестностями,

направилъ ее на Лешка Черпаго, въ отмщеніе за захватъ Воиня. Умирая въ 1288 году бездѣтнымъ, Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ свой удѣлъ Мстиславу Даниловичу. Такимъ образомъ, удѣлъ Василька Романовича, по смерти сына его Владиміра, вошелъ въ составъ владѣній рода брата его Даніила Романовича.

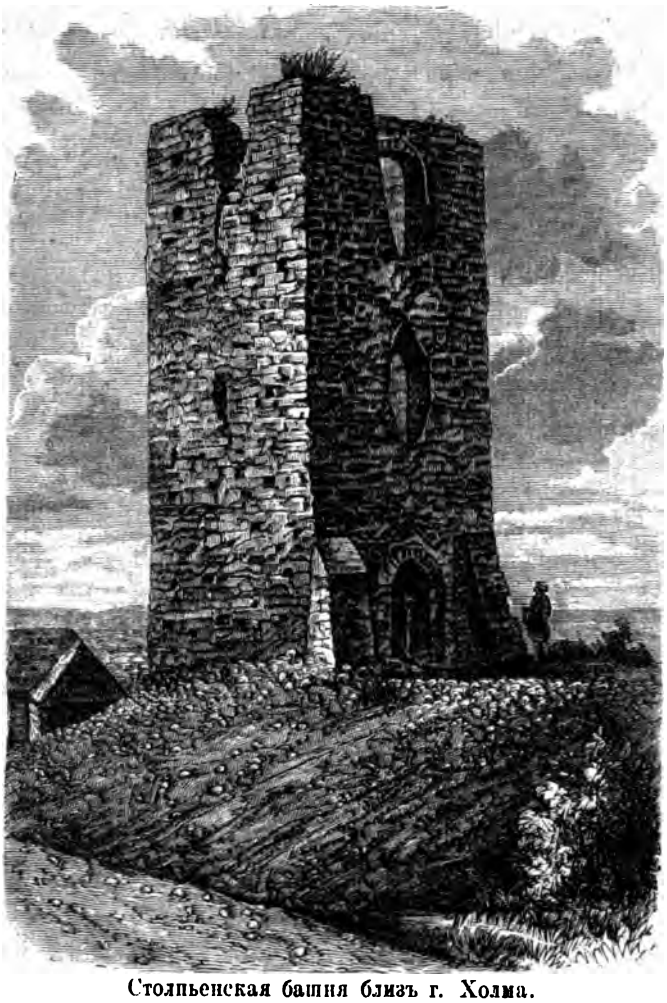
Даніилъ Романовичъ имѣлъ четырехъ сыновей,—Шварна, Льва, Романа и Мстислава, между которыми раздѣлилъ свое княжество еще при жизни, оставивъ себѣ лично удѣлъ Холмско-Белзскій. Но изъ четырехъ сыновей Даніила только двое имѣли потомство, Левъ и Мстиславъ.

Левъ Даниловичъ княжилъ въ Галичѣ, Перемышлѣ, Дрогичинѣ и Мельникѣ, а по смерти брата своего Шварна, послѣдовавшей въ 1271 году, наслѣдовалъ его удѣлъ, состоявшій изъ Холма и Белза съ Червенемъ, и передалъ его сыну своему Юрію I Львовичу, который въ 1287 году пытался увеличить свой удѣлъ присоединеніемъ къ нему Люблина. Левъ умеръ въ 1300 году. Сдѣлавшись полнымъ наслѣдникомъ владѣній своего отца, Юрій I Львовичъ продолжалъ жить въ Холмѣ. По смерти дяди своего, Мстислава Даниловича, онъ соединилъ княжество Владимірское съ Галицкимъ и принялъ титулъ короля русскаго и князя владимірскаго. Союзъ Юрія I съ нѣмецкими рыцарями и нападеніе на Новгородокъ Литовскій вооружили противъ него Литву, которая, подъ предводительствомъ Гедимина, около 1315 года заняла Брестскую землю. Въ этой войнѣ онъ и самъ убитъ былъ въ 1316 году, при защитѣ г. Владиміра отъ Литвы, и похороненъ въ Холмѣ.

Юрій I Львовичъ имѣлъ сыновей Андрея, Льва и Михаила, скончавшагося въ юныхъ лѣтахъ, и дочь Марію. Первый изъ нихъ владѣлъ Галицко-Владимірскимъ и Холмско-Белзскимъ княжествами, а второй—Луцкимъ, которое скоро отнято было у него Гедиминомъ. Левъ палъ на полѣ сраженія въ 1319 году, а Андрей умеръ въ 1324 году, оставивъ сына Юрія II-го. Юрій II-й Андреевичъ первый сталъ употреблять титулъ «князя Малой Руси». Онъ скончался въ 1336 году, и съ нимъ прекратился родъ Даниловичей по старшей линіи. Холмско-Белзско-Червенскій удѣлъ перешелъ въ наслѣдіе второй отрасли дома Даниловичей, т. е. въ родъ Мстислава Даниловича, и достался правнуку Даніила Юрію Даниловичу.

Немного продолжительнѣе существовала и другая отрасль Дани-

лова дома, идущая отъ младшаго сына его Мстислава Даниловича. Этотъ послѣдній сначала получилъ въ удѣлъ себѣ Луцкъ, Дубно и Стожекъ. Въ 1287 году Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ ему свой удѣлъ, состоявшій изъ Владиміро-Волынской и Брестской земель. Но Мстиславъ не получилъ всего, что ему слѣдовало по завѣщанію: Брестомъ овла-



Столпьенская башня близъ г. Холма.

дѣлъ Юрій I Львовичъ, который, по смерти Мстислава, захватилъ и Владимірское княжество. У Мстислава былъ сынъ Данилъ, послѣ котораго остался сынъ-малютка Юрій Даниловичъ. Онъ воспитанъ былъ и выросъ при дворѣ Юрія II-го Андреевича и, по смерти его, какъ не оставившаго по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдовалъ вер-

ховную власть надъ Червонной Русью, какъ видно изъ грамоты его, отъ 20 октября 1235 года, къ великому магистру тевтонскаго ордена, гдѣ онъ именуется еще природнымъ княземъ всей Малой Россіи. Но это былъ уже пустой титулъ, далеко не соотвѣтствовавшій дѣйствительности. Пользуясь прекращеніемъ старшей линіи рода Данилова, происходившей отъ Льва Даниловича, литовскіе князья и польскіе короли заявляютъ свои притязанія на наслѣдственныя владѣнія этой линіи. Кромѣ Юрія Даниловича, побочными наслѣдниками выморочнаго владѣнія явились со стороны Литвы—Любартъ Гедиминовичъ, князь луцкій, какъ женатый на дочери Льва Юрьевича, а по другимъ—на сестрѣ Юрія II-го, котораго наслѣдникомъ онъ былъ предназначенъ, а со стороны Польши—Болеславъ III Тройденовичъ, какъ сынъ Тройдена, князя черскаго, и Маріи, дочери Юрія I, князя владиміро-галицкаго, и какъ воспитанный матерью въ православной вѣрѣ. Галичане избрали Болеслава Тройденовича, Любартъ утвердился во Владимірѣ и Луцкѣ, а на Холмско-Белзскомъ княжествѣ остался Юрій Даниловичъ. Галицко-Владимірское княжество, такимъ образомъ, раздѣлилось на три части. Но этотъ раздѣлъ былъ только новымъ поводомъ къ дальнѣйшимъ кровавымъ столкновеніямъ между двумя могущественными сосѣдями, Литвой и Польшей, изъ-за русскаго наслѣдства, совершенно уничтожившимъ слабые остатки русской княжеской власти.

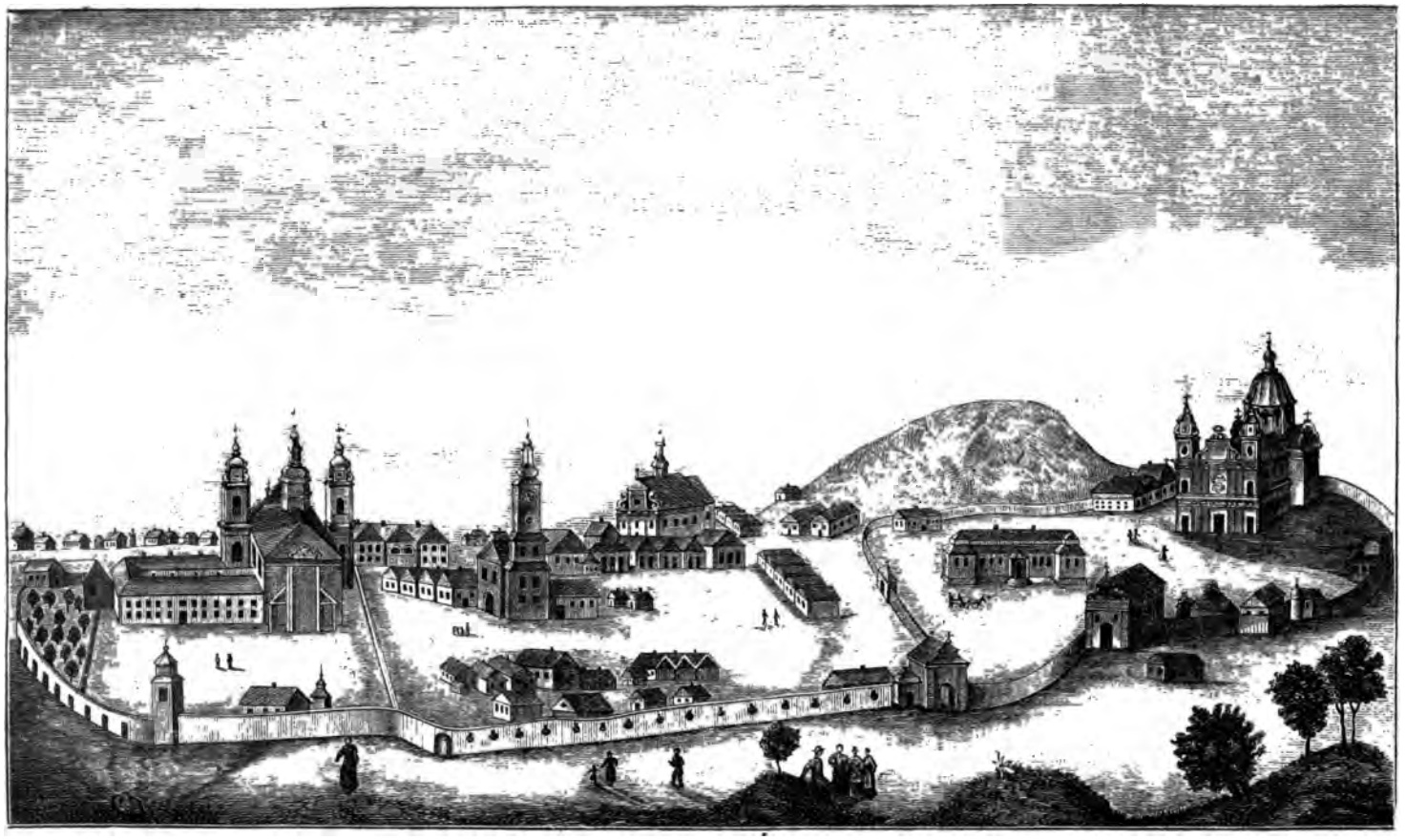
Болеславъ Тройденовичъ, слѣдуя совѣтамъ дѣда своего Владислава Локетка, содѣйствовавшаго его избранію, измѣнилъ православной вѣрѣ и принялъ вѣру латинскую, угнеталъ галичанъ тяжкими налогами, заселялъ поляками русскія земли, опустошенныя татарами, и усиливался ввести латинскую вѣру въ русскія области и истребить вѣру православную. За это галичане отравили его въ 1340 году. Казиміръ Великій, въ отмщеніе за Болеслава, объявилъ себя наслѣдникомъ княжества и въ томъ же 1340 году, послѣ двукратнаго нападенія, овладѣлъ Львовомъ, Перемышлемъ, Теребовлемъ, Тустановомъ, Любачевымъ и другими мѣстами и укрѣпленіями. Но Любартъ Гедиминовичъ, съ помощію татаръ, отнялъ завоеванные города и призналъ себя владиміро-галицкимъ княземъ. Его сторону держалъ противъ Казиміра и Юрій Даниловичъ холмскій. Поэтому, когда въ 1349 году Казиміръ Великій возобновилъ войну съ Любартомъ, то онъ не пощадилъ и владѣній Юрія Даниловича. Въ этомъ году Казиміръ Великій взялъ лестію землю

Волынскую и овладѣлъ городами Львовомъ, Перемышлемъ, Галичемъ, Белзомъ, Брестомъ, Владиміромъ, Луцкомъ и Холмомъ. Послѣдній былъ еще тогда главнымъ городомъ и столицею округовъ: Холмскаго, Белзскаго, Щекаревскаго (Красноставскаго), Грубешовскаго и другихъ. Не смотря на храбрость русскихъ защитниковъ, Холмъ былъ взятъ приступомъ и разграбленъ поляками. Длугошъ говоритъ, что когда побѣжденные русскіе князья изъявили Казиміру покорность, то онъ возвратилъ имъ всѣ города, которые отнялъ у нихъ. На защиту себя и Руси въ 1350 году возстали литовскіе князья. Они пошли войною противъ Казиміра и выгнали польскія войска изъ Бреста, Владиміра, Холма и Белза, а остальные города передались имъ добровольно; но Литовцы не могли завладѣть Львовомъ и другими галицкими городами. Опасаясь потерять и Галицкую область, Казиміръ заключилъ въ 1354 году съ литовцами миръ, на слѣдующихъ условіяхъ: за Польшей оставались земли Львовская съ Галичемъ и Перемышлемъ и Люблинская, а Литвѣ должны принадлежать земли Владимірская, Луцкая, Брестская, Белзская и Холмская. Въ послѣднихъ двухъ продолжалъ княжить, подъ главенствомъ Любарта, Юрій Даниловичъ и, вмѣстѣ съ нимъ, еще долго воевалъ противъ Польши, желая возвратить потерянное и защитить оставшееся. За то въ 1366 году Казиміръ, рѣшившись наказать Любарта и Юрія холмскаго, пошелъ на нихъ войною, взялъ Брестъ, Луцкъ, Белзъ, Холмъ и Щебрешинъ. Юрій Даниловичъ, князь холмско-белзскій, снова призналъ надъ собою власть Казиміра и оставленъ былъ на своемъ княженіи въ качествѣ сподручника Польши.

По смерти Казиміра Великаго, послѣдовавшей въ 1370 году, на польскій престолъ вступилъ венгерскій король Людовикъ, сынъ сестры Казиміровой Елисаветы. Онъ отдалъ въ удѣлъ родственнику своему Владиславу Опольскому, вмѣстѣ съ нѣкоторыми польскими областями, Галицко-Львовскую землю и часть Забужной Руси между Вислою и Вепромъ, въ сосѣдствѣ съ землею Люблинскою. Воспользовавшись отлучкою Людовика венгерскаго изъ Польши, русскіе князья, и особенно Юрій холмскій, задумали возвратить Галицкую Русь подъ свою власть и съ этою цѣлью, съ помощью литовскихъ князей Ольгерда, Любарта и Кейстута, въ 1376 году пошли войною на Польшу и взяли у нея много городовъ; но въ слѣдующемъ 1377 году Людовикъ овладѣлъ снова Холмомъ и замками Городломъ, Грабовцемъ, Белзомъ и

другими. Юрій холмскій принужденъ былъ подчиниться Людовику, обѣщалъ быть ему подручнымъ и получилъ Холмъ и Белзъ въ пожизненное управленіе, на правахъ старосты. Но русское населеніе этихъ областей крайне недовольно было владычествомъ поляковъ и Владислава Опольскаго за то особенно, что онъ усиливался распространять въ своихъ владѣніяхъ латинскую вѣру. Видя это, Владиславъ возвратилъ Людовику русскія области, взамѣнъ которыхъ получилъ земли въ коренной Польшѣ. Оставляя въ 1377 году Русь, Владиславъ взялъ съ собой чудотворную икону Богоматери, хранившуся въ Белзской замковой церкви русскихъ князей, увезъ ее въ Львовъ, а въ 1382 году отправился съ этою иконою изъ Львова въ Велюнскую область, въ Ополье, и на пути оставилъ ее въ Ченстоховѣ. Здѣсь, на Ясной горѣ, образовался впослѣдствіи латинскій монастырь паулиновъ, обладающій и теперь этою русскою святынею.

Въ 1386 году поляки, для своихъ выгодъ, устроили бракъ литовскаго князя Ягайла съ Ядвигою, дочерью умершаго въ 1382 году короля Людовика венгерскаго и наслѣдницею польской короны. За эту корону и Ядвигу Ягайло, сначала крещенный въ православіи (съ именемъ Якова), согласился обратиться въ латинство и, кромѣ разныхъ другихъ обѣщаній, обязался предъ поляками навсегда присоединить къ Польшѣ земли Литовскія и отдать ей ближайшія русскія, а въ числѣ ихъ Холмско-Белзскую область. Волею или неволею стали уже теперь присягать Ягайлу, какъ уже королю, и нѣкоторые западно-русскіе князья. Присягнулъ и Іоаннъ Юрьевичъ белзскій, сынъ остававшагося еще въ живыхъ Юрія Даниловича холмскаго. Но въ 1388 году Ягайло, желая успокоить и задобрить мазовецкаго князя Семовита, болѣе другихъ имѣвшаго право на польскую корону, отдалъ ему Белзскую землю и часть Холмской, съ городами Белзомъ, Любачевомъ, Бускомъ, Грабовцемъ, Городломъ и нѣкоторыми другими. Послѣ этого Юрій Даниловичъ съ сыномъ Іоанномъ удалились къ Витовту, который съ 1392 года становится великимъ княземъ литовскимъ, независимымъ отъ Польши. Въ 1399 году Витовтъ предпринялъ походъ противъ Золотой Орды съ большимъ отборнымъ войскомъ, но потерпѣлъ страшное пораженіе на берегахъ Ворсклы. На полѣ битвы легло девять русскихъ князей и въ числѣ ихъ Іоаннъ Юрьевичъ белзскій. Тѣмъ не менѣе. Холмская Русь продолжала еще имѣть нѣкоторую тѣнь независимости. Въ 1410 году,



Городъ Холмъ въ XVI столѣтіи.

во время грюнвальдской битвы поляковъ и литовцевъ съ нѣмецкими рыцарями, къ польскому войску присоединилось семь хоругвей русскихъ земель, подвластныхъ Польшѣ, въ томъ числѣ Галицкая, Перемышльская и Львовская. Особую хоругвь, съ изображеніемъ медвѣдя, имѣла земля Холмская, находившаяся тогда подъ владычествомъ князей мазовецкихъ. Были даже попытки со стороны Свидригайлы и его сторонниковъ Ѳеодора Острожскаго и Александра Носа отнять у поляковъ Забужную и Галицкую Русь, но всѣ ихъ усилія остались безплодными. Въ 1462 году, по прекращеніи рода князей мазовецкихъ, Холмско-Белзская земля окончательно присоединена была къ Польшѣ. Въ 1481 году бѣжалъ изъ Литвы въ Москву послѣдній изъ князей белзскихъ Ѳеодоръ. [17])

Такимъ образомъ, въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ, Забужная Русь окончательно утрачиваетъ свою государственную самостоятельность и расторгается на части между Литвой и Польшей: Холмщина захвачена была Польшей, а холмское Подляшье долго еще оставалось подъ властію Литвы, пока и оно, наконецъ, не было присоединено насильственнымъ образомъ къ Польшѣ. Положеніе обѣихъ этихъ частей Забужья, отошедшихъ къ Литвѣ и Польшѣ, на первыхъ порахъ было не одинаково. Тогда какъ литовцы, постепенно захватывая достояніе Руси, подвергались сильному ея вліянію, приняли русскій языкъ, русскіе обычаи и русскую православную вѣру и слились съ побѣжденною Русью въ одинъ и единовѣрный народъ, — поляки, при общемъ съ Русью славянскомъ происхожденіи своемъ, тянули въ совершенно противоположную сторону, къ западной римско-католической церкви и къ западному просвѣщенію и гражданственности, и старались увлечь за собой и подвластный имъ русскій народъ, лишить его народныхъ его основъ, слить съ собою воедино и поглотить его. Поэтому въ литовскихъ владѣніяхъ русская народность и православіе имѣли еще сравнительно большую свободу, тогда какъ въ польскихъ владѣніяхъ русская народность и православіе, на первыхъ же порахъ польскаго владычества, подвергаются стѣсненіямъ, ограниченіямъ и даже преслѣдованіямъ. Но и это различіе въ судьбахъ литовской и польской Руси стало постепенно сглаживаться подъ давленіемъ польской мысли объ уніи, т. е. о полномъ соединеніи и сліяніи Литвы и Руси съ Польшею подъ властію Ягеллоновъ не только въ одно государство, но и въ одинъ народъ. Особенно важное

значеніе имѣли двѣ государственныя уніи (соединенія) Литвы съ Польшей: Ягайлова унія 1386 года и люблинская унія 1569 года. То, что начато первою, довершено на послѣдней.

Первое государственное соединеніе Литвы съ Польшей въ 1386 году, при Ягайлѣ, совершилось еще тогда, когда Холмская Русь не потеряла еще совершенно своей самостоятельности и имѣла своихъ князей. По условіямъ этого соединенія, Литва и Польша были связаны между собою только тѣмъ, что имѣли, и то невсегда, одного государя и лишь нѣкоторыя общія дѣла государственнаго свойства, во всемъ же остальномъ составляли особыя, отдѣльныя государства. Но поляки съ самаго начала союза Литвы съ Польшею смотрѣли на этотъ союзъ, какъ на сліяніе литовско-русскихъ земель съ Польшею въ одно государство, въ одинъ народъ, въ одно тѣло, и выразили этотъ взглядъ свой на городельскомъ сеймѣ 1413 года. Въ силу этого, они всячески старались расширить свои преимущества насчетъ Литвы, ослабить значеніе древнихъ литовско русскихъ княжескихъ родовъ, а при случаѣ совершенно уничтожить ихъ, и пріобрѣтать литовско-русскія земли путемъ непосредственнаго подчиненія Польшѣ или же частныхъ сдѣлокъ въ видѣ брачныхъ договоровъ, аренды, купли, занятія разныхъ должностей и, наконецъ, грубаго насильственнаго захвата, особенно въ мѣстахъ пограничныхъ.

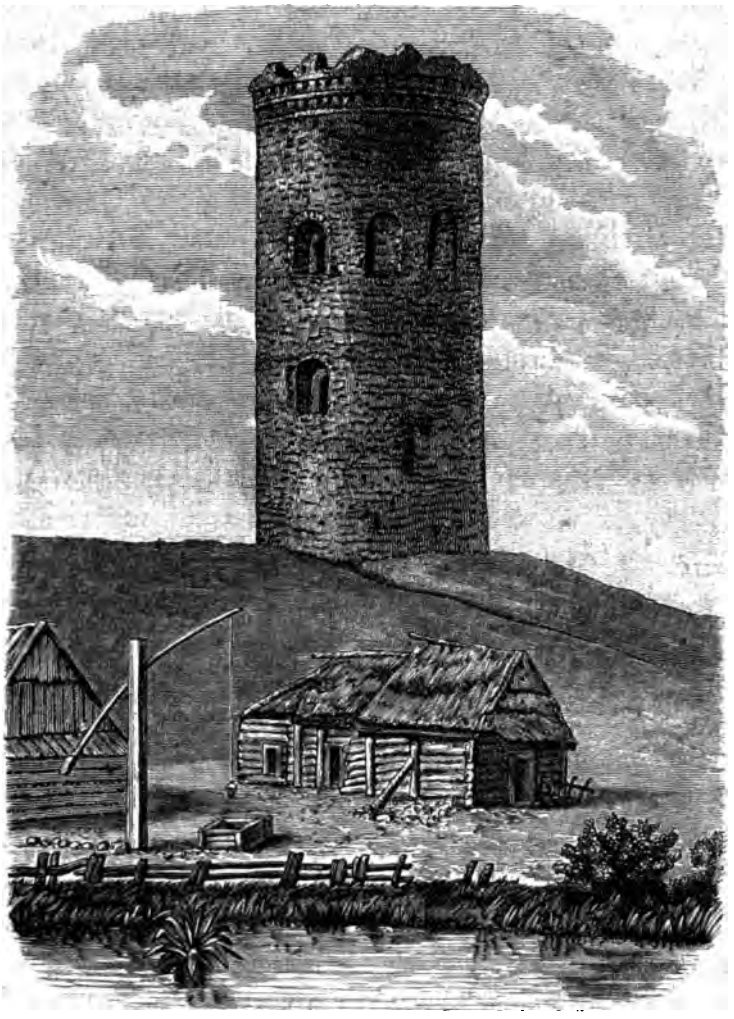
Во времена Ягайла Польша предъявляла сильныя притязанія на Волынь и Подолію, въ особенности на ту часть ея, въ которой находились города Каменецъ (Подольскій), Смотричъ, Червоногородъ, Бакота и Скала; но великій князь литовскій Витовтъ помѣшалъ осуществленію польскихъ замысловъ, и эта часть Подоліи, дважды покупаемая и продаваемая, все-таки сохранилась за Литвой до смерти Витовта. Великій князь литовскій Сигизмундъ согласился, за великокняжеское достоинство, на всякія уступки Польшѣ. Онъ отдалъ ей Ратно, Лопатинъ, Городло и Олесько со всѣми окружными землями, а на сеймѣ въ Едльнѣ 1432 года король Ягайло утвердилъ эти земли за Польшей. Преемникъ Сигизмунда, Казиміръ Ягеллончикъ, отнявъ у мазовецкаго князя Угровъ и Дрогичинъ, рѣшился умиротворить и устроить свое княжество. Когда въ 1446 году онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ короли Польши, то онъ потребовалъ, чтобы Польша отреклась отъ всякихъ притязаній на Волынь, Подоль, Ратно, Лопатинъ,

Городло и землю Олеськую; но, требуя отъ Польши отреченія отъ этихъ земель, онъ находилъ вполнѣ возможнымъ, съ одной стороны, передать ей княжество Белзское, а также Ратно, Городло, Любомль съ округами, съ другой же стороны—отрѣзать отъ Парчевской экономіи Ломазы и Полюбичи съ принадлежащими къ нимъ землями по лѣвой сторонѣ Буга и присоединить къ Бресту въ возмѣщеніе захваченныхъ Поляками на Подоли городовъ Межибожья, Хмельника и Караволя. Литовско-русскіе бояре сильно отстаивали свои земли и высказывали въ этомъ такое упорство, что Казиміръ Ягеллончикъ въ 1457 году въ жалованной грамотѣ великому княжеству Литовскому вынужденъ былъ произнести торжественный обѣтъ за себя и своихъ преемниковъ, что больше поземельныхъ уступокъ Польшѣ не будетъ. Но ни самъ онъ, ни его преемники не исполняли этого обѣта и съ замѣчательнымъ равнодушіемъ дѣлали полякамъ уступку за уступкой. Въ 1462 году Казиміръ Ягеллончикъ, послѣ прекращенія старшей линіи мазовецкихъ князей, приказалъ занять княжество Белзское на имя Польши. Кромѣ того, онъ роздалъ много русскихъ земель полякамъ въ арендное содержаніе и частію въ полное владѣніе и водворялъ на Литвѣ и Руси польскую гражданственность.

Смерть Казиміра Ягеллончика въ 1492 году пробудила надежды передовыхъ людей княжества Литовскаго на полное освобожденіе его отъ Польши. По ихъ настоянію, новый великій князь литовскій Александръ неоднократно домогался отъ Польши, чтобы прекращены были поляками пограничные захваты и обиды, особенно на Волыни и въ землѣ Дрогичинской и Брестской, и чтобы назначены были уполномоченные съ обѣихъ сторонъ для разбора и рѣшенія пограничныхъ споровъ. Но когда, по смерти короля Альбрехта, Александръ самъ сталъ вмѣстѣ и королемъ польскимъ, то онъ началъ явно потворствовать полякамъ въ ихъ мысли о сліяніи Литвы и Руси съ Польшею.

На мельникскомъ сеймѣ 1501 года поляки предложили литовцамъ слѣдующую унію: Литва и Польша соединяются въ одно государство. Отнынѣ всегда долженъ быть у нихъ одинъ государь. У обоихъ должны быть общіе сеймы по общимъ дѣламъ, т. е. одинъ сеймъ изъ поляковъ и литвиновъ. Такіе сеймы должны быть поочередно, разъ въ Польшѣ, другой разъ въ Литвѣ. Литвѣ оставляются только титулъ, государственные чины, частные сеймы и другія особенности внутренняго управле-

нія. Литовскіе уполномоченные отказались подписать такую унію. Александръ заставилъ ихъ подписаться и вынудилъ отъ нихъ обѣща-



Башня XIII вѣка, построенная Володиміромъ Васильковичемъ близъ м. Каменца-Литовскаго.

ніе, что такой договоръ будетъ принятъ и подписанъ всѣми литовскими чинами. Хотя литовскіе чины и не подписали этой уніи во все царствованіе Александра, но съ этого времени Польша стала широко вторгаться во внутреннюю жизнь Литовской Руси, какъ это она уже дѣлала въ Руси Галицкой и въ червенскихъ городахъ.

Преемникъ Александра, Сигизмундъ I, старался упрочить миръ между Польшей и Литвой и принялъ нѣкоторыя мѣры относительно пограничнаго вопроса, составлявшаго больное мѣсто соединенныхъ государствъ. Въ видахъ исправленія и округленія границъ, образовано имъ было въ 1520 году изъ большей части Брестской области Подляшское воеводство, въ которое вошли округа Дрогичинскій, Брестскій, Каменецкій, Мельницкій и Кобринскій. На съѣздѣ 1529 года совершилось другое болѣе важное для княжества дѣло: это—утвержденіе перваго литовско-русскаго статута. Какъ общій сводъ законовъ для всѣхъ земель государства, онъ ограждалъ его единство и самостоятельность, а своимъ русскимъ языкомъ свидѣтельствовалъ о продолжавшемся въ княжествѣ господствѣ русской стихіи, какъ основной. Польшу статутъ представлялъ страною чужою, поляковъ—иноземцами, не имѣвшими права на уряды и общественныя должности и земельныя пріобрѣтенія въ княжествѣ, даже черезъ браки, такъ что дѣвицы и вдовы, выходя замужъ за чужеземцевъ-поляковъ, могли приносить имъ въ приданое деньги и движимость, но не родовыя имѣнія. Не смотря однако на статутъ, поляки продолжали добывать себѣ должности и пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ и на Руси, и вообще вторгаться во внутреннюю жизнь Литовско-Русскаго княжества. Поэтому литовско-русская рада, опираясь на статутъ, неразъ обращалась къ Сигизмунду I и преемнику его Сигизмунду II-му Августу и жаловалась имъ на вторженіе поляковъ въ литовско-русскія владѣнія посредствомъ брачныхъ союзовъ и, между прочимъ, на пани Точинскую, выстроившую въ литовскихъ владѣніяхъ замокъ Крыловъ (нынѣ Грубешовскаго уѣзда, Люблинской губерніи), на выдачу королевскихъ привиллегій ляхамъ на право владѣнія русскими землями, на самоуправный захватъ земель въ Мельницкомъ повѣтѣ люблинскимъ воеводой, на отдачу литовскихъ придворныхъ должностей ляхамъ, позволяющимъ себѣ оскорбительно относиться къ заслуженнымъ сановникамъ княжества, какъ напримѣръ въ повѣтахъ Дрогичинскомъ, Мельницкомъ и Брянскомъ, и особенно на новый обычай короля требовать литовцевъ на судъ въ корону. Чѣмъ ближе подходило время къ люблинской уніи, тѣмъ болѣе было обидъ литовцамъ со стороны поляковъ и тѣмъ настойчивѣе литовцы требовали твердаго и вѣчнаго установленія границъ, прекращенія поляками захватовъ литовскихъ земель посредствомъ браковъ и

земскихъ сдѣлокъ и сохраненія государственной самостоятельности княжества, въ назначеніи и отправленіи государственныхъ должностей. Въ исправленномъ литовскомъ статутѣ, утвержденномъ королевскою властію въ 1564 году, еще съ большею силою, чѣмъ въ первомъ 1529 года, проводилась мысль объ отдѣльности и независимости Литовско-Русскаго государства: чужеземцамъ и заграничнымъ жителямъ сосѣдняго государства, т. е. Польши, запрещалось пріобрѣтать земли въ Литвѣ и Руси; пріобрѣвшіе частными способами обязывались возвратить ихъ; получившіе такія земли по особенной милости короля обязывались нести съ нихъ земскую службу, но не имѣли права занимать служебныя и почетныя должности, право на которыя имѣютъ только литовцы и русскіе. За неисполненіе такихъ постановленій статутъ, именемъ государя, грозитъ непослушнымъ отнятіемъ ихъ имѣній и причисленіемъ ихъ къ столовымъ королевскимъ имѣніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государь обѣщаетъ возвратить литовскому государству все, что отошло отъ него къ Польшѣ, Мазовіи, Пруссіи, Ливоніи. Особыми, могущественными защитниками отдѣльности и независимости Литовскаго государства были литовскіе вельможи Николай Радзивилъ Черный и двоюродный братъ его Николай Радзивилъ Рыжій, сестра котораго Варвара была замужемъ за королемъ Сигизмундомъ II-мъ Августомъ. Съ своей стороны, поляки, не думая объ удовлетвореніи литовцевъ, требовали, чтобы уничтожены были всѣ признаки отдѣльности Литовскаго государства, чтобы у соединенныхъ государствъ остались одинъ канцлеръ, одинъ маршалъ, одна печать, одно казначейство, одна канцелярія, одинъ титулъ государя (король польскій и земель Литовскаго княжества), одни общіе сеймы, чтобы уничтожено было отдѣльное возведеніе государей на литовскій престолъ и оставлено одно коронованіе въ Польшѣ, и заявляли притязанія на Волынь, Подолію и проч.

Побѣда осталась на сторонѣ поляковъ. Сигизмундъ II-й Августъ, пропитанный, какъ и его предшественники изъ Ягеллоновъ, польскимъ духомъ и образованіемъ, болѣе расположенъ былъ къ единовѣрной ему католической Польшѣ, чѣмъ къ Литвѣ. Еще на варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г.г. онъ сдѣлалъ важный и рѣшительный шагъ къ сліянію государствъ, отрекшись отъ своего наслѣдственнаго права на Литовско-Русское государство и передавши его Польскому королевству, съ которымъ первое должно было соединиться въ одно государство, въ одинъ

народъ, съ однимъ государемъ, съ общими сеймами и т. п. Между тѣмъ, въ это время уже шла московская война, которая навела на короля страхъ, особенно по взятіи московскими войсками Полоцка въ февралѣ 1563 года, расположила его искать спасенія великаго княжества Литовскаго въ сліяніи его съ Польшей и, утомивъ и истощивъ литовцевъ и вообще приведя ихъ въ крайнее затрудненіе и опасность, пригнала ихъ къ уніи, какъ выражались потомъ сами поляки. Къ этому присоединилось еще нѣкотораго рода соперничество между литовскими и русскими вельможами и дворянами, ослаблявшее ихъ силу, необходимую для борьбы съ поляками. На люблинскій сеймъ 1569 года, окончательно рѣшившій вопросъ о сліяніи двухъ государствъ, литовско-русскіе вельможи и паны съѣзжались весьма неохотно и медленно, не предвидя для себя ничего добраго отъ поляковъ, и, предварительно всякихъ переговоровъ объ уніи, настоятельно потребовали утвержденія королемъ вновь исправленнаго литовскаго статута и обезпеченія цѣлости и самостоятельности Литовскаго государства. Не получивъ въ этомъ удовлетворенія и предчувствуя, что поляки— силою или обманомъ — хотятъ вовлечь ихъ въ унію, литовцы стали мало по малу разъѣзжаться съ сейма. Этимъ воспользовались поляки и повели дѣло уніи по частямъ, давленіемъ на отдѣльныхъ оставшихся лицъ, на отдѣльные кружки, и разными насильственными способами, какъ-то угрозами и лишеніемъ должностей, заставили нѣсколькихъ подляшанъ и волынянъ согласиться на требуемую унію съ Польшей. За Подляшьемъ и Волынью послѣдовало присоединеніе къ Польшѣ, такими же способами, Подоліи и Брацлавскаго воеводства, Кіева съ Кіевской землей, а затѣмъ уже самой Литвы и Инфлянтовъ или Ливоніи. Для насъ особенно любопытно присоединеніе къ Польшѣ Подляшья, — этой слабѣйшей составной части Литовскаго государства, имѣющей непосредственное отношеніе къ нынѣшней Забужной Руси.

Когда представители Литвы, не предвидя ничего добраго отъ навязываемой имъ уніи съ Польшей, 1 марта 1569 года, разъѣхались съ люблинскаго сейма по домамъ, тогда поляки рѣшились обрѣзать литовцамъ крылья, т. е. отнять у нихъ русскія области по частямъ, и прежде всего отняли у нихъ Подляшское воеводство, между жителями котораго замѣчалось, притомъ, нѣкоторое недовольство литовцами. 3 марта, 1569 года, сеймовые послы королевства Польскаго постановили присоединить къ Польшѣ Подляшье и требовать, чтобы прибыли на люблинскій сеймъ

сановники и послы этой области, принесли присягу на вѣрность Польшѣ и сѣли въ засѣданіи сейма, чтобы принесли также присягу старосты подляшскіе и всѣ владѣльцы и чтобы всѣ дѣла въ Подляшьи производились отъ имени Польши и съ приложеніемъ польской печати. Польскіе сенаторы и король приняли и утвердили тогда же эти насильственныя мѣры польскаго сейма. Въ силу этого, сначала заставили присягнуть на унію четырехъ-пятерыхъ подляшанъ, еще не уѣхавшихъ со съѣзда или случайно прибывшихъ въ Люблинъ, и одному изъ нихъ, именно мельницкому старостѣ и литовскому писарю Матишкѣ, пригрозили отнятіемъ у него староства. Требуемая присяга была принесена ими. Но упорнѣе оказался литовскій подканцлеръ Евстаѳій Воловичъ, который рѣшительно отказался отъ присяги, не смотря на угрозу отнять у него подляшскія его староства. Тогда всѣмъ чиновнымъ лицамъ Литвы, Волыни и Бѣлоруссіи, владѣвшимъ имуществами въ Подляшьи, разосланы были приказы явиться на сеймъ и принести присягу на вѣрность Польшѣ, съ угрозою лишенія должностей и имущества, въ случаѣ ослушанія. Требованія эти исполнялись неохотно и медленно. Поляки пришли въ крайнее раздраженіе отъ этихъ неудачъ и послали коммиссаровъ въ Подляшье свидѣтельствовать причины неявки подляшанъ и принимать отъ нихъ присягу на мѣстахъ, а король сталъ лишать непокорныхъ ихъ должностей. Въ то же время поляки смѣлѣе и смѣлѣе проводили дѣло о присоединеніи къ Польшѣ не только Волыни и Подоліи, но и Кіевской земли. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, Воловичъ рѣшился прекратить напрасную потерю литовскихъ силъ въ Подляшьи и Волыни и сберечь эти силы для защиты хоть послѣднихъ остатковъ литовской независимости и въ концѣ мая заявилъ, что приноситъ присягу Польшѣ, но только какъ владѣлецъ имѣній въ Подляшьи и на Волыни, а не какъ подданный Литовскаго княжества. Послѣ этого, участь Подляшья могла считаться, съ польской точки зрѣнія, рѣшенною. Въ заключеніе, подляшанамъ оставалось покориться своей участи и даже, вмѣстѣ съ поляками, участвовать на сеймѣ въ побіеніи всего самобытнаго на Волыни, Подоліи, въ Кіевской области и въ Литвѣ. Они могли имѣть утѣшеніе развѣ въ томъ, что не одни они упирались противъ союза съ Польшей, что упирались также многіе и во всѣхъ литовскихъ областяхъ. Въ послѣдніе дни люблинскаго сейма возвратившіеся на него представители Литвы даже прямо заявили, что собственно полякамъ

они ни въ чемъ не хотятъ уступать и на унію не согласны, а все дѣло ввѣряютъ своему государю, котораго съ плачемъ умоляли, павъ на колѣна, не губить литовской независимости и не предавать ихъ въ польскую неволю. Но и этотъ послѣдній вопль ихъ былъ напрасенъ. Дряблый тогда во всѣхъ отношеніяхъ король Сигизмундъ II-й Августъ передалъ всю Литву Польшѣ. Привиллегіей на унію Литвы съ Польшей утверждалось вѣчное сліяніе этихъ государствъ въ одно тѣло, одинъ народъ, одно государство, одну Рѣчь Посполитую съ однимъ всегда государемъ; прекращалось отдѣльное избраніе и возведеніе на престолъ великаго князя въ Литвѣ, но сохранялся титулъ Великаго Княжества. У соединеннаго государства должны быть общій сенатъ и общіе сеймы, подъ предсѣдательствомъ общаго государя. Отдѣльные государственные сеймы въ Литвѣ уничтожались, а общіе должны были созываться въ Польшѣ. Король обѣщалъ сохранить въ цѣлости всѣ права и привиллегіи, вольности, почетныя служебныя должности, суды, званія, княжескія сословія, шляхетскіе роды въ земляхъ соединенныхъ государствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены всѣ постановленія, запрещавшія или ограничивавшія пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній обывателями одной страны въ другой. Соотвѣтственно этимъ постановленіямъ люблинскаго сейма, вновь пересмотрѣнъ и обработанъ былъ литовскій статутъ, въ которомъ сдѣланы были измѣненія, требовавшіяся люблинской уніей. Этотъ третій литовскій статутъ напечатанъ былъ въ 1588 году и своимъ русскимъ языкомъ и уцѣлѣвшими чертами самобытнаго литовско-русскаго законодательства еще нѣкоторое время напоминалъ Литвѣ и западной Россіи объ ихъ народности и самобытности, пока не дошла очередь до истребленія поляками самыхъ внутреннихъ и глубокихъ основъ литовско-русской народности, русскаго языка и православной вѣры. [18])

Со времени люблинской уніи 1569 года, обѣ части Холмско-Подляшской Руси, т. е. Холмщина и Подляшье, одинаково стали принадлежать Польшѣ и въ одинаковой мѣрѣ сдѣлались открыты для воздѣйствія на нихъ полонизма и католичества, которые прежде и болѣе всего стали посягать на самое дорогое достояніе русскаго народа—на его православную вѣру и церковь.

Глава третья.

Состояніе православія въ краѣ при русскихъ князьяхъ и подъ владычествомъ Литвы и Польши. Древніе памятники православія. Утвержденіе и распространеніе католичества.

Народный характеръ православія въ Холмской Руси.—Распространеніе его изъ Моравіи и изъ Кіева. — Холмская епархія и предѣлы ея; древнѣйшія православныя церкви и монастыри; церковное управленіе; православныя церковныя братства.—Отношенія Болеслава Тройденовича, Казиміра Великаго и Ягайла къ православной церкви. — Флорентійская унія и митрополитъ Исидоръ.—Грамоты и распоряженія Ягеллоновъ въ пользу и противъ православныхъ.— Твердость православныхъ въ вѣрѣ.— Количество костеловъ и состояніе католичества въ Холмской землѣ.

Однимъ изъ коренныхъ признаковъ русской народности въ Холмско-Подляшской Руси было восточное православіе. Въ противоположность католичеству, которое считало обязательнымъ только латинскую библію и латинское богослуженіе и лишь въ послѣдствіи времени стало допускать на отечественномъ языкѣ католическихъ народовъ (за исключеніемъ впрочемъ русскаго языка) добавочныя милитвословія и пѣснопѣнія, православная восточная церковь съ самыхъ раннихъ поръ своего существованія предоставляла своимъ разноплеменнымъ послѣдователямъ свободу имѣть священное писаніе и отправлять богослуженіе на ихъ отечественномъ языкѣ, а чрезъ это содѣйствовала пробужденію и развитію въ нихъ народнаго самосознанія и становилась коренною, какъ-бы существенною стихіею народной жизни. Благодаря православію и православной церкви, восточные славяне, не смотря на многовѣковое рабство подъ властію турокъ, твердо сохранили свое народное самосознаніе и народныя начала и теперь возраждаются къ новой жизни, тогда какъ западные ихъ собратья, подчинившіеся католической церкви, почти совершенно обезличены ею

въ народномъ отношеніи и частію исчезли, а частію исчезаютъ съ лица земли, какъ особыя народности. Россіи, а вмѣстѣ съ нею и Холмско-Подляшской Руси, какъ составной ея части, выпалъ счастливый жребій принять христіанскую вѣру съ востока, отъ грековъ, и вмѣстѣ съ нею получить священное писаніе и богослужебныя книги на своемъ родномъ славянскомъ языкѣ, переведенныя на этотъ языкъ великими первоучителями и просвѣтителями славянъ, святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Вслѣдствіе этого она очень рано пробудилась къ народной жизни, сроднилась душею съ православіемъ, защищала его отъ всякихъ непріязненныхъ посягательствъ и положила его въ основу дальнѣйшаго своего развитія. Этими внутренними, благотворными свойствами православія, дававшаго опору для развитія народной жизни, объясняются, съ одной стороны, живучесть русской православной народности въ Холмско-Подляшской Руси, не смотря на всѣ гоненія, какимъ она подвергалась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, а съ другой стороны — и самыя эти гоненія, которыми польско-католики пытались, во чтобы то ни стало, искоренить православіе, какъ одно изъ коренныхъ свойствъ русской народности, чтобы затѣмъ обезличить эту народность и превратить въ польскую. Борьба русскаго православія съ польскимъ католицизмомъ и наполняетъ собою почти всю церковную исторію Холмско-Подляшской Руси.

Съ появленія христіанства въ Холмско-Подляшской Руси и до конца XIV-го столѣтія, борьба между русскимъ православіемъ и польскимъ католицизмомъ только еще начиналась или, по крайней мѣрѣ, не достигала еще до полнаго своего развитія. Православіе повсемѣстно было распространено въ краѣ и явно преобладало надъ латинствомъ, которое стало проникать сюда и водворяться здѣсь только со времени подчиненія различныхъ частей Холмско-Подляшской Руси Литвѣ и особенно Польшѣ, хотя и въ это время польско-католики заявляли сильныя притязанія на подчиненіе себѣ и поглощеніе русской православной церкви.

Первоначально русская народность и православіе имѣли широкое распространеніе не только въ Холмско-Подляшской Руси, но и въ сопредѣльныхъ съ ней областяхъ, весьма рано ставшихъ достояніемъ Польши. По свидѣтельству русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, русскій обрядъ развивался и укрѣплялся не только въ искони русской

Холмской странѣ, но и въ Завислинской. Въ городахъ Судомирѣ (Сандомирѣ), Завихостѣ, Казимірѣ, Лысцѣ, Опатовѣ, Вислицѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ, не исключая Клепарскаго предмѣстья въ Краковѣ, существовали греческія церкви, и еще въ XIII-мъ и XIV-мъ вѣкахъ совершалось тамъ славянское богослуженіе. Въ XII-мъ вѣкѣ краковскій католическій епископъ Матвѣй, вызывая клервосскаго аббата (архимандрита) Бернарда къ берегамъ Вислы для искорененія якобы „безбожнаго русскаго обряда", указывалъ, что въ Привислинской странѣ „русское племя, безчисленнымъ множествомъ подобное свѣтиламъ небеснымъ, не соблюдаетъ правилъ католической вѣры". [19])

Православіе проникло въ Холмско-Подляшскую Русь двумя путями: изъ Моравіи и изъ Кіева.

Гербъ Литовской Руси.

Гербъ Червонной Руси

Сами польскіе ученые доказываютъ, что зачатки христіанской вѣры въ Польшѣ и сосѣдней съ нею Руси насаждены первоучителями славянъ святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками въ половинѣ IX-го вѣка, что еще задолго до крещенія польскаго князя Мечислава I, въ 965 году, по греко-славянскому обряду, находились въ привислинскихъ странахъ тысячи послѣдователей восточнаго православнаго вѣроисповѣданія, что эта паства уже тогда имѣла своихъ пастырей и, между прочимъ, въ городѣ Судомирѣ, подчинявшихся Паннонно-Моравской митрополіи, и наконецъ, что границы этой Меѳодіевской митрополіи простирались на востокъ до рѣкъ Буга и Стыря (на Волыни). [20])

Изъ Кіева православная вѣра занесена была въ Забужную Русь святымъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Хорошо знакомый

съ этимъ краемъ вслѣдствіе своихъ походовъ на червенскіе города и противъ ятвяговъ, Владиміръ, принявъ самъ св. православную вѣру съ Востока, сталъ насаждать ее какъ во всѣхъ предѣлахъ земли русской, такъ, безъ сомнѣнія, и въ Холмскомъ краѣ. По словамъ лѣтописей, святой Владиміръ, крестивъ всю землю русскую отъ конца и до конца, началъ ставить по городамъ церкви и священниковъ и людей къ крещенію приводить по всѣмъ городамъ и селамъ.[21]) Полякъ Стрыйковскій во второй половинѣ XVI-го вѣка писалъ слѣдующее: «Владиміръ Святославичъ принялъ крещеніе отъ митрополита, посланнаго съ Востока патріархомъ, и съ того времени всѣ русскіе народы, находящіеся въ бѣлой, черной, восточной, полунощной и полуденной Руси, твердо и непоколебимо стоятъ въ христіанской вѣрѣ, по обрядамъ и уставу греческимъ, подъ верховною властію константинопольскаго патріарха». [22])

Вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства на Руси, учреждена была св. Владиміромъ духовная іерархія, подъ властію кіевскаго митрополита, подчинявшагося цареградскимъ вселенскимъ патріархамъ. Вѣроятно, Холмская Русь входила въ составъ Владиміро-Волынской епархіи, учрежденной въ 992 году св. Владиміромъ для юго-западной Россіи. Даніилъ Романовичъ въ первой половинѣ XIII-го вѣка сначала учредилъ епархію въ Угровскѣ (нынѣ Угрускъ, Влодавскаго уѣзда), а потомъ перенесъ ее въ Холмъ, и съ тѣхъ поръ преемство холмскихъ епископовъ русскаго обряда непрерывно продолжается въ ней и до настоящаго времени. Изъ 28 холмскихъ православныхъ епископовъ, бывшихъ на Холмской каѳедрѣ до конца XVI-го вѣка, заслуживаютъ упоминанія: 1) Іоаннъ, современникъ Даніила, споспѣшникъ его въ обновленіи и украшеніи холмскихъ церквей, помощникъ его въ трудныхъ дѣлахъ, какъ напр. въ посольствѣ къ злому Бурундаю, къ которому ходилъ епископъ Іоаннъ, вмѣсто Даніила, съ братомъ его Василькомъ и сыномъ Львомъ; 2) Каллистъ, при которомъ въ 1276 году князь холмскій Юрій «придалъ къ стольцу сего епископа на богомоленіе вѣчисто села Стрижево, Слѣпче, Космово, Цуцнево, з обѣма береги обаполъ Бугу»; 3) Харитонъ угровецкій, принимавшій участіе въ избраніи на соборѣ въ Новогрудкѣ, 1416 года, особаго митрополита для западно-русской церкви; 4) Филаретъ, участвовавшій въ виленскомъ православномъ соборѣ 1509 года, созванномъ для устройства церковныхъ дѣлъ и порядка въ управленіи и жизни западно-русскаго духовенства; 5) Вассіанъ или Василій Бака, заступавшійся въ 1548 году

предъ польскимъ королемъ за русскихъ крестьянъ дер. Бусьня и Бѣлополя, близъ Холма, принуждаемыхъ грубешовскимъ старостою католикомъ Дембовскимъ къ разнымъ на себя работамъ.

Предѣлы Угровско-Холмской епархіи совпадали съ государственными границами древней Холмско-Белзской земли, отъ имени которой уже первые холмскіе владыки называются также епископами белзскими. При Даніилѣ Романовичѣ границы Холмской православной епархіи простираются по р. Вислу и обнимаютъ собою такъ называемыя тогда украинскія мѣстности по лѣвую сторону Буга и по обѣимъ сторонамъ р. Вепра. Въ XIV-мъ вѣкѣ въ предѣлы Холмской епархіи входятъ три округа по правую сторону Буга, на Волыни, Любомльскій, Турійскій (Кашегородскій) и Ратненскій,—и въ такихъ предѣлахъ Холмская епархія находилась до половины XVII-го вѣка, когда въ составъ ея входили земли Холмская, Белзская, Люблинская и часть Подляшья на сѣверъ отъ Холма до границъ нынѣшняго Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, заключавшія въ себѣ тогда 700 приходовъ. Остальная часть Подляшья, по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго теченія Буга, принадлежала всегда, до нынѣшняго вѣка, къ Владиміро-Брестской епархіи. [23])

Въ настоящее время нѣтъ возможности перечислить всѣ приходы въ Холмско-Подляшской Руси, принадлежавшіе нѣкогда православію, и прослѣдить исторію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, по недостатку письменныхъ свидѣтельствъ, которыя вообще въ незначительномъ числѣ сохраняются отъ глубокой древности, а въ Холмско-Подляшской Руси могли быть и намѣренно истребляемы врагами русской народности и православія. Тѣмъ не менѣе и при тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія имѣются въ настоящее время, можно прослѣдить по крайней мѣрѣ общую, главную нить непрерывной преемственности русской народности и православія въ здѣшнемъ краѣ съ самыхъ первыхъ временъ просвѣщенія его христіанскою вѣрою. Вотъ сохранившіяся извѣстія и преданія о памятникахъ православія въ краѣ съ X-го вѣка. По преданію, еще въ концѣ X-го вѣка построена была въ Люблинѣ церковь св. Николая. [24]) Другое преданіе, записанное у холмскаго уніатскаго епископа XVII-го вѣка Якова Суши, утверждаетъ, что св. равноапостольный князь Владиміръ около 1001 года соорудилъ въ Холмѣ Пречистенскій каѳедральный холмскій соборъ, близъ него церковь св. Василія и Спасскій Столпьевскій монастырь близъ Холма и снабдилъ первый изъ этихъ храмовъ древнею ико-

пою Богоматери, писанной, по преданію, евангелистомъ Лукою и доселѣ сохраняющейся въ Холмскомъ соборѣ, а Спасскій монастырь—иконою Спасителя.[25]) Въ XI-мъ и XII мъ вѣкахъ, по преданію, ходили въ Холмскую Русь сподвижники преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Кіево-Печерскихъ и, по выраженію Долгобродской лѣтописи, «въ при-Бузьѣ, въ Долгоброды (Влодавскаго уѣзда) научили страну ту православной вѣрѣ и поставили домъ Божій».[26]) По свидѣтельству церковной лѣтописи Щебрешинской Успенской церкви, эта церковь будто бы основана была, въ 1194 году, владѣльцемъ Щебрешинскаго округа княземъ Андреемъ съ Горки, который снабдилъ ее намѣстной иконой Богородицы. Правда, есть достаточный поводъ сомнѣваться въ основаніи этой церкви Андреемъ Горкою, жившимъ гораздо позже; но во всякомъ случаѣ сама церковь относится къ глубокой древности.[27])

Съ усиленіемъ Галицко-Волынскаго княжества и обузданіемъ ятвяговъ, дотолѣ разорявшихъ страну, она ярче прежняго начинаетъ выступать со своимъ православнымъ характеромъ и древними памятниками православія и письменными свидѣтельствами о нихъ. Главный виновникъ могущества Галицко-Волынскаго княжества, доблестный Даніилъ Романовичъ, въ началѣ XIII-го вѣка создавъ городъ Угровскъ или Угровескъ (нынѣ с. Угрускъ, Сѣдлецкой губ.), учредилъ въ немъ каѳедру епископа и основалъ Угровскій Даниловъ монастырь, а потомъ около 1235 года возобновилъ городъ Холмъ, перевелъ сюда епископскую каѳедру, возстановилъ здѣсь или отстроилъ заново Пречистенскій соборъ и вновь создалъ храмы во имя Іоанна Златоустаго, св. Троицы и Косьмы и Даміана. Богато сооружилъ и украсилъ Даніилъ эти храмы, особенно церковь св. Іоанна Златоустаго. Такъ напр., у входа въ алтарь были столбы изъ цѣльнаго камня, на которые упирался куполъ; вверху куполъ былъ украшенъ золотыми звѣздами по лазури; помостъ храма былъ вылитъ изъ мѣди и олова и блестѣлъ, какъ зеркало; двое дверей храма украшены тесанымъ камнемъ—галицкимъ бѣлымъ и холмскимъ зеленымъ; были тутъ и золотыя украшенія. Работы эти выполнялъ бывшій у Даніила свой искусный мастеръ Авдѣй. Были въ храмѣ прекрасныя иконы Спаса, Богородицы, Архангела Михаила, Іоанна Златоустаго, Срѣтенія Господня и др. Однѣ изъ нихъ писаны въ самомъ Холмѣ, другія принесены изъ Кіева и Овруча. Нѣкоторыя иконы были украшены дорогими камнями и золотымъ бисеромъ. Изъ Кіева пріобрѣлъ Даніилъ и колокола для своихъ храмовъ, а

д
с
и
с
н
р
У
р
от
Іо
и
Та
то
да
тѣ
га
ше
Ав
ге.
ни
Нѣ
ро

Святые славянскіе первоучители
Кириллъ и Меѳодій.

другіе вылилъ самъ въ Холмѣ. Когда страшный пожаръ 1259 года повредилъ нѣкоторые изъ этихъ храмовъ, то Даніилъ, поскорбѣвъ о томъ, позаботился вмѣстѣ съ холмскимъ епископомъ Іоанномъ возобновить ихъ и украсить заново. [28])

Въ 1240 году Даніилъ построилъ въ Дрогичинѣ церковь во имя пресвятой Богородицы. [29]) Кромѣ того, въ XIII-мъ вѣкѣ упоминаются еще слѣдующіе монастыри и церкви: Грубешовская Николаевская церковь—подъ 1255 годомъ, Островская, нынѣшняго Влодавскаго уѣзда, основанная въ 1276 году, и монастырь Люблинскій—подъ 1287 годомъ. Къ XIV-му вѣку восходятъ свѣдѣнія и преданія о существованіи православныхъ русскихъ церквей въ Городлѣ и Модрынѣ Грубешовскаго уѣзда и Калеховичахъ Влодавскаго уѣзда. Отъ послѣдней церкви сохранилось славяно-русское евангеліе, съ записью 1541 года. Отъ XV и XVI-го вѣковъ до нашего времени дошли свѣдѣнія о слѣдующихъ православныхъ церквахъ и монастыряхъ: Туробинской 1420 года Красноставскаго уѣзда, Люблинской Преображенской 1447 года, Казимірской Новоалександрійскаго уѣзда, Сычинской Константиновскаго уѣзда, Коденской Михайловской Бѣльскаго уѣзда, двухъ Войславицкихъ Холмскаго уѣзда, Красничинской Красноставскаго уѣзда, и Потокской Бѣлгорайскаго уѣзда, XV-го вѣка; Яблочинскаго монастыря, XV—XVI-го вѣка, Бѣльскаго уѣзда; Терешпольской церкви 1500 г. Замостьскаго уѣзда, Шмелевской 1505 г., Радомской губерніи, Опатовскаго уѣзда, Щекаревской (Красноставской) 1505 года, Лопенникской 1524 г., Красноставскаго у., Голубльской 1525 г. Сѣдлецкаго уѣзда, Красноставской 1542 г., Роговской 1546 г. Соколовскаго у., Городищенской 1550 г. Влодавскаго у., Шостенской до 1551 г. Радинскаго у., Крешовской 1552 г. Бѣлгорайскаго уѣзда, Рогозинской 1552 г. Томашовскаго у., Дрогичинскаго монастыря 1563 г. Соколовскаго уѣзда, Межирѣчской церкви 1564 г. и Долженской 1571 г. Радинскаго у., Тышовецкой 1571 г. Томашовскаго уѣзда, Витулинской 1573 г. Константиновскаго у., Вишницкой 1575 г. Влодавскаго у., Константиновской 1576 г., Буковичской 1576 г. и Корницкой 1578 г. Константиновскаго уѣзда, Бѣльской Рождество-Богородичной 1582 г., Тарноградской съ иконою Богоматери 1586 г. Бѣлгорайскаго у., Гольской и Коденецкой 1588 г. Влодавскаго у., Замостьскихъ Николаевской 1590 г. и Вознесенской, Гно-

инской 1592 г. и Сворской 1594 г. Константиновскаго у., Луковицкой 1595 г. Бѣльскаго уѣзда, Коденской Духовской Бѣльскаго у., Радинской, Грубешовской Успенской, Грабовецкой и Монатычской Грубешовскаго у., Бортатычской Замостьскаго уѣзда и Липинской Бѣлгорайскаго у., XVI-го вѣка. По всей вѣроятности, до XVII го вѣка основаны были православные монастыри: Турковицкій въ Грубешовскомъ уѣздѣ и Колемчицкій и Канскій въ Холмскомъ. [30])

Въ дѣлахъ церковнаго управленія и суда русская церковь въ Холмской епархіи, какъ и въ другихъ, руководилась номоканономъ, который былъ переведенъ на славянскій языкъ св. Меѳодіемъ, славянскимъ первоучителемъ, потомъ принятъ въ Россіи при св. Владимірѣ. Кириллъ, бывшій важнымъ духовнымъ сановникомъ и «печатникомъ» (канцлеромъ, секретаремъ) при Даніилѣ, а потомъ кіевскимъ митрополитомъ (1243—1280 г.г.), досталъ изъ Болгаріи новый переводъ номоканона съ толкованіями и ввелъ его во всѣхъ епархіяхъ, въ томъ числѣ и въ Холмской. Православный номоканонъ, называемый и кормчею, помнили и хранили въ Холмской епархіи и въ послѣдующіе вѣка, какъ то видно изъ уцѣлѣвшихъ въ ней старыхъ отрывковъ его. Въ дополненіе къ номоканону были еще церковные уставы св. Владиміра и Ярослава, ставшіе въ свое время руководствомъ и для Холмской епархіи, какъ и другихъ. [31])

Для устройства внутреннихъ дѣлъ западно-русской церкви собирались помѣстные соборы, на которыхъ присутствовали и холмскіе православные епископы. Такъ напр. холмскій владыка Харитонъ присутствовалъ на новогрудскомъ соборѣ 1416 года, избравшемъ особаго митрополита для западно-русской церкви, а владыка Филаретъ принималъ участіе въ дѣяніяхъ виленскаго собора 1509 г., созваннаго для устроенія западно-русской православной церкви. [32])

Не отставала Холмская епархія отъ другихъ западно-русскихъ епархій и въ учрежденіи церковныхъ братствъ съ разными благотворительными учрежденіями, получившихъ особенное развитіе въ западной Руси съ XVI-го вѣка. Едва ли не самымъ древнимъ изъ церковныхъ братствъ Холмской Руси нужно признать братство Щекаревское или Красноставское. Въ 1550 году король Сигизмундъ II Августъ совершилъ обмѣнъ съ красноставскими мѣщанами греческаго обряда, по которому уступилъ имъ усадьбу внутри стѣнъ городскихъ за усадьбу на предмѣстьи городскомъ, гдѣ находились домъ русскаго священника, храмъ пресв. Тро-

ицы и госпиталь церковный съ огородами, съ тѣмъ, чтобы мѣщане обратили королевскую усадьбу на надобности школы и для жилища священника. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVI-го вѣка были уже въ Красноставѣ церковно-приходская школа и богадѣльня, гдѣ призрѣвались нищіе и убогіе православной вѣры. И та и другая въ послѣдствіи времени состояли въ ближайшемъ завѣдываніи Красноставскаго братства, начало котораго предположительно относятъ даже къ XV вѣку.[33]) 15 Января, 1586 года, учреждено было антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ Люблинское православное братство при храмѣ Преображенія Господня, и уставъ его позднѣе скрѣпленъ былъ цареградскимъ патріархомъ Іеремію, который, въ бытность свою въ западной Россіи, въ 1589 году, посѣщалъ Замостье, Красноставъ и сосѣднія мѣстности. Такъ какъ братство на каждомъ шагу встрѣчало препоны и противодѣйствіе со стороны католиковъ, то прихожане просили тогда еще православнаго митрополита Рагозу объ утвержденіи ихъ братства. Митрополитъ Рагоза, съ согласія собора, засѣдавшаго тогда въ Брестѣ Литовскомъ, 28 іюня 1594 года, выдалъ братству грамоту, а король утвердилъ ее во всѣхъ ея пунктахъ. Уставъ братства Люблинскаго данъ патріархомъ Іереміей по чину братства духовнаго Львовскаго при храмѣ Успенія пресв. Богородицы, Виленскаго при храмѣ св. живоначальной Троицы и Брестскаго при соборномъ храмѣ св. чудотворца Христова Николая. Митрополитъ Рагоза, подверждая этотъ уставъ, поручилъ прихожанамъ Люблинской Преображенской церкви имѣть попеченіе о ней и содержаніи священника и разрѣшилъ имъ имѣть духовное братство, выбирать себѣ православныхъ и благонравныхъ священниковъ, учредить школу для дѣтей прихожанъ, больницу и госпиталь для убогихъ, заботиться о церковномъ благолѣпіи, помогать своимъ собратьямъ въ напастяхъ, бѣдахъ и недугахъ, и пр.[34]). Вѣроятно, въ 1589 году, во время пребыванія патріарха Іереміи въ Замостьѣ, учреждены были здѣсь братства Вознесенское и Николаевское.[35])

Но правильному и всестороннему развитію православной церкви въ Холмскомъ краѣ очень рано стало препятствовать чужеземное польское владычество. Около половины XIV-го вѣка, съ отторженіемъ отъ Галицко-Волынскаго княжества различныхъ частей его Польшею, начинаются въ этихъ частяхъ его тяжелыя для православія времена гоненій и преслѣдованій со стороны польскихъ князей, королей и пановъ, старав-

шихся прервать общеніе западно-русскихъ православныхъ съ единовѣрцами ихъ внѣ Польши, ополячить и совратить ихъ въ католичество. Прежде всего подпала подъ власть Польши Люблинская область, а затѣмъ Галиція. Еще Болеславъ Тройденовичъ угнеталъ здѣсь русскихъ православныхъ, за что и отравленъ былъ галичанами въ 1340 году. Польскій король Казиміръ Великій, нѣсколько разъ захватывая, кромѣ Галиціи, Владиміръ - Волынскій, Бѣлзъ, Холмъ и Брестъ, старался разобщить своихъ новыхъ подданныхъ съ заграничными ихъ единовѣрцами и ввести между ними польскую гражданственность и католичество. Взявъ въ 1349 году лестію землю Волынскую, Казиміръ Великій, по извѣстію лѣтописи, много зла православнымъ сдѣлалъ и церкви святыя превратилъ на латинское служеніе. Не желая, чтобы его новые русскіе подданные зависѣли въ духовномъ отношеніи отъ кіевскаго, но проживавшаго въ Москвѣ, митрополита, Казиміръ Великій задумалъ учредить особую православную Галицкую митрополію и въ 1369 году писалъ цареградскому патріарху Филоѳею съ угрозою, что если патріархъ не поставитъ на митрополію въ Галичъ посылаемаго къ нему Антонія, то онъ, Казиміръ, найдетъ нужнымъ окрестить всѣхъ русскихъ въ латинскую вѣру. Патріархъ уступилъ, и въ 1370 году учреждена была тогда же Галицкая митрополія, которой подчинены были епархіи Холмская, Туровская, Перемышльская и Владимірская; но эта митрополія существовала недолго и въ 1416 году замѣнена была Литовской митрополіей. При Людовикѣ венгерскомъ и Владиславѣ Опольскомъ, до временъ Ягайла, насильственное отнятіе церквей и обращеніе ихъ въ католическіе храмы, разные стѣснительные законы противъ православной церкви и противъ православнаго населенія были обыкновеннымъ явленіемъ. Въ 1372 году папа Григорій XI-й, узнавъ, что въ Руси, подчиненной Польшѣ, въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ находится нѣсколько православныхъ епископовъ, приказалъ буллою краковскому епископу лишить ихъ святительскихъ каѳедръ. «До нашего слуха дошло, — писалъ онъ, — что въ русской землѣ много схизматическихъ епископовъ». Такъ, по своему неразумію, латиняне и ихъ папы обыкли называть православныхъ и благочестивыхъ христіанъ. «По нашей пастырской обязанности, — продолжаетъ папа, — мы поручаемъ и приказываемъ вамъ всѣхъ, сколько бы ни было, епископовъ упомянутой русской церкви, какихъ по справкѣ

вы признаете схизматиками, совершенно удалять властію апостольскою отъ ихъ церквей и епископій». Буллою 13 февраля 1375 года, тотъ же папа приказалъ «схизматическихъ епископовъ, сколько бы въ означенныхъ русскихъ земляхъ ни оказалось ихъ, удалять, какъ

Холмскій каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ.

недостойныхъ». Для болѣе успѣшнаго окатоличенія Руси, тотъ же папа и въ томъ же году, по представленію Людовика венгерскаго и Владислава Опольскаго, учредилъ въ Руси одно галицкое латинское архіе-

пископство и три епископства: перемышльское, холмское и владимірское. Въ Холмскомъ краѣ, впрочемъ, ни латинскаго епископа, ни капитула, ни фундуша не было до 1414 года, потому что и римско-католиковъ въ краѣ было мало.

Владиславъ Ягайло, женившись въ 1386 году на польской королевнѣ Ядвигѣ и получивъ, кромѣ литовской, и польскую корону, подъ условіемъ принятія имъ и литовскими подданными католичества, въ слѣдующемъ 1387 году объявилъ въ западной Руси католичество господствующею вѣрою и одновременно издалъ грамоту, въ которой обѣщалъ всѣхъ людей своего государства, въ какомъ бы кто ни былъ званіи, состояніи и чинѣ, «къ вѣрѣ католической и святому послушанію римской церкви привести, принудить и всѣми способами присоединить, какой бы секты и отщепенства они ни были». Затѣмъ, Ягайло уничтожаетъ русское епископство въ Галичѣ и имѣніями его надѣляетъ Львовскую латинскую митрополію: подобнымъ же образомъ передаетъ русскую каѳедральную церковь Іоанна Крестителя съ ея имѣніями во владѣніе мѣстнаго католическаго епископа, приказавъ предварительно выбросить тѣла и останки погребенныхъ тамъ русскихъ вельможъ. На городельскомъ сеймѣ 1413 года постановлено было утвердить права и преимущества только церквей и духовенства римскаго обряда и почетныя должности и званія воеводъ и каштелянов съ этого времени давать только лицамъ римско-католической церкви. Въ 1414 году Ягайло устроилъ въ Холмѣ латинскую епископію, хотя холмскіе латинскіе епископы никогда не имѣли въ Холмѣ своей каѳедральной церкви и вели какъ бы кочевую жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто: въ 1473 году холмская латинская каѳедра переведена въ Грубешовъ, отсюда въ 1490 году въ Красноставъ и наконецъ въ 1781 году въ Люблинъ. Въ 1416 году Ягайло писалъ констанскому собору, что если бы онъ не былъ такъ занятъ войнами, то давно бы обратилъ русскихъ отъ греческаго обряда къ римской церкви. Въ 1418 году папа Мартинъ V-й, въ благодарность Ягайлѣ и Витовту за ревность ихъ по распространенію на Литвѣ и Руси римской вѣры и за обращеніе русскихъ въ католичество, назвалъ обоихъ главными своими намѣстниками въ Польшѣ и въ русскихъ земляхъ. Въ 1423 году Ягайло особою грамотою далъ львовскому латинскому архіепископу власть въ предѣлахъ Руси, подвластной Польшѣ, нака-

зывать схизматиковъ (т. е. православныхъ) и еретиковъ обоего пола и всякаго сословія и принимать мѣры къ тому, чтобы ниодинъ католикъ не крестилъ дѣтей по православному обряду. Кромѣ того, изданъ былъ законъ, чтобы ниодинъ католикъ латинскаго обряда не вступалъ въ бракъ съ русскою или съ русскимъ, если русскій или русская не перейдутъ въ латинскій обрядъ. Если кто изъ дворянъ или знатныхъ русскихъ лицъ принималъ латинскій обрядъ, то онъ пользовался тѣми же правами, какими пользовались польскіе знатные роды. Наоборотъ, всѣ православные лишались должностей и не имѣли права засѣдать въ сенатѣ и занимать государственныя должности. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Литвѣ происходятъ вѣроисповѣдныя волненія, въ 1436 году въ ней учрежденъ былъ трибуналъ священной инквизиціи, на 43 года ранѣе испанской инквизиціи, съ правомъ разыскивать и карать еретиковъ и русскихъ отщепенцевъ, приводить ихъ «въ послушаніе римскому двору» и не дозволять имъ строить и возобновлять церкви. При Ягайлѣ христіанами стали называть только поляковъ, державшихся римской вѣры, и въ законахъ русскіе православные отличались отъ поляковъ тѣмъ, что названіе христіанъ присвоялось только полякамъ. Русскимъ предписывалось совершать праздники по обряду латинскому, а русскія церкви назывались въ польскихъ законахъ синагогами.

Если и давались русскимъ православнымъ какія либо облегченія и льготы, то давались только въ надеждѣ церковнаго соединенія съ Римомъ, или въ виду особенныхъ какихъ либо заслугъ отдѣльныхъ лицъ или обществъ.

Въ 1438—1439 гг. на западѣ затѣяли устроить унію на такъ называемомъ флорентійскомъ соборѣ. Къ этой затѣѣ присталъ и тогдашній русскій митрополитъ изъ грековъ, по имени Исидоръ. Прибывъ въ Москву къ великому князю Василію Васильевичу, онъ сталъ проситься на соборъ. Князь долго не соглашался, но наконецъ уступилъ его просьбѣ, съ тѣмъ однако, чтобы онъ, безъ воли великаго князя, русскихъ епископовъ и народа, ничего не рѣшалъ на соборѣ и чтобы привезъ въ Москву чистую вѣру, которую Русь содержала до того времени. Митрополитъ Исидоръ поступилъ наперекоръ тому: онъ подписалъ унію съ Римомъ и на возвратномъ пути изъ Флоренціи, въ 1440 году, былъ въ Холмѣ и здѣсь провозгласилъ унію. Въ Холмщинѣ на-

родъ не хотѣлъ знать никакой уніи, и когда священникъ Спасской Столпьевской церкви Вавила объявилъ себя на сторонѣ митрополита Исидора, то православные прихожане, съ церковнымъ старостой во главѣ, отняли у своего священника все церковное имущество, садъ и проч. По этому поводу митрополитъ Исидоръ написалъ посланіе къ холмскимъ жителямъ, старостамъ и воеводамъ, въ которомъ онъ, заступаясь за попа Вавилу, писалъ, «что православнымъ христіанамъ, ляхомъ и Руси, достоитъ исполняти Божія церкви и ихъ священниковъ, а не обидѣти; се бо нынѣ далъ Богъ—одина братья христіане, латинники и Русь».

Въ видахъ поощренія къ скорѣйшему принятію уніи, польскій король Владиславъ III-й Ягайловичъ (1434—1444 гг.), по просьбѣ русскихъ, издалъ въ 1443 году грамоту, которою обезпечивалъ свободу русской церкви и сохраненіе древнихъ духовныхъ правъ ея и уравнивалъ русское духовенство въ правахъ съ духовенствомъ латинскимъ. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, сказано было слѣдующее: «въ то время, когда было разъединеніе и неравенство, восточная церковь, начальники и всѣ духовныя лица греческаго и русскаго обряда, подлежащія нашему господству на всемъ пространствѣ нашихъ владѣній, терпѣли нѣкоторое притѣсненіе и униженіе. Мы желаемъ возвратить имъ свободу, чтобы они могли усердно пещися о славѣ Божіей и умолять Спасителя нашего о спасеніи душъ вѣрныхъ и о сохраненіи въ сладкомъ мирѣ достоянія святой вѣры, къ чести и славѣ всемогущаго Бога, который искупилъ насъ своею дражайшею кровію, и потому мы почли нужнымъ дать всѣмъ церквамъ и епископамъ ихъ или владыкамъ, архимандритамъ, духовенству и другимъ церковнымъ лицамъ греческаго и русскаго обряда всѣ тѣ права и льготы и всякую свободу, какими пользуются всѣ церкви нашихъ королевствъ Польскаго и Венгерскаго и проч. и ихъ архіепископы, епископы, прелаты и другія духовныя особы. Всѣ доходы и содержаніе, какими пользовались упомянутые епископы или владыки и иныя духовныя особы русскаго благочестія, равно всѣ ихъ церкви, гдѣ либо существующія въ нашихъ владѣніяхъ, всѣ деревни и всѣ имѣнія, издавна имъ принадлежавшія, со всѣми ихъ правами, мы почли нужнымъ возвратить и возвращаемъ имъ настоящимъ завѣреніемъ нашей грамоты». Эта грамота подтверждена была, въ 1444 году, для холмскаго православнаго епископа Георгія. [3])

Митрополитъ Исидоръ былъ изгнанъ изъ Руси; епископы великой, малой и червонной Руси отреклись отъ него, не принявъ уніи. Но тѣмъ не менѣе польскіе короли, продолжая преслѣдовать православіе, должны были по временамъ обезпечивать и возобновлять права западно-русской церкви и ея духовенства. Къ этому они вынуждались какъ продолжавшимися въ послѣдующее время попытками къ уніи церквей восточной и западной, такъ и заступничествомъ русскихъ вельможъ и русскаго народа за свою преслѣдуемую вѣру.

Грамота Владислава III-го Ягайловича 1443 года, обезпечивавшая свободу русской церкви и сохраненіе ея древнихъ духовныхъ правъ, подтверждена была въ 1504 году королемъ Александромъ и выдана Холмской православной епископіи, какъ доказательство ея правъ. Впрочемъ, если Александръ предоставлялъ русскимъ православнымъ нѣкоторую свободу вѣры, то еще и потому, что сильно побаивался своего тестя, московскаго государя Іоанна III, который строго требовалъ отъ него не дѣлать обиды имъ въ ихъ вѣрѣ. Преемникъ Александра Сигизмундъ I (1506—1548) относился къ православнымъ немного лучше его. Въ 1509 году кіевскій митрополитъ Іосифъ Солтанъ созвалъ въ Вильнѣ соборъ для устроенія западно-русской православной церкви; затѣмъ поддержанный князьями греческаго закона, съ княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ во главѣ, просилъ Сигизмунда I, чтобы онъ подтвердилъ всѣ духовныя права, какія только дарованы были кіевскому митрополиту и подвѣдомымъ ему епископамъ отъ начала христіанства на Руси, на основаніи номоканона восточной церкви, уставовъ древнихъ русскихъ князей и грамотъ прежнихъ литовско-польскихъ государей. Сигизмундъ I грамотою отъ 2 іюля 1511 года опредѣлилъ: «имѣетъ кіевскій митрополитъ держать въ своей власти всѣ церкви греческаго закона въ нашемъ отечествѣ и управлять ими и давать имъ, по своимъ правиламъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всякій священническій чинъ греческаго закона, судить и рядить какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, и карать виновныхъ, и вообще отправлять всякія духовныя дѣла въ своихъ епископіяхъ по давнему обычаю». Тотъ же Сигизмундъ I въ 1538 году, по просьбѣ кіевскаго митрополита Макарія, сдѣлалъ письменное распоряженіе, «чтобы никто изъ начальствующихъ не препятствовалъ и не дозволялъ препятствовать—ни самому митрополиту, ни его намѣстникамъ—въ отправ-

леніи суда, наказаніи и исправленіи подчиненныхъ ему священниковъ и другихъ людей того рода». По просьбѣ православнаго холмскаго епископа Іоны Сосновскаго, эта грамота, вмѣстѣ съ грамотой 1443 года, подтверждена была Сигизмундомъ I въ 1543 году особой грамотой, въ которой, между прочимъ, сказано, что вышеприведенныя и утвержденныя имъ грамоты должны имѣть надлежащую силу и постоянную твердость во всѣхъ своихъ условіяхъ, частяхъ и мысляхъ, что̀ подтверждено также и Стефаномъ Баторіемъ въ 1585 году. Грамотой 11 марта 1565 года король Сигизмундъ II-й Августъ запретилъ чиновникамъ русскихъ земель дѣлать какія либо препятствія русскимъ въ совершеніи ихъ обрядовъ и, незадолго до люблинской уніи, въ 1563 и 1568 годахъ, уравнялъ русскихъ духовныхъ и мірянъ въ льготахъ и правахъ съ поляками католиками. Грамотой 1568 года, данною по просьбѣ кіевскаго митрополита Іоны II-го, этотъ король воспретилъ давать свѣтскимъ лицамъ духовныя должности, велѣлъ возвратить церковныя имѣнія, кѣмъ либо незаконно отнятыя, подтвердилъ и нѣкоторыя другія права, хотя и не всѣ, о коихъ просилъ митрополитъ. [37])

Но всѣ почти постановленія въ пользу православныхъ издавались только съ цѣлію усыпленія русскихъ, чтобы удобнѣе было уничтожить ихъ народность и вѣру, очень скоро забывались и оставались безъ приложенія на дѣлѣ и даже прямо уничтожались противоположными постановленіями и дѣйствіями, направленными противъ православія и русской народности. Законъ Ягайлы о брачномъ союзѣ поляковъ съ русскими возобновлялся очень часто. Польско-католики, женившіеся на русскихъ, требовали, чтобы онѣ или перекрещивались, или принимали латинскій обрядъ. Въ 1500 году, нѣкоторые изъ католическихъ епископовъ получаютъ отъ папы Александра VI-го, всему свѣту извѣстнаго нечестивца и распутника, разрѣшеніе, какъ для себя и своихъ преемниковъ, такъ и для всего римско-католическаго духовенства, употреблять оружіе противъ православныхъ, армянъ и татаръ и казнить смертію еретиковъ. Вообще папы и латинско-польскіе епископы отъ времени до времени поджигали полько-литовскихъ государей къ преслѣдованію русскихъ православныхъ и къ отнятію или умаленію правъ, уже данныхъ церкви ихъ этими государями. Волею или неволею государи слушались ихъ, какъ своихъ епископовъ. Далѣе, Сигизмундъ I не всегда былъ справедливъ. Показывая вѣротерпимость къ русскимъ

въ Литвѣ, имѣвшей свои права, независимыя отъ польской короны и сосѣдней съ Московскимъ государствомъ, котораго боялись въ Литвѣ и Польшѣ, Сигизмундъ позволялъ тяжко обижать православныхъ въ земляхъ Галицкой, Холмской, — вообще въ тѣхъ русскихъ земляхъ, которыя зависѣли прямо отъ Польши и были дальше отъ Москвы. Въ одной изъ своихъ грамотъ, писанныхъ въ Галицкую Русь (въ 1519 году) король дошелъ до того, что называлъ русскія церкви синагогами, очевидно со словъ латино-польскихъ епископовъ и ксендзовъ. Одно это показываетъ, какъ велики были и неразуміе и вражда къ русскимъ со стороны этихъ епископовъ и ксендзовъ: не ставало у нихъ тогда уже не только любви христіанской, но и боязни Божіей, чтобы удержаться отъ такой обиды христіанской святынѣ. Въ 1509 году львовскій католическій архіепископъ Бернардъ Вильчекъ выпросилъ у Сигизмунда I право себѣ и своимъ преемникамъ избирать окружныхъ намѣстниковъ для управленія русскимъ духовенствомъ и церквами, т. е. право, которымъ предоставлялась намѣстникамъ «власть ревизовать синагоги, исправлять поповъ и иныхъ церковно-служителей, вообще же чинить и исполнять все то, что было связано съ этой должностью». Тотъ же король, подчинивъ въ 1516 году Дрогичинскую землю польскому закону, постановилъ, чтобы общественныя должности отдаваемы были лицамъ римской вѣры. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ, въ Красноставѣ, мѣщане греческаго обряда не допускались къ городскимъ должностямъ, къ цехамъ и проч., что даже было причиною волненій и побудило Сигизмунда I облегчить испытываемыя несправедливости. Въ 1532 году Сигизмундъ I издалъ приказъ, чтобы, въ случаѣ смерти какого либо русскаго епископа, начальникъ этого города, съ двумя чиновниками и съ двумя людьми греческой вѣры, описывали и опечатывали движимое имущество епископа. Этотъ же король, въ 1533 году, отнялъ у холмскаго православнаго епископа три принадлежавшія его епископіи села и передалъ ихъ холмскому латинскому епископу, подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе будто бы изъ мѣстныхъ русскихъ дворянъ перешли въ католичество и что поэтому латинская епископская каѳедра должна быть обезпечена лучше, чѣмъ православная. Петроковскій соборъ католическаго духовенства, приравнивая русскихъ православныхъ къ евреямъ, постановилъ, чтобы русскимъ запрещено было отправлять открыто богослуженіе, звонить въ колокола и строить церкви. Съ половины

XVI-го вѣка польскіе короли взяли исключительно въ свои руки раздачу церковныхъ должностей въ западно-русской церкви и раздавали епископства и архимандритства, съ ихъ богатыми имѣніями, свѣтскимъ лицамъ за ихъ прежнюю гражданскую и военную службу и заслуги, а большею частію прямо за деньги, не обращая вниманія на нравственныя достоинства этихъ лицъ. По окончаніи тридентскаго собора, присутствовавшій на немъ польскій кардиналъ Гозій пригласилъ въ 1565 году въ Польшу іезуитовъ, а папа, съ своей стороны, прислалъ къ Сигизмунду II-му Августу своего нунція Коммедони, съ освященнымъ мечемъ для казни еретиковъ. Водворившись въ Польшѣ, іезуиты вскорѣ овладѣли воспитаніемъ юношества, и хотя собственно призваны были для борьбы съ протестантствомъ, но затѣмъ принялись разрушать и православную вѣру: совращали высшіе классы русскаго общества въ католичество, уничтожали русскія церкви, захватывали ихъ имущества и производили насилія надъ священнослужителями. По внушеніямъ іезуитовъ, и польскіе помѣщики старались совращать въ католичество православныхъ, находившихся въ ихъ владѣніяхъ. Перемышльская кастелянша Екатерина Ваповская въ грамотѣ своей 23 января 1593 года, между прочимъ, писала слѣдующее: «въ виду того, что римская церковь съ великимъ усердіемъ старалась всегда о приведеніи грековъ къ единству вѣры, насъ не будутъ порицать добрые христіане за то, что мы обращаемъ всѣ русскія церкви въ нашихъ вотчинахъ, селеніяхъ въ костелы римской вѣры». Оправдывая далѣе эту мѣру какъ испрошеннымъ на сіе соизволеніемъ папы (Григорія XIII-го), такъ, въ частности, жалобой католическихъ приходскихъ ксендзовъ на то, «что многіе поляки, проживая между Русью, ради болѣе своевольной жизни, переходили въ русское недовѣрство», Ваповская обращаетъ вниманіе приходскихъ ксендзовъ этихъ новыхъ костеловъ, «что они прежде всего должны обращать Русь къ римской церкви, крестить русскихъ дѣтей и наблюдать, чтобы они не были крещены въ другомъ мѣстѣ у поповъ, и чтобы ксендзы какъ можно чаще служили св. литургію по средамъ и пятницамъ за обращеніе Руси». Въ общемъ итогѣ гоненія на православныхъ значительно перевѣшивали собою тѣ льготы и права, какія иногда давались русскимъ православнымъ на бумагѣ. [38])

Насильственныя мѣры къ подавленію православія въ западной Руси и въ Холмскомъ краѣ не могли оставаться совершенно безуспѣшными,

Древняя Успенская церковь въ городѣ Щебретинѣ, Люблинской губерніи.

хотя успѣхъ ихъ далеко не оправдывалъ разсчеты и ожиданія гонителей. Прежде всего, начали совращаться въ католичество и ополячиваться болѣе слабые духомъ изъ дворянъ и вельможъ, предварительно зараженные польскою гражданственностію и образованіемъ и желавшіе выслужиться предъ польскимъ правительствомъ и получить отъ него житейскія выгоды. Но все-таки ядро высшихъ сословій и особенно простаго народа русскаго долго еще и твердо держалось своей народности и вѣры. Въ древнемъ холмскомъ помянникѣ, кромѣ мѣстныхъ владѣтельныхъ князей, потомковъ св. Владиміра и Гедимина, поминаются роды православныхъ князей и вельможъ Ольгимунтовичей, Ратенскихъ, Сангушковъ, Трабскихъ, Збаражскихъ, Острожскихъ, Друцкихъ, Глѣбовичей, Немировичей, Олизаровъ, Уровецкихъ, Крупскихъ, Андреевскихъ, Сосновскихъ, Крушинскихъ, Боговитиновъ, Солтановъ, Рагозъ, Кременецкихъ, Денисковъ, Луковскихъ, Шумлянскихъ, Свистельницкихъ, Верещинскихъ и весьма многихъ другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, защищая православіе и русскую народность, для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ принимали духовный санъ и затѣмъ занимали епископскія каѳедры. Таковы холмскіе епископы: въ концѣ XIV-го вѣка Несторъ, князь Ольгимунтовичъ, и Сильвестръ, князь кобринскій, а въ началѣ XVI-го вѣка—Алексѣй (Александръ), князь збаражскій. [39]) О твердости православныхъ въ своей вѣрѣ свидѣтельствуютъ сами католики. Свидѣтельство Стрыйковскаго мы приводили выше. Въ 1500 году краковскій каноникъ Иванъ Сакранъ писалъ о русскихъ слѣдующее: «по упорству въ своей схизмѣ (православіи), русскіе не вѣрятъ никакой предлагаемой имъ истинѣ, не принимаютъ никакого убѣжденія и всегда противорѣчатъ; убѣгаютъ ученыхъ католиковъ, ненавидятъ ихъ ученіе и отвращаются отъ ихъ наставленій;... русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянъ, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ». Недобрый и отуманенный собственною непріязнію къ православной вѣрѣ, каноникъ Сакранъ не хотѣлъ понять того, что русскимъ было тогда не до того, чтобы искоренять вѣру латинянъ; они хотѣли только сберечь свою вѣру, которую всѣми неправдами силились искоренить латиняне. Нѣсколько правдивѣе говорятъ о томъ въ XVI вѣкѣ іезуиты Поссевинъ и Скарга, жаловавшіеся на упорство (твердость въ вѣрѣ) русскихъ,

которые, по ихъ словамъ, будучи безгранично преданы старинѣ, не хотятъ мѣнять вѣры.[40])

При такомъ настроеніи и убѣжденіи большинства народонаселенія въ западной Руси,—понятно,—римское католичество не могло имѣть успѣха въ Холмскомъ краѣ и дѣйствительно распространялось весьма медленно. Оно поддерживалось лишь прибывшими изъ Польши католиками и немногими, отрекшимися отъ вѣры своихъ отцовъ, изъ-за почестей и житейскихъ выгодъ, литовско-русскими дворянами и мѣщанами. Убѣдительнымъ доказательствомъ малоуспѣшности католичества въ Холмской Руси могутъ служить нѣкоторыя числовыя данныя. На пространствѣ Холмскаго края въ XIV-мъ вѣкѣ было всего 14 костеловъ, въ XV-мъ вѣкѣ число это возрасло до 31, а въ XVI-мъ столѣтіи считалось въ этой странѣ до 60 костеловъ, изъ коихъ на нынѣшнюю Люблинскую губернію, окатоличенную въ западной своей части, приходится до 40. Но и это незначительное число костеловъ, выстроенныхъ преимущественно въ средоточіяхъ правительственной власти, существовало въ XV и XVI вѣкахъ болѣе для совращенія православныхъ, чѣмъ для дѣйствительной потребности католиковъ. Изъ грамоты короля Стефана Баторія, отъ 15 іюня 1581 года, на учрежденіе костела въ Волѣ Куленской, Крешовскаго округа (нынѣ въ Бѣлгорайскомъ уѣздѣ), видно, что въ этомъ округѣ, населенномъ исключительно послѣдователями греческаго обряда, было всего 23 человѣка католиковъ, для которыхъ, какъ сказано въ грамотѣ, положено учредить костелъ, въ томъ уваженіи, что число латинянъ можетъ скоро увеличиться. Въ городѣ Городлѣ и въ Тышовцахъ, Люблинской губерніи, имѣвшихъ въ то время костелы, считалось всего—въ первомъ 6 католическихъ семействъ, а во второмъ 9 домовъ католиковъ близъ замка, между тѣмъ какъ въ этихъ городахъ показано тогда по три православныхъ попа. Да и этимъ чахлымъ зародышамъ польскаго католичества въ Холмской Руси въ XVI-мъ вѣкѣ угрожало совершеннымъ уничтоженіемъ распространеніе протестанскихъ ересей, которыя нашли многихъ послѣдователей между поляками и обращенными въ католичество русско-литовскими вельможами. Даже нѣкоторые латинскіе ксендзы, женившись сами, обращали костелы въ протестанскія кирхи. Римско-католики Холмскаго края почти всѣ оставили латинство и перешли въ различные протестанскіе толки: въ одной Люб-

линской землѣ, въ половинѣ XVI-го вѣка, было 10 протестанскихъ кирхъ и 11 аріанскихъ молитвенныхъ сборовъ. [41])

Но къ самому концу того же XVI-го вѣка произошло весьма печальное событіе, послужившее къ совращенію православныхъ въ католичество. Это—введеніе церковной уніи между православными и католиками, занесенной и въ Холмско-Подляшскій край.

Глава четвертая.

Упадокъ православной церкви и бѣдствія ея отъ католиковъ. Брестская церковная унія. Состояніе уніи и православія въ Холмской Руси въ XVII вѣкѣ.

Понятіе о церковной уніи.—Подготовленія къ брестской уніи.—Упадокъ западно-русской церкви и усиленіе католичества; оживленіе православной западнорусской церкви и отпаденіе отъ нея недостойныхъ іерарховъ.—Объявленіе уніи на брестскомъ соборѣ 1596 года.—Твердость православныхъ въ своей вѣрѣ.—Ипатій Поцѣй и его дѣйствія противъ православія.—Учрежденіе базиліанскаго ордена и оживленіе уніи.—Общія судьбы уніи и православія въ западной Руси въ XVII вѣкѣ.—Положеніе уніи и православія въ Холмской Руси въ XVII вѣкѣ.—Львовскій православный епископъ Гедеонъ Балабанъ и холмскіе уніатскіе епископы Збируйскій и Андреевскій.—Возстановленіе православной западно-русской іерархіи патріархомъ Ѳеофаномъ.—Холмскій православный епископъ Паисій и уніатскіе епископы Пакоста и Меѳодій Терлецкій.—Возстановленіе правъ православной церкви на сеймѣ 1832 года.—Митрополитъ Петръ Могила въ Холмскомъ краѣ.—Возстаніе Богдана Хмельницкаго, коснувшееся и Холмской Руси.—Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ и холмскій православный епископъ Діонисій Балабанъ.—Отмѣна данныхъ православнымъ правъ.—Московскія и казацкія войска въ Литвѣ и Холмскомъ краѣ.—Состояніе уніи и православія въ Холмской Руси при холмскихъ уніатскихъ епископахъ Яковѣ Сушѣ, Александрѣ Лодзятѣ и Гедеонѣ Войнѣ-Оранскомъ.—Совращеніе въ унію Замостьскаго, Люблинскаго и другихъ православныхъ братствъ.—Состояніе католичества и число костеловъ въ Холмской Руси въ XVII-мъ вѣкѣ.

Православная восточная церковь всѣмъ сердцемъ желаетъ единенія всѣхъ христіанъ и церквей и ежедневно молитъ Бога «о мирѣ всего міра, и о благостояніи церквей Божіихъ Святыхъ, и соединеніи всѣхъ». Но православная церковь желаетъ, чтобы это единеніе было правдивое, истинное, т. е., чтобы при этомъ сохранена была та истинная вѣра, которую исповѣдуетъ вся христіанская, вселенская церковь, а съ нею исповѣдывала и церковь римская, пока не отступила отъ нея, поставивши ученіе своихъ папъ выше ученія всего христіанскаго міра, всей христіанской церкви. Какъ по любви къ единенію въ вѣрѣ, такъ и съ цѣлію улучшенія плачевнаго положенія западно-русской православной церкви, затѣвалась въ Литовско-Польскомъ государствѣ и такая унія правосла-

вія съ католичествомъ, которая имѣла въ виду равноправное существованіе обѣихъ церквей и особенно сохраненіе правъ русской православной церкви въ польско-литовскихъ предѣлахъ. Мысль объ этой уніи развивалъ, не безъ вліянія владимірскаго епископа Ипатія Поцѣя, извѣстный защитникъ православія, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Онъ высказывалъ слѣдующія желанія: 1) чтобы остались неприкосновенными обряды восточной церкви; 2) чтобы паны римляне церквей нашихъ и ихъ имѣній на свои костелы не отбирали; 3) чтобы, по заключеніи уніи, они не принимали тѣхъ изъ нашихъ, которые захотѣли бы перейти въ католичество; 4) чтобы духовные наши были въ такомъ же почетѣ, какъ и ихъ, и чтобы митрополитъ съ владыками имѣли мѣсто въ сенатѣ и на сеймахъ; 5) чтобы унія съ Римомъ была заключена съ согласія патріарховъ восточныхъ, московскаго и представителей молдо-влахійской церкви; 6) нужны также исправленія нѣкоторыхъ вещей въ церквахъ нашихъ, особенно касательно людскихъ вымысловъ, и 7) весьма нужно заботиться о школахъ и свободныхъ наукахъ, особенно для образованія духовенства, чтобы мы могли имѣть ученыхъ пресвитеровъ и хорошихъ проповѣдниковъ; ибо отъ того, что нѣтъ наукъ, въ нашемъ духовенствѣ умножилась великая грубость. Но такая унія не входила въ разсчеты польскаго правительства и римско-католической церкви. Наиболѣе угодною польскому правительству и римско-католикамъ была другая унія,—въ смыслѣ частнаго подчиненія западно-русской церкви папѣ и принятія уніатами римско-католическихъ догматовъ. Такую унію можно прямо назвать русскимъ католичествомъ или папизмомъ, который отъ латино-польскаго католичества отличался только внѣшнею обрядностію и языкомъ, да и то на первыхъ только порахъ по введеніи уніи.[42])

Извѣстно, что польско-литовская церковная унія окончательно объявлена была въ 1596 году; но она подготовлялась гораздо ранѣе различными гоненіями на православіе и была прямымъ послѣдствіемъ государственнаго соединенія Литвы и Руси съ Польшею. Поглотивъ собою вчетверо больше, по пространству и населенію, земель, чѣмъ сколько сама имѣла, Польша задалась неблагодарною задачею уподобить себѣ населеніе захваченныхъ ею земель и превратить литовско-русскій народъ въ польскій одною для государства римско-католическою вѣрою. Закончивъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 года насильственное соединеніе ли-

товско-русскихъ земель съ Польшею, король Сигизмундъ II-й Августъ въ заключительной рѣчи на этомъ сеймѣ высказалъ, что онъ думаетъ еще объ одномъ важномъ дѣлѣ, имѣющемъ завершить люблинскую унію, о возстановленіи единства вѣры, котораго однако же хочетъ достигнуть безъ всякаго насилія совѣсти и не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти.[43]) Впрочемъ, царское слово не было и не могло быть крѣпко въ іезуитской и своевольной Польшѣ, и, вопреки ему, церковная унія подготовлялась и вводилась въ литовско-русскомъ народѣ путемъ происковъ и насилія.

Преображенская церковь въ селѣ Сычинѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

Ближайшими подготовительными мѣрами къ введенію церковной уніи въ Польско-Литовскомъ государствѣ были, съ одной стороны, нарочитое, искусственное униженіе и обезличеніе русской народности и православной церкви, съ другой—усиленіе католической церкви.

Намъ уже извѣстно, что съ половины XVI-го вѣка польскіе короли взяли исключительно въ свои руки раздачу церковныхъ должностей и брали за нихъ деньги въ свою казну. Съ другой стороны, въ самомъ западно-русскомъ обществѣ обнаружился къ тому времени рѣзкій внутренній переломъ, благодаря усилившемуся усвоенію понятій и привычекъ поль-

ской образованности и шляхетскаго общежитія, а также подъ вліяніемъ умственнаго и вѣроисповѣднаго броженія, волновавшаго въ XVI-мъ вѣкѣ всю Европу и ощутительно отражавшагося въ Литвѣ и юго-западной Руси. Этотъ переломъ болѣе всего коснулся высшихъ сословій западно-русскаго населенія и обнаружился въ томъ, что старыя народныя основы и преданія стали забываться, общественныя понятія и отношенія подвергались коренному измѣненію, а православныя вѣрованія потеряли прежнюю силу и искренность и вывѣтрились у очень многихъ до степени полнаго безразличія въ вѣрѣ. Въ то же время, вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-русскіе шляхтичи скорр ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и всѣми мѣрами старались выпрашивать у короля грамоты на разныя прибыльныя мѣста и должности и, между прочимъ, на епископіи и архимандріи, владѣвшія весьма значительными имѣніями, пожалованными имъ древними русскими и литовскими князьями и другими благочестивыми лицами. Минуя прежній путь къ достиженію этихъ должностей, т. е. всенародное избраніе, эти искатели предпочитали обращаться съ искательствомъ непосредственно къ «верховному подавцѣ столицъ и хлѣбовъ духовныхъ», т. е. къ королю, и наперерывъ другъ передъ другомъ выпрашивали у него жалованныя грамоты на архіерейскія и архимандричьи мѣста, кто за прежнія гражданскія и военныя заслуги, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, большинство—прямо за деньги. Достигнувъ цѣли своихъ искательствъ, тогдашніе архіереи-шляхтичи нисколько не заботились о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ, а все вниманіе и помыслы посвящали одной заботѣ о личномъ обогащеніи.[44]) Вообще на святительскихъ каѳедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ всякаго призванія и подготовки къ пастырскому служенію, нерѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, «волки несытые», заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся порокамъ и безнаказанно нарушавшіе каноническіе и церковные обычаи. Въ средѣ высшей и низшей іерархіи исчезла самая тѣнь церковнаго благоустройства: всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица, опороченныя тягчайшими преступленіями, спокойно оставались на своихъ мѣстахъ, къ великому соблазну своихъ и чужихъ; священники не хотѣли слушаться своихъ архипастырей, погрязали въ невѣжествѣ, предавались пьянству и другимъ порокамъ и больше заботились о томъ,

чтобы угодить своимъ покровителямъ помѣщикамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ. Не было хорошихъ школъ, угасла наука церковная, умолкла проповѣдь. Вездѣ и повсюду царило грубое невѣжество, равнодушіе къ судьбѣ православія и преступное небреженіе о его нуждахъ и потребностяхъ. «Всѣ вы знаете,—писалъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій Ипатію Поцѣю,—что люди нашей вѣры сдѣлались до того равнодушными, лѣнивыми и невнимательными, что не только не заступаются за церковь Божью и за вѣру свою

Михайло-Архангельская церковь XVI вѣка въ селѣ Витулинѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

старожитную, но многіе сами насмѣхаются надъ нею и убѣгаютъ въ разныя секты. А все это умножилось отъ того, что у насъ не стало учителей, не стало проповѣди слова Божья, не стало науки. Пришло на насъ, наконецъ, то, что не остается у насъ ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ: все низпроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если еще не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что̀ будетъ съ нами далѣе». Протестантское движеніе разливалось широкою волною по западнорусскимъ областямъ и

уносило изъ среды православной все новыя жертвы, и, какъ на зло, въ это именно время успѣшнѣе всего распространялись здѣсь самыя крайнія протестантскія секты. [45])

Въ то время, когда западно-русская православная церковь, подъ гнетомъ преслѣдованій, клонилась къ упадку, — польско-католическая церковь стала укрѣпляться и усиленно возобновила преслѣдованіе какъ протестантскихъ сектантовъ, такъ и исповѣдниковъ православія. Римскіе папы, озабоченные возникшимъ въ католической церкви расколомъ, пошатнувшимъ ихъ значеніе и основы этой церкви, стали изыскивать мѣры для подавленія протестантства и другихъ сектъ, враждебныхъ Риму. Созванъ былъ тридентскій соборъ, который, послѣ десятилѣтняго своего существованія, призналъ, между прочимъ, лучшимъ средствомъ для противодѣйствія распространенію протестантства и охраненія правъ римскаго престола, разослать во всѣ страны іезуитовъ, испытанныхъ уже тогда защитниковъ всемірнаго господства папъ и римскаго католичества. По окончаніи сего собора, въ 1564 году, на парчевскій сеймъ явился папскій нунцій, кардиналъ Коммедони, и представилъ королю присланную отъ папы книгу опредѣленій тридентскаго собора, съ требованіемъ, чтобы они были приняты и въ Польшѣ. Въ сильной рѣчи кардиналъ пугалъ короля ужасами возмущенія отъ разновѣрія и вольнодумства въ Польшѣ и Литвѣ и увѣщевалъ его принять опредѣленія собора для охраны и утвержденія единой римско-католической вѣры. Поляки отказывались; возражалъ даже польско-католическій архіепископъ Уханскій, требовавшій, чтобы опредѣленія собора были предварительно обсуждены представителями польской церкви и страны. Но король объявилъ, что слова нунція считаетъ внушеніемъ свыше и изъявляетъ волю свою на принятіе опредѣленій собора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, польскій кардиналъ Гозій, присутствовавшій на тридентскомъ соборѣ, пригласилъ на помощь упадавшему въ Польшѣ католичеству іезуитовъ, которые быстро подавили здѣсь протестантское движеніе, совратили большую часть высшихъ классовъ западно-русскаго общества въ католичество и приготовили унію православной западно-русской церкви съ католическою. [46]) Іезуитъ Антоній Поссевинъ, посылавшійся папой въ 1581 году въ Москву для примиренія Іоанна IV-го съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ и для переговоровъ объ уніи, возвратившись въ Римъ,

представилъ папѣ отчетъ о своей дѣятельности и, объяснивъ неодолимыя затрудненія, съ которыми соединены попытки ко введенію въ Россіи католичества, обратилъ вниманіе на южно-русскую церковь въ польскихъ владѣніяхъ и предложилъ начать съ нея окатоличеніе Руси. Раскрывая подробно свою мысль, онъ указалъ на унію, какъ на удобнѣйшій способъ приведенія русскихъ къ латинству, съ тѣмъ, чтобы дозволить имъ до времени удержать свои обряды и богослуженіе и дозволить священникамъ вступать въ бракъ по греческому обряду.[47]) Другой іезуитъ Петръ Скарга издалъ въ 1577 году въ Вильнѣ сочиненіе свое «о единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ сего единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскимъ народамъ, держащимся грековъ». Въ этомъ сочиненіи проводилась, главнымъ образомъ, та мысль, что для православной западно-русской церкви будто-бы нѣтъ и не можетъ быть другаго выхода изъ того жалкаго, разстроеннаго положенія, въ какомъ она тогда находилась, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на флорентійскомъ соборѣ соединеніе съ католическою церковью подъ главенствомъ римскаго первосвященника, но съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ; что греки безсильны оказать ей какую либо помощь, ибо и сами, находясь въ неволѣ, страдаютъ будто бы тѣми же нестроеніями и погрязаютъ въ невѣжествѣ; что восточные патріархи никогда не заботились о русской церкви и намѣренно удерживали русскихъ въ невѣжествѣ, чтобы удобнѣе обирать ихъ; что истинная наука и просвѣщеніе сіяютъ лишь въ римской церкви и что, соединившись съ римлянами, православные не только тѣмъ положили бы предѣлъ торжеству надъ собою со стороны еретиковъ протестантовъ, но привели бы и ихъ самихъ къ общему церковному единенію и тѣмъ способствовали бы совершенному уничтоженію ересей въ Польско-Литовскомъ государствѣ. [48])

Эти планы и сочиненія іезуитовъ о церковной уніи съ Римомъ, въ связи съ упадкомъ западно-русской православной церкви, произвели глубокое впечатлѣніе и сильное, но самое разнообразное дѣйствіе на православныхъ, смотря по различію ихъ внутренняго настроенія. Тогда какъ одни изъ нихъ рѣшились всѣми силами оживить западно-русскую православную церковь и защищать ее отъ посягательствъ Рима, другіе, будучи заражены, въ большей или мень-

шей мѣрѣ, польско-католическимъ образованіемъ и духомъ, невольно склонялись къ церковной уніи съ Римомъ.

Въ тяжелыя времена внутренняго упадка западно-русской православной церкви и усиленнаго нападенія на нее польско-католиковъ, она проявила въ себѣ разнообразныя силы и дарованія на защиту себя и вселенской истины. Съ одной стороны, съ конца XVI-го вѣка западно-русскую православную церковь начинаютъ посѣщать восточные православные патріархи, какъ напр. охридскій патріархъ Гавріилъ—въ 1582 году, антіохійскій патріархъ Іоакимъ—въ 1585 г. и цареградскій патріархъ Іеремія—въ 1588—1589 гг., проживавшій долгое время въ Замостьѣ. Кромѣ сборовъ на нужды своихъ церквей, эти патріархи заботились о благоустроеніи западно-русской православной церкви, благословляли открытіе церковныхъ братствъ, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно патріаршей власти, назначали своихъ особыхъ экзарховъ или намѣстниковъ для западно-русской церкви, присылали ученыхъ грековъ для преподаванія въ высшихъ школахъ—львовской, острожской, виленской и другихъ—и греческія книги для исправленія по нимъ книгъ церковно-славянскихъ. Съ другой стороны, русскіе православные вельможи, съ княземъ Константиномъ Острожскимъ во главѣ, и братства учреждали высшія греко-русскія школы и книгопечатни, заботились объ исправленіи и изданіи полной библіи на славяно-русскомъ языкѣ и богослужебныхъ и учительскихъ книгъ православной церкви. Къ этому времени относится появленіе во Львовѣ русской книгопечатни московскаго печатника Ивана Ѳедорова, который, бѣжавъ изъ Москвы въ Литву, встрѣтилъ пріютъ у литовскаго гетмана Григорія Александровича Ходкевича и уже потомъ изъ его имѣнія Заблудова перенесъ типографію въ Львовъ, гдѣ напечаталъ въ 1574 году «Апостолъ», «Евангеліе учительное» и многія другія книги.

Независимо отъ того, князь Константинъ Острожскій, желая предотвратить на будущее время поступленіе на іерархическія мѣста лицъ недостойныхъ, въ 1592 году испросилъ особую королевскую грамоту, въ которой Сигизмундъ III-й обѣщалъ впредь предоставлять высшія духовныя должности въ церкви православной только такимъ лицамъ, которыя будутъ рекомендованы ему самимъ княземъ. [49]) Начинался рѣшительный поворотъ и обновленіе и въ жизни православнаго западно-русскаго монашества, благодаря такимъ знаменитымъ подвижникамъ,

каковы были преподобный Іовъ Почаевскій, Іовъ Княгининскій, Іоаннъ Вишенскій и другіе, и покровительству князя Острожскаго и нѣкоторыхъ изъ лучшихъ православныхъ іерарховъ, напр. львовскаго епископа Гедеона Балабана.

Но всѣ эти средства къ поднятію западно-русской православной церкви, содѣйствуя пробужденію ея и проявленію въ ней духа и силы, не только не могли предотвратить уніи съ Римомъ, а въ нѣкоторой мѣрѣ содѣйствовали даже этой уніи, выгоняя изъ здороваго тѣла церкви нездоровые зараженные соки и заставляя ихъ сосредоточиваться въ уніи, какъ наружномъ, злокачественномъ вередѣ. Дѣло въ томъ, что людямъ, нравственно неустойчивымъ и зараженнымъ чужими обычаями и мнѣніями, вообще не могли нравиться тѣ исправительныя и врачебныя средства, какія стали предприниматься теперь восточными патріархами, ихъ уполномоченными и мѣстными ревнителями и защитниками православія по отношенію къ западно-русской православной церкви. Притомъ же, между этими средствами были и исключительныя, выходившія изъ ряда обыкновенныхъ и вызывавшіяся исключительнымъ положеніемъ западно-русской православной церкви, каковы, напримѣръ, были: личное посѣщеніе восточными патріархами западно-русской православной церкви, назначеніе ими, съ своей стороны, экзарховъ, учрежденіе ставропигіальныхъ братствъ, не только не зависѣвшихъ отъ мѣстнаго епископа, но имѣвшихъ даже нѣкотораго рода наблюденіе за нимъ. Эти-то исключительныя мѣры больше всего и не нравились тѣмъ западно-русскимъ іерархамъ, которые или чувствовали за собой какіе либо грѣхи и опасались должнаго возмездія за нихъ, или же заражены были неправославными мнѣніями о церкви и взглядами на нее. Изъ такихъ лицъ, испорченныхъ нравственно или умственно, и вышли тѣ русскіе іерархи и духовныя лица, которые первоначально согласились на унію русской церкви съ западною католическою: съ одной стороны, епископы луцкій Кириллъ Терлецкій, холмскій Діонисій Збируйскій и пинскій Леонтій Пельчицкій, а съ другой—владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй. Первые трое, чувствуя за собой грѣшки, боялись власти восточныхъ патріарховъ и постоянно тревожились за свою собственную власть и безопасность. «Теперь восточные патріархи,—говорилъ Кириллъ Терлецкій своимъ собратьямъ владыкамъ,—имѣя свободный путь въ землю Московскую, станутъ часто ѣздить

туда для сбора милостыни и, ѣдучи въ Москву и назадъ, не могутъ миновать и насъ; имѣя же королевскія разрѣшительныя грамоты на право чинить судъ и распоряженія въ нашей церкви, не преминутъ всякій разъ пользоваться этимъ правомъ и станутъ снова мутить между нами. Вѣдь, вотъ Іеремія низложилъ уже одного митрополита и какое безчестье учинилъ ему этимъ! Притомъ же и братства утвердилъ, которыя будутъ и теперь уже суть нашими гонителями: хотя чего и не будетъ, то они взведутъ на насъ и обжалуютъ патріарху; и затѣмъ, сохрани Богъ, низложатъ ли кого изъ насъ съ епископства, то сами посудите, какое то будетъ безчестіе». Не долюбливалъ братствъ и Ипатій Поцѣй, съ дѣтства оторванный отъ духа и преданій своей предковской вѣры и воспитанный на протестантской и католической богословской наукѣ. Недавно обратившись изъ протестантства, онъ ненавидѣлъ его всѣми силами своей души и ложно усматривалъ выраженіе протестантскихъ мыслей въ нѣкоторыхъ особенностяхъ внутренняго строя самой православной церкви, напримѣръ въ избирательности духовенства, въ участіи мірянъ въ духовныхъ дѣлахъ, въ дѣятельности церковныхъ братствъ и т. п. «Не думаю, — писалъ онъ, — чтобы нашелся человѣкъ христіанинъ, который бы не тронулся той горькой обидой, какую терпимъ мы, русскіе владыки, и отъ кого же? отъ простыхъ, посполитыхъ людей, ремесленниковъ, которые, покинувъ свое ремесло — дратву, ножницы, шило, и присвоивъ себѣ власть, приличную въ церкви однимъ лишь пастырямъ, неуважительно обращаются съ самимъ словомъ Божіимъ, посвоему его переиначиваютъ, извращаютъ и на свои богохульныя и еретическія выдумки выворачиваютъ, своихъ законныхъ пастырей безчестятъ, позорятъ и клевещутъ на нихъ. [50]) Изъ-за тѣхъ же исключительныхъ мѣръ церковныхъ недоволенъ былъ восточными патріархами и львовскимъ братствомъ и лучшій изъ тогдашнихъ западно-русскихъ архипастырей, львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, и въ увлеченіи борьбы съ ними готовъ былъ пристать къ уніи съ католичествомъ, хотя, къ счастію, во-время отсталъ отъ нея.

Въ іюнѣ 1591 года, на съѣздѣ западно-русскихъ архіереевъ, происходившемъ въ г. Брестѣ, была составлена первая грамота объ уніи, подписанная Кирилломъ Терлецкимъ, Гедеономъ Балабаномъ, Леонтіемъ Пельчицкимъ и Діонисіемъ Збируйскимъ. Въ грамотѣ епи-

скопы заявляли о своей готовности признать папу своимъ пастыремъ, если только онъ согласится оставить безъ нарушенія всѣ церемоніи и обряды восточной церкви и если король обезпечитъ особыми грамотами ихъ вольности и утвердитъ нѣкоторыя условія, которыя ими будутъ представлены. Объ этомъ постановленіи архіереевъ Кириллъ Терлецкій поспѣшилъ довести до свѣдѣнія короля, который 15 мая 1592 года, т. е. почти черезъ годъ, выдалъ отвѣтную королевскую грамоту. Въ ней Сигизмундъ III объявлялъ, что съ радостію принимаетъ намѣреніе русскихъ епископовъ подчиниться папѣ, и удостовѣрялъ своимъ господарскимъ словомъ, что будетъ защищать ихъ отъ суда патріарховъ, отъ всякихъ жалобъ и обвиненій, не отниметъ у нихъ каѳедръ и имѣній, дастъ новыя вольности и льготы, какими пользуются римскіе духовные. Для устройства уніи, Сигизмундъ III въ 1595 г. послалъ въ Римъ Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго, которые, 23 декабря 1595 года, присягнули, отъ себя и отъ лица остальныхъ архіереевъ, на вѣчное соединеніе западно-русской церкви съ римскою и полное ея подчиненіе папѣ. Принимая эту унію въ Римѣ, Поцѣй и Терлецкій совершенно отступились отъ православія, вполнѣ приняли римскую вѣру со всѣми ея ученіями и постановленіями, какъ они изложены не только на флорентійскомъ, но и на тридентскомъ соборахъ. Въ смыслѣ снисхожденія, папа дозволилъ только уніатамъ сохранять обряды восточной церкви, и то не всѣ, а лишь тѣ, которые, на его взглядъ, окажутся непротивными ученію католической церкви. [51])

Но нерадостныя вѣсти застали владыки у себя дома: вся Литва и юго-западная Русь волновались, громко выражали свое негодованіе противъ архіереевъ, опозорившихъ себя вѣроотступничествомъ, и требовали ихъ низложенія. Для торжественнаго признанія и провозглашенія уніи съ Римомъ Сигизмундъ III созвалъ, въ 1596 году, брестскій соборъ. Но, вмѣсто одного, на самомъ дѣлѣ состоялись въ Брестѣ два собора—уніатскій и православный. Первый составляли митрополитъ Рагоза и епископы владимірскій Ипатій Поцѣй, луцкій Кириллъ Терлецкій, полоцкій Германъ, пинскій Іона Гоголь, холмскій Діонисій Збируйскій и нѣсколько архимандритовъ, три католическіе епископа съ нѣсколькими іезуитами въ качествѣ пословъ папы, послы короля изъ польскихъ вельможъ и другія лица. На сторонѣ

*

православія находились: два экзарха патріарховъ цареградскаго Никифоръ и александрійскаго Кириллъ Лукарисъ; Лука, митрополитъ велиградскій; Макарій, архимандритъ монастыря Симона Петра на св. горѣ, по порученію Паисія, епископа веноцкаго; Матѳей, архимандритъ святогорскаго Пантелеимонова монастыря, по порученію Амфилохія, епископа мукачскаго; епископы львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій и съ ними девять архимандритовъ, два игумена и множество протоіереевъ, священниковъ, монаховъ; многіе государственные сановники и между ними князь Константинъ Константиновичъ Острожскій съ сыномъ своимъ Александромъ, съ отрядомъ вооруженныхъ людей; послы отъ разныхъ воеводствъ и повѣтовъ, отъ городовъ и отъ братствъ Виленскаго и Львовскаго. Обѣ стороны, и православная и уніатская, считали себя правыми, а противниковъ неправыми, взаимно отлучили другъ друга отъ церкви и прокляли, а духовныхъ лицъ противной стороны объявили низложенными съ ихъ должностей, и за утвержденіемъ и исполненіемъ своихъ рѣшеній и постановленій обратились къ королю. Такимъ образомъ, бресткій соборъ 1596 года, вмѣсто предполагавшагося единенія (уніи), произвелъ еще большее и рѣшительное разъединеніе между многочисленными православными и малочисленными уніатами и отдѣлилъ, такъ сказать, пшеницу отъ плевелъ. [52])

Легко было предвидѣть, чью сторону приметъ король Сигизмундъ III, ослѣпленный приверженецъ римской церкви. Кромѣ королевской власти, на сторонѣ уніатовъ была поддержка со стороны Рима, польскаго римско-католическаго духовенства и польскихъ вельможъ и небольшая горсть принявшихъ унію русскихъ людей. На сторонѣ православныхъ была высшая духовная власть въ лицѣ константинопольскаго патріарха, громадное большинство западно-русскаго народа, его духовенство и вельможи, во главѣ которыхъ стоялъ могущественный защитникъ православія, князь К. К. Острожскій. Притомъ же западно-русскій народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ и въ отдѣльныхъ сословіяхъ и классахъ, имѣлъ извѣстное обеспеченіе своихъ правъ въ самихъ польскихъ законахъ и находилъ для себя ободреніе и поддержку въ вѣроисповѣдномъ и племенномъ родствѣ съ обитателями другихъ сосѣднихъ державъ и особенно Московскаго государства. [53]) Слѣдовательно,

борьба между православными и уніатами предстояла продолжительная и упорная.

Тотчасъ послѣ брестскаго собора, Сигизмундъ III издалъ 15 декабря 1596 года приказъ ко всѣмъ православнымъ, чтобы они не признавали православныхъ епископовъ львовскаго Гедеона Балабана и перемышльскаго Михаила Копыстенскаго своими епископами и не имѣли съ ними никакого общенія, какъ съ низложенными и проклятыми, а признавали своими законными архипастырями митрополита

Св. Троицкая церковь въ селѣ Буковичи, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

Рагозу и другихъ владыкъ, принявшихъ унію, и оказывали имъ совершенное послушаніе во всемъ. Но этотъ королевскій приказъ не имѣлъ для православныхъ значенія потому, что они считали противнымъ своей совѣсти признать самую унію и, тотчасъ же по объявленіи уніи на брестскомъ соборѣ, дали обѣтъ вѣры, совѣсти и чести за себя и за своихъ потомковъ не слушать осужденныхъ православнымъ соборомъ митрополита и владыкъ, противиться ихъ опредѣленіямъ и распоряженіямъ и стоять твердо въ св. вѣрѣ и при истинныхъ пастыряхъ св. церкви, особенно при восточныхъ патріархахъ,

не оставляя стараго календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствіе и сопротивляясь всѣмъ притѣсненіямъ, насиліямъ и новизнамъ, которыя стали бы препятствовать цѣлости и свободѣ православнаго богослуженія, совершаемаго по древнему обычаю.

Въ томъ же 1596 году протосингелъ и экзархъ цареградскаго патріарха Никифоръ, находившійся тогда въ Литвѣ, окружною грамотою объявлялъ о низложеніи митрополита Рагозы и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ за отступничество въ унію и благословлялъ православныхъ священнослужителей поминать въ молитвахъ имя одного цареградскаго патріарха, а епископамъ львовскому и перемышльскому разрѣшалъ принимать всѣхъ православныхъ, которые будутъ обращаться къ нимъ по своимъ церковнымъ нуждамъ, слѣдовательно и изъ другихъ епархій, оставшихся безъ православныхъ архипастырей. Въ слѣдующемъ году вселенскій патріархъ Мелетій, посланіемъ на имя князя К. К. Острожскаго и всѣхъ православныхъ въ Литвѣ, призналъ низверженіе отпавшихъ въ унію митрополита и епископовъ законнымъ и правильнымъ, поручалъ православнымъ молить короля своего Сигизмунда, чтобы онъ позволилъ имъ жить по отеческимъ обычаямъ и догматамъ. Другимъ посланіемъ, на имя владыки Гедеона Балабана и всего православнаго духовенства и народа въ Малой Россіи, тотъ же патріархъ приказывалъ избрать соборомъ новаго митрополита и епископовъ намѣсто отпадшихъ въ унію и учредить при всякой епархіальной каѳедрѣ академіи, т. е. училища, особенно въ Львовѣ, и, до поставленія новыхъ митрополита и епископовъ, назначалъ въ Литвѣ трехъ экзарховъ или намѣстниковъ вселенскаго константинопольскаго престола, а именно— львовскаго епископа Гедеона, своего протосингела архимандрита Кирилла Лукариса и князя К. К. Острожскаго. Патріархъ завѣщевалъ еще умолять короля и сенатъ, чтобы позволено было православнымъ жить по отеческимъ догматамъ и обычаямъ и держаться своего стараго календаря, такъ какъ король далъ клятву, во время своей присяги, не нарушать никакихъ правъ всѣхъ своихъ подданныхъ.

Опираясь на эти грамоты и посланія и на сочувствіе и поддержку православнаго народа, Львовскій владыка Гедеонъ Балабанъ, несмотря на то, что объявленъ былъ уніатскою стороной проклятымъ и низложеннымъ съ престола, до конца жизни своей продолжалъ управлять

своей Львовской епархіей, мужественно отстаивая ее отъ посягательствъ со стороны уніатскихъ митрополитовъ Рагозы и Поцѣя, не стѣснялся прещеніями самого короля и вообще искупилъ свой прежній грѣхъ соглашенія на унію ревностнымъ служеніемъ благу православной церкви. Какъ патріаршій экзархъ, онъ, по просьбѣ православныхъ, отправлялъ епископскія дѣйствія не только въ своей епархіи, но и въ епархіяхъ Владимірской, Луцкой, Холмской и др., освящалъ имъ церкви, выдавалъ антиминсы, поставлялъ архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и діаконовъ и публично осуждалъ митрополита и другихъ владыкъ, принявшихъ унію. Мало того, владыка Гедеонъ, для упроченія православія въ грядущихъ поколѣніяхъ, заботился объ учрежденіи и благословеніи церковныхъ братствъ, подчиненныхъ епископу, заведеніи книгопечатень, исправленіи и изданіи богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, основаніи школъ и лучшемъ устройствѣ монашеской жизни, не только въ своей Львовской епархіи, но и во всей западно-русской православной церкви.

Съ своей стороны, русскіе вельможи и дворяне постоянно настаивали передъ польскимъ правительствомъ на возстановленіе правъ церкви православной, нарушенныхъ уніей. На варшавскомъ общемъ сеймѣ 1597 года русскіе православные послы объявили, что они не приступятъ ни къ какимъ дѣламъ, пока не получатъ удовлетворенія по дѣлу о своей вѣрѣ; требовали, чтобы ихъ владыки, не желающіе подчиниться папѣ, оставались при своихъ давнихъ правахъ и проч. Въ началѣ 1598 года послы воеводства Волынскаго, прибывъ на варшавскій сеймъ, подали королю «позовъ» на Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго за своевольное и незаконное принятіе ими, отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ, уніи съ Римомъ, за незаконныя дѣйствія на брестскомъ уніатскомъ соборѣ и наконецъ за то, что они нарушили права и преимущества, данныя прежними королями церкви греко-восточной, нарушили общій союзъ, установившій свободу вѣроисповѣданій въ Литвѣ и Польшѣ, и королевскую присягу свято соблюдать эти права и преимущества и эту свободу. [54]) Въ 1599 году дворянство западной Россіи православнаго и протестантскаго исповѣданій заключило въ Вильнѣ союзъ съ цѣлью взаимной помощи и защиты отъ тяжкихъ гоненій латинянъ. Въ договорѣ ихъ, между прочимъ, говорится: «большая часть церквей и монастырей постыдно разграблены, надъ живыми

проливается кровь, надъ мертвыми совершаются звѣрскія поруганія; запрещены строенія церквей, свободныя собранія на богомолье, погребеніе и другіе христіанскіе обряды; даже въ церковныхъ проповѣдяхъ высказывается сильное противъ насъ возбужденіе народа, съ указаніемъ средствъ истребить насъ и съ обѣщаніемъ за то благословеній и наградъ». [55]) На варшавскомъ общемъ сеймѣ 1607 года русскіе послы земель Кіевской, Волынской и Брацлавской, именемъ всей своей братіи, людей греческаго вѣроисповѣданія, жаловались на нарушеніе правъ и преимуществъ, дарованныхъ ихъ церкви прежними королями, на обиды и притѣсненія, какія они терпятъ за свою вѣру, и просили, чтобы имъ даны были и впредь всегда были даваемы пастыри греческаго закона, митрополитъ, владыки, архимандриты и прочіе пресвитеры и священники, и чтобы имѣ дозволено было держаться своей «старожитной греческой вѣры во всемъ вольно, цѣло, спокойно и безпечно». И король вынужденъ былъ объявить, хотя и неискренно, что онъ подтверждаетъ людямъ греческаго вѣроисповѣданія всѣ давнія ихъ права, преимущества и льготы, и удостовѣрялъ, что впредь эти люди будутъ содержать свою вѣру и отправлять всѣ обряды и церемоніи церкви греческой свободно и спокойно, и что онъ будетъ подавать имъ духовныхъ пастырей, по ихъ давнимъ правамъ и преимуществамъ и по правиламъ св. отцевъ. [56])

Встрѣтивъ всеобщее и единодушное сопротивленіе со стороны православнаго народонаселенія, церковная унія на первыхъ же порахъ явилась какимъ то хилымъ, болѣзненнымъ недоноскомъ и, предоставленная самой себѣ, умерла бы тотчасъ же по своемъ рожденіи. Сами епископы, принявшіе унію, за исключеніемъ Поцѣя, больше уже не заботились о ней, а лишь проживали спокойно въ своихъ епархіяхъ и имѣніяхъ. Но ее старались искусственно поддержать римско-католики и поляки, желавшіе чрезъ унію окатоличить и ополячить православныхъ русскихъ.

Первымъ по времени и однимъ изъ самыхъ ярыхъ поборниковъ уніи и гонителей православія былъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ ея, владиміро-брестскій епископъ, а впослѣдствіи уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй, единственный человѣкъ, убѣжденный, въ силу своего воспитанія и обстоятельствъ жизни, въ спасительности уніи. Онъ всѣми своими силами и средствами стоялъ за излюбленную имъ унію

и дѣйствительно спасъ ее на первыхъ порахъ и утвердилъ въ Русско-Литовскомъ краѣ. Онъ спасъ и утвердилъ ее во-первыхъ тѣмъ, что впродолженіи своего почти 14-ти лѣтняго служенія въ санѣ уніатскаго епископа и митрополита велъ за нее непрерывную войну со своими противниками неустанно и съ величайшимъ воодушевленіемъ, а во-вторыхъ тѣмъ, что приготовилъ себѣ новыхъ помощниковъ и сотрудниковъ, въ родѣ Рутскаго, Мороховскаго, Кунцевича и другихъ, кото-

Дмитріевская церковь въ селѣ Чернеевѣ, Холмскаго уѣзда, Люблинской губерніи. (Наружный видъ).

рые впослѣдствіи поддержали и продолжили то, чему онъ положилъ начало. [57])

Дѣятельность, обнаруженная Поцѣемъ въ служеніи уніи, поистинѣ изумительна, но средства и способы его дѣйствій отличались нерѣдко крайнею грубостію и безразборчивостію; всего чаще такими средствами служили насилія, происки, ложныя подозрѣнія и доносы. Онъ схватывалъ непокорявшихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ головы и бороды,

третьихъ прогонялъ съ приходовъ и подвергалъ разнымъ истязаніямъ, наиболѣе же упорныхъ выставлялъ въ глазахъ правительства какъ бунтовщиковъ, подлежащихъ суровымъ наказаніямъ. Нерѣдко онъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ, вторгался въ православные храмы, арестовывалъ священниковъ, собственноручно обдиралъ престолы, грабилъ церковную утварь и уничтожалъ или уносилъ съ собою антиминсы. Такъ онъ поступилъ, напримѣръ, въ 1596 году съ церковію св. Иліи въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, и когда покровительница этой церкви, жена каштеляна брацлавскаго Марія Загоровская, подала въ судъ жалобу на епископа, неслыханнымъ способомъ оскорбившаго христіанскую святыню, то послѣдній, съ нахальною увѣренностію въ своей безнаказанности, отвѣтилъ жалобщицѣ, что она напрасно начинаетъ дѣло, такъ какъ въ Польшѣ никакой судъ не станетъ судить его за это, а если она пожелаетъ позвать его въ Римъ на судъ папы, то ей предстоитъ нелегкій проѣздъ, и онъ будетъ имѣть предъ нею то преимущество, что дороги туда ему не нужно спрашивать, потому что онъ уже извѣдалъ ее, и онъ увѣренъ, что тамъ не скажутъ въ пользу жалобщицы. Еще съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ Поцѣй ненавистныя ему православныя братства: силою отбиралъ у нихъ церкви и школы, разгонялъ священниковъ и учителей, предавалъ братчиковъ торжественно анаѳемѣ, побуждалъ короля уничтожать выданныя раньше братствамъ грамоты и привиллегіи, производить обыски въ ихъ книгопечатняхъ, осуждать на изгнаніе выдающихся братчиковъ и т. п. Особенно памятенъ въ исторіи разгромъ, учиненный Поцѣемъ въ Вильнѣ въ 1608—1609 гг., повергшій въ ужасъ все православное населеніе этого города и даже вызвавшій со стороны нѣкоторыхъ раздраженныхъ православныхъ покушеніе на жизнь митрополита-гонителя.

Помимо преслѣдованій, Ипатій Поцѣй дѣятельно пользовался и другими средствами для водворенія уніи въ юго-западной Руси. Въ 1597 году онъ отнялъ заведенную незадолго передъ тѣмъ въ г. Брестѣ православную братскую школу и преобразовалъ ее въ уніатскую, а учителемъ къ ней опредѣлилъ вывезеннаго имъ изъ Рима ученаго уніата Петра Аркудія, родомъ грека, получившаго образованіе въ Римѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по отнятіи у Виленскаго братства православнаго Троицкаго монастыря, Поцѣй основалъ при немъ въ 1607 году

уніатскую коллегію или семинарію. Въ 1609 году онъ основалъ въ г. Владимірѣ, при соборной Успенской церкви, небольшую уніатскую школу, записавъ на ея содержаніе изъ доходовъ своей каѳедры по 250 злотыхъ ежегодно. Поцѣй составилъ и издалъ также нѣсколько сочиненій въ защиту уніи и противъ православія, отличающихся рѣзкимъ, раздражительнымъ тономъ, и извѣстенъ былъ какъ талантливый проповѣдникъ. [58])

Особенно важной услугой Поцѣя для уніи было преобразованіе имъ уніатскаго монашества по образцу и при содѣйствіи римско-католическихъ монашескихъ обществъ, называемыхъ орденами. Преобразованное уніатское монашество въ скоромъ времени сдѣлалось передовымъ отрядомъ въ наступательномъ движеніи католичества на православную церковь и разсадникомъ уніатскихъ миссіонеровъ и іерарховъ. «Преемникъ Рагозы, превелебнѣйшій Поцѣй,—писалъ въ 1664 году холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша,—заботясь объ уніи, въ видахъ необходимости имѣть монаховъ для обращенія народа, пріобрѣлъ сначала монастырь Виленскій и собралъ юношество, изъ коего вышли блаженный мученникъ Іосафатъ (извѣстный изувѣръ Кунцевичъ), Іосифъ Рутскій, столпъ уніи, и очень многіе другіе монахи, знаменитые ученостію и благочестіемъ, изъ коихъ нѣкоторые взяты были на епископства и высшія духовныя должности». Главнымъ помощникомъ Поцѣя въ этомъ дѣлѣ былъ Іосифъ-Вельяминъ Рутскій, который, получивъ въ Римѣ чисто католическое обравованіе, задумалъ преобразовать и устроить русское уніатское монашество якобы по чину или уставу св. Василія Великаго, а на самомъ дѣлѣ по образцу римско-католическихъ монашескихъ обществъ или орденовъ и особенно кармелитскаго и іезуитскаго. Съ этою цѣлію онъ, съ вѣдома и согласія папы, пригласилъ съ собою изъ Рима въ Литву четверыхъ кармелитскихъ монаховъ, замѣненныхъ впослѣдствіи іезуитами, принялъ вмѣстѣ съ ними внѣшній видъ и личину греко-восточныхъ монаховъ чина св. Василія Великаго и основалъ въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ небольшую монашескую общину на новыхъ римско-католическихъ началахъ. Въ скоромъ времени она сплотила въ одно цѣлое общество нѣсколько уніатскихъ монастырей и такимъ образомъ положила начало такъ называемому чину св. Василія Великаго или базиліанскому ордену.

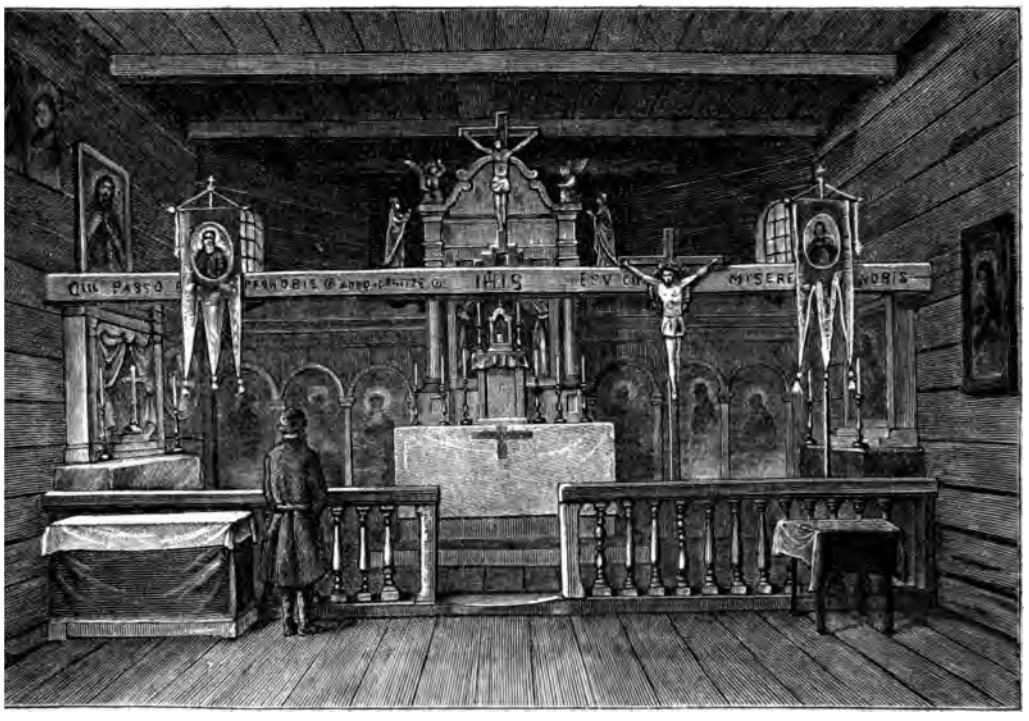
Подобно другимъ римско-католическимъ монашескимъ орденамъ или обществамъ, уніатскій базиліанскій орденъ имѣлъ своего особаго главу, называвшагося протоархимандритомъ или генераломъ, свои особые съѣзды, собиравшіеся въ опредѣленные сроки, старался освободиться отъ власти не только мѣстныхъ уніатскихъ архіереевъ, но и уніатскаго митрополита, съ подчиненіемъ непосредственно самому папѣ. Въ XVII вѣкѣ, впрочемъ, базиліанскій орденъ еще не освободился совершенно изъ-подъ власти уніатскаго митрополита и даже пользовался иногда его покровительствомъ и содѣйствіемъ къ своему распространенію по другимъ епархіямъ. На первомъ базиліанскомъ съѣздѣ въ Новогрудкѣ, въ 1617 году, базиліане постановили ходатайствовать предъ королемъ, чтобы митрополитъ выбираемъ былъ изъ базиліанъ и чтобы епископства давались не свѣтскимъ людямъ, но лицамъ монашествующимъ, прожившимъ извѣстное время въ орденѣ; и притомъ таковымъ епископамъ, передъ ихъ поставленіемъ, митрополитъ долженъ внушать, что они постоянно должны считать себя членами ордена и быть защитниками и распространителями его въ своей епархіи. Ходатайство ихъ было утверждено, въ 1635 году, грамотой Владислава IV, въ которой говорилось слѣдующее: «епископства, архимандріи, игуменства никому другому не будемъ давать мы и преемники наши, какъ только заслуженнымъ монахамъ чина св. Василія, находящимся въ уніи, которыхъ теперешній отецъ митрополитъ унитъ и преемники его униты будутъ представлять намъ и преемникамъ нашимъ». Это и выполнялось. Въ XVII вѣкѣ базиліане распространили свой орденъ почти во всѣхъ западно-русскихъ епархіяхъ (исключая Львовской и Перемышльской) и, стоя во главѣ уніатскаго духовенства, повсюду выступали ожесточенными борцами за унію противъ православной церкви.

При такомъ запасѣ силъ, унія успѣвала одерживать побѣды надъ обездоленною православною церковію, хотя бы то наружныя и на недолгое время. [59]) Но и православные не сразу уступили уніатамъ и долго и доблестно защищали свою прародительскую вѣру. Когда порѣдѣли ряды доблестныхъ защитниковъ изъ высшихъ и образованныхъ слоевъ западно-русскаго общества, тогда выступаютъ на поле брани простой западно-русскій народъ и казачество и передаются на сторону единоплеменнаго и единовѣрнаго имъ государства Московскаго, которое, съ воцаренія Михаила Ѳеодоровича, начинаетъ принимать дѣятельное участіе

въ судьбѣ западно-русскихъ православныхъ жителей и заступаться за нихъ.

Въ XVII-мъ вѣкѣ въ исторіи борьбы православія и русской народности съ уніей и польскимъ католичествомъ послѣдовалъ рядъ важныхъ событій, которыя отразились и на судьбахъ православія и русской народности въ Холмской Руси.

Послѣ провозглашенія брестской церковной уніи въ 1596 году, двѣ



Дмитріевская церковь въ селѣ Чернеевѣ, Холмскаго уѣзда, Люблинской губерніи. (Внутренній видъ).

главныя составныя части нынѣшней Забужной Руси—Холмщина и Подляшье, раздѣленныя между епархіями Холмско-Белзской и Владиміро-Брестской, испытывали не совсѣмъ одинаковую судьбу. Нынѣшняя Люблинская губернія или Холмщина, входившая въ составъ Холмско-Белзской епархіи, имѣла болѣе сплошное русское православное населеніе и даже въ XVII-мъ вѣкѣ управлялась иногда своими православными епископами. Наоборотъ, Подляшье, принадлежавшее къ Владиміро-Брестской епархіи, постоянно оставалось во власти уніатскихъ епископовъ и

не имѣло своихъ православныхъ епископовъ: владыки Леонтій Карповичъ и Іезекіиль Курцевичъ, поставленные іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ на православную Владиміро-Брестскую епископію, даже и не вступали въ управленіе своей епархіей. Поэтому и церковная исторія Холмщины болѣе извѣстна и разнообразна, чѣмъ исторія Подляшья, довольно рано подавленнаго латино-уніатами и значительно ополячившагося.

Со времени провозглашенія брестской уніи въ 1596 году, Владиміро-Брестской уніатской епархіей управлялъ до 1613 года Ипатій Поцѣй; но православные подляшане не хотѣли ему подчиняться. Въ январѣ 1609 года подляшскій протопопъ Несторъ Козменичъ писалъ изъ Заблудова окружное посланіе къ литовскому православному духовенству и мірянамъ, въ которомъ, извѣщая о посланіи, разосланномъ уніатскимъ митрополитомъ Поцѣемъ, «яко старый православникъ», увѣщевалъ ихъ не поддаваться льстивымъ обѣщаніямъ измѣнника. Православные священники Подляшья, не желая подчиняться Поцѣю, отдались въ управленіе слуцкихъ православныхъ архимандритовъ. Многіе приходы на Подляшьи, нынѣ сплошь католическіе, очень долго отстаивали православіе, пока наконецъ насиліемъ не были принуждены къ уніи. [60])

Что касается Холмской епархіи, то въ ней преемственно были уніатскими епископами Діонисій Збируйскій (до 1604 г.) и Арсеній Андреевскій (1604—1619 гг.). Будучи выбраны изъ бѣлаго духовенства, оба эти епископа не очень ревностно заботились о распространеніи уніи и объ отособленіи ея отъ православія въ своей епархіи. Первый извѣстенъ только своею подписью на унію и своимъ участіемъ въ брестскомъ уніатскомъ соборѣ 1596 года. Арсеній же Андреевскій, будучи уніатомъ только по имени, — по духу, кажется, былъ православнымъ или, по крайней мѣрѣ, выдавалъ себя такимъ предъ своею паствой. Вообще ни при Збируйскомъ, ни при Андреевскомъ унія, по внѣшности, не отличалась рѣзко отъ православія, такъ что, на первыхъ порахъ ея существованія, все оставалось въ такомъ же положеніи, какъ и въ православіи. [61]) Тѣмъ не менѣе, мѣстные православные не хотѣли обращаться со своими духовными нуждами къ уніатскимъ архіереямъ и зависѣли отъ экзарха цареградскаго патріарха, львовскаго православнаго епископа Гедеона Балабана. Особенное значеніе въ это время имѣло въ Холмскомъ краѣ православное

Люблинское братство, въ составѣ котораго были представители почти всѣхъ важнѣйшихъ дворянскихъ православныхъ родовъ западной Руси. Въ 1601 году они, въ числѣ 44 человѣкъ, заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго Люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ подписались князья Острожскій, Корецкій, Друцкой-Горскій, Курцевичъ-Булыго, Чарторыйскій, Святополкъ - Четвертинскій, Друцкой - Любецкой, Сангушко-Коширскій и другіе. [62]) Около того же времени владыка Гедеонъ Балабанъ назначилъ къ Люблинской Преображенской братской церкви образованнаго священника Василія, вѣроятно получившаго образованіе въ львовской православной школѣ. Священникъ этотъ стоялъ на высотѣ своего положенія въ этомъ разноплеменномъ и разновѣрномъ уже тогда городѣ, ясно сознавалъ и понималъ нужды мѣстной православной церкви, видѣлъ ея нестроенія и непорядки, вкравшіеся въ нее подъ давленіемъ латино-польскаго ига, и старался, по мѣрѣ силъ своихъ, исправить церковныя нестроенія. Съ этою цѣлью, онъ, «совѣтомъ и попеченіемъ христолюбиваго братства» Люблинскаго, предпринялъ первый въ древней Россіи опытъ исправленія славянской кормчей (книги церковныхъ правилъ) по греческимъ ея подлинникамъ, при чемъ пользовался и латинскимъ переводомъ ея въ парижскомъ изданіи 1561 года. Этотъ трудъ о. Василія, хотя и не оконченный, принятъ былъ современниками съ большимъ уваженіемъ. Но для насъ въ этомъ случаѣ особенную важность имѣетъ назначеніе образованнаго о. Василія именно въ Люблинъ, такъ сказать въ пограничный городъ православія и русской народности, для поднятія и защиты ихъ отъ иновѣрія и иноплеменниковъ. [63]) Владыка Гедеонъ простиралъ свою духовную власть и на православныхъ г. Замостья. Въ 1606 году, 30 марта, владыка Гедеонъ Балабанъ утвердилъ представленный ему замостьскимъ мѣщаниномъ Волосовичемъ уставъ Замостьскаго Николаевскаго братства, во всемъ сходный съ уставомъ православнаго Львовскаго братства. [64]) Съ 1633 года становится извѣстною школа при этомъ братствѣ. [65])

Гедеонъ Балабанъ скончался 10 февраля 1607 года. Послѣ него, на стражѣ православія и русской народности въ Холмской епархіи остались сильныя внутреннимъ союзомъ братства Люблинское, Замостьское и др. Когда въ томъ же 1607 году сгорѣла деревянная Преображенская церковь въ Люблинѣ, то приступлено было къ построенію

каменной церкви «иждивеніемъ христолюбиваго братства св. храма сего сущихъ пресвѣтлыхъ благочестивыхъ князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Чарторыйскихъ, Четвертинскихъ, и благородныхъ христолюбивыхъ вельможныхъ милостивыхъ пановъ шляхты обывателей воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Браславскаго, и иныхъ многихъ благочестивыхъ и христолюбивыхъ мужей отъ многихъ странъ, присовокупляющихся въ союзъ христіанскаго братства сего, промысломъ же и трудолюбіемъ братій братства здѣ меньшого». [66]) Равнымъ образомъ и Замостьское братство начало постройку каменной церкви и въ 1615 году получило благословенную грамоту іерусалимскаго патріарха Ѳеофана и право ставропигіи. [67])

Общее положеніе западно-русскихъ православныхъ, въ это время. было однако самое безправное и бѣдственное. На варшавскомъ сеймѣ 1620 года извѣстный защитникъ православія, чашникъ земли Волынской, Лаврентій Древинскій говорилъ о тогдашнемъ положеніи православныхъ, что «въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, скотъ запираютъ, священники разогнаны, дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ, тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падаль, вывозятъ, народъ безъ благословенія браковъ въ непотребствѣ живетъ, безъ исповѣди, безъ пріобщенія св. таинъ умираетъ.» [68]) Конечно, и эта рѣчь Древинскаго осталась бы безъ всякихъ послѣдствій, если бы въ то же самое время не случилось, помимо воли короля и поляковъ, одного весьма важнаго обстоятельства, благопріятнаго для православныхъ.

Въ 1620 году посѣтилъ юго-западную Русь іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и во время пребыванія своего здѣсь, въ 1620—1621 годахъ, по настоянію казаковъ и подъ ихъ защитою, возстановилъ западно-русскую православную іерархію, посвятивъ православнаго митрополита кіевскаго Іова Борецкаго, полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго, и епископовъ перемышльскаго Исаію Копинскаго, луцкаго и острожскаго Исакія Борисковича, холмскаго и белзскаго Паисія Ипполитовича Черновскаго или Черкавскаго, и владимірскаго Леонтія Карповича, а по смерти его—Іезекіиля Курцевича, и назначивъ стагонскаго епископа Авраамія владыкою пинскимъ и туровскимъ.

Возстановленіе православной іерархіи вызвало взрывы негодованія

со стороны латино-уніатской партіи. Правительство осудило дѣйствія Ѳеофана, объявивъ его шпіономъ турецкаго султана, а поставленныхъ имъ архіереевъ приказало схватывать и привлекать къ суду. [69]) Еще жесточе вооружились противъ нихъ уніатскіе епископы изъ базиліанъ.

Таковы были особенно уніатскій митрополитъ Іосифъ-Вельяминъ Рутскій и полоцкій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Кунцевичъ видѣлъ опаснаго соперника себѣ въ лицѣ полоцкаго православнаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго, который своими краснорѣчивыми посланіями сильно противодѣйствовалъ проповѣди Кунцевича, и онъ ожесточился на православныхъ до неистовства. Даже сами польско-католики удивлялись той жестокости, съ какою Кунцевичъ преслѣдовалъ православныхъ, и предостерегали его. 9 января 1621 года литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга писалъ уніатскому митрополиту Рутскому: «не только я, но и другіе осуждаютъ то, что отецъ владыка полоцкій слишкомъ жестоко началъ поступать и очень надоѣлъ и омерзѣлъ народу какъ въ Полоцкѣ, такъ и всюду. Давно я предостерегалъ его насчетъ этого, просилъ и увѣщевалъ, чтобы онъ такъ жестоко не дѣйствовалъ, но его милость, имѣя свои резоны, болѣе упрямые, нежели основательные, не хотѣлъ принимать и слушать нашихъ справедливыхъ резоновъ. Дай Богъ, чтобы послѣдствія распоряженій и суровыхъ дѣйствій его милости не повредили Речи Посполитой.» Въ слѣдующемъ году тотъ же Сапѣга писалъ самому Кунцевичу по поводу его жестокостей по обращенію православныхъ въ унію: «мнѣ никогда и на умъ не приходило, что вы будете привлекать къ уніи столь насильственными мѣрами». Но Кунцевичъ неунимался и какъ будто нарочно раздражалъ православныхъ длятого, чтобы вынудить у нихъ себѣ вѣнецъ мнимаго мученичества и своею особою возвысить и укрѣпить неустановившуюся еще унію и базиліанскій орденъ. Въ 1623 году онъ отправился въ г. Витебскъ, съ помощію военныхъ людей производилъ тамъ разныя насилія надъ православными и отнималъ у нихъ церкви, обращая ихъ въ уніатскія. Наконецъ, раздраженные витебскіе горожане возмутились, вторгнулись въ архіерейскій домъ, убили Кунцевича и обезображенный трупъ его бросили въ Двину, откуда онъ извлеченъ былъ только черезъ три дня. Этотъ неблагоразумный и недостойный православнаго христіанина, хотя и вынужденный жестокостями Кунцевича, поступокъ витебскихъ горожанъ имѣлъ печальныя послѣдствія. Правительственная коммиссія, разбиравшая это

дѣло, присудила къ смертной казни около ста человѣкъ, изъ коихъ однако большая часть успѣла скрыться. Изъ находившихся на лицо осужденныхъ 20-ти отрублены головы на плахѣ передъ ратушей въ Витебскѣ, имѣнія всѣхъ обвиненныхъ конфискованы; весь Витебскъ признанъ былъ виновнымъ, за что и лишенъ былъ магдебургскаго права и вообще всѣхъ правъ и преимуществъ и подчиненъ воеводскому управленію; вѣчевой колоколъ, служившій знакомъ преимуществъ и свободы города, былъ снятъ; ратуша, гдѣ составился заговоръ, разрушена; опредѣлено также разрушить и соборную Пречистенскую церковь, при которой совершено преступленіе, и вмѣсто нея выстроить, насчетъ гражданъ, новую для уніатовъ въ большихъ размѣрахъ, и т. п. Сверхъ того, король Сигизмундъ III запретилъ строить и починять православныя церкви въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславѣ, приказавъ всѣмъ принять унію и подчинивъ всю Бѣлоруссію полоцкому уніатскому архіепископу. Всѣ эти жестокія мѣры противъ вынужденныхъ и даже мнимыхъ преступниковъ произвели всеобщій ужасъ между православнымъ населеніемъ юго-западной Руси и заставили его притаиться и пріостановиться на время со своими жалобами на гонителей. Самъ изувѣръ Кунцевичъ, въ послѣдствіи времени, провозглашенъ былъ «блаженнымъ мученикомъ» латино-уніатской церкви и въ этомъ новомъ званіи своемъ гораздо болѣе принесъ выгоды уніи и вреда православію и русской народности, чѣмъ при своей жизни, особенно въ холмскомъ Подляшьи, гдѣ долгое время хранились его бренные останки сомнительной подлинности. [70])

Но, торжествуя въ борьбѣ съ православными, уніаты съ горестію замѣчали уже, что союзники ихъ —польскіе католики, поддерживая ихъ въ этой борьбѣ, въ то же время сманиваютъ уніатовъ въ латинство, что и сами уніаты, особенно изъ пановъ, переходятъ въ латинство, оставляя унію простонародью. Уніатскій митрополитъ Рутскій жаловался на это папѣ. Папа Урбанъ VIII, постановленіями 7 февраля и 7 іюля 1624 года, запретилъ уніатамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ, переходить въ латинскій обрядъ. [71])

Подобное положеніе православія и уніи было въ 20-хъ годахъ XVII вѣка и въ Холмской епархіи, гдѣ единовременно являются теперь два епископа, православный и уніатскій. Въ 1621 году іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ поставленъ былъ въ холмскіе православ-

ные епископы настоятель Мѣлецкаго монастыря Паисій Ипполитовичъ. Добрый пастырь этотъ съ 1621 до 1633 г. принималъ участіе почти во всѣхъ православныхъ соборахъ того времени, которые созывались для изысканія мѣръ къ лучшему устройству церковной жизни, къ возвышенію просвѣщенія въ духовенствѣ и народѣ, къ изданію духовныхъ книгъ, къ возвращенію въ православіе отпавшихъ въ унію и другія вѣроисповѣданія, и для рукоположенія новаго митрополита кіевскаго Петра Могилы. [72]) Но положеніе владыки Паисія въ своей собственной епархіи было весьма тягостное. Благодаря проискамъ уніатовъ, онъ принужденъ былъ жить въ Яблочинскомъ монастырѣ, надъ рѣкою Бугомъ, и не могъ надлежащимъ образомъ руководить своею православною паствою. Главныя его заботы сосредоточены были на Яблочинскомъ монастырѣ. Въ 1624 году, по повелѣнію владыки Паисія, сдѣлана была въ напрестольномъ древнемъ евангеліи Яблочинскаго монастыря запись, подписанная самимъ Паисіемъ, изъ которой видно, что Яблочинскій монастырь основанъ для иноковъ восточной православной церкви православными вельможами Богушами. [73]) Значитъ, преосвященный Паисій заботился объ увѣковѣченіи памятниковъ православія въ своей епархіи. Въ томъ же 1624 году Паисій вторично исходатайствовалъ для Яблочинскаго монастыря утвердительную грамоту у владѣльца сего мѣста, белзскаго воеводы Рафаила Лещинскаго. [74]) При владыкѣ Паисіѣ и съ его благословенія положено было основаніе православному Подгорецкому монастырю въ нынѣшнемъ Грубешовскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи. [75]) Ко времени этого же святителя нужно отнести единственный доселѣ извѣстный списокъ русскаго перевода посланія бывшаго сплѣтскаго католическаго архіепископа Марка-Антонія Господнѣчича къ соепископамъ своимъ о злоупотребленіяхъ папскаго двора, недавно найденный въ сѣдлецкомъ Подляшьи, въ Яблочинскомъ монастырѣ. Памятникъ этотъ свидѣтельствуетъ, что въ то время въ Западной Руси умные и знающіе люди старались и умѣли запасаться писаніями, служащими къ обличенію папства, а слѣдовательно и папистовъ, какими стали и уніаты. [76]) Извѣстно также, что при владыкѣ Паисіѣ, въ началѣ 1624 года, бывшій ректоръ кіево-братской школы Кассіанъ Саковичъ, по просьбѣ ревнителя православія, волынскаго чашника Лаврентія Древинскаго, перебрался изъ Кіева въ Люблинъ и здѣсь почти цѣлый годъ исправлялъ должность проповѣдника въ пра-

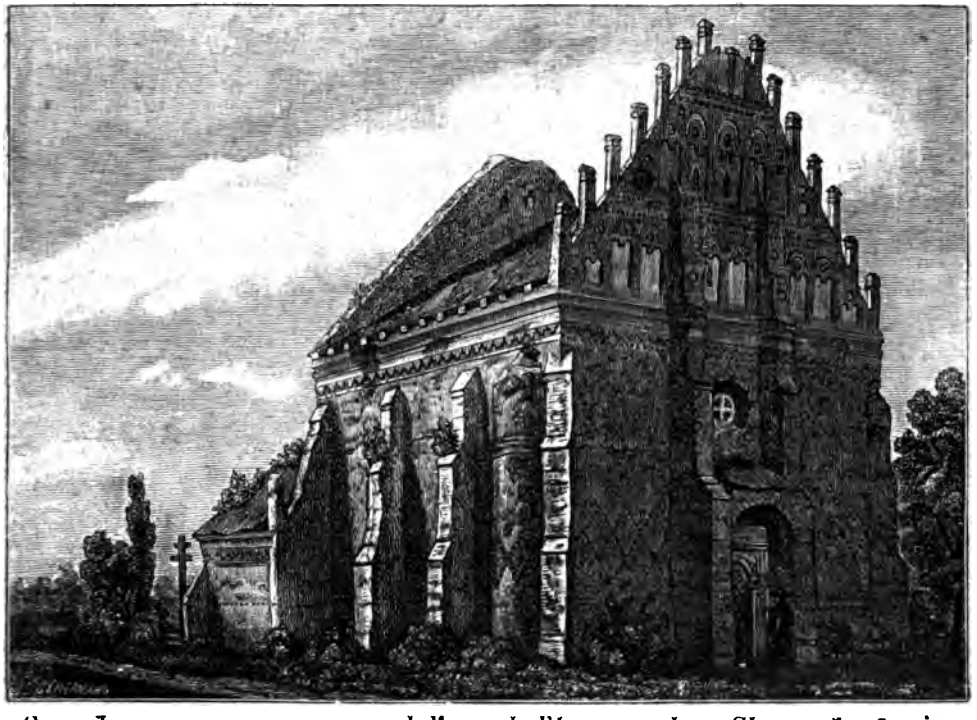
*

вославномъ Люблинскомъ братствѣ, до совращенія своего въ унію, въ слѣдующемъ 1625 году. [77]) Но тогда какъ владыка Паисій проживалъ на окраинѣ своей епархіи, въ это время въ епархіальномъ ея городѣ Холмѣ усердно дѣйствовали въ пользу уніи и во вредъ православію холмскіе уніатскіе епископы Аѳанасій Пакоста и Меѳодій Терлецкій и даже самъ уніатскій митрополитъ Рутскій.

Въ 1619 году уніатскій митрополитъ Рутскій назначилъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ игумена базиліанскаго Минскаго монастыря Аѳанасія Пакосту. Пакоста дѣятельно сталъ распространять унію въ своей епархіи: каждый годъ лично посѣщалъ королевскіе города, а также и многія сельскія благочинія, и ежегодно созывалъ благочинническіе соборики. Съ того времени началось уже прямое обращеніе въ унію, тогда какъ дотолѣ народъ не видѣлъ и не понималъ строгаго различія между уніей и православіемъ. При этомъ Пакоста не только самъ обращалъ въ унію, но также и чрезъ базиліанскихъ монаховъ. Такъ напримѣръ, онъ посылалъ нѣкоего базиліанина Василія, своего викарія, для обозрѣнія церквей и съ этою цѣлью далъ ему охранную грамоту, въ которой просилъ для него у мѣстныхъ властей возможной помощи противъ строптивыхъ и непокорныхъ, т. е. противъ православныхъ, оказывавшихъ упорное сопротивленіе уніи. Въ 1621 году Пакоста испросилъ у Сигизмунда III грамоту на учрежденіе въ Холмской епархіи Куленчицкаго базиліанскаго монастыря, на мѣстѣ древняго православнаго. Въ 1629 году этотъ базиліанскій монастырь уже существовалъ, и Сигизмундъ III предложилъ управлявшему тогда Холмской епархіей уніатскому митрополиту Рутскому на настоятельство въ монастырѣ базиліанина Филарета Заваду.

Впрочемъ, и при Аѳанасіѣ Пакостѣ, умершемъ въ 1624 году, еще не требовали отъ совращаемыхъ въ унію подчиненія римскому престолу, какъ это требовалось въ послѣдующее время отъ всякаго уніатскаго священника при рукоположеніи; не произносилъ онъ символа вѣры по формѣ, установленной для уніатовъ впослѣдствіи. Присяга при Пакостѣ была хитро сплетена и вводила въ обманъ и заблужденіе произносившихъ ее. Она произносилась слѣдующимъ образомъ: «вѣрую во единаго Бога Отца — и проч., безъ прибавленія «и отъ Сына»; — «пріемлю всѣ святые вселенскіе соборы, особенно же флорентійскій соборъ; обѣщаю соблюдать миръ и единеніе и никогда въ

продолженіе всей жизни не заводить споровъ и преній; кромѣ того, обѣщаюсь и обязуюсь пребывать въ вѣрности и покорной подчиненности господину моему преосвященному Аѳанасію, епископу холмскому, и не совершать таинствъ и требъ въ предѣлахъ другихъ епархій; къ этому обѣщаюсь не оставлять моего прихода, не отступать отъ св. каѳолической вѣры и не имѣть общенія съ армянами отщепенцами и другими еретиками; наконецъ, обязуюсь паству свою очистить отъ заблужденій и пороковъ и самъ избѣгать таковыхъ. [78])



Свято-Духовская церковь въ посадѣ Коднѣ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

Болѣе рѣшительно дѣйствовалъ на пользу уніи одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Пакосты, холмскій уніатскій епископъ Меѳодій Терлецкій. Онъ поступилъ на холмскую уніатскую епископію уже по убіеніи православными Кунцевича и замѣтно подражалъ этому изувѣру въ своихъ дѣйствіяхъ. Закончивъ образованіе въ заграничномъ университетѣ въ Вѣнѣ, Меѳодій Терлецкій занимался здѣсь нѣкоторое время миссіонерскимъ дѣломъ въ южной части Венгріи и успѣлъ обратить въ унію многихъ карпаторуссовъ и сербовъ. Изъ Вѣны онъ переѣхалъ въ

Римъ, гдѣ папа Урбанъ VIII торжественно провозгласилъ его миссіонеромъ и апостоломъ Руси, съ особыми преимуществами. Въ 1626 году Меѳодій получилъ королевскую грамоту на должность холмскаго епископа и вторично отправился въ Римъ. Удостоенный особыхъ почестей и причисленный къ придворнымъ прелатамъ папы, онъ испросилъ у него полный, на вѣчныя времена, отпустъ (индульгенцію) для чудотворной иконы Богородицы въ Жировицахъ. Проникнутый до мозга костей папскимъ духомъ, Меѳодій Терлецкій первый началъ вводить настоящую унію и старался всѣми мѣрами распространить и упрочить ее въ своей епархіи. Въ 1638 году онъ возобновилъ послѣ пожара Пречистенскій Холмскій соборъ, выбросивъ изъ него древнюю колонну съ обозначеніемъ будто-бы 1001 года, устроилъ при каѳедральномъ соборѣ базиліанскій монастырь, а затѣмъ завелъ при немъ въ 1639 году уніатскую гимназію, для подготовленія кандидатовъ на духовныя должности, и для управленія этой школой и преподаванія въ ней вызвалъ изъ Литвы въ Холмъ ученаго базиліанина Якова Сушу съ другими базиліанами, давъ ему въ управленіе запустѣлый Спасскій монастырь въ Столпьѣ. Въ 1644 году эта школа, утвержденная папою и королемъ, подчинена была краковской академіи и въ скоромъ времени, къ величайшему негодованію латинскаго духовенства, привлекла къ себѣ даже латино-поляковъ, такъ что холмскій католическій епископъ Павелъ Пясецкій, подъ угрозою отлученія отъ церкви, запрещалъ родителямъ посылать дѣтей, а дѣтямъ ходить въ уніатскія школы, и указывалъ имъ на католическія школы въ Замостьѣ и Люблинѣ, въ которыхъ они могли бы обучаться съ большею для себя пользою. Въ 1644 году Терлецкій открылъ въ Холмѣ такъ называемый «новиціатъ» для воспитанія и приготовленія базиліанскихъ монаховъ. Въ 1646 году онъ позаботился о прославленіи находившейся въ его каѳедральномъ храмѣ древней иконы пресв. Богородицы и поручилъ базиліанину Сушѣ составить описаніе этой иконы и совершаемыхъ ею чудесъ, которое и напечатано было впослѣдствіи нѣсколько разъ подъ названіемъ «фениксъ», а назначенная, по ходатайству того же Терлецкаго, коммиссія для разслѣдованія о сей иконѣ подтвердила древность святыни и чудодѣйственную ея силу. Это должно было привлекать народъ къ уніи и къ монастырю, которымъ принадлежала столь древняя святыня. Подъ конецъ своей жизни Терлецкій снова путешествовалъ въ Римъ по по-

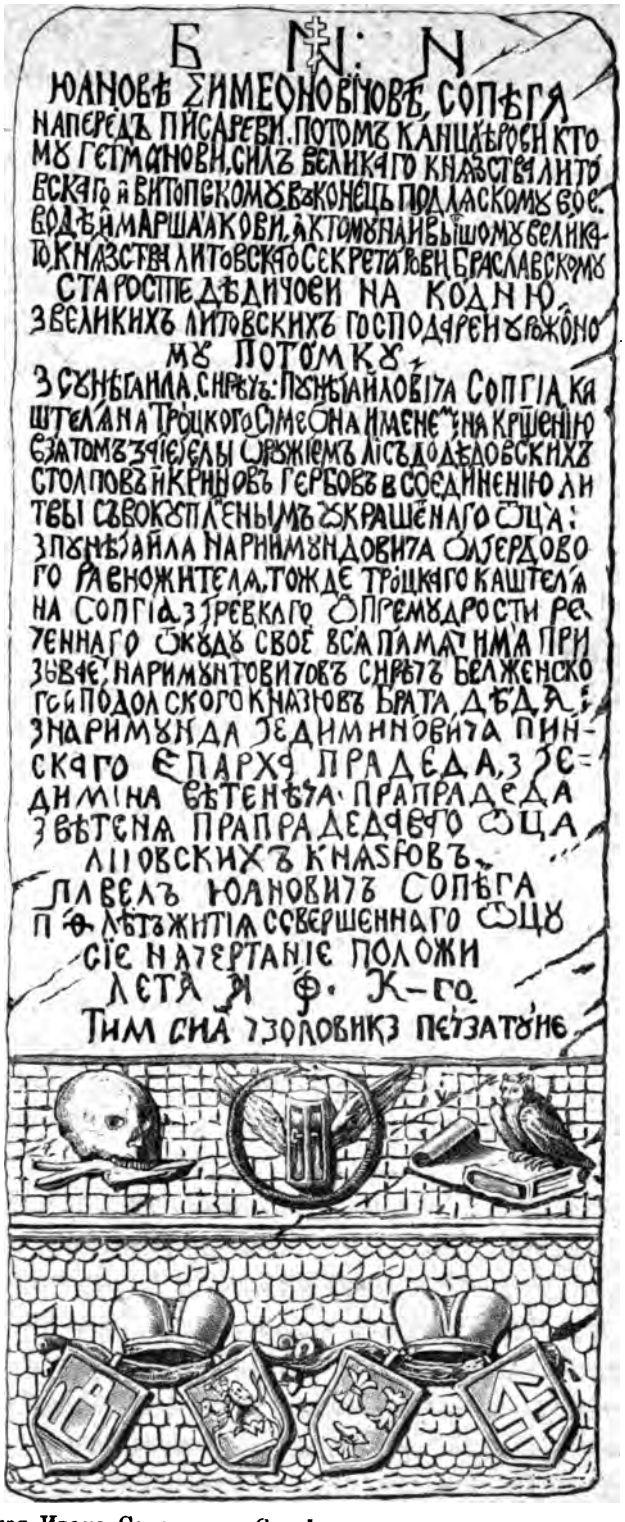
воду притязаній латинскаго духовенства на полученіе въ свою пользу десятины съ русскихъ уніатовъ и успѣлъ отклонить эти притязанія. При этомъ онъ оказалъ важную услугу и русскимъ базиліанскимъ монахамъ, отстоявъ предъ папою независимость ихъ ордена отъ власти уніатскаго митрополита Антонія Селявы. [79])

По отношенію къ православнымъ Меѳодій Терлецкій поступалъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ и изувѣръ Іосафатъ Кунцевичъ: не хотѣлъ исполнять даже королевскихъ распоряженій, клонившихся къ успокоенію православныхъ, оскорблялъ и раздражалъ православное населеніе своими насиліями надъ нимъ и тѣмъ накликалъ бѣду на самое государство Литовско-Польское.

Въ 1632 году умеръ всецѣло преданный католичеству король Сигизмундъ III. Смерть его произвела между православнымъ населеніемъ сильнѣйшее возбужденіе. На сеймахъ, по поводу избранія новаго короля, русскіе послы настойчиво и рѣшительно потребовали успокоенія греческаго вѣроисповѣданія и возвращенія ему нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, правъ и наконецъ добились того, что православнымъ предоставлено было право имѣть свою, утвержденную правительствомъ, іерархію, именно митрополита и четырехъ епископовъ — львовскаго, луцкаго, перемышльскаго и мстиславскаго, съ возведеніемъ на эти должности новыхъ лицъ, обезпечена для православныхъ свобода вѣроисповѣданія и дано нѣсколько частныхъ грамотъ, которыми передавались православнымъ нѣкоторыя церкви, находившіяся во владѣніи уніатовъ, утверждались привиллегіи братствъ, разрѣшалось открытіе новыхъ подобныхъ учрежденій, богадѣленъ, школъ, книгопечатней и т. п. Въ исполненіе этихъ постановленій, тотчасъ же послѣ избирательнаго сейма, избраны были въ Варшавѣ на православную Кіевскую митрополію — кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила, на епископію Луцкую — князь Александръ Пузина и на Мстиславскую — игуменъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Іосифъ Бобриковичъ. Холмская православная епархія не получила своего особаго епископа и подчинена была луцкому епископу Пузинѣ. Для возвращенія православнымъ ихъ церквей, отнятыхъ уніатами, король назначилъ особую коммиссію. Но Меѳодій Терлецкій не хотѣлъ ни признавать новоизбраннаго православнаго митрополита Петра Могилу, ни слушаться королевской коммиссіи. Когда Петръ Могила, возвращаясь изъ Варшавы, послѣ

коронаціи Владислава IV-го, остановился въ Холмѣ у одной богатой православной холмской жительницы, то Терлецкій явился къ нему въ сопровожденіи королевскаго чиновника и нѣсколькихъ шляхтичей и въ то время, какъ Могила, привѣтствуя его съ подобающимъ достоинствомъ, вѣжливо протянулъ ему руку, Терлецкій грубо закричалъ: «что дѣлаешь здѣсь, волче? зачѣмъ пришелъ смущать мою овчарню?» Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ прежнею грубостью онъ приказалъ митрополиту немедленно оставить городъ. Петръ Могила, замѣтивъ Терлецкому, что остановился въ городѣ лишь для починки сломавшейся въ дорогѣ кареты, вынужденъ былъ немедленно выѣхать изъ Холма, даже не отобѣдавъ. [80]) Послѣ того Могила является въ Люблинѣ, гдѣ грамотами Владислава IV-го, отъ 11 и 12 марта 1633 года, подтверждены имущественныя права Люблинской Спасо-Преображенской церкви, и Люблинское православное братство изъято изъ-подъ власти холмскаго уніатскаго епископа и его преемниковъ и подчинено власти православнаго митрополита и его преемниковъ. Люблинская церковь возвращена была братству королевскими коммиссарами Зборовскимъ, Станишевскимъ и княземъ Четвертинскимъ, не смотря на несогласіе Меѳодія Терлецкаго. Къ этому времени Люблинское братство имѣло возможность завершить отдѣлку своего храма, и Петръ Могила совершилъ освященіе этого храма, въ мартѣ 1633 года, еще до рукоположенія своего въ санъ митрополита кіевскаго, и назначилъ игуменомъ Люблинскаго монастыря отца Севастіана Селицкаго. Но въ 1638 году, по настоянію Терлецкаго, Владиславъ IV-й снова отдалъ ему Люблинскую Преображенскую церковь со всѣми ея имѣніями и угодьями, до смерти Терлецкаго или добровольнаго отреченія, въ полное его распоряженіе, а въ слѣдующемъ 1639 году Терлецкій насильно овладѣлъ церковію и монастыремъ Люблинскаго братства. [81])

Кромѣ Люблинской Преображенской церкви, православнымъ должны были быть возвращены церкви въ Холмѣ, Красноставѣ, Грубешовѣ, Городлѣ, Грабовцѣ, Чернечинѣ, Тышовцахъ, Тарногурѣ, Парчевѣ, Островѣ, Дрогичинѣ и другихъ мѣстахъ. Но мирно совершилась только передача православнымъ дрогичинскихъ монастырей и церквей, въ Подляшьи, внѣ епархіи Меѳодія Терлецкаго. Въ Дрогичинѣ были два православныхъ монастыря, основанныхъ еще до уніи, — Троицкій на Крашчевской горѣ и подчиненный ему Спасскій Преобра-



Плита князя Ивана Семеновича Сапѣги, находящаяся въ Коденской Свято-Духовской церкви.

женскій — на лѣвой сторонѣ Буга, и церковь св. Николая. Въ 1636 году королевская коммиссія оставила православнымъ оба монастыря и церковь св. Николая, съ согласія основателей, а дрогичинскому старостѣ Мартыну Лешновольскому королевскою грамотою велѣно было, «чтобы впредь несносное обращеніе съ дрогичинскими мѣщанами и священниками оставилъ и дома и церкви ихъ собственныя, отнятыя у нихъ, возвратилъ». Въ постановленіи этой коммиссіи, 14 марта 1636 года, между прочимъ, изложено, что коммиссары, прибывъ на русскую сторону королевскаго города Дрогичина, стали собирать свѣдѣнія объ уніатахъ. Не найдя тамъ ни одного уніата и убѣдившись, что всѣ жители русскаго мѣстечка твердо придерживаются православія, отдали имъ церковь св. Спаса. [82]) Въ предѣлахъ же епархіи Терлецкаго православіе пользовалось относительнымъ спокойствіемъ только въ тѣхъ помѣщичьихъ селеніяхъ, владѣльцы которыхъ оставались еще православными. Недавно стала извѣстною запись владѣльца села Подгорца, близъ Грубешова, Ивана Гвоздя, отъ 1 января 1641 года, которою онъ обезпечиваетъ имѣніями основанный его отцомъ Подгорецкій Рождество-Богородичный православный монастырь и преобразовываетъ его въ общежительный, по чину св. Василія Великаго. «Сей монастырь, — по словамъ записи Гвоздя, - имѣетъ быть подвластенъ патріарху константинопольскому вселенскому и старшему экзарху его, нынѣшнему митрополиту кіевскому Петру Могилѣ, и владыкѣ луцкому, Аѳанасію Пузинѣ. Игуменомъ же монастыря рукоположенъ покойнымъ Паисіемъ Ипполитовичемъ, владыкой мѣлецкимъ, не состоящій въ уніи преподобный отецъ Пафнутій Обровецкій, который и поднесь укрѣпляетъ мѣстное населеніе въ правилахъ истинной вѣры и благочестія». [83])

Что же касается королевскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, то въ нихъ королевская коммиссія, назначенная для возвращенія православнымъ ихъ церквей, на каждомъ шагу встрѣчала противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ уніатовъ и епископа Терлецкаго, которые весьма часто прибѣгали даже къ открытому насилію и возбуждали между православными волненія, за которыя ихъ же привлекали къ суду и угрозами жестокихъ наказаній принуждали къ уніи, словомъ,—продѣлывали почти то же самое, только въ меньшихъ размѣрахъ, что произошло въ Витебскѣ и другихъ городахъ полоцкой епархіи по убіеніи Кунцевича.

Вотъ нѣсколько примѣровъ дѣйствій Меѳодія Терлецкаго и его сообщниковъ.

Въ г. Холмѣ, гдѣ православныхъ было гораздо болѣе, чѣмъ уніатовъ, Терлецкій не хотѣлъ уступить имъ ни одной церкви. Королевскіе коммиссары заняли было для православныхъ церковь Успенія пресв. Богородицы на предмѣстьи; но Терлецкій, узнавъ о томъ, напалъ на церковь съ большой толпой и шумомъ, собственными руками разбилъ замки, побилъ бывшихъ при церкви православныхъ мѣщанъ, окровавилъ, покалѣчилъ, бороды повырывалъ и церковь силой отнялъ. Затѣмъ, когда православные затѣяли постройку новаго для себя храма, Терлецкій напалъ на строителей, забралъ въ свои руки весь матеріалъ, собранный для постройки, а купленную православными площадь подъ церковь отвелъ подъ помѣщеніе станнопріимнаго дома. [84]) Въ Красноставѣ, гдѣ королевскіе коммиссары передали, въ 1633 году, православнымъ Троицкую церковь, красноставскій староста отнялъ ее у православныхъ силой. Новая попытка Красноставскаго братства и троицкихъ прихожанъ возвратить себѣ свою церковь окончилась тѣмъ, что иные изъ неунитовъ приговорены были красноставскимъ судомъ къ обезглавленію, другіе къ сѣченію розгами у позорнаго столба, иные къ отсѣченію рукъ, иные къ лишенію имуществъ, всѣ же вмѣстѣ должны были поплатиться Терлецкому многими тысячами и наконецъ отречься отъ православія и признать Терлецкаго своимъ епископомъ. Въ Грубешовѣ королевскіе коммиссары возвратили православнымъ церкви Воздвиженскую и Никольскую. Въ порывѣ негодованія Терлецкій шлетъ приказаніе запечатать церкви; но грубешовскіе мѣщане отперли церкви, при колокольномъ звонѣ передали ихъ іеромонаху Мартину и за это обвинены были Терлецкимъ и его сообщниками какъ бунтовщики, обратившіе будто-бы церкви въ разбойничьи вертепы. Многіе изъ грубешовскихъ жителей приговорены были къ смертной казни и лишенію имущества, но получили прощеніе, когда, раскаявшись, заявили просьбу о помилованіи и согласіе на принятіе уніи. Принятіе ихъ совершилось по образу кающихся. Собранные въ городской ратушѣ и одѣтые въ праздничные наряды, граждане съ женами, сыновьями и дочерьми, покрывшись сверху вретищемъ и держа въ рукахъ свѣчи, должны были идти попарно черезъ весь городъ до церковной ограды. Здѣсь имъ велѣли стать на колѣна и на вопросъ,— кто они, и откуда пришли, и чего хотятъ,— они должны

Изъ апостола первопечатника Ивана Ѳедорова, львовскаго изданія (1573—1574).

Первое оубо слово сътворихъ овеѣх, за а
ѡ Ѳеофиле. ѻнихже начаѣ іс, тво а
рити иже иоучити. донегоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стыи,
ихже избра възнесеся. преними
же ипостави себе жива пострада
ніи своеми. въмнозѣхъ истинныхъ знаме
ніихъ. дньми четыри десятьми являя
ся имъ игля іаже о царствіи божіи сни
миже ніады, повелѣваше имъ ѿ іерусали
ма не ѿлучатися. но ждати обѣтованіе
ѿчее, еже слышасте ѿмене. яко іоаннъ
оубо крстилъ есть водою. выіже имате кре
ститися дхомъ стыми, непомнозѣхъ си
днех. ониже оубо съшедшеся, въпрашахѹ

въстѹю ивелиѹю на пасхи. инавъзнесе г
ніе гне.

Страница изъ апостола первопечатника Ивана Ѳедорова, львовскаго изданія (1573—1574).

были назвать себя овцами, непокорными своему пастырю, но пришедшими вслѣдствіе раскаянія просить разрѣшенія отъ схизмы и принятія въ унію. Точно такимъ же образомъ дѣйствовалъ Терлецкій и въ другихъ мѣстностяхъ Холмско-Белзской епархіи. Но нерѣдко случалось при этомъ, что самъ епископъ и исполнители его распоряженій подвергались большой опасности, а иногда получали раны. За одну изъ такихъ стычекъ уніатовъ съ православными въ с. Машевѣ судъ приговорилъ противниковъ Терлецкаго нѣкоторыхъ къ отсѣченію головы, а остальныхъ къ уплатѣ 15 тысячъ грошей. Машевцы предпочли перейти въ унію. Въ Сокалѣ жители отбились отъ Терлецкаго при помощи молдавскихъ солдатъ. Въ Чернечинѣ, вскорѣ послѣ обнародованія королевскаго приказа о передачѣ православнымъ мѣстной церкви, нѣкто Стефанъ Красневичъ собралъ крестьянъ, ворвался въ церковь и выгналъ уніатскаго священника Григорія. Встрѣтивъ этого священника въ Грубешовѣ, суффраганъ холмскаго католическаго епископа Сладковскій посадилъ его въ повозку и, прибывъ въ Чернечинъ, сталъ укорять въ буйствѣ сначала своихъ подчиненныхъ, а потомъ неунитовъ; но послѣдніе, не внимая его увѣщаніямъ, избили уніатскаго священника, а затѣмъ и самаго суффрагана, избѣжавшаго смерти только благодаря подоспѣвшей стражѣ. Подобныя же волненія происходили въ Тышовцахъ, гдѣ православные обыватели горячо отстаивали отъ уніатовъ свою церковь Рождества пресв. Богородицы. По жалобѣ Терлецкаго и вслѣдствіе королевскаго приказа, главные виновники были преданы суду и 25 января 1641 года приговорены, за возмущеніе народа противъ уніи и расхищеніе изъ церкви священныхъ предметовъ, къ смертной казни, одни чрезъ обезглавленіе, другіе чрезъ сожженіе. Такіе приговоры, имѣя значеніе угрозы, не приводились въ исполненіе, когда осужденные отрекались отъ вѣры своихъ отцовъ, и тышовецкимъ мѣщанамъ ничего болѣе не оставалось, какъ покориться силѣ, изъявить покорность уніатскому епископу и дать обѣщаніе не совращаться и не совращать другихъ въ схизму, подъ угрозой лишенія всего имущества. Такимъ же способомъ Терлецкій принудилъ къ покорности изъятыя коммиссарами издъ-подъ его власти коронныя мѣстечка Парчевъ и Островъ. Въ началѣ 1648 года луцкій православный епископъ Аѳанасій Пузина жаловался, что Лосицкая и Парчевская церкви заняты были уніатами вопреки королевскому приказу. [85])

Насильственныя дѣйствія уніатовъ противъ православія вызывали

со стороны православныхъ цѣлый рядъ заявленій и жалобъ. Жалуясь на насильственное отобраніе Меѳодіемъ Терлецкимъ у православныхъ Люблинской Преображенской церкви съ монастыремъ, въ 1639 году, одинъ изъ православныхъ депутатовъ, присутствовавшій въ люблинскомъ коронномъ трибуналѣ, Василій Литынскій, въ пылу негодованія, произнесъ передъ судьями пламенную рѣчь, пользовавшуюся, въ свое время, громкой славой во всей юго-западной Руси. «Не могу помириться съ мыслью,—сказалъ онъ между прочимъ,—что католики лишили насъ храма, сооруженнаго нашими благочестивыми предками греческой вѣры и бывшаго издревле безспорнымъ достояніемъ православныхъ,—храма, служившаго единственнымъ надежнымъ прибѣжищемъ для лицъ, стекающихся сюда изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи по своимъ дѣламъ, которыя рѣшаются здѣшнимъ трибуналомъ въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія для нѣсколькихъ воеводствъ. Насильственное отнятіе у насъ нашей святыни есть возмутительное поруганіе старинныхъ королевскихъ привиллегій и торжественной присяги нынѣ царствующаго короля. Объявляю во всеуслышаніе, что греческой вѣрѣ нанесено тяжкое оскорбленіе. Къ несчастію, мы не въ силахъ отомстить за такое вопіющее злодѣяніе; но душа моя предчувствуетъ, что многіе изъ этого собранія доживутъ еще до той поры, когда Всевышній Судія, безпощадно карающій всякую неправду, воздастъ злодѣямъ по ихъ заслугамъ и сторицей вознаградитъ русскій народъ за храмъ, у него отнятый». [86])

Предчувствіе Литынскаго скоро сбылось. Наступило возстаніе Богдана Хмельницкаго, охватившее мало-по-малу и всю Холмскую Русь. Меѳодій Терлецкій бѣжалъ изъ Холма, чувствуя себя много виновнымъ передъ русскимъ народомъ и православной церковью, и въ 1649 году умеръ въ Супраслѣ. Разбивъ поляковъ подъ Корсунемъ въ 1648 году, Богданъ Хмельницкій послалъ на имя короля Владислава IV-го письмо. Въ письмѣ онъ живо изобразилъ обиды и притѣсненія, терпимыя казаками и русскимъ народомъ отъ польскихъ пановъ и и ксендзовъ, домогался прекращенія обидъ, установленія лучшихъ правъ, особенно просилъ, чтобы древняя греческая вѣра ни въ чемъ не была нарушаема, чтобы всѣ святыя церкви, насильно обращенныя въ унію въ Люблинѣ и другихъ червонорусскихъ городахъ, вездѣ остались въ своей древней свободѣ. Но это письмо не застало Владислава IV-го

въ живыхъ. [87]) А польскіе паны и епископы, къ которымъ на безкоролевье перешла власть, не такъ были настроены, чтобы оказывать правду русскимъ людямъ и русскому народу. Какъ они были настроены,—о томъ можетъ свидѣтельствовать мученическая кончина игумена Брестскаго Симеоновскаго монастыря, преподобнаго Аѳанасія Филипповича, хорошо тогда извѣстнаго и православнымъ жителямъ Забужной Руси. Во время безкоролевья этотъ ревнитель вѣры и страдалецъ обвиненъ былъ въ томъ, что онъ сочувствуетъ казакамъ и будто бы помогаетъ имъ, доставляя порохъ и какіе-то листы; за это онъ заключенъ въ темницу и наконецъ преданъ смерти, не смотря на то, что взведенное на него обвиненіе не было доказано. Мощи его и донынѣ почиваютъ въ Брестѣ. [88])

При такомъ враждебномъ расположеніи къ русскимъ, поляки, собравшіеся на конвокаціонный сеймъ, не согласились на требуемыя казаками уступки. Поэтому Богданъ Хмельницкій двинулся далѣе и, поразивъ поляковъ подъ Пилявою и Львовомъ, осадилъ Замостье, разсылая небольшіе казацкіе загоны по окрестностямъ. Такъ, въ 1648 году, послѣ битвы подъ Пилявцами, казаки подступили къ Холму, и такъ какъ городъ оказалъ сильное сопротивленіе, то, послѣ взятія его штурмомъ, казаки сильно опустошили Холмъ, а городскія укрѣпленія почти совершенно разрушили. [89]) Во время стоянки Хмельницкаго подъ Замостьемъ, по сказанію Ганновера, казаки разсыпались въ окрестныхъ городахъ и «совершали большую рѣзню въ Томашовѣ, Щебрешинѣ, Туробинѣ, Грубешовѣ, Тарногродѣ, Бѣлгораѣ, Гораѣ, Криницѣ и Красникѣ, избивали тысячи и десятки тысячъ евреевъ». [90]) Въ это же время они опустошили Красноставъ и сожгли городскіе красноставскіе акты. [91]) Казаки проникали даже къ городу Бѣлѣ и, поддерживаемые окрестнымъ населеніемъ, два раза нападали на городъ, разорили въ немъ костелъ и замокъ Радзивиловъ, избили уніатскаго священника и приверженцевъ уніи, разогнали наставниковъ и учениковъ основанной здѣсь, въ 1628 году, латино-польской коллегіи и опустошили деревни, уже склонявшіяся къ уніи. [92]) Поляки увидѣли, что не другой кто, а сами они своими неправдами вызвали такую грозную месть со стороны казаковъ, и, видя это, какъ будто образумились. Новый король ихъ Янъ Казиміръ написалъ милостивое письмо къ Богдану Хмельницкому. Тотъ снялъ осаду Замостья и на-

правился къ Люблину, но, не доходя до него четырехъ миль, получилъ новое письмо короля и немедленно поворотилъ на Волынь и возвратился въ Кіевъ. Но начатые имъ переговоры съ польскими коммиссарами не привели ни къ чему. Тогда Хмельницкій одержалъ новую побѣду надъ поляками подъ Зборовомъ, въ августѣ 1649 года, и заключилъ съ королемъ мирный договоръ, утвержденный сеймомъ 22 января слѣдующаго года. Въ силу этого договора, кіевскій православный митрополитъ долженъ былъ получить мѣсто въ сенатѣ; подлежали возвращенію православнымъ епархіи Луцкая, Холмская и Витебская, соединенная съ Мстиславскою; возвращались православнымъ всѣ церкви, возвращеніе которыхъ обѣщано еще при Владиславѣ IV-мъ, но далеко не состоялось; дозволялось возобновленіе сгорѣвшихъ храмовъ и существованіе православныхъ братствъ, и проч. [93])

Въ началѣ января 1650 года православный митрополитъ кіевскій Сильвестръ Коссовъ прибылъ въ Варшаву, чтобы занять мѣсто въ польскомъ сенатѣ; но вельможи, и особенно польско-католическіе епископы подняли шумъ, и едва только онъ появился въ сенатѣ, польскіе епископы вышли вонъ. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ оскорбленій, Сильвестръ Коссовъ выѣхалъ изъ Варшавы. Во время этой поѣздки онъ принялъ въ свое вѣдѣніе Холмскую епархію и ввелъ въ управленіе ею холмскаго православнаго епископа Діонисія Балабана. Опираясь на народное сочувствіе и на помощь назначенныхъ королевскою грамотою коммиссаровъ, Сильвестръ Коссовъ, прежде всего, занялъ въ Люблинѣ церковь съ монастыремъ, удаливъ изъ нея уніатскихъ монаховъ.[94]) Изъ Люблина Коссовъ проѣхалъ въ Красноставъ и отстранилъ отъ тамошней церкви уніатскаго настоятеля, который, взявъ св. дары, перенесъ ихъ въ латинскій костелъ.[95]) Вѣроятно, въ эту же поѣздку митрополитъ Коссовъ пересмотрѣлъ и утвердилъ уставъ Замостьскаго братства, данный ему владыкой Гедеономъ Балабаномъ въ 1606 году, съ прибавленіемъ къ нему новыхъ четырехъ пунктовъ, имѣвшихъ цѣлію: 1) сравнительно большее обезпеченіе братскихъ священниковъ вознагражденіемъ за обязательныя, по братскому уставу, службы; 2) удержаніе въ составѣ братства и тѣхъ его членовъ, которые переселились въ другія мѣста; 3) усиленіе доходовъ братства обязательствомъ, чтобы умирающіе братчики записывали часть своего имущества на убогихъ и боль-

ныхъ братства и 4) укрѣпленіе вновь поступающихъ въ братство присягою, чтобы они до конца жизни своей оставались вѣрными православной церкви. Вѣроятно, эти прибавки въ уставѣ братства вызваны были тѣмъ, что въ это время нѣкоторые прежніе члены братства выбыли уже изъ Замостья и порвали связь съ этимъ братствомъ, а другіе измѣнили православной вѣрѣ и церкви, вслѣдствіе чего составъ и средства братства оскудѣли противъ прежняго. [96]) Наконецъ, дошла очередь и до Холма. Когда здѣсь стало извѣстнымъ, что зборовскій договоръ утвержденъ на сеймѣ 22 января 1650 года, то управлявшій уніатской Холмской епархіей Яковъ Суша намѣревался было вывезти изъ Холмскаго каѳедральнаго собора куда-то въ Польшу церковную утварь и икону пресв. Богородицы; но холмскіе мѣщане, узнавъ объ этомъ, не захотѣли лишиться своей святыни и поручили ее особо избраннымъ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы они хранили ее въ городѣ подъ глубочайшей тайной и рѣшительно никому не выдавали. 30 января 1650 года прибылъ въ Холмъ митрополитъ Коссовъ и 2 февраля, при помощи 50 казаковъ мушкетеровъ стоявшаго въ Холмѣ эскадрона, выгналъ изъ каѳедры упорствовавшаго Сушу, который со своими базиліанами нашелъ себѣ пристанище при холмскомъ богадѣленномъ костелѣ св. Духа. „Прискорбно было уніатамъ въ то время,—писалъ Суша,—что холмское латинское духовенство не только не оказало имъ никакой помощи, но еще радовалось нашему разоренію, издѣваясь надъ уніатами, между прочимъ, въ такихъ словахъ: посмотримъ, что станется теперь съ достопочтенной уніей, когда она прогнана съ своего мѣста“. Но еще прискорбнѣе для Суши было то, что «православные искали икону съ неутомимостью» и наконецъ, при пособничествѣ православныхъ братьевъ Павловскихъ, изъ коихъ одинъ былъ ротмистромъ, а другой поручикомъ, нашли спрятанную икону Богоматери и отнесли въ отнятую у уніатовъ каѳедральную церковь. Спустя недѣлю послѣ отысканія иконы, братья Павловскіе, по распоряженію короля, были посажены въ Холмѣ подъ стражу за разные бунты и наконецъ «оба они у Сокаля пали отъ меча», который Суша неразумно называетъ мечемъ правосудія, забывая, что братья Павловскіе взяли святыню православную, украденную уніатами. [97]) Но и православные недолго владѣли этой святыней. Зборовскій договоръ скоро былъ нарушенъ поляками, и въ 1651 г. они опять поднялись на казаковъ. Тогда Яковъ Суша, свидѣвшись съ

королемъ въ Люблинѣ, убѣдилъ его отобрать у православныхъ холмскую икону Богоматери и взять ее съ собой на войну. Коммиссары, назначенные для сего королемъ, съ большими предосторожностями и хитростію взяли икону изъ Холмской каѳедральной церкви, къ великому огорченію холмскихъ жителей, и доставили ее королю, котораго и сопровождала она во все время похода противъ казаковъ. Предъ берестечскою битвою съ казаками по рядамъ польскаго войска носили холмскую икону Богоматери, и въ этомъ-то памятникѣ былой поры независимости юго-западной Руси поляки искали помощи противъ казаковъ, ополчившихся для возвращенія независимости русской землѣ! [98])

Извѣстно, что берестечская битва была несчастна для казаковъ. Свою побѣду надъ ними поляки приписывали чудодѣйственной помощи помянутой иконы. Набожный король Янъ Казиміръ, бывшій когда-то іезуитомъ, тоже искренно вѣрилъ въ чудесную помощь, оказанную ему холмской иконой, возилъ ее съ собою до окончанія войны и постарался отблагодарить Якова Сушу за его совѣтъ. Въ силу бѣлоцерковскаго договора, невыгоднаго для казаковъ, король, грамотою 29 іюля 1651 г., отмѣнилъ данныя неунитамъ права и преимущества и снова отдалъ Холмскую епископію въ управленіе Якову Сушѣ. Въ слѣдующемъ 1652 году Суша назначенъ былъ пожизненнымъ холмскимъ епископомъ. Онъ обратился къ королю съ просьбою о возвращеніи въ Холмъ иконы Богоматери,—и король съ благодарностію исполнилъ эту просьбу, но «съ тѣмъ условіемъ,—какъ писалъ онъ въ грамотѣ, отъ 30 марта 1652 года,—что, если бы опять (чего не дай Богъ) стали угрожать сей святой иконѣ подобныя предыдущимъ опасности отъ неунитовъ, то помянутый достопочтенный нареченный епископъ и его монахи, въ уніи святой находящіеся, обязываются вышеозначенную икону пресв. Дѣвы вручить намъ самимъ». При новомъ возстаніи казаковъ, король Янъ Казиміръ въ 1652 году снова вытребовалъ къ себѣ холмскую икону Богородицы, но послѣ неудачи подъ Жванцемъ какъ бы разочаровался въ покровительствѣ себѣ и полякамъ древней русской святыни и изъ-подъ Жванца отослалъ ее прямо въ Холмъ. [99])

Утвердившись на Холмской епископской каѳедрѣ, Яковъ Суша, прежде всего, постарался отомстить православнымъ за недавнее ихъ торжество и упрочить расшатавшуюся унію. Въ 1653 году онъ чрезъ своихъ служебниковъ занесъ въ городельскія городскія книги жалобу

*

на совѣтника холмскаго городскаго управленія Маничика за то, что онъ, два года тому назадъ, съ другими неунитами выдалъ неунитамъ чудотворный образъ Богоматери со всѣми церковными облаченіями и драгоцѣнностями, золотомъ и серебромъ, причинивъ этимъ убытку церкви на сумму около 4000 злотыхъ польскихъ, допускалъ перепахиваніе границъ церковныхъ земель и въ послѣднее время подговорилъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, именно Духовича, Жанчика, Борщовку, Бучковича, Сидоровичей и другихъ лицъ и вмѣстѣ съ ними нападалъ на жалобщиковъ, наносилъ имъ раны, билъ ихъ и преслѣдовалъ. Въ Красноставѣ нѣкто Павликовичъ, именемъ епископа Суши потребовалъ отъ красноставскихъ православныхъ возвращенія церковнаго имущества. А холмскіе православные, по приказу короля, отъ 30 декабря 1653 года, должны были отдать уніатамъ всю церковную утварь, которую они передъ тѣмъ отдали на храненіе православному епископу Діонисію Балабану. Особенно Суша старался обезпечить свою епископскую каѳедру. Въ 1654 году онъ получилъ королевскую грамоту, которою приписаны были къ каѳедральному Холмскому базиліанскому монастырю обитель Куленчицкая и церковь Лобачевская Городищенская, а также православный «монастырь Добротворскій и многіе другіе, которыми,—какъ выражался Суша,—владѣютъ нынѣ въ епархіи Холмской схизматики», и въ которыхъ онъ надѣялся насадить унію. Далѣе, Суша возстановилъ при своей каѳедрѣ уніатскую школу, въ которой преподавали базиліане, и съ 1654 года началъ пріобрѣтать въ г. Холмѣ и его окрестностяхъ земельные участки, дома и фольварки для учрежденія женскаго базиліанскаго монастыря. Онъ основанъ имъ при Холмской Успенской церкви, отнятой Меѳодіемъ Терлецкимъ у православныхъ. Впослѣдствіи, этотъ женскій монастырь тоже отданъ былъ базиліанамъ. [100])

Впрочемъ, во все время продолжительнаго епископствованія Суши въ Холмѣ, уніатская его паства не пользовалась спокойствіемъ. Настала новая борьба изъ-за Малороссіи, причинившая немало тревогъ уніи какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Холмской епархіи.

Малороссійскій гетманъ Богданъ Хмельницкій, не справившись самъ съ поляками, передался, въ 1654 году, со всею Малороссіей, подъ власть московскаго царя Алексѣя Михайловича. Еще при отцѣ его Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, первомъ царѣ изъ благословеннаго рода Романо-

Гербъ Г. А. Ходкевича. Изъ апостола львовскаго изданія (1573—1574 г.)

выхъ, западно-русскіе святители, какъ напр. митрополитъ Іовъ Борецкій и Исакій Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, обращались въ Москву къ царю Михаилу и отцу царя патріарху Филарету съ просьбами о защитѣ и помощи. Просьбы эти принимали въ Москвѣ съ участіемъ, соболѣзнованіемъ; но сильной помощи дать оттуда еще не могли, ибо сама Москва не такъ давно много пострадала отъ Польши. За то въ Москвѣ утѣшили западно-русскихъ страдальцевъ надеждою на помощь въ будущемъ. Надежда эта теперь сбывалась. Царь Алексѣй Михайловичъ вступился за Малороссію и сейчасъ же въ 1654 году объявилъ Польшѣ войну. Самъ царь выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ города сдавались одинъ за другимъ. Такимъ образомъ, взяты были московскими войсками города Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ, Вильна, Гродна, Ковна, Брестъ и другіе. Когда войска царя Алексѣя Михайловича приближались, въ 1655 году, къ Полоцку, то уніатскій полоцкій архіепископъ и митрополитъ Антоній Селява бѣжалъ со всѣмъ уніатскимъ духовенствомъ далѣе въ Литву, куда унесъ съ собой и гробъ лжемученика Іосафата Кунцевича. Сперва гробъ этотъ оставленъ былъ имъ въ мѣстечкѣ Жировицахъ, потомъ перенесенъ въ Замостье и отсюда возвращенъ былъ въ Полоцкъ уже въ 1667 году. [101]) Другой отрядъ московскихъ войскъ, въ соединеніи съ казацкими, въ октябрѣ 1654 года, изъ-подъ Львова подступилъ къ Люблину и взялъ его почти безъ боя. Побѣдители потребовали отъ жителей принесенія присяги царю, установили новый магистратъ изъ выборныхъ, въ числѣ которыхъ должны были находиться двое русскихъ, освободили Преображенскій храмъ отъ уніатовъ и передали его православному духовенству, со взятіемъ отъ католиковъ клятвеннаго обѣщанія не занимать его впредь ни подъ какимъ видомъ, и взяли съ собой частицу древа св. креста, хранившуюся въ костелѣ Станислава и нѣкогда вывезенную изъ Кіева. Но клятва была вѣроломно нарушена католиками тотчасъ же по выступленіи изъ Люблина московскаго и казацкаго войскъ, и католическая партія стала вымещать свою злобу на неповинномъ ни въ чемъ православномъ населеніи. Подробно описывая его страданія, кіевское духовенство въ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу, отъ 5 января 1658 года, писало слѣдующее: «вся напасти, не токмо сокровищъ, честій, имѣней своихъ отчуждены

бывше, но и темницы и раны и біенія, узы желѣзны, наруганія, клеветы и досады о укрѣпляющемъ ихъ Іисусѣ Христѣ терпѣша. Въ Люблинѣ и Сокалѣ мужей православныхъ, жителей тѣхъ мѣстъ, аки злодѣевъ каты и муки и мечи множае сто человѣкъ избиша зле: сіи беззаконія уніаты и ляхи святымъ Божіимъ за православіе святое повсюду содѣяша и доселѣ творятъ». [102]) Нѣчто подобное происходило и въ Красноставѣ, который, въ 1654 году, былъ взятъ соединеннымъ отрядомъ казаковъ и московскаго войска подъ начальствомъ Данила Выговскаго и Петра Потемкина, но потомъ оставленъ ими на произволъ поляковъ. [103])

Въ 1656 году царь Алексѣй Михайловичъ согласился на перемиріе съ Польшей, удержавъ за собой часть Бѣлоруссіи и Малороссію. Но въ Малой Россіи, тотчасъ послѣ этого, наступили смуты, главнымъ поводомъ къ которымъ служило гетманское достоинство, зависѣвшее отъ свободнаго выбора казаковъ и ставшее предметомъ искательствъ разныхъ честолюбцевъ и ихъ партій. По смерти Богдана Хмельницкаго, генеральный писарь казацкаго войска Иванъ Выговскій захватилъ въ свои руки гетманскую булаву, измѣнилъ Москвѣ и, 16 сентября 1658 года, заключилъ тайно съ Польшей въ Гадячѣ договоръ, въ силу котораго Малороссія должна была составить русское княжество изъ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Брацлавскаго, подъ управленіемъ гетмана, но подъ высшею властію Польши. Унію предположено было уничтожить. Православнымъ обезпечивалась полная свобода богослуженія во всей Польшѣ, наравнѣ съ католиками; повсюду въ Польшѣ дозволялось православнымъ строить новые храмы, заводить духовныя школы, богадѣльни и проч. Договоръ этотъ имѣлъ быть разсмотрѣнъ на польскомъ сеймѣ въ слѣдующемъ 1659 году. [104]) Въ виду этого сейма, уніатами составлено было особое представленіе въ защиту уніи, а холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша, по порученію папскаго нунція Видони, 8 марта 1659 года, написалъ письмо къ гетману Выговскому и послалъ его чрезъ бывшаго ученика своего генеральнаго писаря Тетерю, которому при этомъ сообщилъ, что «благотворители уніатовъ желали бы выкупить ихъ церкви и имущества и, въ качествѣ подарка, преподнесть гетману и казакамъ значительную сумму, лишь бы они не безпокоили уніатовъ». Но Выговскій не отвѣчалъ на письмо Суши, а сеймъ 1659 года утвердилъ гадячскій договоръ, кото-

рымъ предпологалось возстановленіе и Холмской православной епископіи. [105])

По утвержденіи договора сеймомъ, король Янъ Казиміръ, узнавъ о захватѣ уніатами Люблинской Преображенской церкви, грамотой отъ 5 іюля 1659 года, повелѣлъ передать ее обратно православнымъ со всѣмъ ея имуществомъ. «Такъ какъ намъ извѣстно, — говорится въ грамотѣ, — что церковь св. Спаса, стоящая на предмѣстьѣ Люблинскомъ, издревле принадлежала духовенству православнаго исповѣданія, то, согласно настоянію пословъ Запорожскаго войска, повелѣваемъ, чтобы нынѣшніе ея управители безъ замедленія прибыли на мѣсто и передали церковь со всѣми принадлежностями въ полное обладаніе кіевскаго митрополита Діонисія Балабана или его уполномоченнаго, не взирая ни на какія возраженія и отговорки нынѣшнихъ ея владѣльцевъ». Уніаты всячески затрудняли исполненіе королевскаго приказа, и только 5 сентября удалось уполномоченному кіевскаго митрополита Саввѣ Попелю добиться выдачи Преображенской церкви, а по прошествіи двухъ недѣль были возвращены принадлежавшія церкви и незаконно отнятыя у нея земли. [106])

Въ то время православная церковь пользовалась сравнительною свободою и въ другихъ мѣстахъ Забужной Руси. Такъ напр., вотчинный владѣлецъ села Яблочна Владиславъ Лещинскій, подкоморій Бреста-Литовскаго, просилъ настоятеля православнаго Мѣлецкаго монастыря Чаплица избрать изъ среды мѣлецкой братіи іеромонаха, способнаго возстановить Яблочинскую Онуфріевскую обитель и могущаго достойно управлять ею. Архимандритъ удовлетворилъ просьбѣ Лещинскаго. По выбору его, посланъ былъ въ Яблочинскій монастырь іеромонахъ Макарій Корниловичъ, бывшій до того времени намѣстникомъ въ Мѣлецкой обители. Онъ со всѣмъ усердіемъ и силами принялся за возобновленіе Яблочинскаго монастыря: построилъ церкви, колокольню, келліи, трапезу и другія заведенія и собралъ общежительную братію, долженствовавшую вести себя по чину св. Василія Великаго. Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ, 18 сентября 1659 года, далъ отъ себя грамоту сему монастырю, въ которой хвалитъ игумена его Макарія за его благопопеченіе и рачительность о возобновленіи св. обители и предписываетъ, чтобы собранная имъ, Макаріемъ, общежительная братія и впредь жила по чину св. Василія Великаго. [107])

Но Выговскій горько ошибся въ своихъ надеждахъ на прочность новаго союза съ Польшей. Народъ не взлюбилъ этого союза, возсталъ противъ Выговскаго, и онъ долженъ былъ бѣжать съ гетманства. На-

Гербъ первопечатника Ивана Ѳедорова. Изъ апостола львовскаго изданія (1573—1574 г.)

стали въ Малороссіи смуты, во время которыхъ некому и некогда было позаботиться о судьбахъ православной церкви въ предѣлахъ Польши. Поэтому сеймовое постановленіе объ упраздненіи уніи въ Польшѣ вскорѣ

потеряло всякое значеніе, и унія по прежнему стала распространяться насчетъ православія. Въ 1661 году король Янъ Казиміръ подтвердилъ уніатамъ всѣ ихъ прежнія права, которыми обезпечивались имъ всѣ епископства, имущества, монастыри, церкви и льготы.[108]) Объ успѣхахъ уніи въ Холмскомъ краѣ за это время свидѣтельствуетъ Яковъ Суша въ докладѣ своемъ римской конгрегаціи 1664 года. «Епархія Холмская, находящаяся въ русскомъ воеводствѣ,—писалъ онъ,—заключаетъ всю землю Холмскую, все воеводство Белзское и часть воеводства Люблинскаго, простираясь болѣе, чѣмъ на 50 квадратныхъ миль. Въ предѣлахъ оной, по направленію къ Польшѣ и Литвѣ, нигдѣ нѣтъ православныхъ, за исключеніемъ г. Люблина; но по направленію къ Волыни и Подоліи и къ округамъ Львовскому и Перемышльскому имѣются многочисленные приходы, занятые православными. Всѣхъ приходовъ въ епархіи около 700, изъ числа коихъ болѣе 300 принявшихъ унію», тогда какъ въ 1650—1651 гг. подъ властію Суши оставалось только около 150 уніатскихъ священниковъ. [109])

Дальнѣйшія событія еще болѣе содѣйствовали распространенію уніи въ юго-западной Россіи и, въ частности, въ Холмскомъ краѣ. 30 января 1667 года Россія и Польша, изнуренныя войною, заключили въ Андрусовѣ перемиріе или договоръ на тринадцать съ половиною лѣтъ, по которому Россія отказалась отъ правой стороны Днѣпра и Бѣлоруссіи, но пріобрѣла Смоленскъ, Сѣверскую область и восточную Малороссію съ Кіевомъ. Днѣпръ былъ принятъ границею между Россіей и Польшей. Западная Русь опять подпала польской власти, и въ ней началось усиленное совращеніе православныхъ въ унію[110]). Въ 1669 году, по отреченіи Яна-Казиміра отъ польскаго престола, нѣсколько белзскихъ мѣщанъ судимы были такъ называемымъ «каптуровымъ» судомъ, имѣвшимъ силу во время безкоролевья, за то, что они поставили своимъ священникомъ нѣкоего Ѳеодора Билинскаго, вызваннаго ими изъ Украйны, и не только не захотѣли имѣть уніатскихъ священниковъ, поставленныхъ Сушею, но и оскорбили присланнаго къ нимъ уніатскаго протопопа Н. Гостиловскаго и произвели будто бы бунтъ. За это они присуждены были къ жестокимъ наказаніямъ, отъ которыхъ освободились только подчиненіемъ епископу Сушѣ и принятіемъ уніи. [111]) 28 февраля 1670 года Гризелла Констанція на Замостьѣ, Корибутовна Замойская, презентовала холмскому уніатскому епископу Якову Сушѣ

нѣкоего Александра Теодоровича на священническое мѣсто къ Площенской Рождество-Богородичной церкви, находившейся тогда уже въ уніи. Въ 1674 году, при Вознесенской церкви на Львовскомъ предмѣстьи г. Замостья былъ уже уніатскій попъ Іоаннъ Кириловичъ, хотя прихожане и братство Вознесенской церкви непріязненно относились къ этому священнику.[112]) Наиболѣе твердо держались православія монастыри и братства, особенно покровительствуемые вельможами. Такъ напр., Яблочинскій вотчинникъ, графъ Андрей Лещинскій, кажется, протестантскаго исповѣданія, замѣтивъ, что настоятель Мѣлецкаго монастыря, отъ коего зависѣлъ монастырь Яблочинскій, совращенъ былъ Яковомъ Сушею въ унію, грамотою отъ 27 октября 1670 года, тотчасъ пресѣкъ всякое общеніе Яблочинской обители съ отступникомъ и предписалъ ей навсегда состоять подъ властію православнаго луцкаго епископа, князя Гедеона Четвертинскаго, и его преемниковъ.[113]) Оставались еще въ православіи монастыри Дрогичинскіе и братства въ Люблинѣ, Замостьѣ и Бѣлѣ. О внутреннемъ состояніи православныхъ братствъ въ это время свидѣтельствуетъ «Прототипонъ онома, сирѣчъ метрика», заведенная, точнѣе—переписанная въ 1670 году, при Замостьской Николаевской братской церкви стараніемъ старшаго братчика Замостьскаго братства поручика Григорія Сакевича и трудомъ учителя или бакаляра русской школы въ Замостьѣ, Григорія Волостовскаго, заключающая записи рожденій съ 1630 года. До 1711 года метрика велась только на русскомъ языкѣ, который, съ этого времени и до 1714 года, перемѣшивался съ польскимъ, а съ 1715 года совершенно исчезаетъ изъ метрики и замѣняется польскимъ и латинскимъ языками. Всѣхъ событій крещенія съ 1670 по 1699 годъ включительно внесено 918, среднимъ числомъ по 31 крещенію на годъ. Слѣдовательно, приходъ православной Замостьской церкви былъ еще весьма многочисленный. При церкви продолжала существовать русская школа съ опытнымъ учителемъ, поддерживавшая знаніе и употребленіе русскаго языка.[114]) Но скоро дошла очередь и до ограниченія и стѣсненія правъ православныхъ братствъ, съ цѣлію совращенія ихъ въ унію. Въ 1676 году польскій сеймъ воспретилъ ставропигіальнымъ братствамъ имѣть сношеніе съ константинопольскимъ патріархомъ и представлять на его рѣшеніе дѣла, касающіяся вѣры. Братства должны были подчиниться мѣстнымъ епископамъ, а въ слу-

чаѣ нежеланія исполнить это требованіе, должны были представлять спорные вопросы на обсужденіе гражданскихъ судовъ. Въ то же время сеймъ воспретилъ православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и лишенія имуществъ, отлучаться за границу Польши, подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе изъ православныхъ, уѣзжая къ константинопольскому патріарху будто бы для совѣщанія съ нимъ о дѣлахъ церковныхъ, сообщаютъ свѣдѣнія о дѣлахъ Польши. [115]) Постановленіе это вредно было для православныхъ въ томъ отношеніи, что обезсиливало народъ, сосредоточивая всю силу въ епископѣ. Въ случаѣ принятія епископомъ уніи, братства уже не могли относиться къ патріарху и не имѣли для себя никакой внѣшней церковной опоры. Съ другой стороны, честолюбивый львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, развивая мысль этого постановленія далѣе и опираясь на то, что Кіевъ отдѣленъ отъ Польши и что православные подданные въ Польшѣ не имѣютъ своего верховнаго пастыря, въ 1677 году, выпросилъ себѣ въ управленіе православную митрополію въ областяхъ Польши, съ тайнымъ обязательствомъ признать надъ собою власть папы, и увлекъ за собою въ унію добивавшагося Перемышльской епископской каѳедры Иннокентія Винницкаго. Послѣ неудавшагося люблинскаго собесѣдованія уніатовъ съ православными, устроеннаго въ 1680 году. Шумлянскій и Винницкій, въ 1681 году, приняли въ Варшавѣ тайно унію, и первый изъ нихъ отнялъ у непринявшаго унію владыки Гедеона Четвертинскаго Луцкую епархію для брата своего Аѳанасія Шумлянскаго. Такимъ образомъ, два православныхъ престола заняты были епископами, втайнѣ принявшими унію и обязавшимися содѣйствовать ея распространенію, и Шумлянскій управлялъ Кіевскою митрополіею подъ видомъ православнаго первосвятителя. Польское правительство поддерживало всѣ его мѣры къ окончательному искорененію православія въ южной Россіи. [116])

Но, расширяясь пространственно, унія, при жизни Якова Суши, страдала внутри отъ притѣсненій католиковъ и отъ раздоровъ между самими уніатами. Поэтому Яковъ Суша старался, съ одной стороны, защитить унію отъ притѣсненій латинянъ, а съ другой—прекратить внутренніе раздоры въ самой уніатской церкви, и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ на пользу уніи гораздо болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ современныхъ ему уніатскихъ епископовъ.

По словамъ прелата Ликовскаго, доходы русскихъ священниковъ были вообще столь скудны, что настоятелю прихода для прокормленія семьи приходилось въ потѣ лица обработывать свой кусокъ земли наравнѣ съ крестьянами. Причиною такой бѣдности было отчасти то,

что почти каждое село имѣло свою приходскую церковь, и что содержаніе настоятеля лежало на одной громадѣ. Вмѣсто принятія какихъ либо разумныхъ мѣръ, польское правительство отдало русскихъ священниковъ въ кабалу жидамъ, арендовавшимъ шляхетскія имѣнія, латинскимъ

ксендзамъ и епископамъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ арендовали жиды, всѣ сельскіе обыватели, въ томъ числѣ и священникъ, по условію договора, обязывались покупать жизненные припасы только у жида, и то по возвышеннымъ обыкновенно цѣнамъ, и не смѣли молоть хлѣба иначе, какъ на жидовской мельницѣ. Если священникъ тайкомъ закупалъ припасы гдѣ-либо на сторонѣ, то жидъ, провѣдавъ объ этомъ, безъ дальнихъ разговоровъ самовольно врывался въ домъ настоятеля, производилъ обыскъ, отбиралъ заподозрѣнные предметы и, въ довершеніе всего, налагалъ на настоятеля денежную пеню. Жалобы, подаваемыя епископу и правительству, не приносили никакого облегченія. Въ 1657 году король Янъ Казиміръ объявлялъ, что мѣстные землевладѣльцы лично и чрезъ своихъ подчиненныхъ и управителей принуждаютъ духовныхъ лицъ греческой вѣры къ отбыванію повинностей, наравнѣ съ крестьянами, и выполненію самыхъ унизительныхъ услугъ, «запрещаютъ имъ сноситься со своимъ епископомъ, подстрекаютъ ихъ къ неповиновенію владыкѣ, подчиняютъ ихъ своей власти, сажаютъ ихъ въ тюрьмы, вслѣдствіе чего они лишаются возможности отправлять божественную службу, съ великимъ ущербомъ для спасенія душъ христіанскихъ».

Дѣятельное участіе въ угнетеніи русскаго духовенства принимало духовенство латинское, имѣвшее свои приходы среди русскаго населенія. Вопреки постановленіямъ папскаго престола, оно вымогало десятины съ русскихъ приходовъ, находившихся въ предѣлахъ его прихода, и такимъ путемъ, не смотря на свое болѣе, чѣмъ достаточное, обезпеченіе умаляло и безъ того нищенскіе доходы уніатскихъ священниковъ. Сверхъ того, уніатскіе настоятели должны были платить «рочное» своимъ епископамъ, хотя послѣдніе имѣли хорошіе достатки для своего содержанія, а корыстолюбивые епископы не гнушались прибѣгать и къ вооруженной силѣ для взысканія слѣдовавшихъ имъ повинностей съ бѣдныхъ настоятелей. [117])

Нѣсколько разъ дѣлались даже попытки къ совершенному уничтоженію особой уніатской іерархіи и сліянію уніатской церкви съ католическою. Съ жалобою на католиковъ отправился въ Римъ, въ 1664 г., Яковъ Суша, который, въ донесеніи своемъ римской конгрегаціи распространенія вѣры, писалъ слѣдующее: «Жалуются достопочтенные уніатскіе епископы предъ Богомъ, предъ святѣйшимъ отцомъ и св. рим-

скою церковію, жалуются, видя съ изумленіемъ, что повсюду въ нашемъ отечествѣ находится немало господъ латинянъ, домогающихся предъ св. престоломъ того, чтобы насъ, уніатскихъ епископовъ, уничтожить, чтобы имѣнія наши присоединить къ латинскимъ епископіямъ и чтобы оставить намъ только монаховъ и бѣлыхъ священниковъ, но подчинить ихъ власти латинянъ... Послѣ похода подъ Берестечко, нѣкоторыя духовныя лица совѣтовали не только сенаторамъ, но даже самому королю уничтожить насъ... Наше же нерадѣніе или, вѣрнѣе, наша безпечность происходитъ отъ неблагопріятнаго отношенія къ намъ самихъ латинянъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, преслѣдующихъ насъ въ нашемъ отечествѣ; отсюда-то проистекаетъ для насъ трудность и даже невозможность пещись о спасеніи душъ... Ибо они дѣлаютъ на насъ доносы, привязываясь къ мелочамъ и имѣя въ виду не спасеніе душъ, но внѣшнюю корысть, чтобы завладѣть нашими имуществами, какъ будто у нихъ мало своихъ». Съ своей стороны, Суша старался доказать пользу уніи для римско-католической церкви и Польскаго государства, какъ единственнаго средства для уничтоженія православія и подавленія внутреннихъ смутъ въ государствѣ, и ходатайствовалъ предъ папою о воспрещеніи латинскому духовенству Холмской епархіи брать десятину съ уніатовъ. [118]) Въ 1665 году папа издалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ; но латинское духовенство Холмской епархіи не слушалось этого постановленія, а въ другихъ епархіяхъ вымогательство доведено было до крайней наглости. [119]) Самъ холмскій уніатскій епископъ Суша не былъ свободенъ отъ оскорбленій и униженій со стороны римско-католическаго духовенства.

Въ 1667 году, въ видахъ противодѣйствія успѣхамъ русской уніатской школы въ Холмѣ, суффраганъ холмскаго латинскаго епископа Свирскій ввелъ въ этотъ городъ піаровъ, которые поспѣшили устроить въ Холмѣ латинскую школу. Воспитанники этой школы, подъ предводительствомъ своихъ учителей и воспитателей, съ оружіемъ и дреколіемъ въ рукахъ, производили нападенія, нерѣдко среди бѣлаго дня, на уніатовъ, на ихъ школу, церкви и дома, били и сѣкли уніатскихъ учениковъ и людей уніатскаго епископа, разстраивали уніатскія процессіи и открыто глумились надъ обрядами и богослуженіемъ уніатской церкви, распространяли устно и письменно клеветы на уніатское духовенство, и все это оставалось совершенно безнаказаннымъ. [120])

Къ вящшему прискорбію Суши, въ самой уніатской церкви происходили внутренніе раздоры, ронявшіе ее въ глазахъ католиковъ и православныхъ. Современные ему уніатскіе митрополиты Антоній Селява, Гавріилъ Коленда и Кипріанъ Жоховскій не хотѣли выпустить изъ своихъ рукъ власти надъ базиліанскимъ орденомъ, сами назначали архимандритовъ въ важнѣйшіе монастыри и домогались званія протоархимандрита или генерала, т. е. главнаго начальника базиліанскаго ордена, тогда какъ сами базиліане хотѣли имѣть свое орденское самоуправленіе, съ протоархимандритомъ или генераломъ изъ простыхъ монаховъ, который бы не зависѣлъ отъ уніатскаго митрополита и непосредственно подчинялся папѣ, и домогались уничтоженія архимандритскаго званія въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и подчиненія ихъ ордену, а не митрополиту или епископамъ. Раздоры эти доходили до того, что, напримѣръ, митрополитъ Жоховскій на минскомъ базиліанскомъ съѣздѣ, въ 1683 году, низложилъ базиліанскаго генерала Мартышкевича - Бусинскаго и его совѣтниковъ, заставилъ собравшихся на съѣздѣ базиліанъ избрать себя въ протоархимандриты, отнялъ у прежнихъ начальниковъ ордена управлявшіеся ими монастыри и роздалъ ихъ вновь назначеннымъ имъ должностнымъ лицамъ ордена. Вслѣдствіе этихъ раздоровъ, въ самомъ базиліанскомъ орденѣ возникли безпорядки и особенно нарушеніе обрядовъ и обычаевъ восточной церкви. Яковъ Суша, какъ ревностный базиліанинъ, горячо принималъ къ сердцу судьбы своего роднаго ордена и спасъ его отъ окончательнаго паденія. Съ 1650 и до 1652 года, онъ былъ викарнымъ генераломъ базиліанскаго ордена, а въ 1661 году, въ самый разгаръ борьбы ордена съ митрополитомъ Колендой, былъ выбранъ въ протоархимандриты ордена и исполнялъ эту должность до 1666 года. Во время своей поѣздки въ Римъ, въ 1664 году, онъ, какъ протоархимандритъ базиліанскаго ордена, жаловался папѣ на митрополита Коленду за его притѣсненія ордену и учрежденіе новыхъ архимандрій и предлагалъ мѣры къ упорядоченію базиліанскаго ордена. Въ другой разъ Суша оказалъ важную услугу базиліанскому ордену, содѣйствовавъ примиренію его съ митрополитомъ Жоховскимъ. По требованію римской конгрегаціи распространенія вѣры, Суша, въ своемъ донесеніи ей, объяснилъ причины раздоровъ между митрополитомъ и базиліанскимъ орденомъ, и съ своей стороны предложилъ мнѣніе о болѣе самостоятельномъ устройствѣ ор-

дена, съ ограниченіемъ власти митрополита и епископовъ надъ монахами ордена, на основаніи постановленій тридентскаго собора. Этомнѣніе Суши положено было въ основаніе союза или мировой сдѣлки между базиліанскимъ орденомъ и уніатскимъ митрополитомъ, заключенной на новогрудскомъ базиліанскомъ съѣздѣ 1686 года. Этимъ союзомъ или мировой сдѣлкой блистательно завершилась для ордена его слишкомъ 40-лѣтняя борьба съ митрополитомъ. Базиліанскому ордену предоставлено внутреннее самоуправленіе, протоархимандриту его дано право обозрѣвать всѣ монастыри, не исключая и архимандричьихъ, съ дозволенія впрочемъ митрополита, обозрѣвать также и приходскія церкви ордена, поставлять и смѣнять временныхъ настоятелей, и проч. Теперь базиліанскій орденъ сталъ твердою ногою на тотъ путь, который привелъ его впослѣдствіи къ окончательному окатоличенію и уподобленію другимъ монашескимъ орденамъ латинской церкви. [121])

Вообще Яковъ Суша во все почти время своего епископствованія въ Холмѣ велъ оборонительную войну за унію, защищая ее и отъ православныхъ, и отъ католиковъ, домогавшихся уничтоженія уніи, и улаживая внутренніе раздоры между уніатами. Широкаго распространенія унія не имѣла въ его время въ Холмской епархіи; но Суша, устраняя встрѣчавшіяся для нея препятствія, обезпечивалъ ея распространеніе въ недалекомъ будущемъ. Онъ умеръ въ 1685 году.

Въ слѣдующемъ 1686 году заключенъ былъ между Россіей и Польшей договоръ, который утвердилъ за Россіей, на вѣчныя времена, всѣ земли, пріобрѣтенныя ею отъ Польши въ 1654—1655 г.г., съ Кіевомъ, Черниговомъ, Смоленскомъ и другими 56-ю городами; но правая сторона Днѣпра, Кіевская область, Волынь и Подолье остались еще на полтора вѣка за Польшею и получили названіе Польской Украйны. Въ 9-й статьѣ этого договора сказано было: «великій государь, его королевское величество, церквамъ Божіимъ и епископіямъ Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской, Бѣлороссійской, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и инымъ, игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается употребленіе благочестивой греко-россійской вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людямъ въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ той же вѣрѣ остающимся, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія чинить не велитъ

и быти то не имѣетъ, но по давнымъ правамъ и во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ блюсти, и если бы вышепомянутымъ епископамъ въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ пребывающимъ по духовному ихъ чину и обыкновенію довелось пріимати благословеніе и рукоположеніе отъ кіевскаго митрополита, и то никому изъ нихъ власть его королевскаго величества вредити не имѣетъ».[122]) Но, очевидно, этой статьей договора поляки только обманывали русское правительство относительно епархій Львовской и Перемышльской, епископы которыхъ, на самомъ дѣлѣ, уже тайно приняли унію. Поэтому, договоръ этотъ не только не остановилъ успѣховъ уніи, но какъ будто еще болѣе возбудилъ въ римско-католикахъ и уніатахъ ревность къ совращенію православныхъ въ унію и католичество и къ отрозненію ихъ отъ Московскаго государства. По крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Забужной Руси наиболѣе крупныя совращенія въ унію относятся ко времени послѣ договора 1686 года. Это одинаково нужно сказать какъ о Холмщинѣ собственно, такъ и о холмскомъ Подляшьи.

Изъ ближайшихъ преемниковъ Суши извѣстны своею дѣятельностію на пользу уніи холмскіе уніатскіе епископы Александръ-Августинъ Лодзята (1685—1691 г.) и Гедеонъ Война-Оранскій (1693—1709 г.). Въ 1687 году епископъ Лодзята особымъ постановленіемъ старался уяснить и точно опредѣлить взаимныя отношенія между уніатскимъ попомъ Вознесенской Замостьской церкви и Вознесенскимъ братствомъ, какъ видно, не ладившими между собою, но не имѣлъ успѣха. Братчики не слушались распоряженія епископа, вмѣшивались въ церковные доходы, дѣлали уніатскому священнику разныя препятствія и угрожали ему изгнаніемъ изъ церкви. Поэтому, епископъ Лодзята, въ 1689 году, писалъ братчикамъ, что они за это подвергнутся опредѣленнымъ въ постановленіи наказаніямъ, и напоминалъ имъ, чтобы они «остерегались чинить означенные убытки», подъ угрозою епископскаго неблагословенія и уничтоженія братства.[123]) При этомъ же епископѣ, въ 1688 году, приняли унію деканъ влодавскій Владычка и священники приходовъ Орховскаго, Любчинскаго и Злотарскаго.[124]) Около 1699 года положено начало совращенія въ унію Замостьской Николаевской церкви и ея братства, при содѣйствіи владѣтельницы города Замостья Анны Замойской.

Въ этомъ году часть членовъ Замостьскаго братства согласилась

принять унію, но съ тѣмъ, чтобы не зависѣть отъ мѣстнаго холмскаго уніатскаго епископа, а непосредственно подчиняться уніатскому митрополиту и отъ него получать священниковъ, и съ этими условіями послала къ уніатскому митрополиту Льву Шлюбичъ-Заленскому двухъ выборныхъ Матѳея Левкевича и Самуила Тарнопольскаго. Митрополитъ благосклонно принялъ выборныхъ и надѣлилъ братство разными преимуществами и отпустами (индульгенціями), но не желалъ изъять ихъ изъ-подъ власти мѣстнаго епископа и перемѣнить приходскаго священника. «Сильно желаемъ мы, — писалъ онъ Замостьскому братству въ 1699 году,—чтобы вы, впередь до дальнѣйшаго распоряженія и сношенія съ ясновельможной ея милостью госпожей казначейшей (Анной Замойской) или ихъ милостями панами ординатами, господами и благодѣтелями нашими, изволили довольствоваться тѣмъ священникомъ, который назначенъ и поставленъ для удовлетворенія духовныхъ вашихъ нуждъ превелебнѣйшимъ его милостью отцемъ епископомъ холмскимъ, братомъ и сослужебникомъ нашимъ, пока Господь Богъ не укажетъ лучшихъ людей и способа обезпеченія ихъ. Дабы все это пришло къ исполненію, мы оставляемъ помянутаго его милость епископа холмскаго, по отдаленности нашей, какъ товарища и сопастыря, при особомъ управленіи тѣмъ братствомъ и всѣми во Христѣ порученными намъ овечками, оставляя при насъ самихъ и при митрополитскомъ престолѣ общую зависимость по канонамъ святыхъ отцевъ и обычаю церкви восточной, и вмѣстѣ разрѣшаемъ отъ всякихъ церковныхъ наказаній, запрещеній, клятвъ и заблужденія въ вѣрѣ святой, въ которомъ доселѣ находились». Но что не всѣ братчики и далеко неискренно соглашались на унію, это можно видѣть изъ того, что переговоры объ уніи велись у нихъ до 1701 года и обнаруживали въ братчикахъ холодность къ уніи. Вынуждаемые къ принятію ея настояніемъ Анны Замойской, члены Замостьскаго Николаевскаго братства желали, по крайней мѣрѣ, выговорить себѣ побольше правъ и вещественныхъ выгодъ. Они высчитали, что Николаевская церковь имѣетъ основнаго капитала 1225 злотыхъ, и заявляли, что процентовъ съ этой суммы совершенно недостаточно для содержанія церкви, дотолѣ поддерживавшейся «милостынею отъ людей украинскихъ, которая отнынѣ прекратилась вслѣдствіе принятія уніи», такъ-что пришлось заложить церковное серебро. Поэтому братчики домогались, чтобы выкуплено было церковное серебро и обезпечено

содержаніе церкви изъ средствъ Анны Замойской, какъ главной виновницы обращенія ихъ въ унію. Съ своей стороны, уполномоченные Анны Замойской не довѣряли братству и подозрѣвали его въ преувеличеніи бѣдности церкви и неискренности обращенія его въ унію. Они просили уніатское духовное начальство обозрѣть Николаевскую церковь и ея состояніе по документамъ и обратить вниманіе на то, «нѣтъ ли какой либо фальши противъ уніи; ибо,—говорили они,—хотя мы твердо убѣждены и о Господѣ увѣрены въ прочности истиннаго соединенія всѣхъ тѣхъ людей греческой религіи и вѣримъ, что они не съ лукавымъ сердцемъ принимали ту св. унію; но что касается обряда, то сомнительно, чтобы это согласовалось съ внутреннимъ расположеніемъ. Посему, если еще не отстали отъ того или лучше не приняли того, что существенно, то теперь же бы исправлено было чрезъ ихъ милостей тѣхъ же духовныхъ, чтобы въ символѣ, иначе въ «Вѣрую», ясно, по постановленію соборовъ, именно флорентійскаго, на литургіи пѣли: «вѣрую... въ Духа Святаго, отъ Отца и Сына исходящаго». Переговоры кончились тѣмъ, что Анна Замойская, отъ имени старшаго сына своего, назначила Николаевской церкви ежегодное пособіе по 400 злотыхъ. При этомъ на волю Анны Замойской оставлено было или содержать при церкви монаховъ, согласно желанію братства, съ назначеніемъ ихъ отъ духовнаго начальства, или же назначать священника, съ подчиненіемъ ему обѣихъ церквей, городской и на предмѣстьѣ, для устраненія всякихъ столкновеній. Въ духовныхъ дѣлахъ братство поставлено было въ непосредственную зависимость отъ мѣстнаго холмскаго епископа, но съ предоставленіемъ братству права въ болѣе важныхъ случаяхъ обращаться къ митрополиту. [125])

Уніаты придавали особенное значеніе совращенію Николаевскаго братства и связывали съ нимъ совращеніе въ унію и всего Замостьскаго округа. Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка (1713—1728 г.), въ послѣдствіи времени, съ хвастливостію и преувеличеніями, такимъ образомъ описывалъ это событіе: «Находящійся въ Польшѣ, въ землѣ Холмской, славный по виду и по имени городъ Замостье, производящій свое названіе отъ владѣтелей того имени, неприступный для непріятельскихъ покушеній и нападеній, ревностію госпожи главной казначейши королевства (Анны Замойской) подчинился со всѣмъ своимъ округомъ господину митрополиту, а чрезъ него св. уніи и апостольскому престолу. Ставропигія

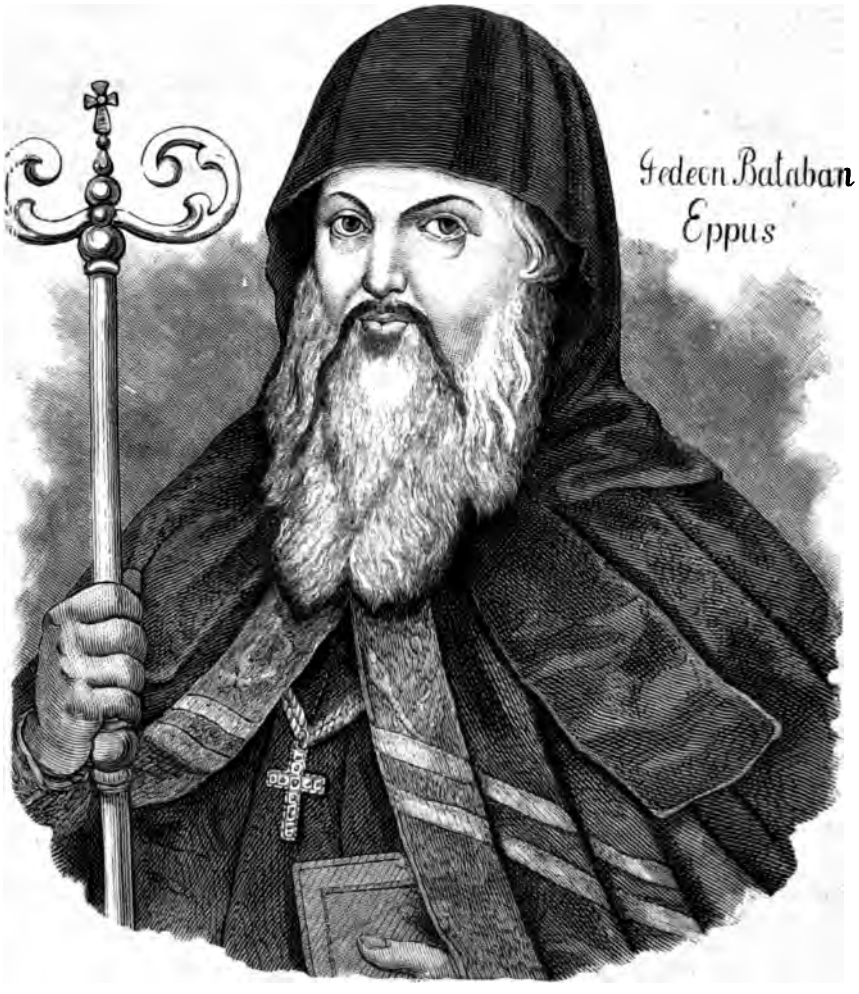
эта, упорно державшаяся въ православіи и въ единеніи съ церковію константинопольскою, отправила торжественное посольство къ законному пастырю, съ заявленіемъ горячаго желанія приступить къ римской вѣрѣ, къ церковному общенію съ апостольскимъ престоломъ... Великая радость произошла отсюда для уніи и католической церкви, когда многіе заключающіеся въ предѣлахъ этого округа приходы приняли унію, до того времени ненавистную имъ даже по имени.[126]) «Въ 1695 году, при епископѣ Гедеонѣ Войнѣ-Оранскомъ, присоединенъ былъ къ уніи и Люблинскій братскій монастырь; но многіе изъ русскихъ мѣщанъ г. Люблина и его предмѣстій остались вѣрными православной церкви и, въ концѣ XVIII вѣка, пристали къ люблинскимъ грекамъ, получившимъ въ 1790 году отъ короля Станислава Августа разрѣшеніе на основаніе Рождество-Богородицкой церкви, «съ тѣмъ, чтобы,—какъ говорится въ грамотѣ,—не производилось колокольнаго звона и не допускались публичныя процессіи, такъ какъ и то и другое могло бы повредить пользамъ господствующаго римско-католическаго вѣроисповѣданія.[127]) Шляхтичъ Дульскій и княжна Збаражская въ имѣніяхъ своихъ въ Бѣломъ Камени, у рѣки Буга, Львовской епархіи, четыре церкви, да Луцкой епархіи три церкви, и именно въ селахъ Богѣ, Череминѣ, Жуличахъ, Почапинѣ, Белзцѣ и въ Кваровѣ (Скваревѣ) отдали холмскому уніатскому епископу, прозваніемъ Оранскому, русскихъ же православныхъ священниковъ оттуда выгнали».[128])

Въ концѣ XVII и даже въ началѣ XVIII вѣка не мало было православныхъ приходовъ и въ холмскомъ Подляшьи, сосредоточивавшихся, главнымъ образомъ, вокругъ ближайшихъ православныхъ монастырей Яблочинскаго, Дрогичинскихъ и Брестскаго, особенно въ нынѣшнихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи—Бѣльскомъ, Влодавскомъ, Соколовскомъ и Радинскомъ.[129]) Для ободренія и утѣшенія тамошнихъ православныхъ, въ 1683 году, явилась русскимъ псатухамъ Лѣснинская икона Богоматери, впрочемъ вскорѣ похищенная католиками и возвращенная православію уже послѣ возсоединенія холмскихъ уніатовъ съ православною церковію.[130]) Нѣкоторые изъ помянутыхъ приходовъ совращены были въ унію въ самомъ концѣ XVII вѣка усиліями уніатскихъ митрополитовъ Жоховскаго и Заленскаго и мѣстныхъ владѣльцевъ князей Радзивиловъ. Въ мѣстечкѣ Сельцѣ, въ имѣніи княгини Радзивилъ, уніатскій митрополитъ Жоховскій насильно взялъ двѣ православныя церкви Ус-

пенія и Покрова пресв. Богородицы, обратилъ православныхъ въ унію неволею и грозилъ, что во всей Литвѣ не останется ни одной православной церкви. [131]) Около 1690 года исчезло православное Рождество-Богородицкое братство въ г. Бѣлѣ. Въ этомъ году владѣтельница г. Бѣлы княгиня Екатерина Радзивилъ, урожденная Собѣсская, рѣшилась принять чрезвычайныя мѣры, чтобы заставить народъ подчиниться уніи. Списавшись съ владиміро-брестскимъ епископомъ, впослѣдствіи уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Шлюбичъ-Заленскимъ, она устроила при Бѣльской церкви базиліанскій монастырь и разослала по всѣмъ деревнямъ обширнаго своего имѣнія приказъ, изъ котораго видно, что, сто лѣтъ спустя по введеніи уніи, подляшскій народъ предпочиталъ оставаться безъ необходимѣйшихъ таинствъ и богослуженія, почти безъ всякой вѣры, чѣмъ отказываться отъ православныхъ преданій; сами священники до такой степени не знали своего новаго исповѣданія, что ихъ нужно было учить правиламъ уніи наравнѣ съ забитыми крестьянами, и для этой цѣли учрежденъ былъ базиліанскій монастырь, а сельскимъ властямъ предписано было загонять народъ въ церкви для внушенія ему новой вѣры. Базиліане и сельскія власти немедленно принялись, за совращеніе православныхъ въ унію. Княжна Екатерина и сынъ ея Станиславъ, съ своей стороны, не щадили никакихъ средствъ для поддержанія уніи и надѣляли церкви своихъ имѣній угодьями, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мѣстные пресвитеры навсегда оставались въ уніи съ римскою церковію. [132]) Соблазняемые земными выгодами, священники первые принимали унію; но прихожане не хотѣли слѣдовать за ними и долго еще оставались въ православіи. Когда около 1680 г. русскій діаконъ Петръ, совратившійся заграницей въ католичество, возвращаясь на родину, хотѣлъ найти въ Западной Россіи своихъ единовѣрцевъ среди русскихъ и разспрашивалъ крестьянъ, уніаты ли они, или православные, то оказывалось, что крестьяне были православные, хотя попъ —уніатъ. [133])

Впрочемъ, унія не была конечною цѣлію стремленій польско-католиковъ и служила для нихъ только средствомъ къ совращенію русскихъ подданныхъ Польши въ католичество и къ ополяченію ихъ. Поэтому за уніей по пятамъ слѣдовало католичество со своими костелами и кляшторами, проникало въ самую внутреннюю жизнь уніи,

видоизмѣняло ее по своему образцу и приближало къ полному католичеству и полонизму, или же прямо превращало русскихъ уніатовъ въ польско-католиковъ. Въ XVII вѣкѣ въ Холмскомъ краѣ значительно умножились противъ прежняго польско-католическіе костелы и кляшторы. До начала XVII вѣка въ самомъ Холмѣ не было ни одного приходскаго костела и вообще мало было костеловъ въ Холмской Руси, такъ что холмскіе католическіе епископы не имѣли суффрагана или викарія до самаго 1620 года, не смотря на то, что они, наравнѣ съ остальными католическими епископами, засѣдали въ сенатѣ, а нѣкоторые изъ нихъ исполняли должность подканцлера или иныя обязанности при королѣ; значитъ, имъ мало было дѣла вь своей епархіи.[134]) Вслѣдствіе незначительнаго числа костеловъ въ Холмщинѣ, на епархіальномъ католическомъ соборѣ въ Красноставѣ, въ 1624 году, католическій епископъ Лубенскій сдѣлалъ такое опредѣленіе: «поелику въ Холмской епархіи приходскихъ костеловъ такъ мало, что одинъ отъ другаго отстоитъ на двѣ или на три мили, вслѣдствіе чего посѣщеніе ихъ сопряжено для населенія съ большими затрудненіями, допускается постройка частныхъ каплицъ съ нашего каждый разъ на то разрѣшенія».[135]) Но въ теченіи XVII вѣка число костеловъ и кляшторовъ въ Забужной Руси быстро умножается. Въ началѣ XVII-го вѣка становится извѣстнымъ Холмскій реформатскій монастырь; около половины этого вѣка упоминается костелъ св. Духа при городской богадѣльнѣ, служившій лишь нуждамъ призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ; піарскій же костелъ выстроенъ только въ 1667 году. [136]) До 1636 года не было костела и въ Коднѣ; но около этого времени мѣстный владѣлецъ князь Николай Сапѣга, совратившись въ католичество, похитилъ изъ папской часовни въ Римѣ такъ называемую Гваделупскую икону Богоматери и, въ возмездіе за этотъ проступокъ, обязанъ былъ передѣлать и дѣйствительно передѣлалъ въ костелъ только что выстроенную имъ православную Михайловскую церковь.[137]) Въ 1628 году владѣлецъ г. Бѣлы Александръ-Людвикъ Радзивилъ устроилъ здѣсь коллегію, зависѣвшую отъ краковской академіи, для ополяченія и окатоличенія подляшскаго юношества. Когда же эта коллегія была разорена казаками Богдана Хмельницкаго; то княгиня Екатерина и сынъ ея Станиславъ Радзивилы возстановили, въ 1680 году, разоренную коллегію, а въ 1671 году устроили реформатскій монастырь.[138]) Въ Красноставѣ, въ началѣ XVII-го



Гедеонъ Болобанъ смиренный
Епископъ Львовскій

вѣка, построенъ былъ іезуитскій костелъ св. Франциска, обновленный епископомъ Матѳеемъ Лубенскимъ въ 1626 году. Въ 1676 и 1677 годахъ холмскій суффраганъ Николай Свирскій основалъ монастыри бонифратровъ въ самомъ Красноставѣ и бернардинскій на горѣ св. Антонія выше Туробина. Въ исходѣ XVII-го вѣка Красноставъ находился уже въ полной власти польско-католиковъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи іезуитскую коллегію и семинарію, которыя надѣлены были богатыми имѣніями. [139]) Въ Замостьѣ, въ концѣ XVI и въ XVII-мъ вѣкахъ являются богатые костелы францисканов, бонифратровъ, реформатовъ и проч. Въ Крешовѣ до 1641 года не было ни одного костела; но въ этомъ году Екатерина Замойская основываетъ здѣсь католическую семинарію, и около половины XVII-го вѣка является здѣсь монастырь паулиновъ. Но богаче всѣхъ былъ костелами г. Люблинъ. Къ семи прежнимъ костеламъ и монастырямъ въ XVII-мъ вѣкѣ прибавилось еще до 11-ти, а именно: костелъ св. Креста съ монастыремъ доминикановъ обсерватовъ 1607 г., костелъ съ монастыремъ кармелитовъ 1610 г., костелъ св. Войцѣха 1611 г., костелъ съ монастыремъ бернардинокъ 1618 г., костелъ съ монастыремъ францисканокъ 1619 г., августинскій 1624 г., монастырь бонифратровъ 1653 г., кармелитскій костелъ при семинаріи 1659 г., реформатскій костелъ 1674 г., общины кармелитокъ 1680 г. и визитокъ 1700 года. [140]) Какъ велико было число латинскихъ костеловъ вообще, появившихся въ Холмскомъ краѣ въ XVII вѣкѣ, это можно видѣть изъ того, что въ началѣ XVIII-го вѣка въ Холмской латинской епархіи, заключавшей въ себѣ тогда 10 деканатовъ или благочиній, изъ коихъ четыре входятъ нынѣ въ составъ другихъ епархій, было 81 латинскій приходъ, а въ принадлежавшемъ тогда къ Луцкой католической епархіи сѣдлецкомъ Подляшьи считалось до 50 костеловъ, всего 131, тогда какъ въ XVI вѣкѣ считалось въ этой странѣ только до 60-ти костеловъ. Вся эта громадная масса чужеядныхъ католическихъ костеловъ и монастырей, не имѣя твердой почвы для своего существованія, съ XVIII вѣка напала уже не столько на православныхъ, которыхъ въ XVIII вѣкѣ весьма мало оставалось въ краѣ, сколько на самую унію, стараясь поглотить ее совершенно. Въ заключеніе всего, оказалось слѣдующее: вмѣсто 131 костела, въ предѣлахъ нынѣшней Люблинско-Подляшской католической епархіи, въ 1818 году, существовало уже до 300 костеловъ; слѣдовательно, въ теченіи од-

ного вѣка прибавилось около 170 костеловъ. [141]) За то, въ обратной мѣрѣ, уменьшилось за это время число русскихъ церквей и приходовъ въ Забужной Руси. Тогда какъ при Яковѣ Сушѣ (1652—1682 г.г.) Холмско-Белзская епархія заключала въ себѣ до 700 русскихъ приходовъ, православныхъ и уніатскихъ, и въ числѣ ихъ свыше 300 уніатскихъ, — та же епархія и въ тѣхъ же предѣлахъ, въ 1749 году, заключала въ себѣ только 285 уніатскихъ приходовъ. Въ 1828 году уніатская Холмская епархія, безъ округа Белзскаго и части Волыни, но за то съ присоединеніемъ сѣдлецкаго Подляшья, заключала въ себѣ 278 церквей съ 239,548 прихожанами, а около 1864 года, въ тѣхъ же предѣлахъ, по отчету коммиссіи духовныхъ дѣлъ, имѣла 269 приходовъ. [142]) Куда же дѣлись остальные уніатскіе приходы, это должна объяснить исторія православія и уніи и вообще русскаго обряда въ Забужной Руси въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Глава пятая.

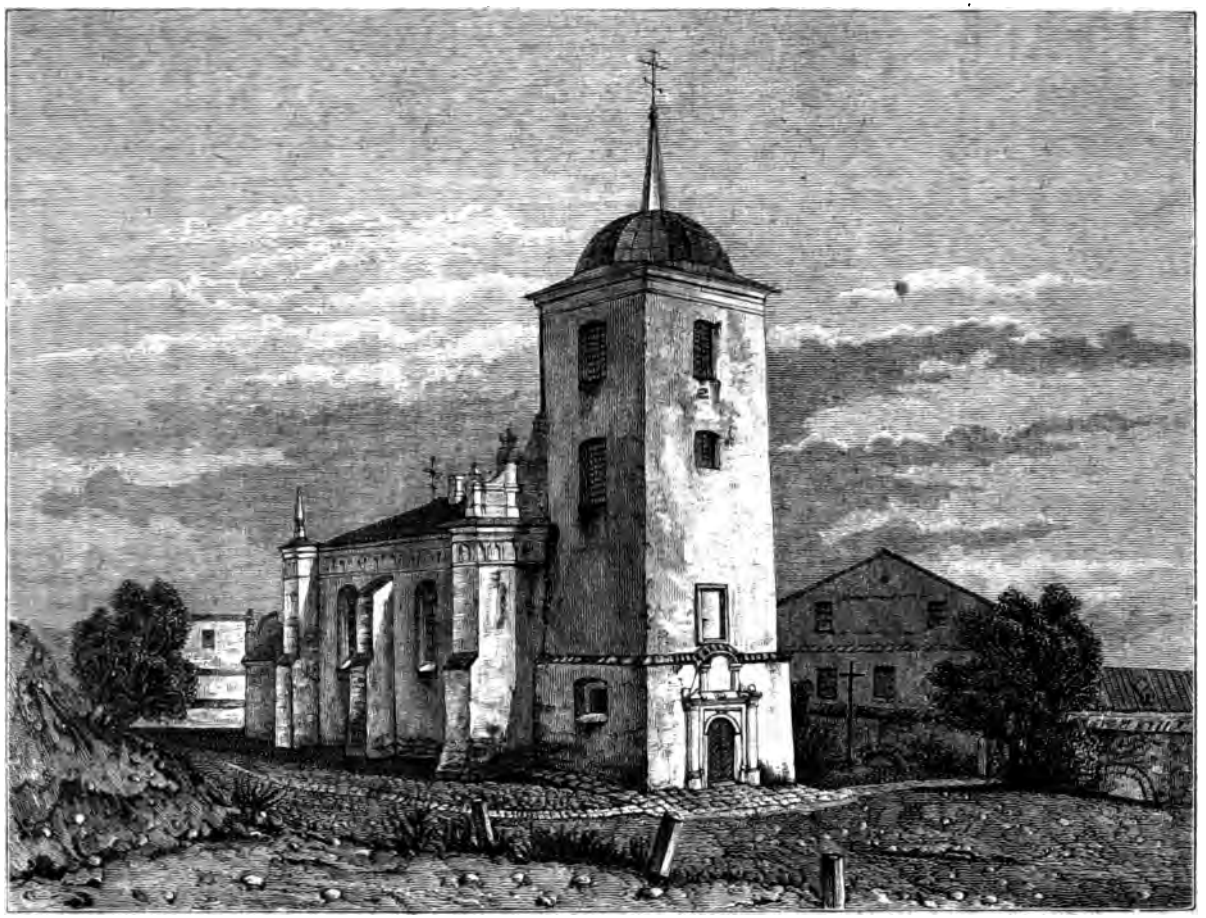
Состояніе православія и уніи въ XVIII вѣкѣ.

Вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши.—Записка объ уничтоженіи русской народности въ Польшѣ.—Замостьскій соборъ.—Гоненія на православіе; положеніе Дрогичинскихъ и Яблочинскаго монастырей.—Положеніе уніатскаго духовенства и базиліанъ.—Базиліанскіе монастыри: Замостьскій, Бѣльскій и Холмскій.—Положеніе уніатской іерархіи.—Холмскіе епископы Левицкій, Володкевичъ и Рылло.

Восемнадцатый вѣкъ открывается благопріятными, повидимому, для православнаго населенія юго-западной Россіи предзнаменованіями. Единоплеменное и единовѣрное ему русское правительство входитъ во внутреннія дѣла Польши, не умѣвшей справиться съ самой собою, и заступается за православныхъ подданныхъ Польши. Но эти лучшія предзнаменованія должны были оправдаться только въ отдаленномъ будущемъ и дѣйствительно оправдались при раздѣлахъ Польши; въ началѣ же XVIII вѣка они только содѣйствовали обостренію взаимныхъ отношеній между православными, уніатами и польско-католиками въ Польскомъ государствѣ, такъ какъ поляки раздражались вмѣшательствомъ Русскаго государства въ ихъ внутреннія дѣла, усугубляли преслѣдованія противъ православныхъ и даже противъ уніатовъ и старались превратить ихъ въ католиковъ и поляковъ.

Дѣятельное вмѣшательство россійскаго двора во внутреннія дѣла разлагавшейся Польши начинается еще съ 1697 года. Въ этомъ году, при содѣйствіи россійскаго двора, избранъ былъ въ короли польскіе саксонскій курфирстъ Августъ II-й, а впослѣдствіи, во время польско-шведской войны, поддерживаемъ былъ противъ польско-шведской партіи, избравшей въ польскіе короли Станислава Лещинскаго.

Русскій императоръ Петръ I, еще въ 1698 году познакомившійся съ краемъ при возвращеніи изъ чужихъ краевъ и нѣсколько разъ посѣщавшій Креховскій православный монастырь въ нынѣшней Галиціи [143]), въ 1705 году, во время польско-шведской войны, самъ лично былъ въ Бѣлоруссіи и въ Полоцкѣ и былъ свидѣтелемъ непримиримой ненависти базиліанскихъ монаховъ къ православію и русской народности, осмѣлившихся даже оскорбить грубымъ образомъ священную особу государя императора.[144]) Въ то же время подчиненный императору малороссійскій гетманъ Мазепа занялъ, въ 1705 году, своими войсками городъ Замостье. [145]) Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали ознакомленію русскаго правительства съ угнетеннымъ положеніемъ православія въ Польшѣ, располагали къ его защитѣ и къ усмиренію его отступниковъ и враговъ Такъ, отступившій въ 1700 г. въ унію луцкій епископъ Діонисій Жабокрицкій былъ захваченъ, въ 1709 году, русскими и сосланъ въ Сибирь. На мѣсто его рукоположенъ былъ православнымъ кіевскимъ митрополитомъ Кириллъ Шумлянскій; но онъ принужденъ былъ, въ 1712 году, оставить свою Луцкую каѳедру и переселился въ Кіевъ. Послѣ этого, въ предѣлахъ Польши оставался только одинъ православный епископъ бѣлорусскій Императоръ Петръ I не разъ ходатайствовалъ предъ польскимъ королемъ Августомъ II-мъ, какъ о возвращеніи Кирилла Шумлянскаго на Луцкую епархію, такъ и вообще объ облегченіи участи своихъ единовѣрцевъ, находившихся въ Польшѣ и Литвѣ, но добился только того, что варшавская конфедерація 1716 года утвердила за Петромъ I право ходатайства за единовѣрцевъ въ Польшѣ.[146]) За то въ Польшѣ возникаютъ теперь безумные замыслы о томъ, чтобы въ подвластныхъ ей русскихъ областяхъ совершенно уничтожить не только православную вѣру, но и унію и русскую народность, и тѣмъ устранить всякіе поводы къ вмѣшательству Россіи въ дѣла Польши. Съ такими-то замыслами подана была варшавскому сейму знаменитая записка 1717 года. Записка начинается такъ: «если цѣлость и безопасность государствъ основывается на взаимной любви гражданъ, а любовь болѣе всего поддерживается единствомъ вѣры; то мы, поляки, желая быть цѣлыми и безопасными въ своемъ государствѣ, должны стараться съ особеннымъ усиліемъ о единствѣ вѣры между его обитателями. А какъ это единство въ русскихъ странахъ, принадлежащихъ коронѣ и великому княжеству Литовскому, повидимому, настолько нарушается, насколько есть разности обрядовъ въ



Спасо-Преображенская церковь въ г. Любляне.

простомъ народѣ, то чины королевства и каждый въ особенности полякъ, желающій сохранить и обезопасить цѣлость своего отечества, должны вмѣнить себѣ въ обязанность уничтожать греческій законъ, противный закону римскому, презрѣніемъ, преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ послѣдователей онаго и наконецъ другими сколь возможно дѣйствительнѣйшими средствами». Средства эти предлагались въ высшей степени безсовѣстныя и безчеловѣчныя. Такъ напр., для вящшаго униженія русскаго духовенства, составитель записки совѣтуетъ удерживать русскихъ священниковъ въ вожделѣнномъ для поляковъ грубомъ невѣжествѣ и самымъ лучшимъ средствомъ къ тому считаетъ бѣдность. Для этого онъ предлагаетъ слѣдующіе способы: уничтоженіе дарственныхъ записей на земли и угодья въ пользу уніатскихъ церквей, установленіе платы за «презенты» или одобрительные листы, безъ обозначенія однакоже въ нихъ всѣхъ церковныхъ имуществъ, возбужденіе соперничества между евреями и священниками въ сельскомъ хозяйствѣ, назначеніе за всѣ церковныя требы опредѣленной синодами католическихъ епископовъ платы и возбужденіе русскихъ крестьянъ къ отказу въ этой платѣ, и проч. А чтобы усыпить бдительность русскаго правительства, для этого записка совѣтуетъ хранить нѣкоторую дружбу съ Москвою и возводить на польскій престолъ такихъ государей, къ которымъ она была бы расположена; ибо тогда она не будетъ слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за польскими дѣлами.[147]) Записка 1717 года, принадлежавшая очевидно человѣку самой крайней партіи, и чрезъ мѣру злостная, не могла быть принята поляками въ полномъ ея объемѣ при тогдашнемъ положеніи Польши, но во многомъ она имѣла приверженцевъ среди тогдашняго польскаго духовенства и даже шляхты.

Другая болѣе опытная и болѣе осторожная часть польскаго духовенства и шляхты пришла къ иной мысли: прочно устроить самую унію, послѣдовательно провести въ ея жизни католическія начала, стереть, такимъ образомъ, мало по малу, различія между католическимъ и уніатскимъ обрядами и укрѣпленную этимъ путемъ унію направить къ окончательному подавленію православныхъ преданій и русской народности. Эта партія рѣшилась дѣйствовать въ семъ смыслѣ чрезъ самихъ же уніатовъ и преимущественно тѣхъ, которые имѣли уже наклонность къ католичеству и польщизнѣ. Съ этою цѣлію, созванъ былъ, въ 1720 году, замостьскій соборъ, на которомъ, подъ

предсѣдательствомъ папскаго нунція Іеронима Гримальди, присутствовали уніатскій митрополитъ Левъ Кишка, шесть уніатскихъ епископовъ, десять базиліанскихъ архимандритовъ, игуменовъ и должностныхъ лицъ базиліанскаго ордена, и десять уніатскихъ декановъ или благочинныхъ, кромѣ свѣтскихъ уполномоченныхъ. Въ первомъ засѣданіи собора, происходившемъ въ церкви, по совершеніи литургіи и по прочтеніи папскихъ посланій, предложено было для подписи уніатскихъ членовъ собора утвержденное папой Урбаномъ VIII-мъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ находится прибавленіе въ символѣ вѣры «и отъ Сына», и признаётся VIII-й яко-бы вселенскій соборъ, бывшій противъ патріарха Фотія, и ученіе о непогрѣшимости папы, и значатся прочія нововведенія, утвержденныя флорентійскимъ соборомъ. Эти латинскія нововведенія смутили нѣкоторыхъ уніатскихъ членовъ собора и особенно старшаго братчика Львовскаго ставропигіальнаго братства Стефана Лашковскаго и братчика Ивана Чесниковскаго, которые долго уклонялись отъ подписи подъ исповѣданіемъ вѣры и приняли его только чрезъ 11 дней по открытіи собора. Съ принятіемъ этого исповѣданія, унія сближалась тѣснѣе съ латинствомъ и получала рѣзкія черты, отличающія ее отъ православія. Затѣмъ, рѣшено было чтобы на будущее время символъ вѣры вездѣ былъ печатаемъ и произносимъ съ прибавленіемъ словъ «и отъ Сына», съ угрозою — противящихся тому считать схизматиками и отлучать, и чтобы имя папы римскаго внесено было въ помянники, особенно же возносимо было на литургіи во время перенесенія даровъ — внятно, громко и ясно, дабы понятно было, что римскій, а не другой какой-либо епископъ провозглашается. Введя такимъ образомъ католическіе догматы въ русскую уніатскую церковь, соборъ занялся исправленіемъ греческаго обряда, будто-бы упавшаго, какъ говорилось передъ открытіемъ засѣданій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приближеніемъ его къ латинскому обряду. Сохранивъ нѣкоторые древніе обычаи восточной церкви, замостьскій соборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ пріобщать младенцевъ, уничтожилъ употребленіе губокъ для вытиранія дискоса и собиранія положенныхъ на немъ частицъ, а велѣлъ вытирать дискосъ пальцемъ, какъ это дѣлается въ латинской церкви; отмѣнилъ обычай вливать теплоту въ чашу предъ причащеніемъ и совѣтовалъ ввести во всеобщее употребленіе читанныя или шептанныя литургіи, не поставляя однако же этого въ непре-

мѣнную обязанность духовенству. Остальныя постановленія собора относительно таинствъ и обрядностей греческой церкви еще не измѣняли первобытной чистоты обряда, которая стала нарушаться уже въ болѣе позднее время, подъ вліяніемъ новоисправляемыхъ, по требованію замостьскаго собора, богослужебныхъ уніатскихъ книгъ. Не было рѣчи ни о годинкахъ, ни о колокольчикахъ, ни о колѣнопреклоненіяхъ, ни о польскихъ проповѣдяхъ, ни объ органахъ, ни объ употребленіи монстранцій и прочихъ нововведеніяхъ, которыя, впрочемъ, вторгались въ уніатскую церковь помимо всякихъ письменныхъ или печатныхъ распоряженій.

Особенную важность для успѣховъ уніи и борьбы съ православіемъ имѣли постановленія замостьскаго собора относительно уніатскихъ монаховъ въ русскихъ областяхъ Польши, недавно совращенныхъ въ унію. Въ силу этихъ постановленій, основанныхъ на опредѣленіяхъ тридентскаго собора, уніатскіе монастыри Владимірской, Холмской, Львовской и Перемышльской епархій должны были примкнуть къ базиліанскому ордену, доселѣ ограничивавшемуся почти исключительно предѣлами Литвы, подъ властію своего генерала или протоархимандрита. Такимъ образомъ, со времени замостьскаго собора, базиліанскій орденъ, съ самаго дня рожденія своего стремившійся уподобиться другимъ латинскимъ монашескимъ орденамъ, захватывалъ въ свои сѣти всю юго-западную Русь и сдѣлался однимъ изъ самыхъ сильныхъ проводниковъ католичества во внутреннюю жизнь уніи.

Не забыты были на замостьскомъ соборѣ и православные, противъ которыхъ тоже направлено было нѣсколько соборныхъ постановленій. «Никому не дозволяется, какого бы онъ званія ни былъ,—говоритъ одно соборное опредѣленіе,— если уже однажды соединился съ католическою церковію, ходить къ чужимъ пастырямъ и въ ихъ церкви, ни подъ видомъ необходимости принятія таинствъ, ни по причинѣ обѣта, и имѣть общеніе съ ними; если кто поступитъ иначе, то епископъ долженъ обращаться съ нимъ, какъ съ подозрительнымъ». Соборъ объявилъ также, что никому не дозволяется, безъ одобренія и согласія мѣстнаго епископа, издавать книги и получать ихъ отъ «схизматиковъ», т. е. отъ православныхъ, и держать у себя; а при безправномъ положеніи православныхъ это равнялось запрещенію православнымъ печатать свои книги или получать ихъ изъ другихъ краевъ.

Когда постановленія замостьскаго собора представлены были папѣ Клименту XI-му, то римскій владыка не рѣшился утвердить ихъ. И только преемникъ его Бенедиктъ XIII-й утвердилъ постановленія замостьскаго собора, и притомъ условно, настолько, насколько они не противорѣчатъ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и распоряженіямъ его предшественниковъ относительно восточнаго обряда, «каковыя опредѣленія,—писалъ папа,—всегда должны оставаться въ своей силѣ, не смотря на это утвержденіе наше». Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія римскаго каноническаго права, опредѣленія замостьскаго собора 1720 года не могутъ быть признаваемы непреложными и обязательными во всей ихъ полнотѣ для уніатскаго духовенства. [148])

Начала, положенныя въ основаніе записки объ уничтоженіи православной и уніатской вѣры въ Польшѣ и постановленій замостьскаго собора, продолжали дѣйствовать и развиваться въ юго-западной Россіи въ теченіи всего XVIII-го столѣтія, но не вездѣ въ одинаковомъ видѣ и съ одинаковою силою. Въ Бѣлоруссіи, гдѣ, по сосѣдству съ Московскимъ государствомъ, было еще сильно православіе и оставался единственный въ польскихъ областяхъ православный епископъ, воздвигнуто было и велось сильное гоненіе на православныхъ, въ которомъ видное и дѣятельное участіе принимали католическое духовенство и особенно іезуиты, базиліане, землевладѣльцы, поссессоры, чиновники и проч. Нѣсколько въ иномъ положеніи была, въ XVIII-мъ вѣкѣ, Забужная Русь. Здѣсь только по сосѣдству съ Литвою, въ нынѣшнемъ Подляшьи, оставались три непоколебимые стража православія, монастыри Дрогичинскіе и Яблочинскій, подвергавшіеся всевозможнымъ преслѣдованіямъ со стороны католиковъ и уніатовъ и все-таки сохранившіе православіе до возсоединенія этого края съ Россіей. Что же касается остальныхъ частей нынѣшней Забужной Руси, то, за исключеніемъ развѣ Люблина, здѣсь, въ XVIII-мъ вѣкѣ, что-то не слышно о православіи, потому ли, что голосъ здѣшнихъ православныхъ не доходилъ до ихъ единовѣрцевъ въ другихъ странахъ и, по крайней мѣрѣ, не дошелъ до нашего времени, или же потому, что здѣшнее русское населеніе уже наружно совращено было въ унію. Во всякомъ случаѣ, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, здѣсь идетъ дѣло уже не о совращеніи православныхъ въ унію, а объ истребленіи въ уніатахъ остатковъ православныхъ преданій, о тѣснѣйшемъ сближеніи уніи съ латинствомъ, ополяченіи рус-

скаго населенія и вообще объ истребленіи самой уніи и русской народности.

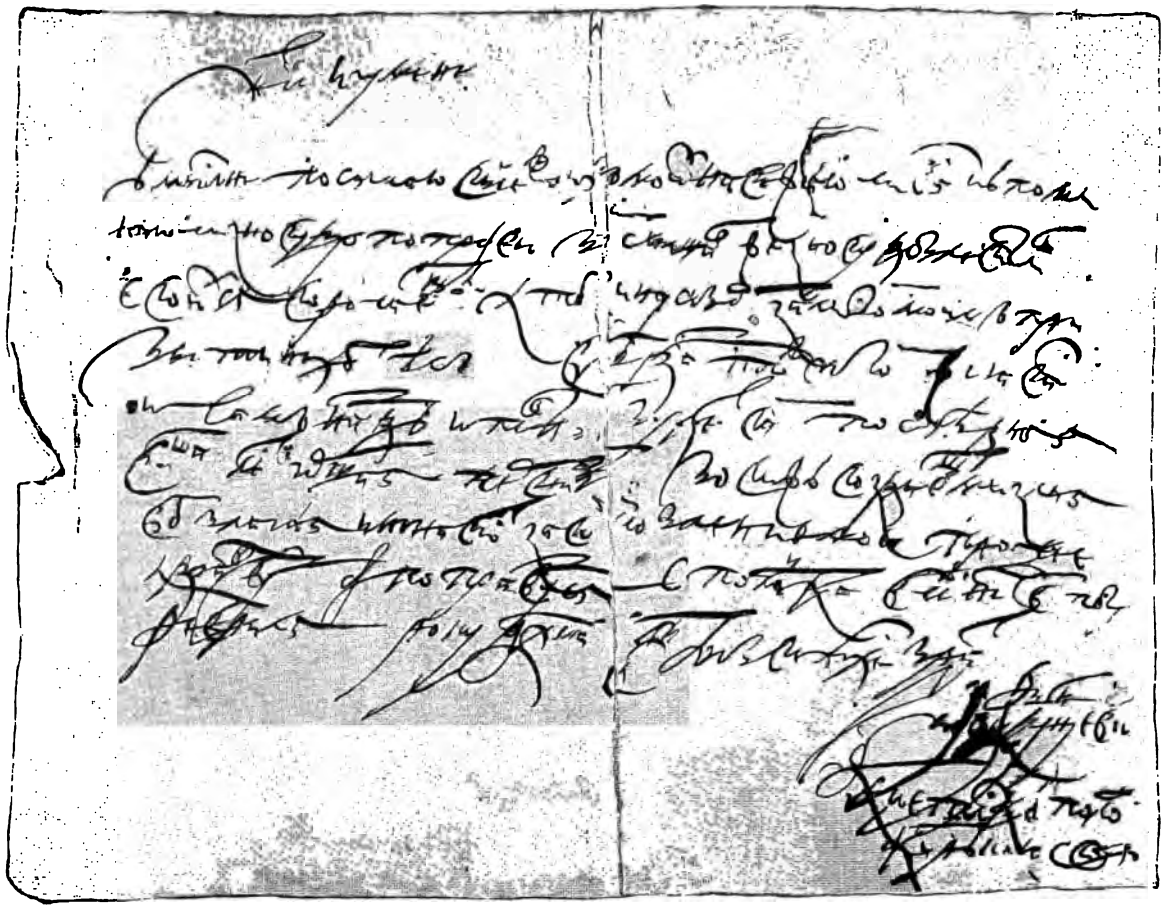
Какъ жилось въ XVIII вѣкѣ немногочисленнымъ православнымъ въ Забужной Руси, объ этомъ свидѣтельствуетъ скорбная исторія православныхъ монастырей Дрогичинскихъ—Троицкаго и Преображенскаго и Яблочинскаго Онуфріевскаго.

Вотъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Дрогичинскихъ православныхъ монастырей. Въ 1715 году іезуитскіе школьники, поймавъ старца Преображенскаго монастыря Герасима Сосновскаго и наложивъ ему цѣпь на шею, таскали его по улицамъ, ругаясь надъ нимъ всякими способами, и, наругавшись, «еще браду ножемъ обрѣзали»; въ 1717 году они напали на погребальную процессію православныхъ, вырвали крестъ у сопровождавшаго процессію инока Иларіона Илляшевича, намѣстника монастыря Троицкаго, а тѣло покойнаго православнаго бросили въ тинистый ровъ. Подобныя нападенія іезуитскихъ воспитанниковъ на похоронныя процессіи православныхъ повторялись нѣсколько разъ. Въ 1732 году, когда въ праздникъ Богоявленія Господня монахи Троицкаго монастыря святили воду, то во время самаго обряда освященія воды іезуитскіе воспитанники бросили въ воду дохлую собаку, а въ праздникъ Успенія Богородицы въ освященную воду набросали человѣческаго помета. Въ 1733 году, во время праздника пресв. Троицы, тѣ же воспитанники разгоняли богомольцевъ, нападали на монаховъ въ самомъ монастырѣ, перебили окна и произвели всякое насильство и смятеніе. Дрогичинскіе іезуиты запрещали православнымъ прихожанамъ Преображенскаго монастыря ходить въ церковь, заставляли ихъ въ годовые праздники дѣлать всякую работу и нарушать постъ, а іезуитскіе воспитанники били въ церкви окна, нападали съ саблями, производили шумъ, драли монаховъ за волосы и вырывали имъ бороды. Въ 1738 году тѣ же іезуитскіе воспитанники съ канцеляристами напали на монастырскомъ огородѣ на іеродіакона, нанесли ему смертельныя раны, стрѣляли въ самого настоятеля и чуть его не убили. Въ 1742 году, 16-го іюня, когда троицкіе отцы съ Дрогичинскимъ братствомъ шли на погребеніе умершаго, то, по наущенію іезуитовъ, ихъ школьники, бросившись на процессію, отняли хоругвь и изломали крестъ; хоругвь цѣлый день лежала на дорогѣ; школьники ругались надъ нею, какъ хотѣли, кололи ножами, топтали ногами, бросали на хоругвь конскій

пометъ и говорили: «чего ради, схизматическій Боже, не мстишь обиды своей?» 18-го числа, въ праздникъ пятидесятницы, когда совершалась обыкновенная процессія отъ русской стороны до другаго монастыря св. Троицы, іезуиты, взявъ съ собою студентовъ больше 200 человѣкъ, напали на процессію и хотѣли отнять образъ; ворвавшись затѣмъ въ церковь св. Троицы, десяти человѣкамъ разбили головы и окровавили церковь, а вечеромъ, выломавъ палки изъ дерева и держа ихъ на подобіе свѣчей на могилѣ умершаго, уже погребеннаго въ монастырѣ, говорили такія слова: «теперь мы тебя достанемъ, жидъ, кальвинъ, схизматикъ, поелику вчера мы и позабыли». Помощниками іезуитовъ въ ихъ насиліяхъ православнымъ были мѣстные польскіе помѣщики и власти. Каштелянъ подляшскій Кучинскій запретилъ своимъ подданнымъ, прихожанамъ Преображенскаго монастыря, ходить въ церковь, крестить дѣтей, исповѣдываться и пріобщаться и исполнять церковные обряды. [149])

Въ 1751 году, угрозою смертной казни, поляки принудили лучшихъ гражданъ г. Дрогичина къ отступленію отъ православія и принятію уніи. Обстоятельства этого дѣла разъясняетъ игуменъ Брестскаго православнаго монастыря Граневицкій въ донесеніи своемъ 17 декабря 1753 года о враждебныхъ противъ православія дѣйствіяхъ дрогичинскаго ксендза Сморчевскаго, викарія іезуитскаго каѳедральнаго костела. По сообщенію этого донесенія, іезуиты выдумали и изобрѣли ложныя метрики на нѣсколькихъ представителей знатныхъ православныхъ фамилій, якобы ихъ предки родились въ ихъ папской вѣрѣ, и эти метрики представляли въ люблинскій коронный трибуналъ, въ которомъ состоялось такое опредѣленіе, что если бы кто изъ означенныхъ въ метрикахъ православныхъ представителей фамилій не принялъ вѣры своихъ предковъ, то его лишать движимаго и недвижимаго имущества и жизни, и такимъ ложнымъ и страшнымъ образомъ принудили всѣхъ, означенныхъ въ метрикѣ, къ своей папской вѣрѣ. Это дѣлалось не только въ Дрогичинѣ, но и во всей Польшѣ. Православные продолжали тайно ходить на молитву въ православные монастыри; но паписты имѣли своихъ шпіоновъ, и когда узнавали, что кто либо изъ означенныхъ православныхъ находится въ православной церкви, насильно врывались въ церкви, ловили, били ихъ и окровавливали церкви. [150])

Не менѣе страдалъ отъ враговъ православія и Яблочинскій Ону-



Письмо уніатскаго лжемученика Іосафата Кунцевича.

фріевскій монастырь. Въ 1724 году уніаты врывались въ этотъ монастырь и въ немъ перевѣнчивали православныхъ, чтобы показать народу, что благословеніе брака православными священниками будто бы не имѣетъ силы. Въ послѣдствіи времени, когда унія восторжествовала надъ православіемъ и болѣе и болѣе ослѣпляла простой народъ, приходскій священникъ сосѣдняго мѣстечка Славатичъ Константинъ Мазановскій по дорогамъ разставлялъ бродягъ, чтобы не пропускать людей, идущихъ въ монастырь на богослуженіе, отбиралъ отъ нихъ воскъ и свѣчи, которыя они несли въ жертву Божію храму, и, построивъ при дорогѣ противъ монастыря часовню, литургисалъ въ ней 12 іюня, въ храмовой монастырскій праздникъ, останавливалъ шедшихъ въ монастырь людей и, съ крикомъ и проклятіемъ загоняя ихъ въ эту часовню, говорилъ, что чудотворная икона св. Онуфрія, по причинѣ худой вѣры братіи, перешла въ эту часовню, и что нечего уже имъ идти въ Яблочинскій монастырь на богослуженіе. Служа въ своей Славатычской церкви въ воскресные и праздничные дни, онъ открыто предъ народомъ проклиналъ монастырь и братію и прихожанамъ приказывалъ проклинать ихъ. Между тѣмъ, непрестанно вызываемы были миссіонеры для проповѣданія уніи и для привлеченія въ нее простаго народа. Къ этому присоединилась впослѣдствіи и другая скорбь для обители. Ближайшее къ монастырю многолюдное село Яблочно не имѣло приходской церкви: жители его долго оставались православными, ходили въ монастырь и составляли его прихожанъ. Но въ послѣдствіи времени монастырь лишился этой главнѣйшей своей опоры. Изступленная шляхта, составлявшая владѣльческую экономію села Яблочна, самовольно отбирала и перемѣняла монастырскія земли, запрещала крестьянамъ ходить въ монастырь на богослуженіе и наконецъ, чтобы совершенно отвлечь ихъ отъ православія, построила для нихъ въ селѣ Яблочнѣ приходскую церковь и, опредѣливъ къ ней уніатскаго священника, увлекла въ унію и это малое православное стадо. Это случилось уже послѣ 1749 года, такъ какъ въ спискѣ приходскихъ священниковъ, бывшихъ въ этомъ году на епархіальномъ съѣздѣ духовенства Холмской епархіи, еще не упоминается священникъ яблочинскій. Въ 1753 году базиліане, вѣроятно сосѣдніе изъ города Бѣлы, сдѣлавъ нападеніе на Яблочинскій монастырь, захватили его вещи и документы на монастырское имѣніе, и когда игуменъ про-

силъ возвратить ихъ, причинили ему ругательства и даже побои, при чемъ произносили вообще на православіе самыя дерзкія и богохульныя слова. «Какое у васъ священство,—говорили они игумену,—и какія у васъ таинства совершаются? Вы—схизматики, хуже жидовъ, турковъ и другихъ поганыхъ; патріархи ваши — не патріархи, но лжепатріархи; также и митрополитъ вашъ кіевскій—не правильный митрополитъ, но лжемитрополитъ, поелику получаетъ санъ не у святѣйшаго папы, а у царицы московской».

Отъ окончательнаго разоренія и уничтоженія спасло Дрогичинскіе и Яблочинскій монастыри православное русское правительство, которое, со времени Петра I, не оставляло безъ покровительства русскихъ православныхъ въ Польшѣ. Россійскимъ министрамъ и резидентамъ въ Варшавѣ предписываемо было ходатайствовать за православныхъ, а въ случаѣ нарушенія ихъ правъ и вольностей немедленно домогаться у польскаго правительства удовлетворенія за обиды, на основаніи договора о вѣчномъ мирѣ между Россіей и Польшей, заключеннаго въ 1686 году. Императрица Екатерина II, узнавъ объ обидахъ, дѣлаемыхъ въ Польскомъ государствѣ ея единовѣрцамъ, 23 сентября 1763 года, предписала своему посланнику въ Варшавѣ Гроссу оказать защиту, между прочимъ, и Онуфріевскому Яблочинскому монастырю: «касательно Брестскаго и Яблочинскаго монастырей,—писала императрица,—рачительнѣйшее употребите стараніе исходатайствовать въ приключенныхъ тѣхъ обителей игуменамъ наглостяхъ удовлетвореніе, и чтобы впредь онымъ монастырямъ притѣсненій отнюдь не было». Особый договоръ, заключенный императрицей и королемъ Августомъ Понятовскимъ 13 февраля 1768 года, ограждалъ 8-ою статьею неприкосновенность и монастырей Яблочинскаго и Дрогичинскаго. Наконецъ, россійскія войска, послѣ побѣдъ надъ барскими конфедератами, составляя въ Варшавѣ постоянный сильный гарнизонъ для охраны особы короля Станислава Августа Понятовскаго и находясь въ другихъ мѣстахъ Польши, получили приказаніе императрицы, «чтобъ они помянутымъ единовѣрцамъ, въ случаѣ чинимыхъ имъ уніатами обидъ, оказывали нѣкоторое защищеніе». Поэтому, когда, въ 1770 году, игуменъ Яблочинскаго монастыря Моисей Нестеровичъ съ братіею жаловался русскому генералу Веймарну, что управитель Радзивиловскаго имѣнія нѣкто Издебскій причиняетъ обители разныя обиды, то русскій

военачальникъ, принявъ эту жалобу 30 іюня 1770 года, предписалъ изъ Варшавы полковнику 3-го кирасирскаго полка Герсдорфу объявить Издебскому, чтобы онъ впредь, подъ опасеніемъ отвѣтственности «головою своею», не дѣлалъ обидъ монастырю. [151])

Что касается русскихъ уніатовъ, то они не имѣли права да и сами не желали пользоваться покровительствомъ русскаго правительства, отъ котораго отрознились въ вѣрѣ, обрядахъ и даже языкѣ; но, тѣмъ не менѣе, судьбы православія въ Польшѣ и поддержка ему со стороны русскаго правительства имѣли рѣшительное вліяніе и на судьбы самой уніи. Львовскій уніатскій епископъ Левъ Шептицкій, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, говорилъ въ Варшавѣ православному бѣлорусскому епископу Георгію Конисскому: «мы (уніаты) за вами (неунитами) еще живемъ; когда васъ католики догрызутъ, тогда примутся и за насъ; да и теперь въ ссорахъ называютъ насъ, равно какъ и васъ, схизматиками.» [152]) А такъ какъ въ Забужной Руси православіе въ XVIII вѣкѣ пострадало раньше и болѣе, чѣмъ въ другихъ русско-литовскихъ областяхъ Польши, то раньше и рѣшительнѣе начались здѣсь и нападенія на унію, совращеніе уніатовъ въ католичество и ополяченіе ихъ.

Беззащитнѣе всего было сельское уніатское духовенство, зависѣвшее отъ мѣстныхъ владѣльцевъ и поссессоровъ римско-католическаго исповѣданія. Эти послѣдніе, пользуясь правомъ представлять епископу своихъ кандидатовъ на священническія мѣста, имѣли возможность представлять угодныхъ и покорныхъ имъ лицъ, а въ случаѣ строптивости наказывали ихъ бранью, побоями, лишеніемъ церковныхъ земель и угодій и изгнаніемъ изъ прихода.

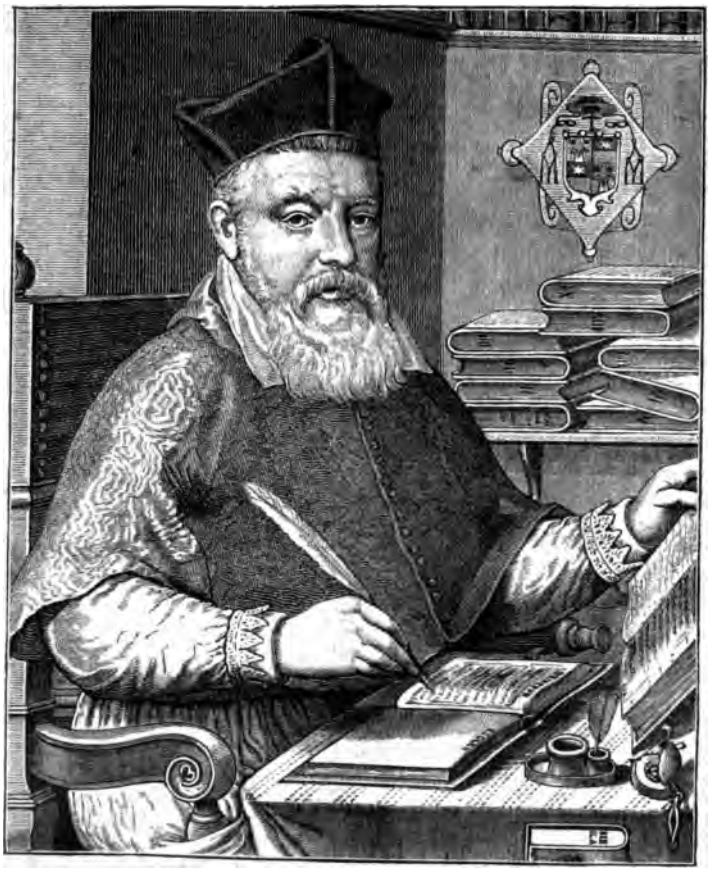
Вотъ нѣсколько случаевъ изъ жизни уніатскаго сельскаго духовенства въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Перемышльской епархіи, сосѣдней съ Холмскою. Панъ Середницкій, поссессоръ села Середницы, изобрѣталъ различныя бранныя клички для середницкаго священника, нѣсколько разъ нападалъ на него и даже посягалъ на его жизнь, а прихожанъ въ праздники заставлялъ отбывать панщину и вообще запрещалъ имъ ходить въ церковь. Въ 1733 году помѣщики Татомиры напали на Подбусскую церковь, опрокинули въ ней св. чашу и повалили образа. Въ 1772 году священникъ Обаржимской церкви упросилъ крестьянъ— однихъ за плату, другихъ безплатно — придти къ нему, послѣ пан-

щины, для починки развалившейся Обаржимской церкви; но мѣстный помѣщикъ Карлъ Бобовскій, пріѣхавъ къ церкви, прогналъ крестьянъ нагайкою къ своему двору и тамъ подвергнулъ ихъ страшному истязанію, а священнику угрожалъ побоями и заявлялъ предъ народомъ, «что я попу голову сверну и плеча срѣжу, и онъ долженъ сидѣть тамъ, гдѣ я прикажу ему, потому что для меня не новость бить поповъ.» [153])

При такомъ безправіи уніатовъ, помѣщикамъ легко было совращать ихъ въ католичество. Обыкновенные пріемы совращенія уніатскихъ церквей и приходовъ въ католичество были въ Холмской епархіи слѣдующіе. Польско-католическіе помѣщики, воздвигая многочисленные и богатые костелы, обыкновенно лишали находившіяся въ ихъ помѣстьяхъ уніатскія церкви ихъ имѣній и угодій, не починяли церквей, оставляли священническія мѣста незамѣщенными, а прихожанъ безъ церкви и безъ священника; имъ предлагалось временно посѣщать костелъ въ силу ученія, что унія и католичество — одно и то же, и наконецъ они записывались прихожанами костела. Черезъ нѣсколько поколѣній православный родъ превращался, такимъ образомъ, въ польско-католическій. Нерѣдко происходило и прямое насиліе уніатскимъ церквамъ и обращеніе ихъ польско-католиками въ свои костелы. Такъ, около времени перваго раздѣла Польши, происходили вторженія католиковъ въ уніатскіе храмы въ селахъ Холмской епархіи — Коваляхъ и Свилѣ. [154])

Естественнымъ защитникомъ сельскаго уніатскаго духовенства должно бы быть высшее уніатское духовенство, монашествующее и бѣлое, съ епископомъ во главѣ; но въ XVIII вѣкѣ это высшее духовенство уже сильно пропитано было духомъ католичества и сознательно или безсознательно само содѣйствовало тѣснѣйшему сближенію и смѣшенію уніи съ католичествомъ. Базиліанскіе монахи, изъ среды коихъ выходили уніатскіе епископы, обыкновенно воспитывались въ іезуитскихъ школахъ и папскихъ семинаріяхъ, проникались здѣсь латинскими убѣжденіями и привычками. Особенно же успѣшнымъ средствомъ къ окатоличенію базиліанъ было дозволеніе латинянамъ вступать въ базиліанскій орденъ. «Сіе хитрое постановленіе, — писалъ виленскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, — по наружности лестное для уніатовъ, вскорѣ оказалось гибельнымъ для сего обряда. Богатые

фундуши монастырей, епископій и архіепископій привлекли немедленно въ уніатскій обрядъ достаточное количество людей знатнѣйшихъ римскихъ фамилій», которые, числясь уніатами, въ душѣ оставались истыми католиками и сторонниками окатоличенія и ополяченія уніи.[155]) Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, замѣчается небольшая разница между монахами базиліанами и выходившими изъ ихъ среды уніатскими



Маркъ-Антоній Господнѣчичъ, Сплѣтскій архіепископъ.

епископами. Тогда какъ епископы, опасаясь совершеннаго сліянія уніи съ католичествомъ и упраздненія своей собственной власти и стоя ближе къ простому народу, волей-неволей должны были сколько нибудь придерживаться дорогаго для него русскаго обряда и русскихъ преданій,—монахи базиліане, насквозь пропитанные латинскимъ духомъ, наоборотъ, постоянно вводили въ уніатскую церковь новые для нея

Што тепер
суть Епископове пос Римского владуого вудучіе, вдочасны
речадъ в пакдѣ, где найсытшіе суть Капластва, идо
стоесствы вышшоные свѣцкими, Сельмоными суть,
знаменитыми суть, Жалтатами суть: але Епіко-
пами (хиба только на звиско) жаного мѣрою несоу.
Ипшп засе Епископъ справа Епископская вдугі-
нула. Справованіе лѣковѣ всѣу Церквей, всецалко до-
Римуу запуюно. сами ковѣ Епіскопове суть Папа
Папы лево Сикаріами, ипослугачами, полыми, вуто-
ными оутиснеными, подоптаными: инелитоств,
нетолко Папѣ самому: але Кардыналу, ипакмо-
го зуѣ здо вРимѣ пани поставлены покитыми.
Летатомъ зуѣбку: Посломъ Аптлски: инъквиторомъ,
вышпыраючомъ, часты нагладаючо. ианконецъ
изаконичним не зличоны Реѓламъ, ипхъ братіамъ,
которые го, своими Аплкими Привиюами, нетолко
Епіскопо ровнаются: але теихъ пресышаю, ипереко-
лаютъ вправованю, ипхъ владу выкмокываю.
Церковъ по Римски Папежомъ, неедалей церковю: але
Ретю постолитою якогось люского, пос Папѣжового
монархіею, общеки дочасного: Римницого с, толко
насупленіе Неба.

Страница изъ посланія Марка-Антонія Господнѣчича къ соепископамъ, въ южнорусскомъ переводѣ.

латинскіе обряды и обычаи и стремились не только освободиться изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ и митрополита, но и всѣми способами вторгаться въ епархіальную жизнь.

Освобожденіе базиліанъ изъ-подъ власти епархіальныхъ епископовъ и митрополита совершилось вскорѣ послѣ замостьскаго собора 1720 года. А далѣе затѣмъ базиліане стали прибирать къ своимъ рукамъ почти всѣ монастыри, еще остававшіеся во власти епископовъ. Епископамъ и свѣтскому клиру оставлены были только очень немногіе, и то самые малые и бѣдные монастыри. Въ случаяхъ спора базиліанъ съ епископами, папы почти всегда брали сторону базиліанъ. Базиліанскій орденъ такъ разросся, что вмѣсто одной литовской провинціи, образована въ 1745 г. другая—русская или польско-русская. Впрочемъ самые папы, несмотря на все благорасположеніе свое къ базиліанамъ, сочли нужнымъ сокращать чрезмѣрное количество монастырей ихъ приказывая приписывать одни монастыри къ другимъ, закрывать монастыри, имѣвшіе менѣе восьми и въ крайнемъ случаѣ менѣе пяти монаховъ, какъ то требовалось и постановленіями тридентскаго собора, и передавать въ вѣдѣніе епископовъ.[156])

Въ предѣлахъ Холмской епархіи самостоятельными базиліанскими монастырями сначала были только три монастыря: Холмскій и Бѣльскій—литовской базиліанской провинціи и Люблинскій—русской или польской базиліанской провинціи. Къ Люблинскому монастырю приписаны были монастыри Домашевскій и Замчицскій. Замостьскій монастырь сначала приписанъ былъ къ монастырю Верхратскому, а во второй половинѣ XVIII вѣка сдѣлался самостоятельнымъ и причисленъ былъ къ русской или польской базиліанской провинціи.[157]) На общеепархіальномъ съѣздѣ холмскаго духовенства, въ 1749 году, переданы были въ управленіе холмскаго епископа малые монастыри Турковицкій, Подгорецкій и Канскій и Колемчицкій приходъ бывшаго Колемчицкаго монастыря.[158])

Мы имѣемъ свѣдѣнія и скажемъ подробнѣе о трехъ изъ этихъ базиліанскихъ монастырей, именно Замостьскомъ, Бѣльскомъ и Холмскомъ.

Основаніе Замостьскому монастырю положено въ самомъ началѣ XVIII вѣка назначеніемъ на мѣсто приходскаго священника къ Николаевской церкви монаха базиліанина, зависѣвшаго отъ епархіаль-

наго архіерея. Сначала этотъ монастырь былъ, кажется, простымъ подворьемъ, потомъ сдѣлался миссіей, далѣе—приписнымъ монастыремъ и наконецъ—самостоятельнымъ. До 1739 года Замостьская Николаевская церковь съ ея настоятелемъ базиліаниномъ обозрѣвалась мѣстнымъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ, какъ ея непосредственнымъ начальникомъ. Такъ, въ 1732 году, обозрѣвалъ обѣ замостьскія церкви съ ихъ братствами холмскій епископъ Володковичъ, при чемъ подтвердилъ уставъ старшаго Николаевскаго братства, данный ему еще православнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, но съ значительными дополненіями и измѣненіями относительно порядка выбора старшихъ братчиковъ и управленія дѣлами братства. Въ этихъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ особенно обозначается выдающееся, властное положеніе базиліанскаго настоятеля, который уже по самому своему званію настоятеля стоялъ во главѣ братства и считался его распорядителемъ: безъ него не могло состояться ни одно засѣданіе, ни одно дѣйствіе братства. Вслѣдствіе этого, братство теряло свою прежнюю самостоятельность и вліяніе на настоятеля и становилось въ рукахъ послѣдняго только страдательнымъ орудіемъ для благоустроенія церкви и достиженія видовъ настоятеля. Когда на львовскомъ базиліанскомъ съѣздѣ 1739 года всѣ уніатскіе монастыри освобождены были изъ-подъ епископской власти и соединились въ одинъ базиліанскій орденъ, то базиліане постарались закрѣпить за собой Николаевскую церковь и ея приходъ и «присвоили себѣ это мѣсто безъ законной уступки со стороны свѣтскаго клира, безъ надлежащаго ввода и передачи». Епископъ Володковичъ и Николаевское братство перады были этимъ незваннымъ гостямъ и пытались выжить ихъ отъ себя. Въ 1752 году епископъ Володковичъ обозрѣвалъ Замостьскій монастырь, какъ владѣвшій приходомъ и притомъ малочисленный и приписанный къ другому монастырю. Этимъ воспользовалось Николаевское братство и заявило епископу Володковичу, а этотъ послѣдній записалъ въ акты обозрѣнія, что въ недавнее еще время настоятелемъ Николаевской церкви былъ свѣтскій священникъ, а не монахъ, что базиліане незаконно присвоили себѣ эту церковь, и кромѣ того, не имѣютъ права оставаться въ монастырѣ и по малочисленности братіи, а потому должны или въ теченіи полугода позаботиться о надлежащемъ фундушѣ для восьми монаховъ и о томъ, чтобы была мона-

стырская ограда, или же оставить эту церковь, которою владѣютъ безъ всякаго права. Но базиліанамъ не хотѣлось оставить насиженнаго мѣста, и потому они, съ одной стороны, постарались обезопасить себя отъ нападеній Николаевскаго братства основаніемъ и противопоставленіемъ ему новаго Онуфріевскаго братства въ римско-католическомъ духѣ, а съ другой—запастись основнымъ капиталомъ, необходимымъ для содержанія не менѣе восьми монаховъ. 5 мая 1753 года папа издалъ буллу, въ которой, изъяснивъ, что при церкви монаховъ чина св. Василія Великаго, города Замостья, Холмской епархіи, находится канонически основанное или имѣющее основаться одно благочестивое и набожное братство обоего пола вѣрующихъ во Христа, подъ названіемъ св. Онуфрія, даетъ братчикамъ и сестричкамъ этого братства разныя индульгенціи, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы, «если помянутое братство присоединилось уже къ какому либо архибратству (старѣйшему братству), или присоединится впослѣдствіи, или сольется съ нимъ по какой либо другой причинѣ, или какъ либо иначе устроится,—прежнія и всякія другія буллы апостольскія нисколько не имѣли для нихъ силы и оттолѣ, по этому самому, также считались уничтоженными». Замѣчательно въ этой буллѣ стремленіе отмежевать надѣленное всякими индульгенціями Онуфріевское братство отъ другаго архибратства, т. е. старшаго Николаевскаго, и если не уничтожить послѣднее, то, по крайней мѣрѣ, ослабить его привлеченіемъ его членовъ къ новому братству. Послѣ этого, Николаевское братство, хотя и продолжало существовать, но уже не заявляло никакой почти дѣятельности. За то базиліанскій Замостьскій монастырь начинаетъ, съ этого времени, обогащаться и возрастать. Къ концу XVIII вѣка онъ имѣлъ уже до 80.000 злотыхъ польскихъ основнаго капитала и, кромѣ того, въ 1758 году, получилъ въ свое завѣдываніе и управленіе Вознесенскую Замостьскую церковь и церковь Лабунскую со всѣми ихъ принадлежностями и имуществомъ. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, изъ бѣднаго монастыря зажиточнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ, Замостьскій Николаевскій монастырь получилъ извѣстное значеніе въ ряду другихъ базиліанскихъ монастырей. Въ 1763 году онъ имѣлъ уже своего представителя на провинціальномъ бѣлостокскомъ базиліанскомъ съѣздѣ. Кромѣ настоятеля, монастырь содержалъ не менѣе семи монаховъ и, въ числѣ ихъ, двухъ миссіонеровъ, которые должны были

проповѣдывать и совершать извѣстныя миссіонерскія процессіи для совращенія православныхъ въ унію и утвержденія ихъ въ уніатскомъ исповѣданіи, и давалъ помѣщеніе для одного изъ классовъ базиліанской монашеской школы, которые обыкновенно разбросаны были по разнымъ монастырямъ и переводились изъ одного въ другой.[159])

Другой изъ базиліанскихъ монастырей въ Забужной Руси—Бѣльскій, къ началу XVIII вѣка, былъ уже однимъ изъ видныхъ монастырей базиліанскаго ордена, особенно благодаря тому обстоятельству, что съ 1705 года здѣсь находились бренные останки лжемученика изъ базиліанъ Іосафата Кунцевича, бывшаго уніатскимъ архіепископомъ въ Полоцкѣ. Эти останки привезены были сюда базиліанскими монахами изъ Полоцка, по вступленіи въ этотъ городъ, въ 1705 году, Петра I, который будто-бы хотѣлъ сжечь тѣло Іосафата на кострѣ вмѣстѣ сь казненными имъ за дерзость полоцкими базиліанами. Останки лжемученика дѣйствительно были бренными. Еще въ 1650 году, т. е. чрезъ 27 лѣтъ послѣ смерти Кунцевича, папскій нунцій Іоаннъ де-Торресъ предписывалъ полоцкому духовенству позаботиться о сохраненіи останковъ Кунцевича, въ виду того, что «тѣло блаженнаго,—какъ писалъ нунцій,—положенное съ великою почестью въ Полоцкой церкви, со дня на день все болѣе и болѣе уменьшается, такъ что можетъ, наконецъ, превратиться въ ничто». Но базиліанамъ не столько нужны были подлинные бренные останки Кунцевича, которые они не задумались бы и подмѣнить, сколько его имя, прославившее, по ихъ мнѣнію, базиліанскій орденъ и унію, и потому они создаютъ теперь какъ бы особое, новое вѣроисповѣданіе во имя Кунцевича и мало по малу распространяютъ его по всей юго-западной Руси между уніатами и католиками. Сначала останки Кунцевича хранились въ г. Бѣлѣ, въ домовой каплицѣ Радзивиловъ, и оставались тутъ въ теченіи 60 лѣтъ, до 1769 года, когда они были перенесены въ базиліанскую церковь и поставлены открыто для всеобщаго поклоненія. Этотъ 60-ти лѣтній промежутокъ времени есть самый темный въ исторіи мнимыхъ мощей Кунцевича, такъ-что подлинность ихъ весьма и весьма сомнительна. Извѣстно только, что, въ 1715 году, базиліанскій генералъ Процевичъ взялъ съ собою часть руки Кунцевича въ Витебскъ, гдѣ будто-бы она хранилась и прежде. Во всякомъ случаѣ, и въ это 60-тилѣтіе главными хозяевами мощей

считались монахи Бѣльскаго базиліанскаго монастыря, который, съ 1709 года, становится однимъ изъ важнѣйшихъ монастырей базиліанскаго ордена. Въ 1709 году въ этомъ монастырѣ созванъ былъ общій базиліанскій съѣздъ, на которомъ, между прочимъ, постановлено было передать владимірской уніатской коллегіи то мѣсто въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, гдѣ родился Кунцевичъ. На дубенскомъ общемъ базиліанскомъ съѣздѣ 1743 года, разсуждавшемъ объ образованіи двухъ базиліанскихъ провинцій, прежней литовской и новой русской или польской, литовскіе базиліане предложили, чтобы мѣстами для общихъ базиліанскихъ съѣздовъ, на будущее время, были поочередно монастыри Брестскій и Бѣльскій, и настаивали, чтобы прежній титулъ ихъ провинціи пресв. Троицы былъ общимъ титуломъ базиліанскаго ордена и чтобы провинціи имѣли особые титулы, русская—Покрова пресв. Дѣвы Маріи, а литовская—Іосафата (Кунцевича). Папа, согласно желанію базиліанъ новой русской или польской провинціи, не согласился дать литовскимъ базиліанамъ этотъ титулъ, а въ пятомъ десятилѣтіи XVIII вѣка Бѣльскій монастырь истребленъ былъ пожаромъ и никогда болѣе не былъ сборнымъ мѣстомъ для базиліанскихъ съѣздовъ. Но тѣмъ не менѣе, бѣльскіе базиліане постарались возвеличить и прославить своего лжемученика иными способами. Такъ, послѣ коліивщины 1768 года, бѣльскій настоятель Андрей Ладзѣевскій вынимаетъ якобы изъ-подъ спуда мнимыя мощи Кунцевича, находитъ ихъ мокрыми и обгнившими, потаеннымъ образомъ сушитъ и починяетъ ихъ и въ 1769 году переноситъ въ церковь Бѣльскаго базиліанскаго монастыря и поставляетъ на видномъ мѣстѣ для поклоненія. Но поклонники праха Кунцевича слишкомъ уже усердствовали въ своемъ рвеніи и не только поклонялись ему въ церкви, но и возили по домамъ, отъ чего не могли не портиться и самыя мощи, и безъ того уже сильно пострадавшія. Поэтому папа Пій VI, въ 1780 году, предписалъ, чтобы останки Кунцевича, на будущее время, не развозились по домамъ но хранились въ церкви подъ двумя ключами, изъ коихъ одинъ долженъ былъ находиться у генерала базиліанскаго ордена, а другой у мѣстнаго бѣльскаго настоятеля, такъ, чтобы генералъ или самъ, или чрезъ уполномоченнаго, вмѣстѣ съ помянутымъ настоятелемъ, свидѣтельствовалъ эти останки и перемѣнялъ облаченія, а не порознь каждый изъ нихъ. Въ томъ же 1780 году сдѣланъ былъ первый

Петръ Могила
Митрополитъ Кіевскій
и всего Россіи

осмотръ останковъ Кунцевича бѣльскимъ настоятелемъ Ѳеофиломъ Серафиновичемъ, при участіи врача Іосифа-Антонія де-Карреса, князя Радзивила и другихъ, при чемъ оказалось слѣдующее: 1) на правой рукѣ нѣтъ кожи, мягкихъ частей или мускуловъ; на кисти этой же руки недостаетъ перстневаго пальца; 2) на лѣвой рукѣ нѣтъ локтевой и лучевой костей, а также всей ручной кисти; 3) позвонковъ грудныхъ и поясничныхъ, а также всѣхъ реберъ, нѣтъ; 4) икряныхъ мышцъ вмѣстѣ съ общими покровами нѣтъ; 5) надпяточной кости вмѣстѣ съ костями пятки и плюсны и фалангами пальцевъ на обѣихъ ногахъ нѣтъ. Такимъ образомъ, изслѣдованіе самихъ почитателей мнимаго блаженнаго — уніатовъ и католиковъ — показываетъ, что отъ праха Іосафата, къ концу прошлаго вѣка, оставались лишь немногія части. Но, по мѣрѣ разрушенія бренныхъ останковъ Кунцевича, чествованіе его въ Бѣлѣ и другихъ мѣстахъ возростало все болѣе и болѣе. Въ серебряной ризѣ на изображеніе Кунцевича прикрѣплена была къ головѣ сѣкира (топоръ), какъ орудіе лжемученичества, а въ Бѣльской монастырской церкви долго хранилась риза, передѣланная изъ кунтуша Радзивила. Въ честь Іосафата уніаты и католики часто принимали при крещеніи его имя и даже строили церкви. Такъ напр., владѣлецъ Кодня, князь Сапѣга, отдѣливъ село Страдечъ отъ Коденскаго прихода, построилъ тамъ церковь во имя Іосафата. Въ честь его же была сооружена церковь въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ иныхъ мѣстахъ устраивались въ честь Іосафата часовни, образа и хоругви. Въ г. Бѣлѣ стараніемъ бѣльскаго базиліанскаго настоятеля Щуровскаго, въ 1792 году, открыта была женская община іосафатокъ, которая, сообща съ базиліанами, ополячивала народъ и доводила его до страшнаго изувѣрства и слѣпой покорности латинству. Подобное чествованіе Кунцевича совершалось и въ Полоцкѣ, гдѣ онъ былъ архіепископомъ, и въ Витебскѣ—мѣстѣ его умерщвленія, распространившись, затѣмъ, мало по малу, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, по всей юго-западной и западной Россіи и сдѣлавшись здѣсь одною изъ важнѣйшихъ опоръ распадавшейся уніи и средствомъ окатоличенія и ополяченія русскихъ уніатовъ. Постановленіемъ римской конгрегаціи обрядовъ, 6 мая 1643 года, Кунцевичу положена была только общая служба блаженному мученику. Но, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, является у русскихъ базиліанъ

особо составленная служба Кунцевичу, съ синаксаремъ ему. Между прочимъ, она помѣщена въ почаевскихъ уніатскихъ книгахъ «праздніѣ» 1757 г. и «трефологіонѣ» 1773 года. Съ своей стороны, папа Климентъ XIV, въ 1770 году, даровалъ полныя индульгенціи на дни нѣкоторыхъ святыхъ уніатской церкви и, въ томъ числѣ, на день памяти Кунцевича. Вѣроятно, при этихъ индульгенціяхъ и отпустахъ раздавались печатавшіяся почаевскими базиліанами изображенія Кунцевича съ вонзенною въ голову сѣкирою. [160])

Самымъ стариннымъ гнѣздомъ базиліанскимъ въ Холмщинѣ былъ Холмскій базиліанскій монастырь при каѳедральномъ Пречистенскомъ соборѣ. Базиліанскіе монахи введены были сюда еще въ первой половинѣ XVII вѣка холмскимъ уніатскимъ епископомъ Меѳодіемъ Терлецкимъ, и съ этого времени Холмскій базиліанскій монастырь постоянно поддерживаемъ былъ мѣстными уніатскими епископами до окончательнаго образованія базиліанскаго ордена и освобожденія его изъ-подъ власти уніатскихъ епископовъ и митрополита. Да и послѣ этого событія, благодаря исключительному положенію своему при епископской каѳедрѣ, Холмскій базиліанскій монастырь все-таки имѣлъ довольно тѣсныя связи и съ Холмской епархіей, и съ мѣстнымъ епископомъ, хотя нерѣдко и ссорился съ послѣднимъ. Такимъ образомъ, въ Холмѣ сосредоточивались и скрещивались между собою два главныя теченія уніатской жизни—базиліанское монашеское и мѣстное епархіальное.

Въ то время, какъ базиліане все болѣе и болѣе вводили у себя латинскія новшества и сближали унію съ католичествомъ,—уніатскіе епископы уже по одному только самолюбію и гордости вовсе не желали полнаго смѣшенія и сліянія уніатской церкви съ католической. На дубенскомъ съѣздѣ 1743 года уніатскій митрополитъ, епископы и архимандриты постановили жаловаться римскому престолу на то, что латиняне, какъ духовные, такъ и міряне, презираютъ русскихъ уніатовъ, и ходатайствовать предъ папой о строжайшемъ соблюденіи греческаго обряда на Руси; но при этомъ просили его также сравнять уніатское духовенство въ правахъ съ латинскимъ, уничтожить всякое различіе между ними и установить однообразіе одежды, дабы не было никакого другаго различія между ними, кромѣ разности обряда. Въ отвѣтъ на это, папа Бенедиктъ XIV, посланіемъ своимъ отъ 2 мая

1744 года, на имя русскаго уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго, утверждалъ постановленіе папы Урбана VIII, воспрещающее переходъ уніатовъ въ латинскій обрядъ, строго предписывалъ русскимъ уніатамъ соблюдать обычаи, посты, обряды и церемоніи восточной церкви, подъ угрозою тяжкихъ наказаній, и при этомъ указывалъ митрополиту Шептицкому въ руководство свое окружное посланіе къ антіохійскому патріарху греко-мелхитовъ и другимъ католическимъ епископамъ того обряда, отъ 24 декабря 1743 года, по тому же предмету. Но польско-католики были недовольны этимъ распоряженіемъ папы и, въ 1753 году, подали министерству письмо по дѣлу исходатайствованія отмѣны постановленія папы Урбана VIII, воспрещавшаго переходъ уніатовъ въ латинскій обрядъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, что запрещеніемъ перехода уніатовъ въ латинскій обрядъ нарушается единеніе между греческимъ и латинскимъ обрядами, унія становится только мнимою, а не дѣйствительною, населеніе греческаго обряда безпрестанно отпадаетъ отъ нея, подвергая Польское государство смутамъ; и если необходимо допустить переходъ уніатовъ въ латинскій обрядъ для благосостоянія Польскаго государства, то этотъ переходъ полезенъ также и для папскаго престола, который въ этой странѣ скорѣе можетъ положиться на доказанную вѣрность и покорность латинянъ, нежели уніатовъ. Уніатскій митрополитъ и епископы составили опроверженіе на это письмо и представили папѣ. Полоцкій епископъ Смогоржевскій посланъ былъ, въ 1753 году, въ Римъ, съ нарочитою цѣлію ходатайствовать о подтвержденіи постановленія Урбана VIII, отъ 7 февраля 1624 года. 25 марта 1754 года перемышльскій епископъ Онуфрій Шумлянскій писалъ въ Римъ къ Смогоржевскому: «если св. престолъ не ускоритъ подать надлежащее врачевство противъ такого зла перехода, то въ скоромъ времени порѣшено будетъ со св. уніей; ибо, когда открыта дверь къ переходу, то дѣйствительные уніаты перейдутъ въ латинскій обрядъ, схизматики же никогда не приступятъ къ уніи, изъ опасенія, чтобы латиняне не привлекли и ихъ въ противоположный обрядъ; куда же обратимся мы, несчастные пастыри?» Чѣмъ кончились хлопоты Смогоржевскаго,—неизвѣстно. 25 марта 1755 года тотъ же папа Бенедиктъ XIV издалъ буллу только для итало-грековъ, которою дозволеніе переходить изъ греческаго обряда въ латинскій предоставлялось одному только папскому престолу.

*

Наконецъ, въ 1774 году, уже послѣ перваго раздѣла Польши, 22 марта, состоялось, такъ сказать, вынужденное обстоятельствами постановленіе конгрегаціи, коимъ подтверждалось постановленіе папы Урбана VIII о воспрещеніи перехода какъ духовенству, такъ и мірянамъ, изъ уніатскаго обряда въ латинскій. [161])

Въ XVIII вѣкѣ, до раздѣловъ Польши, холмскими уніатскими епископами были: Іосифъ Левицкій (1711—1730 г.г.), Фелиціанъ-Филиппъ Володковичъ (1731—1756 г.г.) и Максимиліанъ Рылло (съ 1756 г.). Всѣ они вышли изъ базиліанскаго ордена, а послѣдніе двое происходили изъ польскихъ римско-католическихъ семействъ; но, сдѣлавшись епископами, старались, по мѣрѣ своего разумѣнія, поддерживать выгоды свѣтскаго уніатскаго клира и мірянъ противъ притязаній базиліанскаго ордена и потому иногда входили въ столкновенія съ холмскими базиліанами.

Іосифъ Левицкій возведенъ въ санъ холмскаго епископа изъ настоятелей Холмскаго базиліанскаго монастыря. Такъ какъ при немъ базиліане еще не вышли окончательно изъ-подъ власти мѣстныхъ архіереевъ и уніатскаго митрополита, то Іосифъ Левицкій одинаково заботился какъ объ епископской своей каѳедрѣ, такъ и о базиліанахъ: во-первыхъ, значительно расширилъ Пречистенскій каѳедральный соборъ боковыми пристройками къ нему, частію на счетъ монастырскихъ доходовъ, частію изъ собранныхъ пожертвованій; во-вторыхъ, создалъ новую монастырскую обитель въ Холмѣ и благоустроилъ ее. Въ 1719 году въ Холмскомъ базиліанскомъ монастырѣ происходилъ, подъ предсѣдательствомъ уніатскаго митрополита Льва Кишки, общій базиліанскій съѣздъ, обыкновенно назначавшійся въ знатнѣйшихъ базиліанскихъ монастыряхъ. [162])

Преемникъ Левицкаго, епископъ Володковичъ, на восьмомъ году своего архіерейства, тоже нашелъ нужнымъ «расширить свою каѳедральную церковь какъ по причинѣ ея тѣсноты, такъ и вслѣдствіе большой старины каменныхъ стѣнъ.» Работы начались въ 1738 году: сначала расширяли церковное зданіе до тѣхъ поръ, пока не замѣчено было, что стѣны его готовы рухнуть, а затѣмъ рѣшили: разваливъ совершенно старинный соборъ, строить новый. Работы затянулись, что зависѣло также отъ разныхъ случайностей и недостатка средствъ. Къ этимъ случайностямъ нужно отнести и пререканія между еписко-

Богдан Хмельницкий

помъ Володковичемъ и холмскими базиліанами: Володковичъ желалъ совсѣмъ удалить базиліанъ отъ своего каѳедральнаго собора и присвоить себѣ чудотворную икону Богоматери, тогда какъ холмскіе базиліане считали эту икону своею собственностію. Цѣлыхъ 18 лѣтъ въ соборѣ не было богослуженія, а св. чудотворная икона все это время хранилась въ монастырской трапезѣ и только 8 сентября 1756 года внесена была снова въ церковь, далеко еще не оконченную, а лишь отстроенную настолько, что въ ней можно было совершать богослуженіе. Въ новомъ храмѣ устроено было, по костельному, пять престоловъ при стѣнахъ, совершенно устраненъ иконостасъ, съ замѣною его ступенями и рѣшеткою предъ главнымъ престоломъ, й, вмѣсто византійскихъ куполовъ, выведены три фронтовыя въ западномъ вкусѣ башенки; св. чудотворная икона, бывшая прежде «мѣстною» въ иконостасѣ, съ уничтоженіемъ послѣдняго, помѣщена была въ главномъ алтарѣ. Для большаго окатоличенія русской святыни, при Володковичѣ же задумано было короновать холмскую икону Богоматери по католическому обычаю. Еще въ 1738 году шляхта земли Холмской съ повѣтомъ Красноставскимъ, да воеводствъ Люблинскаго и Белзскаго, собралась на земскій сеймикъ, пригласивъ на засѣданія свои и холмскаго епископа Володковича, и постановила ходатайствовать предъ папою «объ оказаніи св. холмской иконѣ той чести, какую апостольскій престолъ обыкновенно оказываетъ чудотворнымъ иконамъ, т. е., въ силу рѣшенія ватиканской капитулы, всенародно короновать», и свое ходатайство послала чрезъ нарочныхъ базиліанъ въ Римъ. Тамъ это дѣло сначала пошло успѣшно, но въ разгаръ его умеръ папа Климентъ XII, а между тѣмъ въ Холмѣ началась перестройка собора, кончившаяся сооруженіемъ его вновь. Поэтому, торжество коронаціи иконы при Володковичѣ не состоялось. [163])

По перемѣщеніи Володковича на Владимірскую каѳедру и возведеніи его въ уніатскіе митрополиты, преемникомъ ему по Холмской каѳедрѣ назначенъ былъ Максимиліанъ Рылло. Еще при Володковичѣ онъ былъ нѣсколько лѣтъ настоятелемъ Холмскаго базиліанскаго монастыря, и въ этомъ званіи своемъ былъ предсѣдателемъ епархіальнаго собранія, происходившаго 11-го мая 1749 года въ Бѣлополѣ, на которомъ разсмотрѣны были жалобы духовенства на благочинныхъ, за ихъ вымогательства. Кромѣ того, Рылло, въ качествѣ настоятеля

Холмскаго монастыря, выпросилъ въ его пользу село Парипсы, когда-то отданное королемъ Владиславомъ II капитулу Холмской католической каѳедры, и приказалъ на счетъ монастырскихъ доходовъ построить въ новомъ Холмскомъ соборѣ деревянные хоры для монаховъ и сдѣлать каменный полъ, а также обнести рѣшеткой ступени къ главному престолу. Во время своего управленія Холмскимъ монастыремъ, онъ исходатайствовалъ для монастырской каплицы введеніе латинскихъ «шкаплеровъ» и «рожанцевъ», которые послужили для латинскаго духовенства успѣшнымъ средствомъ къ привлеченію русскихъ уніатовъ въ костелы и ополячиванію ихъ. Сдѣлавшись холмскимъ уніатскимъ епископомъ, онъ преобразовалъ, въ 1759 году, холмскую гимназію въ греко-уніатскую духовную семинарію, съ цѣлію поднятія образованія бѣлаго духовенства, окончилъ отдѣлку каѳедральнаго собора, заботился о внѣшнемъ благолѣпіи епископскаго дома и утвари, о блескѣ своей свиты, о пріобрѣтеніи драгоцѣнныхъ вещей, объ устройствѣ епископскихъ имѣній, лѣтомъ и зимою осматривалъ приходскія церкви своей епархіи, прилежно занимался обученіемъ народа, строеніемъ и освященіемъ храмовъ и возстановленіемъ благочинія между духовенствомъ; но онъ не пользовался благорасположеніемъ и довѣріемъ къ нему со стороны холмскихъ базиліанъ, которые однажды не хотѣли даже дать ему облаченія изъ своей ризницы для совершенія торжественнаго богослуженія. Не смотря на свое происхожденіе изъ католическаго семейства, Рылло, по долгу званія уніатскаго епископа, старался защищать уніатовъ отъ польско-католическаго духовенства и оставилъ послѣ себя дневникъ, который почти весь наполненъ любопытными подробностями о враждебныхъ отношеніяхъ польскаго духовенства и шляхты къ русскому обряду и народности. Онъ хорошо зналъ всѣ слабыя стороны польскихъ вельможъ, изъ коихъ одни, по своей гордости, относились съ пренебреженіемъ къ уніатской церкви и не стѣснялись оскорблять уніатовъ ради корысти, а другіе, будучи преданы невѣжеству и грубому суевѣрію, нерѣдко подвергали населеніе Холмской епархіи истязаніямъ, и даже казнямъ ради предразсудковъ. Такъ, графъ Красицкій приказалъ сжечь одну женщину безъ всякаго судебнаго разслѣдованія, по ходатайству сосѣдней шляхты, подозрѣвавшей ее въ колдовствѣ. [164])

Но, радѣя о благѣ уніатской церкви, Рылло понималъ это благо

посвоему или—лучше —по-католически и самъ содѣйствовалъ дальнѣйшему окатоличенію уніи. Онъ ставитъ себѣ въ особую заслугу, что купилъ въ Замостьѣ за 8.000 злотыхъ органъ для Холмскаго собора и снабжалъ церкви дорогими монстранціями. При немъ совершилось давно предполагавшееся коронованіе холмской иконы Богоматери по католическому обычаю, именно 15 сентября 1765 года, при многочисленномъ стеченіи латинскаго и уніатскаго духовенства и народа. При этомъ латинскіе и уніатскіе проповѣдники, въ своихъ проповѣдяхъ, особенно налегали на такъ называемое «берестечское чудо», будто бы происшедшее отъ этой иконы, чудо побѣды поляковъ надъ Богданомъ Хмельницкимъ въ 1651 году, при королѣ Янѣ Казимірѣ, и расписывали это чудо въ чисто польскомъ духѣ. Для постояннаго напоминая народу объ этомъ чудѣ, вскорѣ послѣ коронаціи устроена и вдѣлана была въ лицевую сторону главнаго престола, прямо противъ царскихъ вратъ и на виду у всѣхъ молящихся, серебряная доска, съ такими на ней изображеніями. На правой сторонѣ—холмская икона Богоматери съ колѣнопреклоненными передъ ней Яномъ Казиміромъ и Яковомъ Сушей; съ лѣвой стороны доски открывается торжественное шествіе польской конницы со скованными плѣнными казаками Хмельницкаго; а на второмъ планѣ общей картины виднѣются отдѣльныя картины изъ берестечскаго пораженія казаковъ поляками и мѣстечко Берестечко. Вверху доски помѣщены въ сіяніи начальныя буквы имени Богоматери и слѣдующая надпись на латинскомъ языкѣ: «Торжество чудодѣйственной въ своей иконѣ холмской Маріи подъ Берестечкомъ, гдѣ свѣтлѣйшій польскій король Янъ-Казиміръ, въ присутствіи сей святой иконы, избравъ такой условленный знакъ «Пресвятая Дѣво холмская», побѣдоноснымъ польскимъ мечемъ разрубилъ клятвопреступный заговоръ мятежниковъ со скиѳами противъ государства. Лѣта Господня 1651, іюля 10.» [165])

Коронація холмской иконы совершенно измѣнила видъ холмскаго уніатскаго духовенства. До коронаціи только высшее духовенство, и то не все, преобразилось по внѣшнему виду въ латинскихъ ксендзовъ; сельское же духовенство хранило и упорно отстаивало свой древній восточный образъ. Собравъ все почти духовенство на торжество коронаціи, епископъ Рылло, по преданію, припасъ цѣлыя сотни «сутанъ» шелковыхъ, атласныхъ и другихъ, остригъ священникамъ волосы и

косы и одѣлъ въ сутаны. Немногіе упорные разъѣхались въ своемъ видѣ, не дожидаясь торжества; но жены погнали ихъ назадъ за «подарками». [166])

Какъ польско-католикъ по происхожденію, Максимиліанъ Рылло не могъ относиться благожелательно къ православію и русской народности. Хотя онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ избраніи, въ 1764 году, на польскій престолъ короля Станислава-Августа Понятовскаго, поддерживаемаго русскою императрицею Екатериною II, и присутствовалъ на его коронаціи, но всегда относился недовѣрчиво къ дѣйствіямъ Россіи и брезгливо отзывался о русскихъ войскахъ, квартировавшихъ въ Холмѣ. Вотъ что писалъ Рылло въ своемъ дневникѣ. «3 іюня 1767 года холмскій каштелянъ Олендскій роскошно угощалъ всѣхъ московскихъ офицеровъ, при чемъ и я долженъ былъ присутствовать и чувствовалъ себя весьма непріятно, особенно когда начальникъ отряда, желая доставить удовольствіе каштеляну, приказалъ солдатамъ пѣть пѣсни на московскомъ языкѣ и московскимъ напѣвомъ; хотя я понялъ едва десятое слово, но ихъ ужасный голосъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Во время этого увеселенія московскій командиръ намекнулъ, что желаетъ на другой день оказать мнѣ военныя почести и тѣмъ вынудилъ меня пригласить его вмѣстѣ съ офицерами на обѣдъ. 4-го іюня я пригласилъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ г. каштеляномъ къ обѣду, и они оставались у меня цѣлый день и оказали мнѣ военныя почести, что обошлось мнѣ не безъ непріятностей и не безъ издержекъ, такъ какъ, соблюдая народный обычай, я далъ солдатамъ пожалованіе.» Въ воскресенье, 7-го іюня, въ день пятидесятницы, было обычное богослуженіе. «Я торжественно служилъ литургію, — продолжаетъ Рылло,—и совершилъ всю положенную на этотъ день службу, при коей присутствовали и начальники московскаго войска и съ большимъ вниманіемъ присматривались къ священнымъ обрядамъ; великолѣпіе и блескъ службы и обрядовъ очень имъ понравились, такъ что, по окончаніи службы, всѣ высшіе офицеры зашли ко мнѣ и благодарили меня за то, что имъ дозволено было видѣть богослуженіе, при чемъ выразили, что они остались весьма довольны всѣмъ видѣннымъ и не видятъ причины, почему полагается такая большая разница между православными и уніатами, когда ихъ богослуженіе и обряды такъ тождественно между собою согласуются». Когда, въ томъ же 1767 году, составлена была въ Польшѣ

Чудотворная икона Холмской Божіей Матери.

иновѣрческая конфедерація (союзъ), имѣвшая цѣлью добиться нѣкоторыхъ правъ для иновѣрцевъ въ Польшѣ, Максимиліанъ Рылло не только самъ отказался присоединиться къ ней, но и отклонилъ отъ того митрополита Володковича на съѣздѣ въ Кристинополѣ. Въ это время, когда государственной самостоятельности Польши всего болѣе угрожалъ вопросъ объ иновѣрцахъ, Максимиліанъ Рылло питалъ самыя непріязненныя отношенія къ православнымъ, такъ что даже король Станиславъ Понятовскій, понимая всю неумѣстность чрезмѣрной ревности католическаго и уніатскаго духовенства въ преслѣдованіи иновѣрцевъ, вызывавшую вмѣшательство сосѣднихъ державъ въ дѣла Польши, долженъ былъ, чрезъ короннаго канцлера Андрея Замойскаго, выразить письменно свое неудовольствіе невоздержному епископу. Вскорѣ Максимиліанъ Рылло рѣшительно перешелъ на сторону противниковъ Понятовскаго, благопріятствуя барской конфедераціи 1768 — 1772 годовъ, которая задумала низложеніе короля, но вызвала собою первый раздѣлъ Польши.[167]) Съ этимъ раздѣломъ распалась и Холмская уніатская епархія.

Глава шестая.

Политическія судьбы края со времени перваго раздѣла Польши и до позднѣйшаго времени. Состояніе православія и уніи въ краѣ со времени раздѣловъ Польши. Упадокъ уніи и русскаго обряда и пробужденіе русской народности.

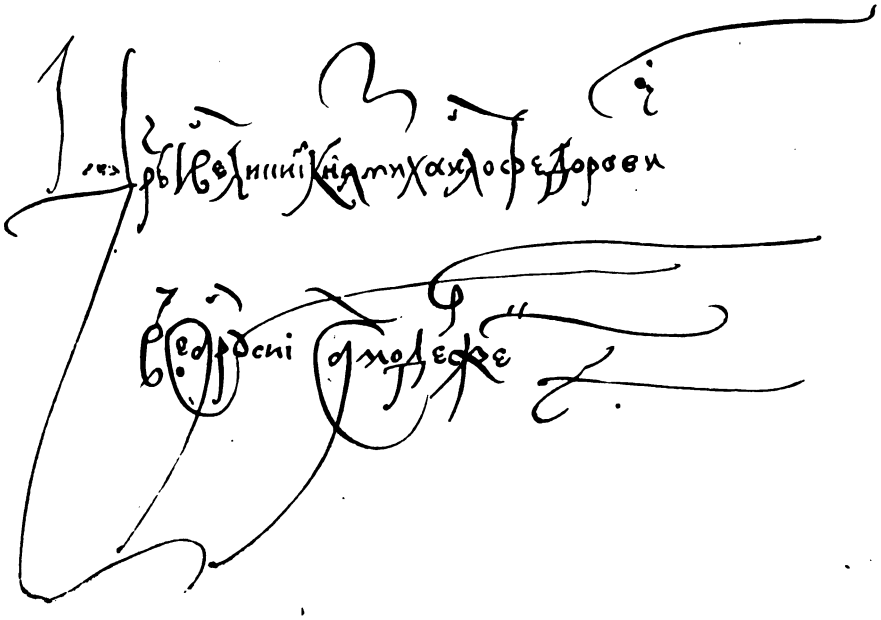
Первый и третій раздѣлы Польши; образованіе герцогства Варшавскаго и царства Польскаго и судьбы его. Общій очеркъ состоянія русскаго обряда и русской народности въ краѣ; положеніе уніатской церкви въ Австріи и въ герцогствѣ Варшавскомъ, а потомъ въ царствѣ Польскомъ; холмскіе епископы Рылло, Ростоцкій и Важинскій; епископъ Цѣхановскій. Попытки къ очищенію русскаго уніатскаго обряда послѣ польскаго мятежа 1831 года; противодѣйствіе со стороны холмскаго епархіальнаго уніатскаго начальства; епископъ Шумборскій; заявленія уніатскихъ священниковъ о желаніи своемъ возсоединиться съ православною церковію; возсоединеніе нѣкоторыхъ уніатскихъ приходовъ; пріостановка сего дѣла. Холмскіе уніатскіе епископы Терашкевичъ и Калинскій, какъ сторонники латино-польской партіи; заявленія благонамѣренныхъ уніатовъ; яновская католическая миссія; участіе Калинскаго въ польскомъ повстаніи.

Барская конфедерація поляковъ, составленная съ цѣлію низложенія короля и устраненія русскаго вліянія, вызвала первый раздѣлъ Польши между Россіей, Австріей и Пруссіей. Россія получила всю Бѣлоруссію, гдѣ еще весьма сильно было православіе и оставалась единственная въ Польшѣ православная епархія, Австрія получила Лодомирію и Галицію, а Пруссія—древніе Прусы. По этому раздѣлу, нынѣшняя Холмская Русь раздѣлена была на двѣ части, изъ коихъ одна—сѣверная оставалась пока за Польшей, а другая—южная отошла къ Австріи. Въ 1772 году австрійскія войска заняли г. Холмъ, при чемъ произвели довольно невыгодное впечатлѣніе на холмскаго уніатскаго епископа Максимиліана Рылла, который въ дневникѣ своемъ писалъ объ австрійцахъ слѣдующее: «Несчастное мое отечество подверглось отъ австрійскихъ солдатъ далеко бо̀льшимъ отягощеніямъ, ибо бѣдный народъ долженъ былъ снабжать ихъ и волами, и домашнею птицей, и готовою пищей, кромѣ многихъ другихъ предметовъ, служа-

щихъ не только къ удобству, но и къ излишеству, тѣмъ болѣе, что почти каждый солдатъ привелъ съ собою и жену, и потомство, и всѣмъ имъ несчастный народъ обязанъ былъ доставлять всяческія удобства... Австрійскій солдатъ, кромѣ католичества, не только не отличается отъ московскаго въ различнаго рода притѣсненіяхъ, но, будучи болѣе образованъ, тѣмъ еще тягостнѣе для народа. Положеніе наше поистинѣ несчастно,— продолжаетъ Рылло, — ибо австрійцы гораздо тяжелѣе намъ, чѣмъ москвитяне, и даже, за изъятіемъ вѣры, гораздо хуже по нравамъ и разврату. Никакихъ постовъ, никакого соблюденія праздниковъ, никакого милосердія, никакой справедливости. Нѣкоторые изъ нихъ намекаютъ, что они намѣренно разоряютъ край, чтобы смирить дерзость поляковъ». Но въ октябрѣ того-же года Холмъ оставленъ былъ австрійскими войсками и по договору 1773 года возвращенъ Польшѣ, а за Австріей осталась южная половина нынѣшней Люблинской губерніи съ городами Люблиномъ, Замостьемъ, Грабовцемъ, Щебрешиномъ, Городломъ, Грубешовомъ и Белзомъ. По третьему раздѣлу Польши, послѣдовавшему въ 1795 году, къ Россіи отошли часть Волыни и часть Холмской Руси, лежащія на правомъ берегу р. Буга до Литовской границы, а Австрія получила остальныя части Холмщины и сѣдлецкаго Подляшья по р. Бугъ. Во время наполеоновскихъ войнъ нынѣшняя Забужная Русь испытала новыя превратности. Разгромивъ Пруссію подъ Іеною, Наполеонъ, по тильзитскому договору 1807 года, возстановилъ изъ частей прусской Польши маленькое герцогство Варшавское, которымъ онъ надѣлилъ союзника своего, короля саксонскаго. Въ 1809 году австрійскій императоръ, выведенный изъ терпѣнія властолюбіемъ Наполеона I, въ четвертый разъ поднялъ противъ него оружіе. Варшаву заняли австрійскія войска, между тѣмъ какъ польскія, державшія сторону Наполеона, завоевали, подъ предводительствомъ князя Іосифа Понятовскаго, западную Галицію, Краковъ и Люблинъ. 6 іюля, того же 1809 года, австрійскій императоръ былъ вновь побѣжденъ въ битвѣ при Ваграмѣ и долженъ былъ отказаться, на основаніи заключеннаго тогда мирнаго договора, отъ воеводствъ Подляшскаго, Люблинскаго и Сандомирскаго, т. е. отъ всей нынѣшней Забужной Руси, которая включена была въ составъ Варшавскаго герцогства. Во время отечественной войны 1812 года Забужная Русь была одною изъ первыхъ мѣстностей, гдѣ должны были встрѣтиться

русскія войска съ войсками великаго герцогства Варшавскаго, стоявшаго на сторонѣ Наполеона, и со вспомогательнымъ корпусомъ Австріи, его союзницы. При переходѣ изъ рукъ въ руки, Холмскій край подвергся опустошенію, чего не избѣжали и зданія холмскаго уніатскаго епископа. По вѣнскому договору 1815 года и по особому договору съ Австріей и Пруссіей, возвращена Пруссіи часть герцогства Варшавскаго, Австріи—часть Галиціи, а остальное герцогство Варшавское, въ составъ котораго входилъ и Холмскій край, досталось Россіи и преобразовано было въ конгрессовое царство Польское съ двухпалатнымъ сеймомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ поставленъ во главѣ царства по военному управленію. Новое польское государство начало самостоятельную жизнь. Но, какъ извѣстно, жизнь эта съ каждымъ годомъ развивала въ полякахъ бо̀льшую и бо̀льшую ненависть къ Россіи. Партія недовольныхъ росла по часамъ; образовалось сильное противодѣйствіе Россіи; быстро развивались тайныя общества. Въ 1821 году пришлось распустить сеймъ, пришлось заняться потомъ разслѣдованіемъ тайныхъ обществъ. Въ 1825 году сеймъ былъ снова открытъ, но необходимо было сдѣлать его уже негласнымъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I, поляки не образумились. На нихъ не подѣйствовали ни торжественная коронація императора въ Варшавѣ польскимъ королевскимъ вѣнцомъ въ 1829 году, ни обѣщаніе соблюдать всѣ права Польши. Послѣдовало польское повстаніе 1831 года, послѣ котораго уничтоженъ былъ польскій сеймъ, а послѣ повстанія 1863 года Привислинскій край уравненъ въ управленіи съ остальными частями Россійской имперіи. [168])

Соотвѣтственно государственному положенію края, и русскій церковный обрядъ, православный и уніатскій, какъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ русской народности, съ 1772 года испытывалъ въ нынѣшней Холмской Руси различныя перемѣны. Впрочемъ, о судьбахъ православія въ Холмской Руси до 1835 года извѣстно немногое. Въ 1785 году, на основаніи трактата Россіи съ Польшей 1768 года, учреждена была въ Польшѣ православная епископія, въ качествѣ викаріатства Кіевской митрополіи, съ наименованіемъ ея Переяславскою и Бориспольскою. Ей подчинены были и православные монастыри Холмской Руси—Дрогичинскій и Яблочинскій. Въ октябрѣ 1786 года преосвященный Викторъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, при-



казывалъ дрогичинскому игумену подвергнуть допросу одного бродяжнаго монаха, снять съ него иноческую одежду, обрить голову и бороду и дать ему 100 нагаекъ, «чтобы, — какъ писалъ онъ, — люди чужой вѣры видѣли нашу строгость». Въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ Варшавы, преосвященный Викторъ сдѣлалъ обозрѣніе подляшскихъ монастырей. Но въ 1789 году онъ былъ арестованъ поляками, [169]) и съ сего времени до 1796 года опять ничего не слышно о судьбѣ православія въ краѣ. Въ 1796 году, послѣ третьяго раздѣла Польши, три округа Холмской епархіи, находившіеся по правую сторону р. Буга, перешли во власть Россіи, причислены къ Брестской епархіи и стали мало по малу принимать православіе; а православные монастыри Забужной Руси—Дрогичинскій и Яблочинскій подчинены были буковинскому православному епископу, а съ 1815 и до 1835 года — минскому преосвященному. [170]) Что же касается уніатскаго населенія и обряда, то до польскаго повстанія 1831 года они были въ рѣшительномъ порабощеніи частію у австрійскихъ нѣмцевъ, а потомъ исключительно у поляковъ, окатоличивались и ополячивались и подвергались опасности совершеннаго уничтоженія. Послѣ 1831 года, хотя и не прекратилось окатоличеніе и ополяченіе здѣшняго края; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ уничтоженія внутренняго самостоятельнаго управленія бывшаго царства Польскаго и уравненія его во внутреннемъ управленіи съ другими областями Русскаго государства, стали явственнѣе выступать и обозначаться народные признаки мѣстнаго русскаго населенія; а послѣ польскаго повстанія 1863 года возрожденіе русской народности и очищеніе русско-уніатскаго обряда настолько уже подвинулись впередъ, что подготовили собою возсоединеніе всего уніатскаго народонаселенія въ Холмской Руси съ православною русскою церковію.

Послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 году, Холмская уніатская епархія раздѣлена была на двѣ неравномѣрныя части, изъ коихъ одна бо̀льшая перешла подъ власть Австріи, а другая меньшая оставалась за Польшей. Всѣ епископскія имѣнія заняты были австрійцами; подъ властію же Польскаго королевства оставалось только одно сельцо Покровка, дарованное православной Холмской епархіи княземъ Львомъ Васильковичемъ, которое не доставляло однако же и десятой части доходовъ, предназначенныхъ епископу. Кромѣ того, холмскій епископъ

долженъ былъ платить подать на учрежденную въ Вѣнѣ уніатскую семинарію при церкви св. Варвары. Положеніе уніатской церкви въ Австріи было стѣснительнѣе, чѣмъ въ Польшѣ. «Множество самыхъ прискорбныхъ сообщеній,—писалъ епископъ Максимиліанъ Рылло въ своемъ дневникѣ,—получилъ я изъ львовскаго управленія. Почти всѣ они заключали въ себѣ новости, касающіяся вѣры: одни предписывали вѣротерпимость по отношенію къ еретикамъ, другія – упраздненіе монастырей, установленіе новыхъ налоговъ на духовенство и наконецъ уничтоженіе церковныхъ привиллегій. Я отвѣчалъ на эти прискорбныя писанія, моля Бога, дабы положилъ конецъ церковному гоненію, которое изъ государственныхъ видовъ и съ такою страстностію возбуждалъ римскій императоръ въ своихъ владѣніяхъ». [171]) «Въ Галиціи и Лодомиріи,—жалуется базиліанинъ Сульжинскій въ своихъ запискахъ,— важнѣйшіе монастыри взяты въ казну и оставлены только самые убогіе. Архимандрія Уніевская уничтожена, Свято-Георгіевская церковь во Львовѣ, со всей своей монастырской землей, кромѣ одного каменнаго корпуса, и съ принадлежащимъ ей огородомъ, отдана въ Вѣнѣ Шептицкому, сначала епископу львовскому, потомъ митрополиту, всегда дѣйствовавшему противъ базиліанъ». Послѣ общаго базиліанскаго съѣзда, въ 1780 году, въ Тороканахъ, на которомъ утвержденъ былъ пересмотрѣнный сводъ постановленій базиліанскихъ и базиліанскій орденъ раздѣленъ былъ, вмѣсто прежнихъ двухъ, на четыре провинціи, польскую, галицкую, литовскую и бѣлорусскую, австрійское правительство запретило галиційскимъ базиліанамъ впредь собираться на общіе ихъ съѣзды и подчинило ихъ власти мѣстныхъ епархіальныхъ епископовъ. Въ силу этого Максимиліанъ Рылло, въ 1783 году, дѣлаетъ строгое обозрѣніе Замостьскаго монастыря и разными мѣрами старается искоренить вкравшіеся въ монастырскую жизнь безпорядки и нестроенія. [172])

Очутившись въ зависимости отъ двухъ правительствъ, австрійскаго и польскаго, и не сочувствуя первому изъ нихъ, епископъ Рылло рѣшился сблизиться съ польскимъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ, былъ у него, въ 1777 году, въ Варшавѣ и имѣлъ продолжительный разговоръ, увѣряя короля въ своей искренней приверженности. Въ 1778 году онъ снова представлялся королю, и тотъ намекалъ ему на возможность быть переведеннымъ изъ Холмской

епархіи во Владиміро-Брестскую. Но на эту послѣднюю, по вліянію русскаго посланника, назначено было другое лицо, а Максимиліану Рыллу предложили Полоцкую епархію, находившуюся подъ владычествомъ Россіи, съ назначеніемъ его и митрополитомъ уніатской церкви въ Россіи. Рылло отказался отъ этого предложенія и назначенія и сталъ хлопотать о переселеніи своемъ въ Галицію, именно во Львовъ; но и эта каѳедра дана была не ему, а Льву Шептицкому, Максимиліану же Рыллу предложили Перемышльскую епархію. Въ 1780 году онъ отправился въ Вѣну благодарить императрицу Марію Терезію за это назначеніе и помѣстился въ домѣ семинаріи св. Варвары. Здѣсь, — какъ сказано въ его дневникѣ, — онъ «сразу замѣтилъ довольно важное неудобство въ совершеніи богослуженія; ибо въ церкви св. Варвары слишкомъ строго соблюдается греческій обрядъ». Чтобы дать урокъ вѣнскимъ уніатамъ, онъ отслужилъ глухую обѣдню при закрытыхъ царскихъ вратахъ, «къ общему изумленію семинаристовъ и прочихъ священниковъ». Само духовенство Перемышльской епархіи противилось назначенію Рылла въ Галицію на томъ основаніи, что считало его «болѣе латинистомъ, чѣмъ грекомъ». Не смотря на это, Максимиліанъ Рылло, въ томъ же 1780 году, вступилъ въ управленіе Перемышльской епархіей, управляя въ то же время и Холмской епархіей. При преемникѣ Маріи Терезіи Іосифѣ II, вслѣдствіе раздѣленія Галиціи на округи, въ 1784 году расширены были предѣлы Перемышльской епархіи присоединеніемъ къ ней шести благочиній Холмской епархіи: Замостьскаго, Грабовецкаго, Щебрешинскаго, Городельскаго, Грубешовскаго и Белзскаго, такъ что Холмская епархія ограничивалась только тѣми благочиніями, которыя оставались еще во власти Польши. Максимиліану Рыллу предложено было на выборъ оставаться или перемышльскимъ, или холмскимъ епископомъ. Рылло выбралъ для себя Перемышльскую епархію, на которой и умеръ въ 1794 году, а на его мѣсто холмскимъ епископомъ въ предѣлахъ Польши нареченъ былъ, въ 1784 году, Ѳеодосій Ростоцкій. Но онъ болѣе занимался дѣлами уніатской митрополіи въ качествѣ ея коадъютора, чѣмъ Холмской епархіи, въ которой онъ не хотѣлъ оставаться по причинѣ скуднаго содержанія, и въ 1788 году возведенъ былъ въ санъ уніатскаго митрополита.[173])

Съ 11-го іюня 1790 года холмскимъ уніатскимъ епископомъ является Порфирій Скарбекъ-Важинскій, бывшій раньше того генераломъ или протоархимандритомъ базиліанскаго ордена; но и онъ сначала не

жилъ въ Холмѣ, гдѣ епископскій домъ оставался въ разореніи. Важинскій болѣе всего извѣстенъ тѣмъ, что былъ дѣятельнымъ сторонникомъ мятежной партіи въ Польшѣ, заклятымъ врагомъ русскихъ и всего того, что въ Польшѣ благопріятствовало русскому дѣлу, и даже избранъ былъ въ главные начальники холмскаго мятежническаго комитета, подготовлявшаго въ этой области возстаніе. Въ 1794 году предводитель возстанія, польскій генералъ Косцюшко, былъ въ Холмѣ и имѣлъ съ епископомъ Важинскимъ разговоръ, «въ которомъ онъ высказалъ свои желанія касательно отмѣны многихъ церковныхъ обычаевъ и обрядовъ уніатскихъ для оказанія возможно бо̀льшаго отличія отъ неунитовъ и наиболѣе близкаго сходства и согласія въ вѣрѣ съ римлянами». Послѣ пораженія поляковъ подъ Дубенкою, 8 го іюня 1794 года, въ 35 верстахъ отъ Холма, когда русскія войска двинулись къ этому городу, Важинскій вынужденъ былъ бѣжать въ Австрію. Изъ Львова онъ писалъ въ верховный совѣтъ польскаго возстанія, изъявляя готовность отдать каѳедральное серебро Холмской епархіи въ пользу польскаго дѣла. Верховный совѣтъ отвѣчалъ ему вызовомъ въ Холмъ; но когда Важинскій прибылъ туда, то уже нашелъ городъ въ рукахъ австрійскихъ войскъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши, часть Холмской епархіи, по правую сторону р. Буга, отошла къ Россіи, а вся нынѣшняя Забужная Русь оказалась въ предѣлахъ Австріи. Уніатскій епископъ Важинскій, перешедшій изъ польскаго подданства въ австрійское, вызванъ былъ для принесенія присяги въ Краковъ и здѣсь жаловался на бѣдность Холмской епархіи, значительная часть которой отошла ранѣе къ Перемышльской епархіи, а другая часть, по правую сторону Буга, — къ Россіи. Ему назначено было жалованье въ 4.000 флориновъ, увеличенное въ 1801 году еще на полторы тысячи. Возстановляя епископскія строенія въ Холмѣ, попорченныя при взятіи Холма русскими войсками въ 1794 году, епископъ Важинскій хлопоталъ вообще объ устройствѣ уніатской іерархіи въ предѣлахъ Австріи и образованіи особой Галицкой митрополіи, съ подчиненіемъ ей и Холмской епархіи, какъ это было въ XIV столѣтіи. Въ его управленіе Холмской епархіей образовалось женское общество іосафатокъ, которое было признано австрійскимъ правительствомъ и, въ силу постановленія краковскаго губернскаго правленія, получило разрѣшеніе заниматься воспитаніемъ дѣвицъ. При немъ, въ 1802 году, Холмскій каѳедральный соборъ истребленъ былъ пожаромъ. Важинскій

Древній крестъ съ изображеніемъ Купятицкой Божіей Матери.

умеръ 29-го марта 1804 года. Временное управленіе Холмской епархіей принялъ на себя перемышльскій епископъ Антоній Ангелловичъ. [174])

Съ образованіемъ герцогства Варшавскаго расширились и предѣлы Холмской уніатской епархіи, которая съ 1809 года стала обнимать собою всю нынѣшнюю Забужную Русь. 24 февраля 1810 года король саксонскій и великій герцогъ варшавскій Фридрихъ-Августъ назначилъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ игумена Холмскаго базиліанскаго монастыря Фердинанда Цѣхановскаго. Холмское бѣлое духовенство, стремившееся освободиться изъ-подъ іерархическихъ притязаній базиліанъ, недовольно было его назначеніемъ и, съ своей стороны, избрало кандидатомъ на епископство и представило на утвержденіе великому герцогу оффиціала Холмской епархіи Варѳоломея Назаревича; но въ епископы рукоположенъ былъ все-таки Цѣхановскій, который на первыхъ же порахъ обнаружилъ свою особую расположенность къ своимъ собратьямъ— базиліанскимъ монахамъ. Въ томъ же 1810 году они созвали въ Холмѣ, подъ предсѣдательствомъ Цѣхановскаго, областной базиліанскій съѣздъ и образовали изъ себя особую базиліанскую провинцію, подъ титуломъ Рождества пресв. Дѣвы Маріи, управлявшуюся своимъ провинціаломъ, который выбирался на провинціальныхъ базиліанскихъ съѣздахъ на четыре года. Эта провинція состояла изъ базиліанскихъ монастырей Холмской епархіи: Варшавскаго, основаннаго уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Кишкой, Холмскаго, Люблинскаго, Бѣльскаго и Замостьскаго, монашествующіе которыхъ, вслѣдствіе своей малочисленности, почти всѣ привлекались къ участію въ областныхъ съѣздахъ и выборахъ на разныя должности по базиліанскому самоуправленію. Получивъ, на основаніи польской конституціи 1791 года, званіе сенатора, Цѣхановскій явился, въ 1811 году, на варшавскій сеймъ и произнесъ благодарственную рѣчь предъ Фридрихомъ-Августомъ, а въ началѣ 1812 года снова былъ въ Варшавѣ и высказалъ предъ великимъ герцогомъ, отъ имени уніатскаго духовенства, просьбу о необходимости улучшенія быта уніатовъ и возстановленія капитула при Холмской каѳедрѣ. Въ томъ же году онъ обращался къ люблинскому католическому епископу съ требованіемъ возвратить греческому обряду всѣхъ уніатовъ Холмской епархіи, перешедшихъ въ латинство вопреки папскимъ булламъ, изданнымъ въ 1624, 1743 и 1755 годахъ, коими запрещалось принимать греко-уніатовъ въ латинскій обрядъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія римскаго

дора и, между прочимъ, писалъ ему слѣдующее: «Соблаговоли прекратить перезывъ русскихъ въ латинскій обрядъ и уйми тѣхъ приходскихъ священниковъ, которые сдѣлались причиною столькихъ несогласій, ссоръ и раздвоенія въ вертоградѣ Христовомъ». Но какъ ходатайство за уніатовъ предъ варшавскимъ правительствомъ, такъ и переписка его съ люблинскимъ католическимъ епископомъ не привели ни къ чему, такъ какъ начались военныя событія 1812 года, отодвинувшія уніатское дѣло на задній планъ. По присоединеніи, въ 1815 году, Варшавскаго герцогства къ Россійской имперіи, Цѣхановскій сохранилъ званіе холмскаго епископа, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 32.000 злотыхъ польскихъ, и званіе сенатора въ сенатѣ царства Польскаго. Во время управленія своего Холмской епархіей онъ издалъ, въ 1815 году, церковный уставъ, опредѣлявшій порядокъ уніатскаго богослуженія, возобновилъ каѳедральную Холмскую церковь, устроилъ уніатскую семинарію, получавшую изъ казначейства царства Польскаго по 6.000 злотыхъ въ годъ, исходатайствовалъ у папы разрѣшеніе имѣть холмскимъ епископамъ викаріевъ, съ присвоеніемъ имъ титула епископовъ белзскихъ и ежегоднымъ жалованьемъ въ 8.000 злотыхъ, назначивъ первымъ викаріемъ Варѳоломея Назаревича, и съ разрѣшенія папы Льва XII образовалъ при своей каѳедрѣ капитулъ изъ 8 прелатовъ и 8 каноническъ. Къ сожалѣнію, епископъ Цѣхановскій предоставилъ базиліанамъ довольно широкое участіе въ судьбахъ и управленіи Холмской епархіи: сдѣлалъ въ 1819 году, по смерти Назаревича, викаріемъ своимъ базиліанскаго провинціала Викентія Сѣдлецкаго и далъ базиліанамъ волю свободно заниматься обученіемъ юношества. При томъ же Холмская уніатская епархія, насильно связанная съ Польшею и оторванная отъ союза съ Бѣлорусской уніатской митрополіей и отъ подчиненія с.-петербургской духовной коллегіи, при Цѣхановскомъ освобождена была, по ходатайству русскаго правительства, и отъ подчиненія Львовской уніатской митрополіи и подчинена образованной въ 1827 году въ Польшѣ коммиссіи духовныхъ дѣлъ, въ которой засѣдали польско-католики. Для завѣдыванія уніатскими дѣлами при этой коммиссіи образованъ былъ особый комитетъ, въ которомъ засѣдали преимущественно базиліане. Такимъ образомъ, уніатская Холмская епархія стала совершенно открытою для покушеній латино-поляковъ и латинствующихъ базиліанъ на ея цѣлость. По свидѣтельству Гарасевича, Холмская епархія при Цѣханов-

скомъ, въ началѣ его управленія, имѣла 317 приходовъ съ 227.673 душъ, 4 монастыря, до 700 священниковъ и 26 монаховъ, а въ послѣдній годъ его власти имѣла только 278 церквей съ 239.548 прихожанъ. Число душъ увеличилось, конечно, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія. Цѣхановскій умеръ въ 1828 году. Послѣ него въ званіе холмскаго епископа предложенъ былъ престарѣлый викарій Викентій Сѣдлецкій, но онъ отказался отъ этой чести, и епископомъ наименованъ былъ оффиціалъ Фелиціанъ Шумборскій, посвященный въ санъ епископа 16 марта 1830 года, предъ самымъ польскимъ повстаніемъ. [175])

Послѣ польскаго мятежа 1831 года, правительство царства Польскаго пыталось, по выраженію митрополита Іосифа Сѣмашки,—«дать уніатамъ Холмской епархіи то же направленіе, которому слѣдовали уніаты въ имперіи», и тогдашній намѣстникъ царства, князь Варшавскій, въ перепискѣ съ могилевскимъ архіепископомъ Гавріиломъ высказывалъ увѣренность, что принятыя имъ мѣры къ спасенію уніи отъ поглощенія ея латинствомъ и даже къ возсоединенію съ православною церковію будутъ имѣть успѣхъ. Нѣсколько разъ подтверждаемо было католическимъ епископамъ люблинскому, подляшскому и августовскому, дабы они воспретили подвѣдомственному имъ духовенству не только подговаривать греко-уніатовъ къ переходу въ латинство, но и принимать тѣхъ, которые сами пожелаютъ перемѣнить обрядъ, безъ предварительнаго на то разрѣшенія римскаго двора, а гражданскимъ властямъ предписывалось строго наблюдать за точнымъ выполненіемъ папскихъ буллъ, воспрещающихъ переходъ греко-уніатовъ въ латинство. Въ 1834 году правительственная коммиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства Польскаго предписала объявить владѣльцамъ и управляющимъ имѣніями, въ которыхъ живутъ крестьяне уніатскаго вѣроисповѣданія, дабы они не осмѣливались принуждать крестьянъ къ тяжелымъ работамъ въ праздники, а напротивъ, освобождая ихъ въ эти дни отъ повинностей, оказывали бы содѣйствіе къ утвержденію ихъ въ спасительныхъ правилахъ вѣры. Обращено было вниманіе и на базиліанъ и ихъ происки, враждебные правительству и самой уніи, и они удалены были, въ 1833 году, изъ уніатскаго комитета при правительственной коммиссіи и лишены права преподаванія въ школахъ; уничтожена была базиліанская прокуратура въ Римѣ, и базиліанскій монастырь въ Холмѣ временно

занятъ былъ войсками. Въ 1834 году учреждена была въ Варшавѣ православная епископская каѳедра, въ качествѣ викаріатства Волынской епархіи, въ 1840 году переименованная въ архіепископство Варшавское и Новогеоргіевское, съ подчиненіемъ ей православныхъ монастырей и церквей въ царствѣ Польскомъ. Назначенный въ 1835 году на вновь открытую Варшавскую православную каѳедру епископъ Антоній, уроженецъ волынскій, близко знакомый съ бытомъ уніатовъ, первый подалъ мысль, что въ Холмской епархіи, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, впереди всѣхъ заботъ должна быть школа, и первый рѣшился сдѣлать опытъ устройства русской школы для уніатовъ. Въ 1836 году, ходатайствуя о возвращеніи Яблочинскому монастырю угодій, несправедливо отнятыхъ у него арендаторомъ имѣній князя Радзивила въ 1807 и 1817 годахъ, епископъ Антоній писалъ въ своемъ донесеніи св. синоду, что возвращеніе угодій дало бы монастырю возможность устроить «училище для греко-уніатскаго юношества, которое съ явнымъ уклоненіемъ отъ преданій и уставовъ восточной церкви и несогласно съ духомъ истинной вѣротерпимости, а слѣдовательно и вопреки благотворнымъ цѣлямъ русскаго правительства, воспитывается доселѣ въ свѣтскихъ польскихъ училищахъ и слушаетъ уроки по закону Божію у римско-католическаго духовенства». При докладѣ о семъ оберъ-прокурора св. синода, въ апрѣлѣ 1838 года, императоръ Николай I повелѣлъ не только возвратить Яблочинскому монастырю отнятыя у него угодья, но и оставить въ пользованіе его 8.000 злотыхъ польскихъ аренды, назначенной ему въ прежніе годы въ замѣнъ этихъ угодій, съ тѣмъ, чтобы при монастырѣ немедленно учреждено было и содержимо на его счетъ училище для греко-уніатовъ. Это училище было открыто въ томъ же 1838 году и существуетъ до настоящаго времени. Кромѣ того, при епископской каѳедрѣ въ Холмѣ заведена была школа пѣвцовъ или дьяковъ (1833—1840 г.), которыхъ, по окончаніи курса, посылали на приходы въ качествѣ учителей русскаго языка, съ цѣлію остановить ополяченіе крестьянъ. Въ холмскую духовную семинарію правительственная коммиссія назначила преподавателя русскаго языка. Въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ въ 1839 году устроены были царскія врата, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ приступлено было къ устройству иконостасовъ, напримѣръ въ Варшавской базиліанской церкви, въ г. Бѣлѣ и другихъ. [176])

Нѣкоторыя изъ мѣръ русскаго правительства къ очищенію уніатскаго обряда и поднятію русской народности и православія въ краѣ вызвали противодѣйствіе со стороны высшаго уніатскаго духовенства и католиковъ; но при всемъ томъ онѣ имѣли и благодѣтельныя послѣдствія для русскаго дѣла.

Противодѣйствіе холмскаго епархіальнаго начальства обнаружилось съ особенною силою, когда предсѣдатель правительственной коммиссіи предложилъ епископу Шумборскому ввести въ церквахъ Холмской епархіи,

Рака св. Аѳанасія (Филипповича), игумена брестскаго.

по примѣру епархіи Литовской, богослужебныя книги московской печати, или, по крайней мѣрѣ, исправить литургиконъ, наполненный латинскими прибавленіями. Шумборскій передалъ это предложеніе на обсужденіе своего капитула, въ составѣ котораго были лица польскаго происхожденія и латинскаго образованія. священникъ Дунинъ и профессоръ духовной академіи П. Шиманскій. Холмскій капитулъ въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе коммиссіи внутреннихъ дѣлъ доказывалъ, что обряды не есть что-либо неизмѣнное, и что восточные обряды измѣнены уніата-

ми въ видахъ якобы удобства и пользы. По словамъ составителей отвѣта, «нужно было обратить еще бо́льшее вниманіе на простой народъ и такъ привязать его къ уніи, чтобы, оставаясь при нѣкоторыхъ только греческихъ обрядахъ, онъ былъ слитъ съ латинянами и настолько отличенъ отъ неуніатовъ православныхъ, чтобы уже не могли увлечь его къ нимъ никакое сходство обрядовъ и никакія тайныя внушенія». Съ этой точки зрѣнія, холмскимъ капитуломъ осуждались дѣйствія преосвященнаго Іосифа Сѣмашки по очищенію греко-уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній. «Литовскій епископъ Сѣмашко и другіе высшіе духовные,—писалось въ отвѣтѣ,—явно измѣнили постановленію общаго уніатскаго (замостьскаго) собора, предпринявъ возвращеніе къ прежнему положенію уніатскихъ обрядовъ.» Этотъ отвѣтъ разосланъ былъ въ 1836 году Шумборскимъ, при указѣ по всему духовенству Холмской епархіи. Впрочемъ, самъ Шумборскій не былъ ярымъ сторонникомъ латинскихъ нововведеній въ уніатскомъ обрядѣ. Будучи вызванъ въ 1840 году въ С.-Петербургъ, по возвращеніи оттуда, въ 1841 году, онъ обнаружилъ желаніе приступить къ исправленію нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны базиліанъ, особенно же со стороны провинціала холмской базиліанской провинціи Михаила Дубровскаго и секретаря той же провинціи Краевскаго. Вслѣдствіе этого, въ августѣ 1841 года, они были удалены отъ своихъ должностей и посланы на жительство въ Люблинскій монастырь. Наконецъ, 12 августа того же года, Шумборскій издалъ пастырское посланіе, коимъ повелѣвалъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ чинѣ уніатскаго богослуженія. Но на него посыпались жалобы въ Римъ отъ латинянъ и базиліанъ, особенно же отъ Дубровскаго и Краевскаго, успѣвшихъ бѣжать за границу. Папа сдѣлалъ выговоръ и приказалъ Шумборскому отказаться отъ задуманныхъ исправленій,—и Шумборскій счелъ нужнымъ всенародно признать себя предъ своею паствою виновнымъ въ произведенныхъ его прежнимъ распоряженіемъ якобы смущеніи и соблазнѣ. За такое самоотверженіе Шумборскій удостоился отъ папы особенной похвалы, изъявленной въ письмѣ отъ 14 августа, 1844 года. Послѣ этой неудачной попытки спасти унію, епископъ Шумборскій сталъ сквозь пальцы смотрѣть на совращеніе уніатовъ, иногда цѣлыми приходами, въ латинство, на угнетеніе уніатскаго духовен-

ства поляками-помѣщиками, на захваты ими уніатскихъ фундушей и т. п., и крайне запустилъ дѣла своей епархіи. Приходы, особенно малые, онъ не замѣщалъ подолгу и отдавалъ въ завѣдываніе священникамъ другихъ, иногда отдаленныхъ приходовъ, чаще всего людямъ престарѣлымъ и больнымъ, которые были не въ силахъ управиться и со своими прихожанами, какъ напр. было въ Бабицахъ, Горнемъ Потокѣ и Тарногродѣ, такъ что въ нѣкоторыхъ церквахъ богослуженіе не совершалось нѣсколько лѣтъ; самыя церкви приходили въ запустѣніе и даже разваливались. Уніаты по необходимости вынуждены были идти въ костелы, тѣмъ болѣе, что въ уніатскихъ церквахъ полуграмотными священниками, умѣвшими читать славянскую книгу только по переложеніямъ церковно-славянскихъ буквъ на польскія, богослуженіе совершалось крайне неблагообразно и небрежно. Эти пастыри русскаго народа, большею частію шляхетскаго происхожденія и образованія, обращались съ прихожанами какъ съ крѣпостными, обременяя ихъ тяжкими поборами и даже барщиной. Уніатскіе же священники русскаго происхожденія и образа мыслей подвергались крайнему униженію и преслѣдованію отъ латино-поляковъ, считались какъ бы викаріями латинскихъ ксендзовъ и вынуждены были, скрѣпя сердце, смотрѣть на безнаказанное совращеніе своихъ прихожанъ въ латинство, на отягощеніе ихъ такъ называемою десятиною. [177])

Благодѣтельныя послѣдствія правительственныхъ мѣропріятій выразились въ стремленіи сельскаго уніатскаго духовенства и народа къ сверженію съ себя латино-польскаго ига и къ возстановленію своей народности и чистоты славяно-русскаго церковнаго обряда. Стремленіе это особенно развилось подъ вліяніемъ происходившаго тогда въ Литвѣ очищенія русскаго уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній и послѣдовавшаго за тѣмъ возсоединенія литовскихъ уніатовъ съ православною церковію. Въ 1837 году лучшіе и благомыслящіе уніатскіе священники Подляшья, возмущаясь указомъ своего епископа Шумборскаго, отъ 16 декабря 1836 года, и желая пріобщить Холмскую епархію къ тѣмъ благодѣтельнымъ преобразованіямъ въ уніатской церковной жизни, которыя, какъ они слышали, совершены епископомъ Іосифомъ въ Литовской епархіи, обратились къ послѣднему частнымъ письмомъ, въ которомъ изображаютъ положеніе своей епархіи въ слѣдующемъ видѣ: «Отдѣленная, къ несчастію, отъ всякаго

единенія съ Бѣлорусскою митрополіею, Холмская епархія лишена и отеческаго покровительства собственнаго пастыря, который смотритъ сквозь пальцы на совращеніе римлянами греко-уніатскихъ прихожанъ и отторженіе ими уніатскихъ фундушей, такъ что если какой либо священникъ обратится съ жалобой къ своему епархіальному начальству,—или возвращается оттуда безъ всякаго отвѣта, или еще получаетъ выговоръ. Священники, противящіеся совращенію уніатовъ въ латинство, отъ польскихъ помѣщиковъ называются клевретами епископа Сѣмашки.» Въ заключеніе просители, изъ опасенія подвергнуться гоненіямъ отъ польскихъ помѣщиковъ, латинскихъ ксендзовъ и своего латинствующаго епархіальнаго начальства, выражаютъ желаніе, чтобы дѣло это сохранилось въ возможной тайнѣ, и уполномочиваютъ вести переговоры съ преосвященнымъ Іосифомъ по этому предмету настоятеля Кричевскаго прихода, управлявшаго и Непельскимъ приходомъ, священника Іоанна Жиповскаго. Преосвященный Іосифъ Сѣмашко, собравъ предварительно точныя свѣдѣнія о томъ, что содержаніе письма этихъ священниковъ правдиво, вошелъ съ представленіемъ, отъ 3-го октября 1837 года, къ высшему начальству, выставляя ему на видъ важность этого письма и государственную пользу, которая можетъ изъ него произойти, равно и всю опасность, грозящую уніатамъ отъ римлянъ, въ видахъ которыхъ дѣйствовало тогда и само уніатское епархіальное управленіе. На основаніи собранныхъ свѣдѣній, преосвященный Іосифъ высказывалъ предположеніе, что «кромѣ 20 священниковъ, приславшихъ ему указанное письмо, близкихъ къ Литовской епархіи, и дальнѣйшее духовенство потому только не объявляетъ своихъ внутреннихъ чувствъ, что не имѣетъ къ тому средствъ, боясь подвергнуться гоненію со стороны римлянъ и поляковъ». Это были робкія заявленія однихъ только уніатскихъ священниковъ, безъ прихожанъ. Но скоро влеченіе уніатовъ къ возсоединенію съ православною церковію проникло и въ народъ и обнаружилось въ Люблинской губерніи, въ селахъ Люховѣ, Бабицахъ, Горнемъ-Потокѣ, мѣстечкѣ Тарногродѣ и другихъ. Въ 1840—1842 гг. жители этихъ мѣстностей подали варшавскому православному преосвященному прошенія о возсоединеніи ихъ съ православною церковію и получили себѣ возсоединенныхъ священниковъ изъ Литовской епархіи, продолжая платить десятину въ пользу польско-католическихъ ксендзовъ. Въ 1845 году обнаружилось народное движеніе къ

Іоаннъ Василіевичъ
Царь Всея Руссіи

православію и въ селѣ Хмѣлькѣ, Люблинской губерніи. Но дальнѣйшее движеніе въ пользу православія должно было пріостановиться и притихнуть на время, въ виду крестьянскихъ волненій въ сосѣдней Галичинѣ, угрожавшихъ и Привислинскому краю. Въ то время наболѣвшій крестьянскій вопросъ далеко не созрѣлъ еще для окончательнаго рѣшенія, а между тѣмъ крестьяне недружелюбно настроены были по отношенію къ своимъ помѣщикамъ и расположены были считать принятіе православія средствомъ къ освобожденію ихъ отъ власти помѣщиковъ. [178]) Тѣмъ не менѣе народное расположеніе холмскихъ уніатовъ къ православію никогда не замирало, постоянно имѣлось въ виду у русскаго правительства и въ свое время было принято имъ въ соображеніе.

Во всякомъ случаѣ, послѣ польскаго повстанія 1831 года, которое само по себѣ способно было оттолкнуть русское населеніе отъ поляковъ, въ Забужной Руси ясно обозначилось народно-русское движеніе и направленіе между мѣстными уніатами, благодаря, съ одной стороны, мѣрамъ русскаго правительства къ поддержанію русской народности и очищенію русскаго уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній, съ другой—вліянію примѣра литовскихъ уніатовъ, сближавшихся съ православною церковью и наконецъ возсоединившихся съ нею. Но это движеніе встрѣтило ожесточенное противодѣйствіе себѣ въ польско-католикахъ и окатоличенныхъ уніатахъ, которые старались всѣми мѣрами подавить народное движеніе между уніатами въ пользу православія и какъ можно тѣснѣе сблизить унію съ польскимъ католичествомъ и даже совершенно подавить ее. Обѣ эти партіи вступили въ ожесточенную борьбу между собой изъ-за преобладанія и даже существованія. Борьба осложнялась еще приливомъ изъ Галиціи въ Забужную Русь новыхъ силъ на помощь русской народной партіи, которая однако не всегда радушно принимала къ себѣ новыхъ союзниковъ и помощниковъ. Вслѣдствіе такой борьбы и осложненія ея пришлыми галичанами, мѣстныя отношенія въ Холмскомъ краѣ дотого перепутались, что иногда трудно было опредѣлить, кто другъ и кто недругъ русскому дѣлу въ краѣ.

Послѣ смерти епископа Шумборскаго, послѣдовавшей 19 января 1851 года, до послѣдняго польскаго мятежа нареченными уніатскими холмскими епископами были Іоаннъ Терашкевичъ и Іоаннъ Калин-

скій. Первый изъ нихъ отличался слабостію характера и нерѣшительностію своихъ дѣйствій, а второй былъ ярымъ сторонникомъ и поборникомъ польско-католической партіи. Но послѣдствія управленія обоихъ епископовъ были одинаковы: это—усиленіе латинскихъ нововведеній въ уніатскомъ обрядѣ, совращеніе уніатовъ въ латинство и ополяченіе ихъ.

Терашкевичъ былъ человѣкъ ученый, человѣколюбивый и преданный своему обряду и народу. Будучи воспитанникомъ австрійскихъ училищъ, онъ былъ очень расположенъ къ галицкимъ уніатскимъ священникамъ, и при немъ связи Холмскаго края съ сосѣднею Галиціей были довольно живыя. Но на первыхъ же порахъ своего управленія Холмской епархіей Терашкевичъ обнаружилъ слабость и двойственность своего характера и вызвалъ недовольство какъ въ уніатскихъ священникахъ, расположенныхъ къ православію, такъ и въ латино-польской партіи. Въ томъ же 1851 году, въ которомъ Терашкевичъ вступилъ въ управленіе Холмской епархіей, подляшскіе священники, преданные восточному обряду, не ожидая ничего добраго отъ новаго своего епископа въ дѣлѣ очищенія русскаго обряда, снова обратились чрезъ брестскаго благочиннаго протоіерея Соловьевича къ преосвященному литовскому Іосифу съ секретнымъ прошеніемъ, чтобы преосвященный Іосифъ представилъ тогдашнее печальное положеніе уніи въ Польшѣ государю императору, «дабы благоволилъ обдумать способъ присоединить къ православной церкви эту небольшую вѣтвь, отпавшую отъ православія въ Холмской епархіи, еле живую»; но они исключительно возлагали свое дѣло на митрополита Іосифа и не рѣшились его послушаться, когда онъ посовѣтовалъ имъ обратиться со своею просьбою къ ихъ ближайшему начальству въ Варшавѣ. Въ то же время Терашкевичъ одобрилъ къ изданію книгу ректора холмской уніатской семинаріи, протоіерея Іоанна Поцѣя, подъ заглавіемъ «О древнемъ христіанствѣ», напечатанную въ Варшавѣ въ 1852 году, въ которой доказывалось, что нынѣшняя православная церковь заключаетъ въ себѣ все, чѣмъ владѣла христіанская церковь при самомъ началѣ своего существованія и, слѣдовательно, остается истинною церковью. Благодаря стараніямъ польскихъ католиковъ, эта книга попала въ «списокъ запрещенныхъ книгъ» римской конгрегаціи, такъ что Терашкевичъ, подобно своему предшественнику, долженъ былъ въ своемъ

пастырскомъ посланіи также признать свою вину и отречься отъ прежняго одобренія, даннаго книгѣ Поцѣя; но въ Римѣ не хотѣли уже утвердить Терашкевича въ званіи холмскаго епископа. Подъ вліяніемъ ли этой опалы Рима, или же по своей старости и болѣзненности, Терашкевичъ къ концу управленія своего Холмской епархіей совершенно отдался на сторону латино-польской партіи и сдѣлался въ ея рукахъ слѣпымъ орудіемъ къ сліянію уніи съ латинствомъ и истребленію ея. Особенно старался объ устраненіи изъ уніи всѣхъ отличій греческаго обряда настоятель Холмскаго базиліанскаго монастыря Загоровичъ. Онъ вводилъ въ уніатскій обрядъ разныя новизны, какъ-то: пѣніе польскихъ рожанцевъ, коронокъ, годинокъ и проч., устранялъ надлежащій чинъ вечерни, утрени и другихъ богослуженій и внесъ въ Холмскую соборную церковь органъ, вытѣсняя, такимъ образомъ, ненавистное ему «московское» пѣніе и заглушая гуломъ органа славянскія слова возгласовъ и пѣсней. Въ холмской семинаріи, благоустроенной и обезпеченной отъ правительства, церковную исторію намѣренно преподавали въ духѣ латинскомъ; ученіе объ отцахъ церкви вовсе не преподавалось; богослуженіе тоже излагалось въ латинскомъ направленіи; славянскій и русскій языки, допущенные лишь въ качествѣ учебныхъ предметовъ, были въ совершенномъ упадкѣ или, вѣрнѣе, загонѣ; польскій языкъ былъ языкомъ преподаванія, господствовалъ въ разговорѣ. Въ составѣ учениковъ, которыхъ принимали изъ 4-го класса гимназій, было не мало лицъ изъ польскихъ семействъ и изъ воспитанниковъ люблинской латинской семинаріи. По распоряженію правительства, въ 1851 году введено было въ холмской семинаріи преподаваніе греческаго языка и для приготовленія наставниковъ по этому и другимъ предметамъ отправлены были, въ 1852 году, на казенный счетъ два холмскіе семинариста въ московскую духовную академію, а въ 1853 году посланы 4 семинариста въ кіевскую духовную академію. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали сперва въ Галицію, а потомъ въ Римъ, гдѣ и отреклись отъ своей народности, а возвратившимся въ Холмъ не хотѣли давать ни учительскихъ, ни священническихъ мѣстъ, на томъ основаніи, что они наслушались-де схизматическихъ ученій и заражены были якобы духомъ схизмы. Такое зловредное для уніи направленіе холмской семинаріи тотчасъ же было замѣчено однимъ изъ желавшихъ возсоединенія 20 священниковъ, и онъ предостере-

галъ высшее начальство отъ гибельныхъ послѣдствій такой постановки семинаріи и указывалъ тѣ преобразованія, какія желательны были бы здѣсь для пользы уніи, каковыми указаніями дѣйствительно и воспользовались впослѣдствіи. Внѣ семинаріи, въ епархіальной жизни, дѣло доходило до совершеннаго безразличія между костеломъ и церковью. Самъ управляющій епархіей Терашкевичъ открыто совѣтовалъ крестьянамъ, просившимъ себѣ пастыря: «имѣете близко католическій костелъ, можете и въ немъ выполнять свои духовныя обязанности: это все равно». Вслѣдъ за епископомъ и священники, при всякомъ удобномъ случаѣ, торжественно показывали свою близость къ латинству. Такъ, въ Бѣлгораѣ, въ 1859 году, наканунѣ праздника Вознесенія Господня, уніатскій священникъ приказалъ своимъ прихожанамъ, отъ мала до велика, собраться въ костелъ и, по случаю празднованія тогда римлянами «крыжовыхъ дней», совершалъ здѣсь обѣдню и затѣмъ, вмѣстѣ съ латинскимъ ксендзомъ, совершилъ крестный ходъ въ уніатскую церковь, гдѣ служилъ обѣдню латинскій ксендзъ. Сближаясь съ латино-поляками, нѣкоторые уніатскіе священники обнаруживали въ это время крайнюю нетерпимость къ православнымъ. Такъ, одинъ холмскій уніатскій каноникъ, въ проповѣди на день Кунцевича, 16-го сентября, разразился укоризнами противъ схизматиковъ-убійцъ этого мнимаго мученика за то, что они не признаютъ его святымъ мученикомъ. Другой уніатскій каноникъ во Влодавѣ, при освященіи церкви въ Ксенжополѣ, въ присутствіи Терашкевича, въ проповѣди поносилъ возсоединившихся прихожанъ Горнепотокской, Бабицкой и другихъ церквей, называя ихъ отщепенцами и т. п., а одной уніаткѣ, посѣтившей православный храмъ, прямо сказалъ, что ей ходить въ православную церковь запрещается, подъ опасеніемъ лишиться царствія небеснаго. При этомъ же каноникѣ, въ завѣдываемомъ имъ Влодавскомъ приходѣ, совращено было въ латинство 50 душъ уніатовъ въ самомъ городѣ Влодавѣ. Латинскіе ксендзы и монахи безнаказанно отторгали въ латинство цѣлыя уніатскія деревни и даже приходы, особенно въ Радинскомъ, Соколовскомъ и Влодавскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, напримѣръ, приходъ Угрусскій, Влодавскаго уѣзда.

Не довольствуясь медленнымъ и частичнымъ совращеніемъ уніатовъ деревнями и приходами, польско-католики при Терашкевичѣ задумали, такъ сказать, однимъ ударомъ покончить съ уніей и претворить ее

въ католичество. Въ 1859 году латинскій яновскій епископъ на Подляшьи, Веніаминъ Шиманскій, задумалъ устроить миссію на Подляшьи съ тѣмъ, чтобы его миссіонеры-капуцины собирали народъ, совершали крестные ходы, проповѣдывали, принимали на исповѣдь и вписывали въ общество трезвости. При содѣйствіи графини Потоцкой, онъ получилъ изъ Рима отъ папы Пія IX мощи мученика Виктора и предпри-

Чудотворная икона, находящаяся въ церкви Лѣснинской женской православной общины, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

нялъ торжественное перенесеніе этихъ мощей изъ Варшавскаго монастыря капуциновъ въ мѣстечко Яновъ. Торжество это устроено было ближайшимъ образомъ для совращенія уніатскаго населенія Подляшья. О немъ заблаговременно разносили вѣсть по городамъ и селамъ, уніатскимъ и православнымъ, сестрицы разныхъ полумонашескихъ и полумірскихъ общинъ іосафатокъ, терціарокъ, фелиціанокъ и т. д. Для

торжественнаго несенія мощей чрезъ уніатскія мѣстности латино-польскимъ духовенствомъ назначенъ былъ праздникъ Пятидесятницы, 21-го мая. Польская знать присутствовала во всемъ блескѣ; въ церемоніи участвовали ксендзы со всей Варшавы и со всей тогдашней Люблинской губерніи и даже изъ-за Буга. Въ Сѣдльцѣ и другихъ мѣстахъ стоянокъ совершалось торжественное богослуженіе; говорились проповѣди не только въ костелахъ, но на улицахъ, площадяхъ, кладбищахъ, гдѣ только собирались значительныя толпы народа. Уніаты сотнями совращались въ латинство на исповѣди, при чемъ ксендзы брали съ нихъ торжественную присягу, что они не возвратятся болѣе въ унію и пребудутъ истинными католиками. Въ одномъ, напримѣръ, Яновѣ въ первый день миссіи совращено 180 человѣкъ уніатовъ. Многіе уніатскіе священники приносили Шиманскому жалобы по поводу многочисленныхъ совращеній уніатовъ въ латинство; но на эти жалобы Шиманскій отвѣтилъ, въ 1862 году, окружнымъ посланіемъ ко всему латинскому духовенству Подляшья, убѣждая его жить въ мирѣ съ уніатскими священниками и въ то же время лукаво указывая якобы законные способы совращеній уніатовъ въ латинство. Рѣшительнѣе поступилъ уніатскій священникъ села Кричева Іоаннъ Жиповскій, завѣдывавшій и Пратулинскимъ приходомъ. Онъ не хотѣлъ исполнить распоряженія епископа Веніамина о томъ, чтобы пріостановлены были въ уніатскихъ церквахъ службы церковныя въ день перенесенія мощей Виктора, убѣдилъ прихожанъ присутствовать въ день Троицы при богослуженіи своего храмоваго праздника, а не ходить на встрѣчу мощей мученика Виктора, и объявилъ имъ, что и подлинная исторія мученика Виктора, пострадавшаго въ III вѣкѣ въ Галліи, вовсе несогласна съ вымышленнымъ капуцинами сказаніемъ о мнимыхъ мощахъ подляшскаго Виктора. Обвиненный епископомъ Веніаминомъ въ хулѣ на латинскую святыню и потребованный на судъ Терашкевича, отецъ Жиповскій не только оправдалъ себя, но и пытался письменно доказать самому Шиманскому неподлинность мощей мученика Виктора. Вмѣстѣ съ тѣмъ священникъ Жиповскій сообщилъ учителю Егорову свою записку о возвращеніи холмскихъ уніатовъ въ нѣдра православной церкви посредствомъ временнаго подчиненія Холмской уніатской епархіи, по смерти Терашкевича, православному варшавскому архіепископу Арсенію. Замѣчательно въ этой запискѣ то, что священникъ Жиповскій указы-

валъ здѣсь на буллы и постановленія папъ, воспрещающія латинскому духовенству совращать уніатовъ въ латинство, и совѣтовалъ, во что бы то ни стало, позаботиться о возвратѣ совращенныхъ съ 1840 года въ латинство уніатовъ къ уніи и отнять у помѣщиковъ право назначать въ своихъ имѣніяхъ уніатскихъ священниковъ въ настоятели, т. е. предлагалъ то самое, что въ скоромъ времени дѣйствительно осуществлено было въ преобразованіяхъ князя Черкаскаго. [179])

Терашкевичъ умеръ 1 марта 1861 года передъ началомъ послѣдняго польскаго мятежа. Воспользовавшись его смертію, благонамѣренное уніатское духовенство, увлекшееся русскимъ народнымъ движеніемъ, происходившимъ тогда въ Галиціи, въ 1863 году представило мѣстному правительству въ Варшавѣ записку, въ которой предлагались слѣдующія мѣры къ сохраненію уніи въ Холмскомъ краѣ отъ неминуемой гибели: 1) на осиротѣлую нынѣ епископскую каѳедру возвести какого либо благонамѣреннаго духовнаго галичанина, отличающагося умомъ и нравственностію; 2) въ епархіальную духовную семинарію назначить на должности учителей такихъ благонамѣренныхъ лицъ, которыя бы были стойки въ своей народности и способны преподавать предписанные предметы не въ духѣ латинскаго изувѣрства, не имѣющихъ же этихъ необходимыхъ качествъ удалять, приглашая способнѣйшихъ для этой цѣли изъ галицкой Руси; 3) непремѣнно удержать греко-уніатское отдѣленіе въ правительственной коммиссіи, начальникомъ отдѣленія сдѣлать русина греко-уніатскаго обряда, который, уважая свою народность и церковь, по совѣсти выполнялъ бы все, касающееся блага епархіи; ассессоромъ же избрать одного изъ лучшихъ греко-уніатскихъ священниковъ; 4) способнѣйшихъ семинаристовъ отправлять не въ варшавскую академію, а во львовскую, дабы они могли прежде всего узнать свою народность и возлюбить свой обрядъ; 5) улучшить греко-уніатскіе приходы по возможности такъ, чтобы на каждомъ изъ нихъ могъ жить священникъ, ибо, по недостатку надлежащаго содержанія, иные священники управляли двумя и тремя приходами; отсюда происходитъ то, что народъ, по наущенію пановъ и ксендзовъ, переходитъ въ латинство; 6) построить новыя церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были прежде греко-уніатскія церкви, но потомъ уничтожены вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а прихожане перешли въ латинство, какъ напр. въ Красноставѣ, Тарногурѣ, Орловѣ, Ленчнѣ и другихъ, а такимъ обра-

зомъ можно было бы опять пріобрѣсти тѣхъ, которые нынѣ для уніи потеряны; 7) строго запретить латинскимъ ксендзамъ принимать въ въ свой обрядъ русскихъ уніатовъ, примѣняя къ нимъ тѣ же самыя наказанія, какія опредѣлены склоняющимъ православныхъ христіанъ къ переходу въ другія вѣроисповѣданія; 8) запретить собирать милостыню по русскимъ приходамъ нищенствующимъ монахамъ, какъ-то реформаторамъ, бернардинамъ, капуцинамъ и др.; ибо они привлекаютъ народъ на свои отпусты и въ это время совращаютъ въ латинство; 9) вездѣ въ уніатскихъ приходахъ учреждать сельскія школы, а къ преподаваемымъ въ нихъ предметамъ присоединить исторію Руси; 10) запретить помѣщикамъ учреждать польскія школы подъ надзоромъ фелиціанокъ, ибо онѣ вредятъ русской народности; 11) ни подъ какимъ видомъ не допускать строить по русскимъ селамъ латинскія часовни, ибо служащіе при нихъ латинскіе монахи препятствуютъ уніатскимъ священникамъ возвращать къ уніи народъ; 12) уѣзднымъ училищамъ въ Грубешовѣ, Бѣлѣ и другимъ въ Холмской Руси дать народный характеръ, въ родѣ галицкихъ учебныхъ заведеній, въ Холмѣ же учредить русскую гимназію; 13) въ одномъ изъ городовъ Холмской епархіи учредить училище для священническихъ дочерей; ибо онѣ, обучаясь нынѣ въ польскихъ заведеніяхъ, перемѣняютъ иногда обрядъ и утрачиваютъ народность; 14) всѣ штатскія должности въ предѣлахъ Холмской епархіи слѣдовало бы замѣстить русскими чиновниками, которыхъ легко найти между священническими сыновьями, кои, получивъ эти должности, отличались бы вѣрностію русской власти и народности. Изъ самой записки видно, что она подана была въ то время, когда Холмская епископская каѳедра считалась еще «осиротѣлою». Но польско-католики поспѣшили предупредить эту записку и замѣстить Холмскую епископскую каѳедру своимъ приверженцемъ. Кандидатомъ на холмское епископство былъ выставленъ польскою знатью преданный латинянамъ уніатскій священникъ мѣстечка Константинова, принадлежавшаго графинѣ Александровичъ, Іоаннъ Калинскій. Стремясь къ общему и полному сліянію уніатства съ латинствомъ, графиня Александровичъ, при содѣйствіи своего родственника, архіепископа познанскаго Ледоховскаго, достигла того, что Калинскій, еще до смерти Терашкевича будучи представленъ маркизомъ Велепольскимъ римскому престолу на утвержденіе въ званіи викарія Холмской епархіи, съ правомъ наслѣдія, утвержденъ былъ папою въ этомъ

званіи 16 марта въ тайной консисторіи. Хотя Калинскій не былъ правительственнымъ кандидатомъ, тѣмъ не менѣе русское правительство, 21 мая 1863 г., признало его въ званіи белзскаго епископа и викарія Холмской епархіи, а 4 августа того же года онъ принялъ титулъ холмскаго епископа и сталъ управлять своею епархіей. [180])

Польскія привязанности Калинскаго обнаружились уже тогда, когда онъ еще не былъ нареченнымъ епископомъ. Такъ, когда изданъ былъ извѣстный указъ 19 февраля 1861 года объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ имперіи, Калинскій не хотѣлъ-было служить молебствія по этому случаю, отказавшись отъ того наотрѣзъ подъ предлогомъ нездоровья, а въ 1862 году, предъ самымъ польскимъ повстаніемъ, вступилъ въ мятежническое сообщество. Первыми дѣйствіями своими по епархіальному управленію онъ обнаружилъ самоуправство и полное пренебреженіе къ правительственнымъ распоряженіямъ, ограждавшимъ уніатовъ отъ латинянъ, выражалъ при каждомъ случаѣ вражду къ остаткамъ восточнаго обряда и русской народности, особенно же къ лицамъ своего управленія, заподозрѣннымъ въ сочувствіи къ русской народности и къ восточному обряду, пытался уничтожить празднованіе трехъ великихъ святителей восточной церкви и усилилъ чествованіе Іосафата Кунцевича; показывалъ полное презрѣніе къ школѣ дьяковъ и выгналъ ихъ вонъ съ ругательствами, когда они пришли къ нему въ свѣтлый праздникъ пропѣть по русскому церковному обычаю «Христосъ воскресе»; удалилъ изъ холмской семинаріи наставниковъ, приверженныхъ къ восточной церкви и къ Россіи, каковыми были воспитанники духовныхъ академій имперіи; отрѣшилъ самовольно отъ должности соборнаго протоіерея Іосифа Войцицкаго, искавшаго вмѣстѣ съ другими помощи правительства для защиты уніатовъ отъ поляковъ; управляющимъ холмскою консисторіею назначилъ преданнаго польщизнѣ протоіерея Смоленца и вообще стремился къ уничтоженію всѣхъ разностей, отличавшихъ еще уніатовъ отъ латинянъ. Такія дѣйствія Калинскаго возбуждали сильное негодованіе не только между мѣстнымъ уніатскимъ духовенствомъ, особенно южной части Холмскаго края, но даже между уніатами Галиціи. Мало того, Калинскій принималъ участіе и въ самомъ мятежѣ, принималъ въ своемъ домѣ повстанцевъ, разрѣшилъ одному изъ ихъ ксендзовъ священнодѣйствовать въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ, наложилъ на уніатскія

церкви «костельную жалобу» для содѣйствія успѣхамъ мятежническихъ замысловъ среди уніатскаго населенія. Кромѣ того, какъ открылось уже впослѣдствіи, Калинскій оказался виновнымъ въ передачѣ мятежникамъ разныхъ суммъ, принадлежавшихъ холмскимъ епархіальнымъ учрежденіямъ, между прочимъ, и тѣхъ денегъ, которыя предназначены были для обезпеченія священническихъ вдовъ и сиротъ. Двое изъ его сыновей сражались въ рядахъ повстанцевъ, а дочери принимали ревностное участіе во всѣхъ тогдашнихъ польскихъ выходкахъ противъ Россіи и католическихъ процессіяхъ. [181])

ПЕТРЪ I.

Глава седьмая.

Мѣры къ очищенію русскаго уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній. Возсоединеніе холмскихъ уніатовъ съ православною церковію въ 1875 году. Заключеніе.

Преобразованіе царства Польскаго послѣ польскаго мятежа 1863 года; Н. А. Милютинъ и князь В. А. Черкаскій; упорство Калинскаго и удаленіе его; управляющій епархіей протоіерей Войцицкій; посланія консисторіи и смуты на Подляшьи.—Епископъ Михаилъ Куземскій, его дѣятельность и отставка.—Управляющій епархіей протоіерей Попель; болгаро-уніатскій архіепископъ Іосифъ; очищеніе уніатскаго обряда, новыя смуты на Подляшьи и папское посланіе противъ Попеля.—Отвѣтъ государя императора уніатской депутаціи въ Варшавѣ.—Возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію.—Высочайшая аудіенція, данная холмской депутаціи въ 1875 году.—Заключеніе.

Послѣ возстановленія порядка въ бывшемъ царствѣ Польскомъ, русское правительство рѣшилось перестроить царство не только въ выгодахъ мѣстнаго населенія, но и для пользы Русскаго государства и русскаго народа.

Освобожденіе крестьянъ отъ повинностей къ помѣщикамъ положило предѣлъ шляхетскому владычеству и вызвало къ гражданской жизни самую здоровую часть населенія царства; преобразованіе учебной части освободило школу отъ исключительно шляхетскихъ и католическихъ воздѣйствій на нее; переустройствомъ духовной части и монастырскимъ преобразованіемъ обуздано римско-католическое и въ особенности монашеское духовенство въ его противо-государственныхъ стремленіяхъ. Все гражданское управленіе царства переустроивалось: оно теряло мало по малу свою самостоятельность и сливалось съ общимъ управленіемъ имперіи. Входили въ силу рускій законъ и русская власть.

Главными дѣятелями и первыми проводниками преобразованій въ

царствѣ Польскомъ были попреимуществу статсъ-секретарь по дѣламъ царства Польскаго Н. А. Милютинъ и членъ учредительнаго комитета, а потомъ съ 1864 года главный директоръ правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, князь В. А. Черкаскій. Уніатскія дѣла завѣдывались особымъ управленіемъ при правительственной коммиссіи. Еще до вступленія своего въ управленіе духовными дѣлами въ царствѣ, князь В. А. Черкаскій, въ виду предстоящаго назначенія своего, тщательно изучалъ и уяснялъ себѣ, совмѣстно съ Н. А. Милютинымъ, все относящееся къ духовнымъ дѣламъ царства и намѣчалъ предстоявшія ему по симъ дѣламъ задачи. Одна существеннѣйшая часть ихъ напечатана была въ 1864 году подъ названіемъ «Предположенія и матеріалы по устройству духовной части въ царствѣ Польскомъ», гдѣ помѣщены были: историческія изслѣдованія каждаго изъ данныхъ вопросовъ, подробныя числовыя свѣдѣнія о духовенствѣ латинскаго и уніатскаго исповѣданій, послѣдовательный рядъ правительственныхъ распоряженій по духовной части, папскія буллы и рѣшенія, соображенія и предположенія Н. А. Милютина и наконецъ постановленія правительства, направившія духовныя дѣла въ царствѣ на новый преобразовательный путь. Кромѣ сего, чтобы не опустить изъ виду ни одного малѣйшаго даже обстоятельства и условія мѣстной жизни, касавшихся духовнаго, въ особенности же уніатскаго дѣла, князь приглашалъ каждаго, болѣе или менѣе знакомаго съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, сообщить ему нужныя свѣдѣнія или изложить свою мысль, и на этотъ зовъ откликнулись весьма многія лица. Особенное вниманіе онъ обращалъ на тѣхъ лицъ изъ уніатскаго духовенства, которыя принадлежали къ русской народной партіи и въ различное время противодѣйствовали сближенію уніи съ латинствомъ, а слѣдовательно способны были понять и оцѣнить намѣренія правительства относительно уніатовъ и расположены содѣйствовать этимъ намѣреніямъ. Такъ, онъ останавливался на тѣхъ немногихъ уніатскихъ священникахъ, которые, въ виду гибели, угрожавшей во время мятежа греко-уніатской церкви и русской народности, умоляли въ 1863 году намѣстника царства о защитѣ греко-уніатскаго исповѣданія и русской народности уніатовъ; обращалъ вниманіе на кружокъ холмскихъ священниковъ, увлекшихся народнымъ движеніемъ въ Галиціи; не оставлялъ безъ вниманія тѣхъ лицъ, которыя

жаловались на враждебныя уніи дѣйствія подляшскаго католическаго епископа Веніамина Шиманскаго; наводилъ справки объ оставшихся въ живыхъ составителяхъ заявленія, поданнаго литовскому преосвященному Іосифу Сѣмашкѣ о желаніи ихъ раздѣлить судьбу литовскихъ братьевъ; покровительствовалъ дѣтямъ протоіерея Поцѣя, ратовавшаго, въ 1850-хъ годахъ, за древнюю славу и красоту восточной церкви; привлекъ къ себѣ бывшихъ воспитанниковъ московской и кіевской духовныхъ академій и т. п. Такимъ образомъ, князь Черкаскій въ своей дѣятельности являлся защитникомъ и покровителемъ той наибольшей части холмскихъ уніатовъ, которая расположена была къ русскому правительству и сохраняла черты русской народности, но была загнана и затерта польско-католическою партіей. Есть даже основаніе полагать, что князь Черкаскій и его сотрудники въ своихъ преобразованіяхъ воспользовались тѣми указаніями и свѣдѣніями о положеніи уніатовъ въ царствѣ Польскомъ, какія въ разное время доставлены были въ правительственную коммиссію благонамѣренными уніатскими священниками, напримѣръ о возвращеніи уніатовъ, совращенныхъ въ латинство съ 1840 года, о мѣрахъ противъ латинскаго подляшскаго епископа Шиманскаго, о преобразованіи холмской уніатской семинаріи, о русскихъ школахъ и проч.[182])

Первыми законодательными дѣйствіями по уніатскому дѣлу, основанными на предварительныхъ работахъ Н. А. Милютина и князя Черкаскаго, были: 1) высочайшія повелѣнія 11 и 17 іюля о назначеніи въ составъ управленія духовными и въ частности уніатскими дѣлами лицъ русскаго происхожденія; 2) высочайшій указъ 14 іюня 1864 года объ отмѣнѣ ктиторства польскихъ помѣщиковъ надъ уніатскими церквами, съ перенесеніемъ права ктиторства на управленіе дѣлами греко-уніатскаго исповѣданія, съ возложеніемъ на прихожанъ обязанности выбирать церковнаго старосту и правомъ учреждать церковно - приходскія попечительства и братства, и 3) повелѣніе намѣстника отъ 28 ноября 1864 года объ упраздненіи четырехъ греко-уніатскихъ монастырей, именно Холмскаго, Люблинскаго, Замостьскаго и Бѣльскаго, на точномъ основаніи папскихъ буллъ, повелѣвающихъ упразднять базиліанскіе монастыри, если въ нихъ содержится менѣе восьми и въ крайнихъ случаяхъ менѣе пяти монаховъ, тогда какъ къ 1864 году во всѣхъ пяти базиліанскихъ монастыряхъ царства Польскаго было

только 12 монаховъ. Изъ упраздненныхъ монастырей братія переведена была въ Варшавскій базиліанскій монастырь, съ подчиненіемъ его холмскому епархіальному начальству, вмѣсто провинціала, должность котораго была тоже упразднена. Монастырскія церкви обращены въ приходскія; храмъ Холмскаго монастыря остался соборнымъ храмомъ. Доходы съ недвижимыхъ имуществъ уніатскихъ монастырей, за отчисленіемъ суммы, необходимой на содержаніе Варшавскаго базиліанскаго монастыря, предназначены на улучшеніе быта бѣлаго духовенства, и и капиталы этихъ монастырей употреблены на отстройку пришедшихъ въ ветхость греко-уніатскихъ церквей. Въ помонастырской церкви въ г. Бѣлѣ устраненъ изъ-за престола образъ Іосафата Кунцевича, написанный въ разгаръ мятежа польскимъ художникомъ Зимлеромъ, и отосланъ въ московскій румянцевскій музей, а къ останкамъ Іосафата приставленъ, вмѣсто монаха, священникъ, свободный отъ изувѣрства. Заботамъ князя Черкаскаго надобно приписать и все то, что учредительный комитетъ и правительственная коммиссія народнаго просвѣщенія сдѣлали въ пользу греко-уніатскихъ учебныхъ заведеній. Условившись съ главнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія Ѳ. Ѳ. Витте въ единствѣ дѣйствій, князь Черкаскій вдохновлялъ учебное вѣдомство и направлялъ его на истинно-русскій путь. Въ иныхъ случаяхъ онъ непосредственно и руководилъ этимъ вѣдомствомъ. Такъ, устройство русскихъ гимназій для греко-уніатовъ и женскаго шестиклассного училища въ Холмѣ исключительно обязано почину князя Черкаскаго. [183])

Проводя такимъ образомъ въ жизнь и дѣйствіе основы греко-уніатскаго дѣла, князь Черкаскій въ то же время не опускалъ изъ виду нареченнаго епископа холмскаго Калинскаго и епархіальнаго управленія вообще и старался подчинить ихъ закону и направить на надлежащій путь. Рядъ мѣръ этого рода начался защитою протоіерея Іосифа Войцицкаго, который, рѣшеніемъ намѣстника 9 августа 1864 года, возстановленъ въ званіи протоіерея и профессора семинаріи. Лица, назначенныя незаконно Калинскимъ на должности, занимаемыя Войцицкимъ, устранены; возвращены на свои мѣста воспитанники духовныхъ академій имперіи. На Калинскаго возложена обязанность удовлетворить слѣдственныя издержки по настоящему дѣлу и внушено ему строго придерживаться закона и наблюдать за точнымъ его исполненіемъ. Въ то же время назначено было слѣдствіе о похищеніи мятежниками въ

Холмѣ епархіальныхъ суммъ. Калинскій, совокупно съ протоіереемъ Смоленцемъ, обвиненъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ дѣятелями мятежа, въ сочувствіи и въ скрытномъ содѣйствіи мятежу и долженъ былъ подлежать отвѣтственности; но правительство не спѣшило съ окончательнымъ устраненіемъ его отъ управленія епархіею, особенно потому, что ни въ средѣ мѣстнаго греко-уніатскаго духовенства, ни за границею еще не отыскалось соотвѣтственное лицо на холмское епископство. Поэтому пріостановленъ былъ ходъ тѣхъ дѣлъ, за которыя Калинскій, какъ виновное лицо, подлежалъ отвѣтственности, но дано понять ему, что снисходительность къ нему правительства допускается единственно въ надеждѣ на его исправленіе. Дано было понять нареченному епископу и то, что столь желанное имъ посвященіе въ епископа отлагается потому, что онъ не только не показалъ заботливости о нуждахъ своей паствы, а напротивъ извѣстенъ правительству лишь враждебными своему исповѣданію и народности дѣйствіями. Но Калинскій оказался неисправимымъ. Правда, по настоянію князя Черкаскаго, онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ представленій о введеніи въ епархію новаго строя и порядка, какъ напримѣръ о защитѣ греко-уніатской церкви въ царствѣ отъ посягательства латинянъ, о подтвержденіи всѣхъ буллъ и постановленій папскаго престола, касающихся преимуществъ греко-уніатской церкви, о разрѣшеніи перевода въ бѣлое духовенство базиліанскихъ монаховъ упраздненныхъ монастырей, объ усиленіи въ холмской греко-уніатской семинаріи преподаванія языковъ славянскаго и русскаго, о разрѣшеніи на отправленіе нѣсколькихъ воспитанниковъ холмской семинаріи въ львовскую и кіевскую духовныя академіи и о вызовѣ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ изъ Галиціи для занятія мѣстъ въ Холмской епархіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Калинскій велъ тайныя интриги противъ князя Черкаскаго въ дѣлѣ приглашенія уніатскихъ священниковъ изъ Галиціи и ставилъ разныя преграды распоряженіямъ его о замѣнѣ польскаго языка въ церковной проповѣди мѣстнымъ русскимъ нарѣчіемъ и наконецъ окончательно отказался приступить къ очищенію восточнаго обряда отъ латинопольскихъ искаженій. Впослѣдствіи открылось, что онъ тайкомъ разсылалъ своимъ клевретамъ письма и предостереженія, будто правительство рѣшительно приступаетъ къ уничтоженію уніи, и убѣждалъ всѣхъ быть готовыми къ борьбѣ, не производить никакихъ перемѣнъ въ

церквахъ и не принимать никакихъ правительственныхъ распоряженій въ этомъ отношеніи. Поэтому дальнѣйшія объясненія съ Калинскимъ были признаны безполезными, и созрѣло намѣреніе удалить его изъ Холмской епархіи. Ожидалось только, чтобы важнѣйшія изъ текущихъ дѣлъ по уніатскому управленію были окончены; ибо желательно было, чтобы новое епархіальное управленіе нашло ихъ готовыми, утвержденными свыше и неоспоримо обязательными для себя. На очереди же стояли слѣдующія важныя дѣла: о возобновленіи уніатскихъ церквей, о воспрещеніи перехода уніатовъ въ латинство и объ устройствѣ греко-уніатскаго духовенства. Работы по церковно - строительному дѣлу окончены были къ 28 августа 1865 года. Учреждено къ этому времени особое управленіе работами по постройкѣ и починкѣ греко-уніатскихъ церквей, состоящее изъ пяти лицъ, и издано для него въ руководство подробное наставленіе. Возстановленіе греко-уніатскихъ церквей имѣло быть произведено въ кратчайшій, по возможности, срокъ и въ крайнемъ случаѣ не болѣе, какъ въ теченіи пяти лѣтъ. На этотъ предметъ, независимо отъ суммы, ежегодно отпускаемой въ количествѣ 21.550 руб. по росписи на возстановленіе обветшавшихъ греко-уніатскихъ церквей, обращены капиталы упраздненныхъ базиліанскихъ монастырей и, сверхъ того, разрѣшенъ главному директору внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ отпускъ 250.000 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположена постепенная постройка православныхъ церквей въ краѣ. Плодомъ трудовъ князя Черкаскаго по вопросу о совращеніяхъ уніатовъ въ латинство былъ послѣдовавшій 11 мая 1866 года отъ имени намѣстника въ царствѣ Польскомъ указъ ко всѣмъ уніатамъ и римско-католическимъ властямъ, равно и ко всѣмъ гражданскимъ и полицейскимъ начальствамъ, который имѣлъ въ виду обуздать посягательства католическихъ ксендзовъ на уніатскую церковь опредѣленіемъ умѣренныхъ, но неизбѣжныхъ взысканій за всякое съ ихъ стороны участіе въ совращеніяхъ уніатовъ въ латинство. Въ скоромъ времени князь Черкаскій, видя, что подляшскій католическій епископъ Шиманскій не переставалъ вторгаться въ дѣла уніатовъ, сталъ усиленно настаивать на закрытіи Подляшской каѳедры и на удаленіи Шиманскаго не только изъ предѣловъ Холмской епархіи, но и вовсе отъ епархіальныхъ дѣлъ, что̀ и было исполнено уже послѣ князя Черкаскаго. 18 іюня 1866 года послѣдовалъ указъ, утверждавшій предположеніе учредительнаго ко-

Яблочинскій Онуфріевскій монастырь, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

митета объ устройствѣ бѣлаго греко-уніатскаго духовенства и штаты, обезпечивавшіе его существованіе. Вся епархія раздѣлена была на 12 благочиній; благочинные должны были выбираться каждые три года собраніемъ настоятелей приходовъ, приписанныхъ къ каждому благочинію, и утверждаться въ должности правительственною коммиссіей внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Настоятели приходовъ получали жалованья отъ 300 до 500 рублей и, кромѣ того, пользовались попрежнему церковными землями и сервитутами, платою за составленіе и выдачу документовъ гражданскаго состоянія, а также частью платы, взимаемой по росписи за исполненіе духовныхъ требъ. Благочинные получали добавочный окладъ въ 150 рублей; священники, достигшіе 60 лѣтъ, получали 100 руб. прибавки къ жалованью. Назначены были особыя суммы на содержаніе Холмскаго каѳедральнаго собора съ причтомъ, епархіальную семинарію, школу дьячковъ или пѣвчихъ, личный составъ консисторіи, содержаніе холмскаго епископа и его дома, викарнаго епископа и на постройку и починку церквей.

Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ приводились въ исполненіе уже по выходѣ князя Черкаскаго въ отставку, подъ главнымъ руководствомъ и высшимъ наблюденіемъ графа Дмитрія Андреевича Толстаго, который, въ званіи министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ оберъ-прокурора св. синода (1865—1880 г.), сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ высшее завѣдываніе дѣлами бывшихъ греко-уніатовъ Холмской Руси и постепенно подготовлялъ ее къ религіозно-нравственному возрожденію и полному возсоединенію съ остальными частями православной Руси.

По приведеніи въ исполненіе указанныхъ мѣръ, установляющихъ новый порядокъ вещей въ Холмской епархіи, преступный нареченный епископъ Калинскій удаленъ былъ изъ Холма 11 сентября 1866 года и отправленъ на жительство въ Вятку, при чемъ ему назначено было ежегодное содержаніе въ 1500 р., а дочерямъ его дано было единовременное денежное пособіе. Управленіе Холмской епархіей, по сношеніи съ преосвященными Іосифомъ Сѣмашко, Антоніемъ Зубко и Іоанникіемъ варшавскимъ, поручено было, примѣнительно къ именному указу императрицы Екатерины II-й отъ 2 іюля 1780 года, духовной консисторіи, предсѣдателемъ которой, съ правами управляющаго епархіей, назначенъ былъ соборный протоіерей Іосифъ Войцицкій, потерпѣвшій гоненіе

отъ Калинскаго. Сдѣланы были также нѣкоторыя перемѣны и въ личномъ составѣ консисторіи. [184])

11 сентября 1866 года холмская консисторія посланіемъ своимъ увѣдомила мѣстное духовенство объ удаленіи Калинскаго изъ Холма и о своемъ вступленіи въ управленіе епархіей и вмѣстѣ съ тѣмъ объявила, что ея дѣломъ будетъ поставить епархію на путь истинный, прямой, свойственный членамъ греко-уніатской церкви, сынамъ русскаго народа и вѣрноподаннымъ всемилостивѣйшаго государя. Она начала перестройку Холмской епархіи съ холмской семинаріи, введя въ исправленіе должности ректора семинаріи галицкаго священника Ипполита Криницкаго. Между тѣмъ внѣ Холма, въ Сѣдлецкой губерніи, на такъ называемомъ Подляшьи, замышлялось сторонниками Калинскаго противодѣйствіе новому епархіальному управленію. Здѣсь латино-польскія воздѣйствія на уніатовъ не потеряли еще всей своей силы; здѣсь же проживала многочисленная родня Калинскаго. Пять дочерей Калинскаго, извѣстныя своимъ польскимъ изувѣрствомъ и бойкостью, разъѣзжая по губерніи, поселяли въ духовенствѣ недовольство и вражду къ протоіерею Войцицкому и побуждали своихъ приверженцевъ къ открытому противодѣйствію новой епархіальной власти. Въ октябрѣ 1866 года устроены были тайные съѣзды духовенства, на которыхъ постановлено было признать новое управленіе епархіею незаконнымъ, и въ этомъ смыслѣ составлены были отъ благочиній заявленія на имя намѣстника. Произведенное по этому дѣлу слѣдствіе обнаружило главныхъ зачинщиковъ, которые временно были удалены отъ приходовъ. Изъ 53 священниковъ, подписавшихъ заявленія, весьма немногіе дѣйствовали самостоятельно; большая часть ихъ принуждена была къ тому другими, или увлечена ложными слухами. Почти всѣ, участвовавшіе въ составленіи заявленій, дали подписку въ томъ, что они признаютъ власть консисторіи и обязываются повиноваться ей. Волненіе духовенства на Подляшьи отозвалось и въ холмской семинаріи; дѣти волновавшихся отцевъ, семинаристы, дерзко заявили своему ректору, что они не признаютъ его своимъ начальникомъ, какъ человѣка, по ихъ словамъ, пришлаго и неизвѣстнаго и нарушающаго уніатскіе церковные обряды. Затѣя эта быстро устранена прибывшимъ въ Холмъ управляющимъ греко-уніатскими дѣлами. Семинаристы покаялись. Къ нимъ приставленъ былъ, въ помощь ректору Криницкому, опытный руководитель,

галицкій священникъ Лавровскій, въ качествѣ помощника ректора. Вскорѣ самъ князь Черкаскій явился въ Холмъ присмотрѣться лично къ своему дѣлу на мѣстѣ. Послѣ этого почувствовалъ себя крѣпче и бодрѣе на своемъ мѣстѣ и предсѣдатель консисторіи протоіерей Войцицкій; число сотрудниковъ его по консисторіи и по епархіи увеличивалось лицами, прибывающими изъ Галиціи. [185])

Полгода спустя послѣ своего вступленія въ управленіе епархіей, холмская консисторія обнародовала, 11 марта 1867 г., второе посланіе къ своему духовенству, предложивъ ему, па основаніи папскихъ буллъ, строго руководствоваться порядкомъ службы, опредѣленнымъ уставами восточной церкви, устранить изъ церковнаго употребленія латино-польскія нововведенія, какъ-то годзинки, рожанцы, шкаплежи, коленды, органы и т. п., и употреблять въ церковныхъ проповѣдяхъ мѣстный русскій языкъ вмѣсто польскаго. Къ сожалѣнію, къ этому времени князь Черкаскій уже оставилъ свою должность въ царствѣ Польскомъ, не смотря на то, что это было нежелательно для государя императора, и появились обычные въ такихъ случаяхъ злонамѣренные слухи и толки о перемѣнѣ намѣреній русскаго правительства относительно холмскихъ уніатовъ. Все это невыгодно отразилось и на судьбѣ втораго посланія холмской консисторіи. Впрочемъ, въ Люблинской губерніи посланіе это было встрѣчено большинствомъ духовенства весьма сочувственно; остальная часть подчинилась ему безъ особыхъ затрудненій. Приняла его и значительная часть подляшскихъ священниковъ и въ разныхъ приходахъ Подляшья послышались русская проповѣдь и богослуженіе съ прекращеніемъ игры на органахъ. Но нѣкоторые изъ священниковъ не хотѣли даже расписаться въ полученіи окружнаго посланія и возвратили его благочиннымъ, прямо или косвенно заявляя, что они не признаютъ власть консисторіи законною, такъ какъ она не утверждена папой. Другіе, болѣе осторожные, ограничились тѣмъ, что перестали вовсе говорить проповѣди, или, сказавъ одну-другую русскую проповѣдь, умолкли; нѣкоторые же, произнося проповѣди порусски, допускали органы и польскія пѣсни, или же, прекративъ пѣніе польскихъ пѣсенъ, произносили проповѣди на польскомъ языкѣ. Когда намѣстникъ издалъ указъ 11-го мая 1867 года, относительно совращенныхъ изъ уніи въ латинство, то и этотъ указъ подвергся той же участи, т. е. не былъ принятъ нѣкоторыми священниками. Между тѣмъ духовенство, подчи-

Екатерина

нившееся требованіямъ консисторіи, стало заявлять мѣстнымъ властямъ, что нѣкоторые изъ священниковъ возбуждаютъ народъ противъ исполняющихъ консисторскія приказанія. Священники, принявшіе окружное посланіе консисторіи, стали говорить, что «боятся народа»; народъ твердилъ, что ломаютъ его вѣру и вводятъ православіе.. Холмская консисторія поспѣшила обратиться съ новыми увѣщаніями къ подляшскому духовенству посредствомъ окружныхъ посланій отъ 24 іюня и 14 іюля, настаивая на исполненіи своихъ предписаній и угрожая, что «неповинующіеся будутъ подвергаемы взысканіямъ, наказываемы и, по обстоятельствамъ, отрѣшаемы отъ приходовъ, а ихъ мѣста отдадутся достойнѣйшимъ дѣлателямъ вертограда Христова». Съ своей стороны, сѣдлецкій губернаторъ, желая поддержать власть консисторіи, пригласилъ къ себѣ всѣхъ благочинныхъ и уѣздныхъ начальниковъ Подляшья для совѣщанія, причемъ постановлено было назначить срокъ, именно 23 іюля, послѣ котораго неповинующіеся священники должны быть представлены къ удаленію отъ своихъ приходовъ и на мѣста ихъ вызваны галицкіе священники. Но враждебная партія избрала тотъ же самый день—23 іюля—для возбужденія народныхъ волненій, которыя и обнаружились въ 30 приходахъ. Волненія эти произошли большею частію въ такихъ приходахъ, священники которыхъ постоянно отличались противодѣйствіемъ посланіямъ консисторіи и распоряженіямъ мѣстныхъ властей. О нѣкоторыхъ священникахъ сами прихожане потомъ говорили: «онъ—главный виновникъ всѣхъ безпорядковъ; мы навѣрное не стояли бы за органы и рожанцы, если бы знали, что останемся уніатами.» Слѣдствіемъ, произведеннымъ во время самыхъ волненій, обнаружено было, что главное возбужденіе къ волненіямъ происходило отъ мѣстной польско католической шляхты, и однимъ изъ первыхъ правилъ при усмиреніи волненій было—устранять поляковъ изъ толпы, не вступать въ бесѣды съ женщинами и не дозволять стражникамъ входить съ народомъ въ объясненія о вѣрѣ. Для успокоенія же смущаемой совѣсти волнующихся приняты были духовно-нравственныя мѣры. Такъ напримѣръ, предложено было нѣсколькимъ приходамъ послать изъ своей среды въ Галицію выборныхъ, которые могли бы лично убѣдиться, что унія не требуетъ органовъ, польскихъ пѣсенъ и проповѣдей, и что консисторія, уничтожая все это въ уніатскихъ приходахъ, не ломаетъ тѣмъ уніатской вѣры, а

напротивъ заботится объ ея очищеніи и возстановленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ холмская консисторія обратилась съ новымъ посланіемъ къ своей паствѣ отъ 8 сентября 1867 года. Выразивъ одобреніе той части духовенства, которая оказала содѣйствіе къ очищенію восточнаго обряда и къ возрожденію русской народности, и высказавъ порицаніе тѣмъ изъ священниковъ, которые дали себя ввести въ заблужденіе и отказались отъ наставленія ввѣренной имъ паствы, а особенно женщинъ, холмская консисторія рѣшительно потребовала прекращенія въ церквахъ проповѣди на польскомъ языкѣ, замѣны рожанцевъ и другихъ польскихъ пѣсней молебствіемъ или акаѳистомъ ко пресв. Богородицѣ и удаленія органовъ изъ церквей. Кромѣ того, по предложенію сѣдлецкаго губернатора, посланъ былъ на Подляшье, для вразумленія непокорныхъ священниковъ и приходовъ, членъ холмской консисторіи, протоіерей Маркеллъ Попель, перешедшій въ Холмскую епархію изъ Галиціи въ октябрѣ 1866 года и бывшій законоучителемъ холмской гимназіи. Обладая обширными свѣдѣніями въ исторіи и обрядности церковной, протоіерей Попель имѣлъ и опытность, необходимую для учителя народа. Онъ выѣхалъ на Подляшье 12 сентября и продолжалъ свой объѣздъ того края до начала слѣдующаго мѣсяца, въ сопровожденіи благочинныхъ и священниковъ. Поѣздка его имѣла большое значеніе: по его слѣдамъ народъ успокоивался, а возмутители народа теряли силу. Въ концѣ сентября возвратились выборные, ѣздившіе въ Галицію изъ наиболѣе упорныхъ приходовъ. Они убѣдились, что въ галицкой Руси уніатская церковь болѣе свободна отъ польско-католическихъ нововведеній, чѣмъ въ Холмско - Подляшскомъ краѣ. Выборные, между прочимъ, разсказывали, что, обходя деревни около Львова, они прибыли въ одну изъ нихъ и стали говорить къ громадѣ по-польски. Тогда громада сказала имъ: «якижъ вы уніаты, коли кажете по-польски?» и стала насмѣхаться надъ ними. Какъ бы то ни было, по возвращеніи выборныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, изъ коихъ они были отправлены, волненія прекратились, хотя и не все Подляшье подчинилось требованіямъ холмской консисторіи относительно нѣкоторыхъ частностей обрядоваго вопроса. Для поддержанія недовольства въ духовенствѣ и народѣ папа издалъ окружное посланіе, въ которомъ подвергалъ строгому осужденію и проклятію какъ управляющаго епархіей Войцицкаго, такъ и исполнителей его посланій. Эта папская булла,

въ разрѣзъ идущая съ заботливостью прежнихъ папъ о чистотѣ восточнаго обряда, не произвела особеннаго впечатлѣнія на состояніе умовъ въ народѣ, [186]) можетъ быть и потому, что на Холмской епископской каѳедрѣ вскорѣ явился епископъ, назначенный, по указанію русскаго правительства, самимъ папою и слѣдовательно имѣвшій возможность успокоить смущенную совѣсть ревностныхъ приверженцевъ папской власти въ средѣ уніатскаго духовенства и народонаселенія. Епископъ этотъ былъ Михаилъ Куземскій.

Куземскій былъ на своей родинѣ, въ Галиціи; однимъ изъ самыхъ видныхъ и пользовавшихся извѣстностію дѣятелей, но въ обращеніи съ людьми былъ жесткій и строгій. Назначеніе его епископомъ въ Холмъ сопровождалось переговорами между папскимъ нунціемъ въ Вѣнѣ Фальчипелли и русскимъ посланникомъ при австро-венгерскомъ дворѣ графомъ Штакельбергомъ, происходившими по почину самаго папы. Пій IX, вѣроятно опасаясь совершенной утраты своего главенства надъ уніатскою церковію въ Россіи и озабочиваясь умиротвореніемъ Холмской епархіи, самъ вызвался назначить ей епископа и сдѣлать русскому правительству всѣ возможныя уступки, требуя, съ своей стороны, одного лишь успокоенія относительно распространенныхъ поляками слуховъ о существующемъ якобы намѣреніи обратить холмскихъ уніатовъ въ православіе. Русскій посланникъ сообщилъ нунцію, что правительство Россіи не имѣетъ намѣренія обратить уніатовъ въ православіе, но стремится только къ очищенію греко-уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній и въ этомъ стремленіи дѣйствуетъ сообразно со смысломъ папскихъ же буллъ, воспрещающихъ всякое искаженіе греко-уніатскихъ обрядовъ. Переговоры кончились благополучно, и графу Штакельбергу дано было уполномочіе остановиться на протоіереѣ Михаилѣ Куземскомъ, какъ на достойномъ человѣкѣ, и стараться достигнуть его назначенія въ санъ холмскаго греко-уніатскаго епископа. 28 мая 1868 года послѣдовалъ высочайшій указъ о возведеніи Куземскаго въ санъ епископа Холмской епархіи; 9 іюня онъ уже прибылъ въ Варшаву, а 12 іюня въ королевскомъ замкѣ, въ присутствіи графа Берга, былъ приведенъ настоятелемъ Варшавскаго греко-уніатскаго монастыря Петромъ Скальскимъ къ присягѣ. По просьбѣ самаго Куземскаго, намѣстникъ объяснилъ ему взглядъ правительства на предстоящее служеніе его по управленію епархіею въ томъ именно направленіи, которое составляло

главное условіе соглашеній съ римскимъ дворомъ, при чемъ нареченный епископъ, вполнѣ согласившись со взглядами правительства на уніатское дѣло, высказалъ увѣреніе въ томъ, что онъ будетъ вести дѣло вполнѣ согласно съ этими взглядами. Но ни соглашеніе русскаго правительства съ папскимъ дворомъ, ни разъясненія намѣстника не были извѣстны духовенству Холмской епархіи. Поэтому, когда 11-го августа того же года Куземскій посвященъ былъ во Львовѣ въ санъ епископа, представители разныхъ партій холмскаго духовенства стали внимательно слѣдить за каждымъ словомъ и шагомъ новаго епископа, объясняя ихъ въ свою пользу, и старались привлечь его на свою сторону, не зная принятыхъ Куземскимъ на себя обязательствъ передъ русскимъ правительствомъ. Когда Куземскій былъ еще во Львовѣ, часть холмскаго духовенства выслала къ нему своихъ уполномоченныхъ, которые предубѣждали его насчетъ чрезмѣрной будто бы ревности прибывшихъ изъ Галиціи въ Холмъ священниковъ въ очищеніи уніатскаго обряда. Явившись въ свою епархію, Куземскій велъ себя съ большимъ достоинствомъ, стараясь быть одинаково ровнымъ со всѣми и не отдавая никому предпочтенія. Тѣмъ не менѣе, волей - неволей онъ все-таки подалъ нѣсколько поводовъ къ ложнымъ толкованіямъ его намѣреній. Такъ напримѣръ, на пути своего слѣдованія въ Холмъ, въ г. Грубешовѣ епископъ служилъ обѣдню въ уніатской церкви, посѣтилъ гимназію, откуда, по приглашенію ксендза, зашелъ въ костелъ, но не посѣтилъ православной церкви потому будто бы, что въ то время не могли найти ключей отъ церкви. Польскіе паны и духовенство приходили въ восторгъ отъ посѣщенія епископомъ католическаго костела и радовались, что онъ не заглянулъ въ православную церковь. Нѣкоторые уніатскіе священники, давно уже переставшіе заглядывать въ костелы, снова начали посѣщать ихъ, а одинъ изъ нихъ, настоятель прихода Городокъ, въ день храмоваго праздника въ мѣстечкѣ Крыловѣ, говорилъ даже съ костельнаго амвона проповѣдь на польскомъ языкѣ. Далѣе, вступивъ на каѳедру, епископъ Куземскій прежде всего издалъ, 25 августа 1868 года, пастырское посланіе, въ которомъ онъ въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ приказывалъ духовенству «держаться порядка богослуженія по уставу богослужебныхъ книгъ, хранить чистоту св. обряда, отцами намъ преданнаго,» и выражалъ надежду, что «правительство никакъ не будетъ стѣснять нашей совѣсти

и ни въ чемъ не будетъ препятствовать нашему соединенію въ вѣрѣ съ римско-католическою церковію.» Это первое посланіе Куземскаго возродило въ ксендзахъ надежду, что они попрежнему будутъ допущены отправлять богослуженіе въ уніатскихъ церквахъ, какъ это было во времена нареченнаго епископа Калинскаго, и что такимъ образомъ ста-

Церковь св. Николая въ г Замостьѣ, Люблинской губерніи

рые порядки воскреснутъ во всей своей силѣ. Сочувственно встрѣтили посланіе и тѣ уніатскіе священники, которые, по личнымъ своимъ выгодамъ и склонностямъ, дорожили старыми польскими порядками, и лишь благомыслящіе священники, стоявшіе за чистоту обряда, усмотрѣли въ посланіи нежеланіе епископа идти по пути очищенія церковной обряд-

ности. Въ виду различныхъ кривотолкованій, вызванныхъ первымъ посланіемъ, Куземскій издалъ, 23 октября 1868 года, второе посланіе, въ которомъ, обвиняя «пастырей душъ» въ умышленно невѣрномъ толкованіи перваго его посланія, объявлялъ обязательными для духовенства всѣ предшествовавшія распоряженія правительства и холмской консисторіи по очищенію обряда со времени устройства консисторіальнаго управленія 11-го сентября 1866 года и предписывалъ священникамъ «свято хранить чистоту обряда и быть для народа образцемъ всѣхъ добродѣтелей, главнѣйшая изъ которыхъ—повиновеніе законамъ.» Это обращеніе къ духовенству разсѣяло неблагопріятное впечатлѣніе перваго посланія: епископъ, по видимому, не имѣлъ въ виду вести церковь по пути своего предшественника Калинскаго и серьезно намѣренъ заняться очищеніемъ обряда. Были, наконецъ, попытки вынудить у новаго епископа разрѣшеніе польскаго языка въ уніатскомъ богослуженіи и возвращеніе на прежнія мѣста тѣхъ священниковъ, которые смѣщены или перемѣщены были на другіе приходы за участіе въ волненіяхъ 1867 года. По наущенію этихъ священниковъ, изъ нѣсколькихъ приходовъ поступили къ епископу просьбы, въ коихъ прихожане жаловались на непониманіе ими мѣстнаго нарѣчія и просили произвести, посредствомъ особыхъ коммиссій, разслѣдованіе о томъ, въ какихъ именно приходахъ слѣдовало бы разрѣшить священникамъ еще на нѣкоторое время произнесеніе проповѣдей на польскомъ языкѣ. Съ другой стороны, тѣ изъ мѣстныхъ священниковъ, которые за участіе въ волненіяхъ 1867 года перемѣщены были въ другіе приходы и замѣнены прибывшими изъ Галиціи, подбивали прежнихъ прихожанъ своихъ жаловаться епископу на новыхъ священниковъ, обвиняя ихъ въ крутомъ обращеніи, притѣсненіяхъ и гоненіи на уніатскіе обряды. Епископъ счелъ за нужное поручить нѣкоторымъ благочиннымъ разслѣдовать, насколько справедливы тѣ и другія жалобы. Въ мѣстечкахъ Россошахъ и Ломазахъ нѣкоторые изъ прихожанъ не хотѣли крестить дѣтей у своего священника, родомъ изъ Галиціи, отзываясь непониманіемъ совершаемаго имъ богослуженія. Епископъ нашелъ возможнымъ отослать ихъ за выполненіемъ духовныхъ требъ къ священнику сосѣдняго прихода, впредь до назначенія въ Ломазы другаго настоятеля. Сторонники прежнихъ обычаевъ только этого и желали. Надѣясь на уступку со стороны епископа къ этимъ ихъ просьбамъ, они готови-

лись подступить къ нему съ новыми. Убѣдившись изъ сообщенія мѣстныхъ властей, что подобное разслѣдованіе могло бы дать поводъ къ новымъ волненіямъ, Куземскій объявилъ продолжавшимъ приходить къ нему просителямъ этого рода, что относительно польскаго языка существуютъ извѣстныя правительственныя распоряженія, и что онъ самъ будетъ настаивать, чтобы русскій языкъ былъ удержанъ какъ въ училищахъ, такъ и въ церквахъ. [187])

Была, впрочемъ, въ кратковременной дѣятельности Куземскаго на пользу Холмской епархіи и положительная сторона. Въ первомъ же отчетѣ своемъ о состояніи Холмской епархіи епископъ Куземскій вполнѣ вѣрно обрисовалъ прошлыя судьбы и современное ему положеніе русскаго уніатскаго населенія въ краѣ, которое старались окатоличить и ополячить латинское духовенство и польская шляхта, и во время управленія своего Холмской епархіей предпринималъ нѣкоторыя мѣры къ защитѣ уніи отъ польскаго католичества и благоустройству уніатской церкви. «Соединенными силами латинскаго духовенства и шляхты,— писалъ Куземскій,—русскій обрядъ отчасти истребленъ и замѣненъ латинскимъ, при чемъ русское населеніе превращено въ польское, отчасти же испорченъ до такой степени, что трудно отличить русскую церковь отъ латинскаго костела и греческій обрядъ отъ латинскаго обряда... Напоръ латинизма, полонизма и патроната обнаружился самыми вредными для греческаго обряда послѣдствіями, ибо ввелъ въ него всякаго рода латинскія прибавки. Наружный видъ церквей потерялъ свой первобытный характеръ; внутренность ихъ приняла видъ латинскихъ костеловъ; устранены иконостасы и царскія врата; поставлено множество алтарей, устроенныхъ такъ, что при нихъ невозможно было совершать службы по восточному уставу; установлены иконы, которыхъ не знала русская церковь; построены органы; введены польскія молитвословія (годзинки, рожанцы) и польская церковная проповѣдь. Послушный своему патрону, русскій священникъ совершалъ литургію на латинскій ладъ, или же водилъ своихъ прихожанъ въ латинскій монастырь и костелъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ уніи все равно, что костелъ, что церковь, и наконецъ дѣло дошло до того, что русская церковь опустѣла, а костелъ переполнился вѣрующими греко-уніатскаго обряда... Искаженіе греческаго обряда, дошедшее до крайности, не могло быть долѣе терпимо. Это сознавали и сами холмскіе епископы.

*

Въ новѣйшее время (1841 г.) Шумборскій приступилъ-было къ возстановленію греческаго обряда, но попытка эта до такой степени возбудила всеобщее негодованіе польскихъ патроновъ и подстрекаемаго ими народа, что епископъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ начинаній. Послѣ сего не оставалось никакихъ препонъ къ отмѣнѣ греческаго обряда; наплывъ латинизма и полонизма принялъ самые обширные размѣры, и даже холмскіе владыки стали разрѣшать введеніе по церквамъ рожанцевыхъ братствъ, шкаплежовъ и всякихъ польскихъ молитвословій, органовъ, пѣсней и т. п.; польская рѣчь пріобрѣла полное господство. Уніаты, переходя при такихъ обстоятельствахъ въ латинство, дѣлались настоящими латинянами и поляками, стали чуждаться своей народности и стыдиться русскаго имени. Послѣдній мятежъ въ царствѣ Польскомъ раскрылъ крайнюю опасность, грозившую русскому тамъ населенію. Вникнувъ въ бѣдственное положеніе русскаго населенія и самаго греко-уніатскаго исповѣданія, правительство вознамѣрилось крѣпкою рукою поддержать и оградить русскую народность и исповѣданіе, употребляя для сего соотвѣтственныя и дѣйствительныя мѣры.» [188])

Соотвѣтственно высказанному въ этомъ отчетѣ основному взгляду своему на печальное положеніе уніатской церкви, утѣсняемой латинянами, епископъ Куземскій въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ старался охранить унію отъ поглощенія ея латинствомъ и ввести нѣкоторое благоустройство въ уніатскомъ богослуженіи. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важное значеніе имѣютъ три его посланія. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 15 января 1870 года, указывая на то, что почти въ каждомъ приходѣ есть значительное число измѣнившихъ своей церкви и народности и перешедшихъ въ латинскій обрядъ безъ соизволенія и благословенія римскаго престола, Куземскій предписывалъ каждому священнику, занимающему приходскую церковь, чтобы онъ изготовилъ: 1) точный и вѣрный списокъ всѣмъ лично перешедшимъ въ латинскій обрядъ; 2) такой же списокъ всѣмъ родившимся отъ незаконно перешедшихъ, не ограничиваясь при составленіи списковъ никакимъ временемъ; 3) по составленіи таковыхъ списковъ и по соображеніи всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, могущихъ благотворно подѣйствовать на отчуждившихся его прихожанъ, составилъ по этому предмету особую докладную записку, въ которой бы изобразилъ также,

какія мѣры принималъ до сихъ поръ для указанной цѣли. Какъ записку, такъ и списки представитъ онъ въ теченіе наступающей трети благочинному, для общаго разсмотрѣнія и вывода на благочинническомъ собраніи. Другія два посланія епископа Куземскаго касаются уже благоустройства самой уніатской церкви. Въ посланіи отъ 27 августа 1869 года онъ предписывалъ всѣмъ священникамъ, которымъ ввѣрены приходы, чтобы въ каждый воскресный день передъ вечернею или послѣ нея въ катехизическихъ поученіяхъ изустно обучали прихожанъ своихъ, а особенно молодежь, начаткамъ христіанской вѣры и молитвамъ, употребляемымъ по уніатскому обряду. Посланіе отъ 19 іюня 1870 года касалось немаловажнаго для Холмской епархіи вопроса о церковномъ пѣніи и участіи въ немъ народа. Въ этомъ посланіи Куземскій сначала бросаетъ историческій взглядъ на развитіе церковнаго пѣнія въ восточной церкви и, между прочимъ, говоритъ, что древніе христіане или пѣли всѣ вмѣстѣ, или пѣли одни избранные пѣвцы, а народъ подпѣвалъ, что, вмѣсто древняго обыкновенія пѣть всѣмъ присутствующимъ, въ церквахъ Холмской епархіи поютъ одни избранные пѣвчіе, хотя есть немногіе приходы, гдѣ, благодаря заботамъ священника, знающаго и любящаго церковное пѣніе, соблюдается и древній обычай общаго пѣнія. Упомянувъ, что, по его ходатайству, министръ народнаго просвѣщенія уже распорядился о введеніи обязательнаго обученія церковному пѣнію въ учебныхъ округахъ, гдѣ есть уніаты, или чрезъ особыхъ учителей, или черезъ дьячковъ, епископъ Куземскій, съ своей стороны, предписывалъ духовенству Холмской епархіи: 1) установить на будущее время повсюду въ уніатскихъ церквахъ однообразіе въ церковномъ пѣніи и для этой цѣли ввести хоровое церковное пѣніе, каковое употребляется съ давнихъ временъ въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ воспитанниками холмской школы причетниковъ; 2) употреблять какъ священникамъ, такъ и причетникамъ означенное церковное пѣніе при богослуженіи и содѣйствовать школѣ къ устройству церковнаго хора и поддержанію этого дѣла во мнѣніи прихожанъ; 3) обязать причетниковъ, незнакомыхъ съ этимъ пѣніемъ и находящихся внѣ возможности обучиться оному на мѣстѣ, чтобы они, получивъ соотвѣтственное свидѣтельство отъ благочиннаго, отправлялись въ удобное время въ Холмъ для обученія пѣнію въ дьячковской школѣ, а также для упражненія и испытанія при Холмскомъ соборѣ. [189])

Но полное возстановленіе правильнаго и однообразнаго во всѣхъ частяхъ богослуженія въ Холмской епархіи не было осуществлено при епископѣ Куземскомъ, который вообще относился къ этому дѣлу нерѣшительно и двусмысленно и даже въ этомъ отношеніи сдѣлалъ нѣсколько смѣлыхъ шаговъ назадъ. Утвердивъ во второмъ посланіи своемъ, отъ 23 октября 1868 года, всѣ прежнія распоряженія холмской консисторіи по очищенію греко-уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній, епископъ Куземскій однако на самомъ дѣлѣ не только допускалъ нѣкоторыя изъ этихъ нововведеній, но и хотѣлъ сдѣлать ихъ обязательными для всей епархіи. Такъ напримѣръ, колокольчики, употреблявшіеся въ уніатскихъ церквахъ, во время священныхъ тайнодѣйствій при Калинскомъ, теперь снова были возстановлены даже при архіерейскомъ служеніи, а самъ епископъ, кромѣ того, каждое утро служилъ по латинскому обычаю тихую, читанную литургію, такъ называемую шептанку, заимствованную отъ латинянъ. Въ объясненіе этихъ дѣйствій своихъ онъ намекалъ уніатскимъ священникамъ, что не всѣ прежнія распоряженія консисторіи слѣдуетъ исполнять, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ не утвердитъ и установитъ свой порядокъ и издастъ наставленіе духовенству въ видѣ новаго посланія. И дѣйствительно, Куземскій началъ требовать обязательнаго введенія колокольчиковъ во время литургіи отъ каждаго являвшагося къ нему священника, а къ этому требованію добавилъ еще новое приказаніе не дѣлать возгласа къ народу «миръ всѣмъ». Кромѣ того, въ словесныхъ своихъ переговорахъ съ русскими должностными лицами Куземскій высказывалъ свое желаніе возстановить въ предѣлахъ своей епархіи уніатскій базиліанскій орденъ, упраздненный русскимъ правительствомъ въ 1864 году, и намѣреніе ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи для народа общества трезвости, одобреннаго папою Піемъ IX-мъ, но не разрѣшеннаго къ открытію въ Холмскомъ краѣ, такъ какъ при учрежденіи этого общества имѣлись въ виду заднія, неблагонамѣренныя цѣли. [190])

Въ настоящее время трудно указать причины двусмысленнаго поведенія епископа Куземскаго въ дѣлѣ очищенія уніатской обрядности отъ латинскихъ нововведеній. Можетъ быть, онъ, подъ вліяніемъ внушеній приверженной къ католичеству уніатской партіи, опасался сліянія уніи съ православіемъ и старался оставить средостѣніе между ними;

Смиренный Іосифъ,
Архіепископъ Литовскій.

а могло быть и то, что Куземскій заботился не о совершенномъ очищеніи уніатскаго обряда отъ латинскихъ искаженій, а только о томъ, чтобы поставить его на тотъ самый несовсѣмъ высокій уровень чистоты, на какомъ онъ находился въ уніатскихъ епархіяхъ родной ему Галиціи, и тѣмъ приготовить почву для объединенія всей уніатской русской церкви подъ властію одного уніатскаго галицкаго митрополита. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что Куземскій дѣйствительно имѣлъ и высказывалъ желаніе возстановить іерархическую зависимость Холмской епархіи отъ Галицкой митрополіи и тѣмъ дать возможность созывать помѣстные уніатскіе соборы, на которыхъ могъ бы быть разсмотрѣнъ и вопросъ объ очищеніи уніатскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній. [191]) Но не говоря уже о томъ, что вмѣшательство заграничнаго уніатскаго митрополита въ дѣла Холмской епархіи вовсе нежелательно было для русскаго правительства и не было имъ условлено въ соглашеніи съ папскимъ дворомъ,—образъ дѣйствій Куземскаго разрушалъ даже его собственные планы относительно извѣстнаго рода самостоятельности уніатской церкви, подавая неблагонамѣреннымъ лицамъ изъ среды холмскихъ уніатскихъ священниковъ поводъ вести унію въ противоположную сторону, къ тѣснѣйшему сближенію съ латинствомъ, и по меньшей мѣрѣ обнаруживалъ въ Куземскомъ неспособность и неумѣнье разобраться среди новыхъ для него запутанныхъ мѣстныхъ отношеній и выйти изъ нихъ съ честію для себя и пользою для уніатской церкви.

Видя нерѣшительность и двусмысленность дѣйствій епископа Куземскаго, русское правительство обратилось къ нему съ напоминаніемъ, что возстановленіе правильнаго и однообразнаго богослуженія въ уніатскихъ церквахъ привело бы въ порядокъ ввѣренную ему епархію. Сообщеніе это послано было епископу въ январѣ 1870 года, но епископъ лишь въ маѣ мѣсяцѣ прислалъ отвѣтъ, въ которомъ увѣдомлялъ, что «этотъ предметъ болѣе всего тяготитъ его душу», и что онъ крайне озабоченъ введеніемъ церковнаго благоустройства. Дѣйствительно, въ августѣ того же года, Куземскій представилъ на предварительное разсмотрѣніе составленное имъ посланіе къ духовенству объ очищеніи обрядности. Это обширное посланіе состояло изъ подробныхъ наставленій священникамъ по церковному благоустройству. Описавъ, какъ должна быть устроена внутренность уніатскаго храма, именно

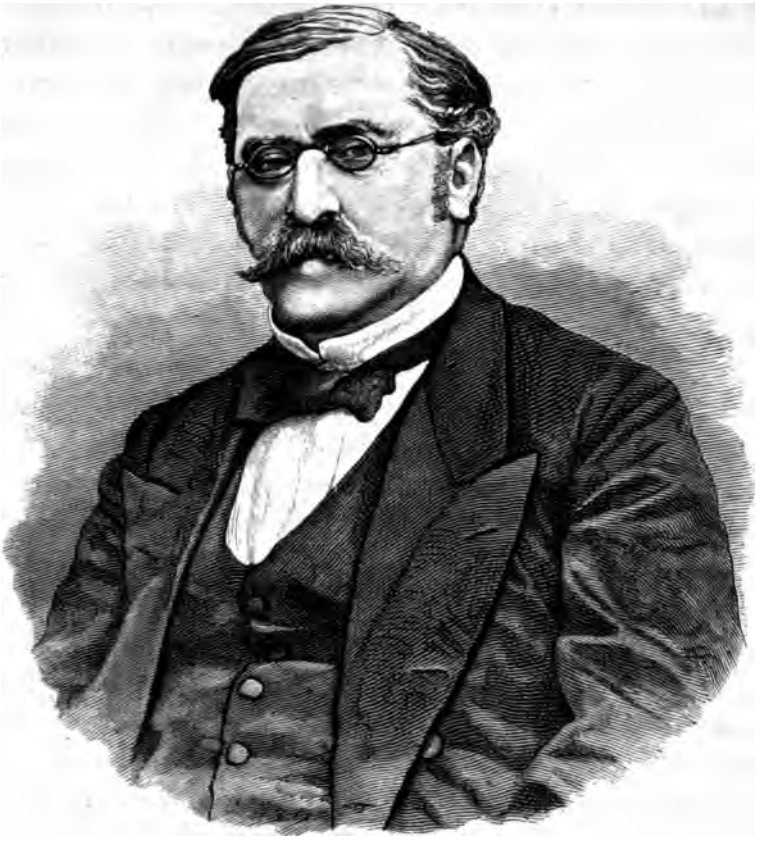
иконостасъ, расположеніе иконъ, алтарь и принадлежащіе къ нему престолъ, жертвенникъ и горнее мѣсто, перечисливъ богослужебныя книги восточной церкви, начиная съ евангелія и кончая акаѳистами, указавъ, какъ должны слушать церковную службу молящіеся, епископъ приводитъ въ посланіи чинъ всенощнаго бдѣнія, вечерни, утрени, великопостнаго богослуженія и литургіи св. Іоанна Златоустаго и Василія Великаго. Въ этомъ посланіи не находилось воспрещенія говорить народу «миръ всѣмъ», умалчивалось о колокольчикахъ, отсутствовало указаніе и на обычай восхваленія предъ народомъ, во время литургіи, таинства словами: «Нехай буде похваленый пренаисвентшій сакраментъ правдиваго тѣла и крови нашего Господа Іисуса Христа», — обычай, введенный въ нѣкоторыхъ церквахъ въ подражаніе католикамъ. Въ общемъ своемъ содержаніи посланіе составлено было, такимъ образомъ, согласно съ уставами восточной церкви. Но въ немъ оказались нѣкоторыя частности, съ которыми нельзя было согласиться. Частности эти касались слѣдующихъ четырехъ предметовъ: 1) поминанія римскаго папы на эктеніяхъ прежде имени царствующаго государя; 2) воспоминанія на литургіи ктиторовъ, званіе которыхъ въ уніатскихъ церквахъ упразднено правительствомъ въ 1864 году; 3) указанія на постановленія замостьскаго помѣстнаго уніатско-католическаго собора 1720 года, допустившія въ уніатской церкви нѣкоторые польско-католическіе обряды и лишь только условно утвержденныя папою, и 4) обязательности церковнаго устава, изданнаго въ 1815 году холмскимъ епископомъ Цѣхановскимъ и допускавшаго нововведенія, чуждыя уставу восточной церкви, какъ-то: читанную литургію (тихую мшу), боковые католическіе алтари и т. п. На эти четыре предмета обращено было вниманіе епископа Куземскаго, который передалъ приготовленное имъ посланіе, вмѣстѣ съ замѣчаніями по четыремъ пунктамъ, старшему соборному протоіерею Маркеллу Попелю, а этотъ послѣдній представилъ докладъ въ пользу сдѣланныхъ замѣчаній. Съ этимъ докладомъ вполнѣ согласились всѣ члены консисторіи. Такой исходъ обсужденія дѣла консисторіею, очевидно, не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Куземскаго. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ ограничился лишь немногими возраженіями, которыя касались приложенія нѣкоторыхъ частностей посланія къ дѣлу и опасенія, какъ будетъ встрѣчено обрядовое преобразованіе со стороны

приходскаго духовенства. Но при этомъ Куземскій поставилъ вопросъ и о томъ, имѣетъ ли онъ право, какъ уніатскій епископъ, дѣлать измѣненія въ богослужебныхъ книгахъ и въ порядкѣ церковной службы и вообще производить своею властію преобразованія въ церковномъ обрядѣ. Протоіерей Попель, которому Куземскій поручилъ составить соображенія по этому поводу, въ подробномъ докладѣ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія епископа на этотъ счетъ, доказавъ, на основаніи папскихъ буллъ, что епископъ не только имѣетъ право возстановлять правильность богослужебнаго обряда, но даже обязанъ дѣлать это.

Пока епископъ Куземскій возбуждалъ вопросы и сомнѣнія о правѣ своемъ возстановлять правильный порядокъ богослуженія, дѣло приведенія къ концу вопроса объ очищеніи обряда обратило наконецъ на себя высочайшее вниманіе. Покойный государь императоръ, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго отчета Куземскаго за 1870 годъ, изволилъ замѣтить, что послѣдовавшая по этому неотложному вопросу высочайшая воля остается неисполненною, а потому повелѣлъ спросить Куземскаго, къ какому именно времени можно ожидать осуществленія этой непремѣнной высочайшей воли. Куземскій видимо огорченъ былъ выраженіемъ неудовольствія на его епископскую дѣятельность. Въ мартѣ 1871 года онъ прислалъ обширное представленіе со своими соображеніями по поводу четырехъ пунктовъ замѣчанія. въ которомъ, увѣдомивъ прежде всего о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно воспоминанія на эктеніяхъ и другихъ молитвахъ царствующаго государя прежде папы, на остальные три пункта замѣчаній счелъ нужнымъ сдѣлать свои возраженія. Болѣе подробныя возраженія епископъ представилъ по 3-му и 4-му пунктамъ. Указывая на то, что уставъ епископа Цѣхановскаго содержитъ въ себѣ только наставленіе, какъ нужно совершать церковное богослуженіе, Куземскій выражалъ полную свою готовность исключить изъ посланія всякую ссылку на него; но считалъ обязательными для уніатской церкви постановленія замостьскаго собора. Развивая подробнѣе свои соображенія, Куземскій, между прочимъ, упрекалъ прибывшихъ изъ Галиціи уніатскихъ священниковъ за то, что они пренебрегаютъ постановленіями замостьскаго собора и не уважаютъ болѣе обычаевъ и обрядовъ уніатской церкви, и писалъ, что употребленіе колокольчиковъ, существованіе въ церкви скамеекъ и т. п. неизвѣстно когда введены въ уніатскую

церковь и, можетъ быть, были въ употребленіи еще до начала уніи, но во всякомъ случаѣ существуютъ болѣе вѣка и потому не могутъ быть названы нововведеніями. Въ заключеніе Куземскій входитъ въ разсмотрѣніе степени необходимости измѣненій въ обрядахъ и все то, что уже сдѣлано на этомъ пути въ епархіи, относитъ къ винѣ нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ. «И таковыя преобразованія въ уніатской церкви, — писалъ онъ, — несомнѣнно суть нововведенія, вполнѣ вредныя святой церкви, греческому обряду, русской народности и даже святой вѣрѣ». Впрочемъ, въ концѣ объясненія Куземскій изъявлялъ согласіе на введеніе измѣненій въ обрядѣ, но подъ условіемъ, если эти измѣненія будутъ разсмотрѣны соборомъ и утверждены папой. Очевидно, Куземскій, въ представленномъ имъ объясненіи, перешелъ должный предѣлъ защиты уніи: воспоминаніе ктиторства, удержаніе порядковъ, установленныхъ на замостьскомъ соборѣ, и примѣненіе церковнаго устава епископа Цѣхановскаго не только противорѣчило требованіямъ папскихъ буллъ о сохраненіи въ уніатской церкви восточнаго богослуженія во всей неприкосновенности, но даже въ основаніи своемъ нарушало самое существенное условіе соглашенія русскаго правительства съ римскимъ дворомъ по поводу назначенія Куземскаго холмскимъ епископомъ, именно—неуклонную волю нашего правительства возстановить правильное восточное богослуженіе въ уніатскихъ церквахъ. Становилось очевиднымъ, что предстоявшая къ разрѣшенію задача — выше Куземскаго, но отъ этого значеніе самой задачи нисколько не умалялось. Поэтому Куземскій долженъ былъ уступить мѣсто другому. 16 марта 1871 года послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи Куземскаго, по разстроенному здоровью, согласно просьбѣ, отъ должности начальника Холмской греко-уніатской епархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грамота на пожалованіе ему ордена св. Анны 1-й степени. 11 мая того же года Куземскій выѣхалъ изъ Холма обратно въ Галицію, гдѣ и скончался 23 ноября 1879 года, на 71 году своей жизни. [192])

Указомъ 16 марта того же 1871 года, управляющимъ Холмской епархіей назначенъ былъ старшій протоіерей Холмскаго каѳедральнаго собора Маркеллъ Попель. Въ своемъ окружномъ посланіи отъ 25 марта онъ объявилъ, что, не смотря на тяжелые труды, а можетъ быть и многія скорби, ожидающія его на предстоящемъ поприщѣ, онъ вступаетъ



R. U. Sphrabin

въ новое служеніе епархіи съ бодростію духа и готовностію принести всѣ свои силы душевныя и тѣлесныя на алтарь церкви и любезнаго отечества, и убѣждалъ епархіальное духовенство совершать богослуженіе по существующимъ правиламъ церковнымъ, уставу, постановленіямъ папъ римскихъ и многократнымъ распоряженіямъ мѣстнаго епархіальнаго начальства, внушать пасомымъ истины вѣры и нравственности, всецѣлую преданность престолу, повиновеніе существующимъ духовнымъ и мірскимъ властямъ и братскую любовь къ единоязычнымъ, единокровнымъ и единообряднымъ русскимъ изъ Галиціи и имперіи.

Общее направленіе, усвоенное холмской епархіальной властью съ 1864 года, осталось неизмѣннымъ и при Маркеллѣ Попелѣ. Но отсутствіе епископа въ епархіи имѣло ту невыгоду, что некому было рукополагать въ священническій санъ предназначенныхъ къ нему лицъ. Съ этою цѣлію, въ 1872 году, приглашенъ былъ въ Холмъ проживавшій въ Кіевѣ болгаро-уніатскій архіепископъ Іосифъ Сокольскій. Его переходъ въ унію совершился въ 1861 году, когда онъ былъ еще архимандритомъ, хотя уже и тогда онъ находился въ довольно глубокой старости. Рѣшившись перейти въ унію вслѣдствіе извѣстной распри между болгарами и константинопольской патріархіей, Іосифъ Сокольскій, вмѣстѣ съ архидіакономъ Рафаиломъ и двумя свѣтскими выборными отъ болгаръ-уніатовъ Цанковымъ и Мирковичемъ, прибылъ въ Римъ въ началѣ 1861 года, и 16 апрѣля рукоположенъ былъ въ епископа Болгаріи, съ титуломъ апостольскаго викарія. Присоединеніе болгаръ къ уніи обусловлено было сохраненіемъ во всей неприкосновенности догматовъ и обрядовъ восточной церкви и ограничивалось единственно признаніемъ римскаго папы главою болгаро-уніатской іерархіи. Однако же эта попытка уніи съ римскою церковію, вызванная церковно-народною распрею болгаръ съ греками и внушеніями католическихъ миссіонеровъ, не нашла сочувствія въ болгарскомъ народѣ, что и послужило поводомъ къ добровольному удаленію изъ Болгаріи преосвященнаго Іосифа, не пожелавшаго идти въ разрѣзъ съ волею и убѣжденіями большинства своихъ соотечественниковъ и рѣшившагося удалиться на покой въ гостепріимную Россію. По словамъ очевидца, русскаго іеромонаха Гавріила, «епископъ Іосифъ, недавно рукоположенный въ Римѣ, куда возилъ его (лазаристъ) Боре, въ началѣ іюня (1861 г.) явился въ наше посольство на другой день по полученіи изъ Порты берата, который

давалъ ему титулъ архіепископа Болгаріи и всѣ права, съ нимъ соединенныя. Онъ просилъ у посланника позволенія и средствъ поѣхать въ Россію, и просьба его немедленно была исполнена среди общаго изумленія и радости русскихъ». Рукоположивъ въ Холмѣ нужное количество священниковъ, преосвященный Іосифъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ и скончался, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ глубокой старости. [193])

Однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ новаго управляющаго Холмской епархіей, протоіерея Попеля, имѣвшимъ обильныя послѣдствія, было упорядоченіе богослуженія уніатской церкви и очищеніе его отъ латинскихъ нововведеній. 2 октября 1873 года холмская консисторія обнародовала окружное посланіе къ уніатскому духовенству своей епархіи, въ которомъ, изложивъ свой взглядъ на исторію греко-уніатскаго обряда, «предписывала подвѣдомственному духовенству: во-первыхъ, постоянно и неусыпно наставлять ввѣренную ему паству въ томъ, что обряды, заимствованные произвольно отъ латинства, противорѣчатъ нашему церковному уставу и воспрещаются постановленіями соборными и буллами папъ римскихъ, противны духу нашей святой восточной церкви и подлежатъ отмѣнѣ; и во-вторыхъ, начать съ 1 января 1874 года повсемѣстно совершать богослуженіе точно и неуклонно, по прилагаемому при семъ извлеченію изъ церковнаго устава. На благочинныхъ, кои и въ этомъ отношеніи будутъ служить примѣромъ подвѣдомственному ему духовенству,—говоритъ посланіе,—возлагается симъ же обязанность зорко слѣдить за точнымъ исполненіемъ настоящаго предписанія и о всѣхъ даже малѣйшихъ уклоненіяхъ неукоснительно доводить до свѣдѣнія епархіальнаго начальства».

Наступило 1 января 1874 года, назначенное окончательнымъ срокомъ для подчиненія всего уніатскаго духовенства предписанію консисторіи. Мѣстнымъ гражданскимъ и военнымъ властямъ предложено было не вмѣшиваться въ дѣйствія, по существу своему принадлежащія духовной власти, ограничиваться лишь наблюденіемъ за ходомъ событій, но принять въ нихъ участіе, если бы обнаружились какіе-либо мѣстные безпорядки. По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», изъ числа 266 приходовъ Холмской епархіи безпорядки обнаружились въ 26 приходахъ Сѣдлецкой губерніи, все въ томъ же Подляшьи, которое волновалось и прежде. Въ трехъ приходахъ безпо-

рядки достигли значительныхъ размѣровъ. Правительство не замедлило принять мѣры къ возстановленію спокойствія, но затѣмъ совершенно устранило себя отъ вмѣшательства въ ходъ этого движенія, начатаго упомянутымъ распоряженіемъ холмской консисторіи. Въ приходахъ Люблинской и Сувалкской губерній никакихъ безпорядковъ не произошло. Одновременно съ этими волненіями удалились изъ Холмской епархіи въ сосѣднюю Галицію тѣ уніатскіе священники, преимущественно изъ Сѣдлецкой губерніи, которые были недовольны рѣшительными дѣйствіями холмской консисторіи, хотя и встрѣчены были галицкими уніатами съ крайнимъ опасеніемъ и нерасположеніемъ. Эти холмскіе бѣглецы, по увѣренію галиційской газеты «Слово», не знали русскаго языка и не имѣли правильнаго понятія о литургіи, утрени, вечерни и всенощной, а также о церковно-богослужебныхъ книгахъ. «Отказавшись отъ своей народности и отъ своего прадѣдовскаго обряда,—писала объ этихъ людяхъ та же газета, — потерявъ въ своей епархіи почву для своихъ поляколюбивыхъ стремленій, они переселяются для таковыхъ въ нашу несчастную Галицію. Разсчитывая на покровительство римскаго престола, они надѣются получить здѣсь и австрійское обывательство, и мѣста приходскихъ священниковъ. Сторонники поляковъ, видя въ нихъ подкрѣпленіе своей партіи, принимаютъ ихъ съ радостью. Эти холмскіе проходимцы занимаются у насъ, равно какъ и наши отступники, клеветами на насъ въ Римъ». Къ числу этихъ проходимцевъ принадлежалъ и священникъ Лука Бобровичъ, издающій теперь въ Галиціи газету «Русь», наполненную злобными выходками противъ Россіи и противъ русской православной церкви.

Само собою разумѣется, что ни польская мѣстная партія, поддерживавшая безпорядки между подляшскими уніатами, ни заграничныя польскія газеты не преминули воспользоваться послѣдними событіями въ Сѣдлецкой губерніи, чтобы выставить ихъ въ видѣ доказательства намѣреній русскаго правительства уничтожить унію въ предѣлахъ имперіи и возсоединить холмскихъ уніатовъ съ православною церковію; а польскіе выходцы въ Римѣ поспѣшили внушить ту же мысль и римскому двору. Слѣдствіемъ такихъ внушеній было то, что 13 мая 1874 года папа Пій IX-й издалъ посланіе на имя галицкаго уніатскаго митрополита Сембратовича и уніатскихъ епископовъ Галиціи, направленное противъ управляющаго Холмской епархіей протоіерея По-

пеля. Въ этомъ посланіи говорилось, что папа крайне огорченъ тѣмъ, что какіе-то нововводители между уніатами намѣрены отмѣнить обряды, утвержденные апостольскимъ престоломъ. Съ особеннымъ-де сожалѣніемъ папа узналъ о томъ положеніи, въ какое поставлена Холмская епархія, «гдѣ какой-то ложный церковный правитель, уже давно (??) признанный нами, — сказано было въ папскомъ посланіи, — недостойнымъ церковнаго сана, осмѣлился присвоить себѣ церковную власть, все перевернуть въ епархіи и, что всего важнѣе, измѣнить своевольно литургію; отважился, подъ предлогомъ очищенія обряда, умышленно ввести схизматическую (т. е. православную) литургію, ссылаясь при этомъ безъ зазрѣнія на распоряженія апостольскаго престола въ своемъ епархіальномъ посланіи отъ 8 (20) ноября прошлаго года». Въ заключеніи посланія помѣщено было воззваніе къ русско-уніатскимъ епископамъ, приглашавшее ихъ свято хранить обряды, утвержденные папскимъ престоломъ или введенные съ его вѣдома и безъ противорѣчія съ его стороны, и совершенно запрещавшее всякія новшества. Въ этомъ воззваніи нельзя не замѣтить противорѣчія съ распоряженіями прежнихъ папъ, которые признали унію подъ условіемъ сохраненія всѣхъ обрядовъ восточной церкви и даже постановленія замостьскаго собора утвердили настолько, насколько онѣ не противорѣчатъ этому условію. Теперь же папа отстаиваетъ частныя измѣненія въ греко-уніатскомъ обрядѣ, вошедшія въ него не повсемѣстно и даже безъ вѣдома и разрѣшенія папскаго двора, который, не зная о нихъ, не могъ во-время и заявлять своего согласія или несогласія на эти измѣненія.

Это папское посланіе, пробудивъ несбыточныя мечты поляковъ о возстановленіи Польши въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подверглось порицанію католическихъ газетъ другихъ славянскихъ народовъ, которые считали папскую выходку противъ управляющаго Холмской епархіей, протоіерея Попеля, неприличествующею главѣ церкви. Даже одна нѣмецкая вѣнская газета (Neues Fremdenblatt) по поводу этого посланія замѣтила, что оно гонитъ русскихъ уніатовъ къ переходу въ православіе и не оставляетъ имъ инаго выбора; а католическая газета племени словенцевъ, «Slovenski Narod», издававшаяся въ Люблянѣ (Лайбахѣ), заявила, что рьяное католичество и славянство, римское папство и народная церковь не могутъ жить вмѣстѣ, но всегда останутся противниками другъ другу и должны ра-

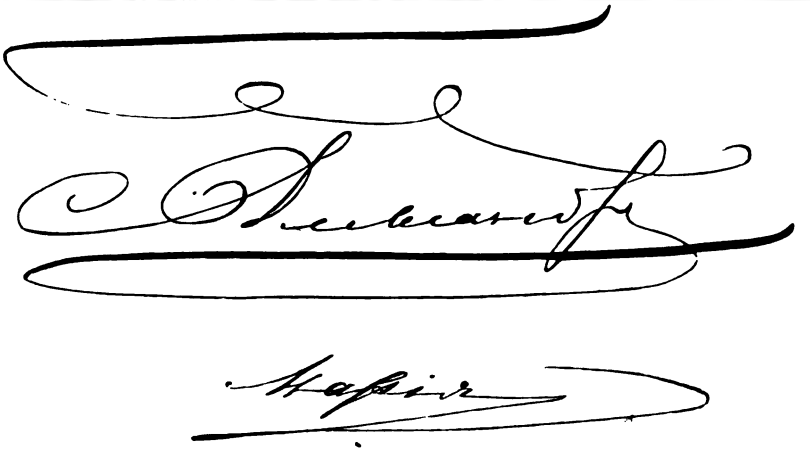
Gradr D. Monmouth

зойтись. Успѣхъ посланія, по мнѣнію этой газеты, будетъ иной, чѣмъ ждали въ Римѣ. Эти предсказанія католическихъ газетъ сбылись буквально, и притомъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. [194])

Вслѣдъ за обнародованіемъ папскаго посланія отъ 13 мая 1874 года, оно переведено было на польскій языкъ, отпечатано во Львовѣ въ громадномъ числѣ экземпляровъ и тайными путями распространено между уніатскимъ населеніемъ Холмской епархіи, съ злонамѣренными толкованіями и внушеніями. На первыхъ порахъ оно дѣйствительно смутило народную совѣсть и усложнило рѣшеніе мучившей уніатовъ задачи; но, къ счастію, уніаты обратились за рѣшеніемъ этой задачи не къ прежнимъ коноводамъ своимъ, а къ государю императору, и отъ него непосредственно получили успокоеніе для своей совѣсти. Во время пребыванія покойнаго государя императора Александра Николаевича въ Варшавѣ, въ іюнѣ 1874 года, прибыли туда представители нѣсколькихъ уніатскихъ приходовъ Сѣдлецкой губерніи, съ намѣреніемъ подать прошеніе объ отмѣнѣ сдѣланныхъ епархіальнымъ начальствомъ распоряженій относительно обрядностей греко-уніатскаго богослуженія. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія государя императора, его величеству благоугодно было повелѣть варшавскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту графу Коцебу, объявить вновь греко-уніатскому населенію Привислинскаго края, «что просьбы его въ этомъ отношеніи исполнены быть не могутъ, и что его величество изволитъ быть увѣреннымъ, что греко-уніатское населеніе, искони русское и всегда вѣрное престолу, освободясь отъ несчастныхъ заблужденій и неблагонамѣренныхъ внушеній, сбивающихъ его съ должнаго пути, не замедлитъ утвердиться въ своихъ древнихъ правильныхъ богослужебныхъ обрядахъ и явить себя по прежнему покорнымъ и спокойнымъ, какимъ государь императоръ привыкъ его видѣть до настоящаго времени». —Это немногословное, но многознаменательное объявленіе сразу разсѣяло распространенное среди уніатскаго народа ложное убѣжденіе, будто всѣ мѣры, предпринимавшіяся къ очищенію уніатскаго обряда, исходятъ отъ мѣстныхъ властей и совершаются безъ вѣдома и даже вопреки волѣ высшей власти. Не смотря на впечатлѣніе, произведенное на народъ папскимъ посланіемъ, этотъ народъ теперь понялъ, что тайные вожаки его ведутъ его по ложному, преступному пути, что его обманываютъ, и созналъ свою ошибку. «Царь хочетъ, чтобы мы покорились распоряженіямъ

консисторіи; Бѣлый Царь этого хочетъ», вотъ кличъ, пронесшійся между уніатскимъ населеніемъ и, какъ показали послѣдствія, искренній, исходившій изъ глубины души. Приходъ за приходомъ и цѣлые уѣзды съ греко-уніатскимъ населеніемъ стали обращаться къ правительству съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности и готовности слѣдовать по пути, указанному державною волею государя императора. Нѣкоторые присовокупляли при этомъ и просьбу о немедленномъ принятіи ихъ въ православіе, объявляя, что прихожанамъ наскучило быть игрушкой латинской пропаганды, и они, всегда, всею душою и всѣмъ сердцемъ принадлежа Бѣлому Царю, желаютъ и вѣрою соединиться съ нимъ навсегда.

По полученіи о семъ первыхъ свѣдѣній, правительство отнеслось къ этому важному дѣлу съ полнымъ вниманіемъ и надлежащею осмотрительностію. Оно рѣшилось, не допуская никакихъ торопливыхъ мѣръ, принимать уніатовъ въ православіе не прежде, какъ по предварительномъ и обстоятельномъ разслѣдованіи, дѣйствительно-ли выраженное ими желаніе вполнѣ добровольно и не вызвано-ли новое движеніе уніатовъ какимъ-либо внѣшнимъ давленіемъ, которому народъ безсознательно покоряется. Между тѣмъ начавшееся движеніе росло быстро, и число уніатскихъ приходовъ, изъявлявшихъ желаніе возвратиться къ древнеотеческой церкви, увеличивалось все болѣе и болѣе. Отъ народа движеніе не замедлило перейти и къ духовенству, что ясно доказывало, что настоящее движеніе было послѣдствіемъ внутренней борьбы и сознательно принятаго народомъ рѣшенія, а не навязано совнѣ какими-либо вожаками При такомъ положеніи дѣла, правительство не встрѣчало уже болѣе никакихъ затрудненій къ удовлетворенію настоятельныхъ ходатайствъ уніатовъ о возсоединеніи ихъ съ православною церковію. По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, къ которому съ 11 декабря 1874 года перешло управленіе греко-уніатскими дѣлами, государю императору благоугодно было высочайше разрѣшить варшавскому генералъ-губернатору сдѣлать распоряженіе объ объявленіи уніатскимъ приходамъ Сѣдлецкой губерніи, изъявившимъ желаніе возсоединиться съ православною церковію, что всемилостивѣйше снисходя къ ихъ просьбамъ, его величество соизволилъ повелѣть уважить таковыя ихъ ходатайства. Вслѣдъ за симъ и святѣйшій синодъ, которому доложено было настоящее дѣло, преподалъ архіепи-



Благочинный Плютинскій. Администраторъ Холм. епархіи Благочинный Концевичъ.
Благочинный Левицкій. Маркеллъ Попель. Благочинный Ливчакъ.
Благочинный Гайда. Ректоръ холм. семин. Криницкій. Протоіерей Дьячакъ.
Благочинный Хрусцевичъ Благочинный Бобикевичъ.
Благочинный Улиницкій. Учитель холм. семин. Н. Поцѣй. Протоіерей Гошовскій.

скопу варшавскому свое благословеніе на возсоединеніе съ православіемъ какъ на этотъ разъ, такъ и на будущее время, духовныхъ и мірянъ греко-уніатскаго исповѣданія. 12 января 1875 года 45 уніатскихъ приходовъ Бѣльскаго и Влодавскаго благочиній Сѣдлецкой губерніи, въ коихъ числится до 50.000 душъ населенія, и 26 уніатскихъ священниковъ окончательно возсоединились съ церковію ихъ предковъ. Самое дѣйствіе возсоединенія началось съ Бѣльскаго прихода, въ церкви коего было совершено торжественное богослуженіе варшавскимъ архіепископомъ Іоанникіемъ, при чемъ присутствовали какъ всѣ возсоединявшіеся священники, такъ и депутаты отъ всѣхъ 45 приходовъ. Вслѣдъ за тѣмъ стали изъявлять желаніе возсоединиться съ православною церковію и остальные уніатскіе приходы Холмской епархіи. [195])

Отъ возсоединенныхъ и желавшихъ возсоединенія прибыла, въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 года, въ С.-Петербургъ депутація изъ духовныхъ лицъ и мірянъ, съ протоіереемъ Маркелломъ Попелемъ во главѣ и 25 марта удостоилась высочайшей аудіенціи, на которой протоіерей Попель представилъ его величеству всеподданнѣйшее прошеніе и привѣтствовалъ государя императора слѣдующими словами: «Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшее прошеніе и соборное постановленіе греко-уніатскаго духовенства Холмской епархіи, съ коимъ пребываетъ въ единомысліи и паства, о возсоединеніи уніатовъ со святою восточною православною церковію, бывшею церковію нашихъ предковъ. Благоволите, всемилостивѣйшій государь, осчастливить насъ принятіемъ сего искренняго и чистосердечнаго прошенія, вмѣстѣ съ выраженіемъ неизмѣнно вѣрноподданническихъ чувствъ духовенства и народонаселенія Холмской Руси». Государь императоръ, по окончаніи рѣчи протоіерея Попеля, изволилъ обратиться къ греко-уніатскому духовенству съ слѣдующими милостивыми словами: «Выслушавъ съ особеннымъ удовольствіемъ ваши заявленія, я прежде всего благодарю Бога, котораго благодать внушила вамъ благую мысль возвратиться въ лоно православной церкви, къ коей принадлежали предки ваши, и она въ настоящее время съ распростертыми объятіями принимаетъ васъ. Благодарю васъ за то утѣшеніе, которое вы мнѣ доставили, вѣрю вашей искренности и уповаю на Бога, что онъ подкрѣпитъ васъ на томъ пути, который вы нынѣ добровольно избрали». Удостоивъ также милостиваго вниманія благочинныхъ бѣльскаго и влодавскаго и депутатовъ изъ мірянъ, государь

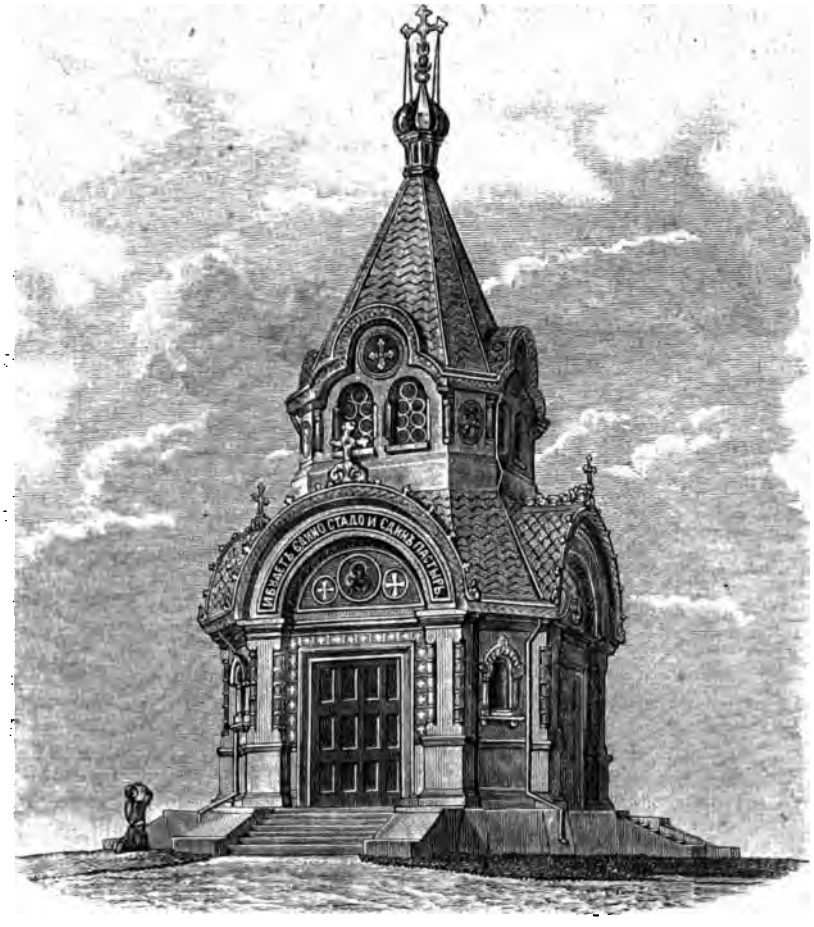
императоръ въ заключеніе аудіенціи изволилъ снова обратиться къ протоіерею Попелю и вручить ему св. икону двунадесятыхъ праздниковъ, украшенную великолѣпнымъ окладомъ, для Холмскаго каѳедральнаго собора, а также св. иконы Спасителя и Божіей Матери для церквей Сѣдлецкой губерніи—Бѣльской, въ коей послѣдовало первое возсоединеніе уніатовъ, и Яновской, гдѣ совершалось возсоединеніе въ день представленія депутаціи. Съ своей стороны, государыня императрица, присутствовавшая на аудіенціи, соизволила тутъ же пожаловать св. икону Божіей Матери Холмскому собору Протоіерей Попель, тронутый до глубины души этимъ новымъ знакомъ всемилостивѣйшаго вниманія ихъ императорскихъ величествъ, имѣлъ счастіе еще разъ выразить одушевлявшія духовенство чувства, присовокупивъ, что этотъ всемилостивѣйшій даръ будетъ вѣчнымъ памятникомъ настоящаго событія, и что духовенство не перестанетъ возносить предъ пожалованными св. иконами усердныя молитвы о здравіи ихъ величествъ и всего императорскаго дома и о благоденствіи Россіи. [196])

Общее возсоединеніе холмскихъ греко-уніатовъ съ православною церковію послѣдовало 11 мая 1875 года, въ день памяти святыхъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, впервые озарившихъ Холмскую Русь свѣтомъ православія, хотя по частямъ это возсоединеніе продолжалось и въ слѣдующемъ 1876 году. Изъ числа 204 священниковъ, возсоединившихся съ православною церковію, 164 было изъ окончившихъ курсъ въ холмской семинаріи или же рукоположенныхъ въ Россіи, а остальные 40 прибыли въ Россію изъ Галиціи въ санѣ священниковъ; слѣдовательно, $^4/_5$ было мѣстныхъ дѣятелей, а только одна пятая часть прибывшихъ изъ Галиціи. Память возсоединенія холмскихъ уніатовъ съ православною церковію увѣковѣчена была въ Холмѣ построеніемъ Кирилло-Меѳодіевской часовни, надъ главнымъ входомъ въ которую начертаны слѣдующія многознаменательныя слова, вполнѣ выражающія внутреннее значеніе возсоединенія и цѣль памятника: «И будетъ едино стадо и единъ пастырь» [197]).

Было время, когда Холмско - Подляшская Русь принадлежала къ единому стаду и имѣла единаго со всею Русью пастыря, составляя достояніе св. равноапостольнаго князя Владиміра и его потомковъ и исповѣдуя восточную православную вѣру, и это время оставило

неизгладимые слѣды на всей исторіи многострадальной Холмско-Подляшской Руси. Съ раздробленіемъ Руси на удѣлы и ослабленіемъ ея, Холмско-Подляшская Русь, обособившись отъ другихъ частей Русской земли, утратила своихъ собственныхъ князей и сдѣлалась добычею хищныхъ сосѣдей, Литвы и особенно Польши. Послѣдняя, поглотивъ собою русско-литовскій народъ въ государственномъ отношеніи, направила всѣ усилія свои къ тому, чтобы обезличить этотъ народъ и въ вѣрѣ и въ языкѣ и сдѣлать его народомъ польско-католическимъ. Къ этому направлены были государственныя уніи литовско-русскихъ земель съ Польшею—ягайлова 1386 г., городельская 1413 г. и люблинская 1569 года и наконецъ вѣроисповѣдная унія русской церкви съ римскою, насильно навязанная первой въ 1596 году. Эта послѣдняя унія была наиболѣе тяжелымъ ударомъ для русскаго православнаго населенія въ юго-западной Руси, потому что посягала на самое дорогое достояніе жизни народа, на его внутреннія убѣжденія, на его вѣру, и потому вызвала православное населеніе края на мужественную, упорную борьбу съ совратителями, которая наполняетъ собою конецъ XVI и все XVII столѣтіе. Наконецъ, истощившись въ неравной борьбѣ, Холмско-Подляшская Русь, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, склонила свою голову передъ насильниками и, за небольшими исключеніями, наружно приняла унію съ Римомъ, все еще считая себя Русью и удерживая русскій языкъ и русскій церковный обрядъ. Но польско-католики не ограничились и этою дорогою жертвою и, желая совершенно отдѣлить Холмско-Подляшскую Русь отъ единоплеменнаго ей Россійскаго государства и превратить ее въ часть Польши, посягнули и на самый русскій языкъ и русскій церковный обрядъ, чтобы такимъ образомъ совершенно истребить русскую народность, превративъ ее въ польскую. Съ этою цѣлію обдуманно предпринимается въ XVIII и даже въ нынѣшнемъ вѣкѣ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ сліянію русскаго уніатскаго церковнаго обряда съ латино-польскимъ и замѣнѣ русскаго языка польскимъ. Исполнителями этихъ мѣръ были не только польско-католическое духовенство и польская землевладѣльческая шляхта, имѣвшая огромное вліяніе на крестьянъ, но и самое высшее уніатское духовенство и особенно уніатскіе монахи-базиліане, воспитывавшіеся въ польско-католическомъ духѣ. И нельзя сказать, чтобы усилія латино-поляковъ и ихъ сторонниковъ изъ самихъ уніатовъ въ этомъ направленіи не увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. По мѣстамъ, про-

стой народъ мало по малу привыкалъ къ латинскимъ нововведеніямъ въ русскомъ уніатскомъ церковномъ обрядѣ и къ польской рѣчи, пріучался безразлично смотрѣть на русскія церкви и польско-католическіе костелы и въ отдѣльныхъ случаяхъ даже прямо совращаемъ былъ въ католичество и причислялъ себя къ польской народности. Но огромная масса русскаго народа въ краѣ все еще имѣла нѣкоторое, хотя и смутное, по-



Холмская Кирилло-Меѳодіевская часовня.

нятіе о своей народности и особой народной греко-уніатской русской церкви.

Въ такомъ состояніи, послѣ разныхъ превратностей судьбы, съ 1815 года Холмско-Подляшская Русь снова досталась Россіи, но не прямо ей была подчинена, а включена въ составъ бывшаго герцогства Варшавскаго и потомъ царства Польскаго, имѣвшаго особый сеймъ и

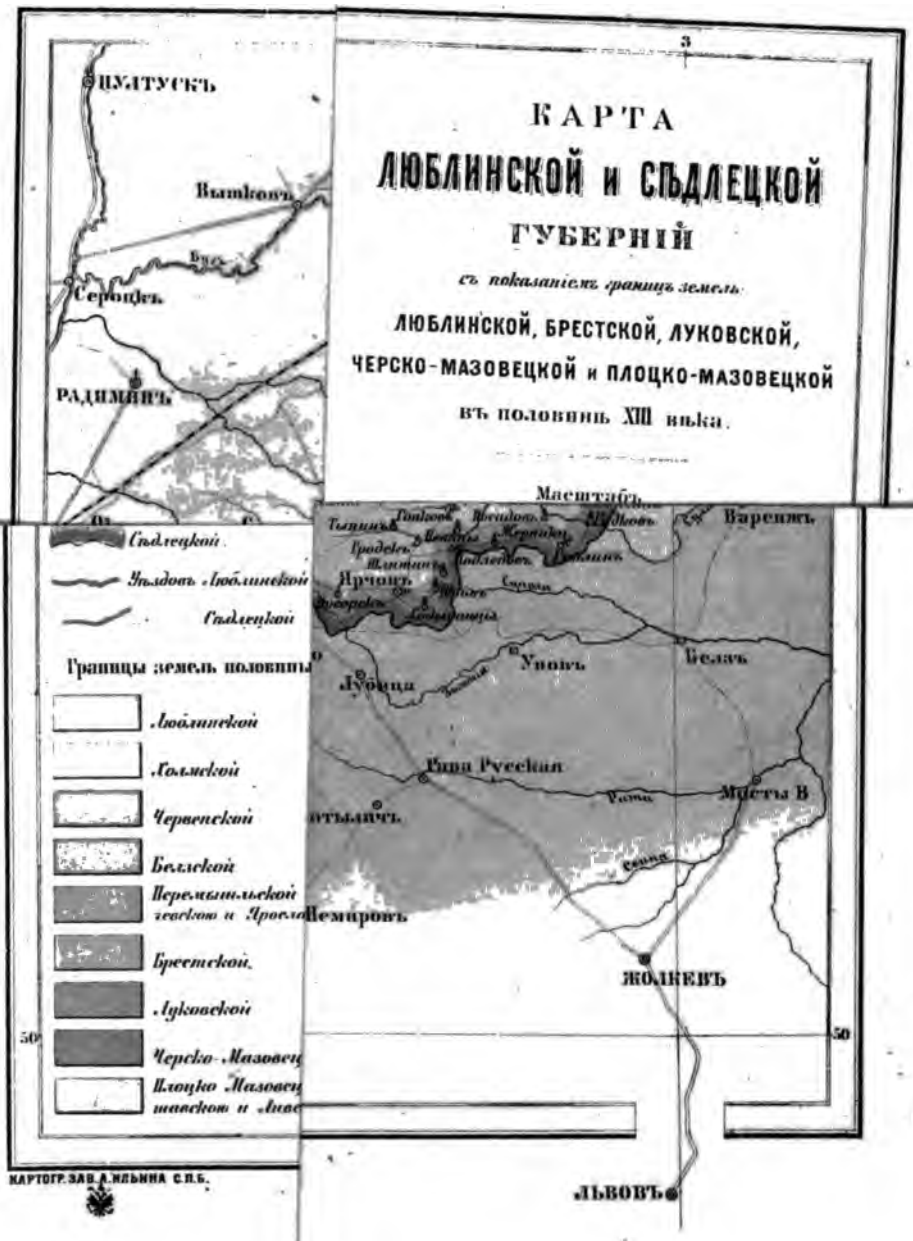
особое внутреннее управленіе. Такой порядокъ вещей, опредѣленный международными договорами съ сосѣдними Россіи европейскими государствами, хотя и обезпечивалъ цѣлость уніатскаго исповѣданія въ Холмско-Подляшской Руси и освобождалъ мѣстныхъ уніатовъ отъ тѣхъ грубыхъ насилій, какимъ они подвергались въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ, однако же вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ возможность польско-католикамъ и ихъ сторонникамъ продолжать свое дѣло постепеннаго окатоличенія и ополяченія уніатовъ тайными, противозаконными путями, особенно посредствомъ искаженія русскаго уніатскаго обряда польско-латинскими нововведеніями и уподобленія его польско-латинскому обряду. Несомнѣнно, что цѣль этого окатоличенія и ополяченія была больше политическая, чѣмъ религіозная: «изъ-за религіозныхъ видовъ,—писалъ холмскій уніатскій епископъ Михаилъ Куземскій,—не было нужды совращать въ латинство уніатовъ, принадлежащихъ къ одной съ латинянами римской церкви. Тутъ дѣло шло о народности.»[198]) Питая безумныя мечты о возстановленіи своей отчизны отъ моря до моря и считая царство Польское основою для образованія будущей своей отчизны, польская мятежническая партія хотѣла, во что бы то ни стало, превратить холмско-подляшскихъ уніатовъ въ своихъ соплеменниковъ и сдѣлать ихъ вольнымъ или невольнымъ орудіемъ своихъ безумныхъ замысловъ. Прямымъ доказательствомъ тому служатъ неоднократные польскіе мятежи, начиная съ возстанія Косцюшки 1794 года, въ которые завлекаемы были польскими мятежниками и ополяченные уніаты. Но эти самые польскіе мятежи, раскрывая опасность, угрожавшую русскому населенію и русской власти въ краѣ, развязывали русскому правительству руки и побуждали его принимать соотвѣтственныя мѣры какъ къ предупрежденію на будущее время польскихъ мятежей, такъ и къ огражденію и очищенію русской народности и греко-уніатскаго обряда отъ польско-католическихъ вліяній. Такъ было поступлено русскимъ правительствомъ послѣ польскихъ мятежей 1831 и особенно 1863 годовъ. И эти мѣры, въ связи съ нетерпимостью и изувѣрствомъ католиковъ и главы католическаго міра, естественнымъ образомъ привели холмско-подляшскихъ уніатовъ къ возсоединенію ихъ съ родною имъ православною русскою церковію.

Конечно, мѣры русскаго правительства къ огражденію и очищенію русской народности въ краѣ отъ латино-польскихъ вліяній, какъ врачебное средство, не могли быть совершенно безболѣзненными и не могли

не вызывать у больныхъ нѣкоторыхъ судорожныхъ движеній, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ Холмско-Подляшской Руси, которыя ближе находились къ постоянной осѣдлости поляковъ и продолжительнѣе и сильнѣе подвергались латино-польскому вліянію. Но во-первыхъ, эти врачебныя мѣры вызывались и оправдывались необходимостью самозащиты Русскаго государства отъ замысловъ польской мятежнической партіи и имѣли въ виду оздоровленіе мѣстнаго русскаго населенія; во-вторыхъ, онѣ произвели нѣкоторую боль, необходимую при леченіи, лишь въ незначительномъ числѣ уніатскихъ приходовъ на Сѣдлецкомъ Подляшьи, тогда какъ въ цѣлыхъ сотняхъ остальныхъ приходовъ уніатскихъ соблюдались полная тишина и спокойствіе. Притомъ же и въ тѣхъ немногочисленныхъ приходахъ, которые волновались по поводу очищенія русскаго уніатскаго обряда отъ латино-польскихъ нововведеній, эти волненія почти исключительно обязаны своимъ происхожденіемъ стороннимъ подпольнымъ внушеніямъ и интригамъ латино-польской мятежнической партіи, никогда не покидавшей безумной мечты о прежнемъ владычествѣ въ Холмско-Подляшскомъ краѣ и о возстановленіи прежней Польши.

Нельзя скрывать того обстоятельства, что болѣзненныя явленія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Холмско-Подляшской Руси не прекратились и до настоящаго времени и выражаются въ упорствѣ небольшой горсти бывшихъ уніатовъ, которые, возсоединившись по наружности съ православною церковію, на самомъ дѣлѣ чуждаются ея и предпочитаютъ обращаться со своими духовными нуждами въ польско-католическіе костелы и къ польско-католическимъ ксендзамъ. Эти несчастные упорствующіе забыли прошлыя судьбы своего роднаго края и свое русское происхожденіе и не сознаютъ того, что въ своемъ упорствѣ они являются только слѣпымъ орудіемъ тайной латино-польской интриги, которая всячески старается поддерживать смуту въ краѣ и недовольство Россіей и русскою православною церковію посредствомъ привлеченія бывшихъ уніатовъ въ римско-католическіе костелы и братства, учрежденія разныхъ притоновъ для совратителей подъ видомъ бакалейныхъ лавокъ, дешевыхъ столовыхъ и т. п., распространенія зловредныхъ изданій и картинъ и проч. Въ существѣ дѣла, это—та же борьба мятежнической партіи поляковъ противъ Россіи и русскаго правительства, яркимъ выраженіемъ которой служили неоднократные польскіе мятежи, но борьба, получившая болѣе внутренній, тонкій и почти неуловимый

характеръ. Слѣдовательно, упорствующіе изъ бывшихъ уніатовъ, поддаваясь внушеніямъ и воздѣйствію тайныхъ и явныхъ враговъ Россіи, безсознательно становятся на ихъ сторону. Но эта ничтожная по количеству и силѣ горсть сознательныхъ и безсознательныхъ враговъ Россіи въ Холмско-Подляшской Руси не можетъ передѣлать исторіи и остановить хода событій, направленныхъ и неуклонно стремящихся къ полному объединенію этой окраины Россіи съ ея сердцевиной. 5 іюня 1886 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи Грановскаго и Следзянскаго римско-католическихъ приходовъ Гродненской губерніи, находившихся по сосѣдству съ Забужьемъ, въ которыхъ мѣстные ксендзы дозволяли себѣ преступно совершать духовныя требы для бывшихъ уніатовъ Холмской епархіи. При этомъ повелѣно было предварить какъ духовенство, такъ и римско-католическое населеніе, что такая же мѣра будетъ примѣнена и къ тѣмъ приходамъ, духовенство коихъ будетъ продолжать пропаганду въ средѣ бывшихъ уніатовъ и исполнять для нихъ требы. Мѣра эта несомнѣнно должна обуздать наглость польско-католической пропаганды въ средѣ бывшихъ уніатовъ. А между тѣмъ единство общаго для всей Россіи законодательства, управленія и судопроизводства, народнаго просвѣщенія, церковнаго устройства, улучшеніе путей сообщенія и поднятіе народнаго благосостоянія постепенно, все болѣе и болѣе сглаживаютъ неровности и шероховатости мѣстной жизни и прокладываютъ путь къ полному умиренію страстей и забвенію прошлыхъ недоразумѣній и столкновеній. Подъ вліяніемъ этихъ событій, рано или поздно исчезнутъ и послѣдніе осадки церковной уніи въ Холмско-Подляшскомъ краѣ, остающіеся пока еще въ видѣ упорствующихъ, какъ они давно уже исчезли въ нынѣшнемъ юго-западномъ краѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ по возсоединеніи бывшихъ тамъ уніатовъ съ православною русскою церковію. Подобно имъ и Холмская Русь, въ цѣломъ своемъ составѣ, объединится вѣрою и мыслію, сердцемъ и душею, и со всею великою Россіею. Наша надежда на это непоколебима, какъ непоколебима наша вѣра въ правду нашей церкви православной, въ правду и силу богохранимой Россіи, съ ея многомилліоннымъ народомъ и съ священною, верховною властію надъ ней православнаго Царя-Государя!


КАРТА
ЛЮБЛИНСКОЙ и СѢДЛЕЦКОЙ
ГУБЕРНІЙ
съ показаніемъ границъ земель
ЛЮБЛИНСКОЙ, БРЕСТСКОЙ, ЛУКОВСКОЙ,
ЧЕРСКО-МАЗОВЕЦКОЙ и ПЛОЦКО-МАЗОВЕЦКОЙ
въ половинѣ XIII вѣка.
Масштабъ
ПУЛТУСКЪ
Вышковъ
Серокцкъ
РАДИМЯНЪ
Сѣдлецкой
Уѣздовъ Люблинской
Сѣдлецкой
Границы земель половины
Люблинской
Холмской
Червенской
Белзской
Перемышльской
Брестской
Луковской
Черско-Мазовецкой
Плоцко-Мазовецкой
Варенжъ
Ярчовъ
Уновъ
Белзъ
Луцица
Рива Русская
Мѣстъ В
Немировъ
ЖОЛКЕВЪ
ЛЬВОВЪ
50
50
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ,

служившихъ матеріалами для составленія текста.

---

1) «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія *П. Н. Батюшковымъ*; Холмская Русь»; выпускъ VII, стр. 133 и слѣд. *Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на этотъ основной источникъ указанія сдѣланы цифрами: римскими, обозначающими выпуски, и арабскими указывающими страницы.*

2) VIII, 89, 90; «Забужная Русь», *Е. Крыжановскаго.* С.-Петербургъ, 1885 г., 7; Geographia Blaviana, Amstelaedami, 1662, volum. II. liber V (карты Польши, Пруссіи и Литвы съ прилежащими странами).

3) VIII, 10, 11; «Забужная Русь», *Крыжановскаго,* 43, 44; «Очерки русской исторической географіи», *Н. Барсова,* Варшава, 1885 г.

4) VII, 338—432; VIII, 453—503.

5) VIII, 198, 199.

6) VII, 338—432; VIII, 453—503; «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», *П. Житецкаго,* Кіевъ, 1876 г., 297—310.

7) «Очеркъ звук. ист. малорус. нарѣчія», *Житецкаго,* 275, 276.

8) VIII, 495—497; VII, 338 и слѣд.; «Оч. зв. ист. малорус. нарѣч.», *Житецкаго,* 276.

9) VII, 61.

10) VII, 13; VIII, 6, 81.

11) VIII, 229; «Забуж. Русь», *Крыжановскаго,* 29, 30; «Червенскіе города», *А. В. Лонгинова,* Варшава, 1885 г., 187, 188.

12) «Забуж. Русь», *Крыжановскаго,* 20, 41, 42.

13) VII, 18; «Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ», 1884 г., № 4, стр. 54.

14) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* Спб. 1882 г., ч. I. 38, 39; «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», *Н. Барсова,* Вильна, 1865 г., 6, 7; «Очеркъ звук. ист.», *Житецкаго,* 273; «Черв. города», *Лонгинова,* 96, 97; «Забуж. Русь», *Крыжановскаго,* 80. О русскомъ происхожденіи Дрогичина свидѣтельствуютъ и произведенныя въ его окрестностяхъ въ 1886 году *Н. П. Авенаріусомъ* раскопки и находки нѣсколькихъ сотъ предметовъ, несомнѣнно относящихся къ рускому періоду исторіи этого города. См. «Литовскія Епарх. Вѣдомости» за 1886 годъ.

15) VII, 56, 57 и др.; «Очеркъ ист. зап.-рус. церк.», *Чистовича,* ч. I, 3—5; «Лекціи по исторіи Западной Россіи», *Кояловича,* 1884 г., 67 и др.; «Черв. города», *Лонгинова,* 98 и сл.; «Забуж. Русь», *Крыжановскаго,* 45 и др.; «Очерки руск. историч. географіи», *Барсова,* 104 и слѣд; «Холм.-Варшав. Епарх. Вѣст.», 1884 и 1885 гг. (ст. «Холмско-Варшавская православная епархія», *Е. М.*).

16) VII, 1—12 (ст. «Даніилъ Романовичъ Галицкій и начало Холма», *Д. Иловайскаго*); VII, 52; VIII, 91, 239, 240 и указанныя въ предыдущемъ примѣчаніи пособія.

17) VII, 11; VIII, 21, 232, 239 и др.; указанныя въ предыдущихъ двухъ примѣча-

ПРИЛОЖЕНІЯ.

85) «Черв. города», *Лонгинова*, 279-281, 286-288, 315-317, 327, 330; «Очеркъ ист. зап. руск. церкви», *Чистовича*, ч. II, 295; «Холм. епар. и ея свят.», *Петрушевича*, 47, и слѣд.

86) VIII, 254.

87) VIII, 255.

88) VIII, 400 и слѣд.

89) VII, 29.

90) «Богданъ Хмельницкій», *Н. И. Костомарова*, 1884 г., т. III, 301.

91) «Черв. города», *Лонгинова*, 319, 320.

92) VIII, предисловіе, стр. VII и VIII; «Судьбы уніи въ рус. Холм. епархіи». *Попова*, 23.

93) «Б. Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, 52, 203, 204; т. III, 302.

94) VIII, 256.

95) «Черв. города», *Лонгинова*, 318.

96) VII, 196, 197.

97) VII, 84—89.

98) VII, 183.

99) VII, 183, 184.

100) VII, 97—99, 184—186.

101) VIII, 386.

102) VIII, 258.

103) «Черв. города», *Лонгинова*, 319.

104) «Литовская церковная унія», *М. Кояловича*, т. II, С.-Петербургъ, 1861 г., 406 и др.

105) Рукопись кіевской духовной академіи, по печатному описанію № 118; «Литов церк. унія», *М. Кояловича*, II. 407.

106) VIII, 259.

107) VII, 211, 212

108) «Литов. церк. унія», *Кояловича*, т II, 220, 221 и примѣч.

109) VII, 30; «Холм. епар. и ея свят.», *Петрушевича*, 56.

110) «Лекціи по ист. Запад. Россіи», *Кояловича*, 260.

111) «Холм.-Варшав. Епарх. Вѣстн.», 1882 г., № 2.

112) VII, 32.

113) VII, 211, 212.

114) VII, 264-269; «Рус. прав. старина въ Замостьѣ», *Будиловича* («Холм.-Варшав. Епарх. Вѣстн.», 1885 г., № 15).

115) «Очеркъ ист. запад. рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 42, 43.

116) «Литов церк. унія», *Кояловича*, т. II, 229 и слѣд

117) «Черв. города», *Лонгинова*, 282, 283, 327, 328.

118) VII, 30, 32

119) «Холм.-Варшав. Епарх. Вѣстн.», 1882 г., № 3.

120) VII, 28

121) «Труды кіев. дух акад.», ноябрь 1870 г (ст. «Очеркъ исторіи базил. орд. въ Польшѣ», *Петрова*).

122) «Исторія объ уніи», *Н. Бантышъ-Каменскаго*, Москва, 1805 г, 141, 142.

123) VII, 200—202.

124) «Холм. епарх. и ея свят», *Петрушевича*, 224.

125) VII, 200—205; «Рус. прав. старина въ Замостьѣ», *Будиловича* (Холм.-Варшав. Епарх. Вѣстн., 1885. № 18, стр. 270).

126) VII, 263.

127) VIII, 260.

128) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 147.

129) «Очеркъ ист. запад. рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 211; «Холмскій мѣсяцесловъ на 1870 годъ».

130) VII, 235; «Историческій Вѣстникъ», т. XXVI, стр 617 и др. (ст. «Первая женская православная община въ Привислинскомъ краѣ, *М. И. Городецкаго*).

131) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 147.

132) «Судьбы уніи въ рус. Холм. епархіи», *Попова*, 23, 24.

133) «Историч. Вѣстникъ», т. XXV, 595 (ст. «Русскіе католики въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія», *А. Б—ина*).

134) VII, 79.

135) «Черв. города», *Лонгинова*, 313

136) VII, 79.

137) VII, 253.

138) «Судьбы уніи въ рус. Холм. епархіи», *Попова*, 23. 24.

139) «Черв. города», *Лонгинова*, 321, 322.

140) Тамъ же, 295, 296.

141) VIII, 99, 100.

142) «Судьбы уніи въ рус. Холм. епархіи, *Попова*, 61, 73.

143) VII, 334.

144) VIII, 388.

145) VII, 206.

146) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 155 и слѣд.

147) «Судьбы уніи въ рус. Холм. епархіи», *Попова*, 30—34.

148) Тамъ же, 35 — 38; VIII, 523; «Очеркъ ист. запад. рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 380, 381

149) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 217, 281—283. 299, 300; «Очеркъ ист. запад. рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 214. 215.

150) «Очеркъ ист. запад.-рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 215, 216.

151) VII, 212, 214; «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 391, 392; «Холм. епар. и ея святит.», *Петрушевича*, 82 и сл.

152) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 413.

153) «Нѣкоторыя черты отношеній помѣщиковъ Юго-западнаго края Россіи къ священникамъ» («Волынскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1868 годъ).

154) VIII, 454, 455; «Судьбы уніи въ рус. Холм. епархіи», *Попова*, 43.

155) «Очеркъ ист. запад-рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 368, 383, 386, 387.

156) «Труды кіев. духов. акад.», февраль 1871 г. (ст. «Очеркъ ист. базиліан. ордена, въ б. Польшѣ», *Петрова*).

157) Тамъ же.

158) «Холм. епар. и ея святит.», *Петрушевича*, 245.

159) VII, 206—209; «Рус. прав. старина въ Замостьѣ», *Будиловича* («Холм.-Варш. Епарх. Вѣстн.», 1885 г).

160) VIII, 386—395; «Литовск. церк. унія» *М. Кояловича*, т. II, 223, 224, 242, 243. 411—413.

161) «Очеркъ ист. запад.-рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 383, 387; VII, 33, 34; «Холм. мѣсяцесловъ» на 1866 годъ, 154 и сл.

162) VII, 186, 187; «Холм. епар. и ея святит.», *Петрушевича*, 69, 70.

163) VII, 103—105.

614) VII, 104, 105, 187; «Холм. епар. и ея святит.», *Петрушевича*, 71, 72, 82. 88, и сл.

165) VII, 106, 107; «Холм. епар. и ея святит.», *Петрушевича*, 93, 94

166) «Очерки ист запад.-рус. церкви», *Чистовича*, ч. II, 414, 415.

167) VII, 35, 36; «Судьбы уніи въ рус. холм. епар.», *Попова*, 43.

168) VII, 36—39; «Лекціи по ист. Запад. Россіи», *Кояловича*, 324.

169) «Исторія возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ старыхъ временъ», *М. Кояловича*, С.-Петербургъ, 1873 г., 282, 283, 290, 312.

170) VIII, 90; VII, 214; «Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ» за 1886 годъ, статьи свящ. *П. Гапановича*.

171) «Холм. епарх. и ея святит.», *Петрушевича*, 117, 118, 133; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 46.

172) «Кіевская Старина», августъ, 1882 г., 213, 214, 218.

173) «Холм. епар. и ея святит.», *Петрушевича*, 117 и сл.; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.» *Попова*, 44—46.

174) Тамъ же, 148 и сл.; VII, 37, 108, 187.

175) «Холм. епар. и ея святит.», *Петрушевича* 200 и сл. «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.» *Попова*, 61, 62; «Кіевская Старина», августъ, 1882 г., 232; VII, 40, 109.

176) VII, 215, 216; «Судьбы уніи въ рус. Холм еп.», *Попова*, 66; «Холм. мѣсяцесловъ» на 1866 годъ, 150, 151; «Матеріалы для исторіи возсоединенія уніатовъ б. Холмской епархіи съ православною церковію», свящ. *А. Демьяновича*, вып. 1, Варшава, 1878 г., 37.

177) «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 63, 69; «Матеріалы для ист. возсоед. уніат. б. Холм. епар. съ прав. ц.» *Демьяновича*, вып. 1, 37—46.

178) VIII, 532, 533; «Матеріалы для ист. возсоед. уніат. б. Холм. еп. съ прав. ц.», *Демьяновича*, вып. 1, 47 и слѣд. О крестьянскихъ волненіяхъ 1842—1848 г.г. см «Вѣстникъ Европы», августъ, 1873 г. (Ст. «Познанскіе поляки въ 1848 году, *Б. Л.*)

179) VII, 40, 137; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп., *Попова*, 69, 70; «Матеріалы для ист. возсоед. уніат. б. Холм. еп. съ прав. ц.», *Демьяновича*, вып. 1, 97 и слѣд.

180) VII, 137; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 71, 75, 76.

181) VII, 137; VIII, 505; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 72 и слѣд.

182) VII, 138, 139, 148; «Матеріалы для ист. возсоед. уніат. б. Холм. еп. съ прав. ц.», *Демьяновича*, вып. 1, 142, 143.

183) VII, 146, 147.

184) VII, 149—161; VIII, 505.

185) VII, 161—163.

186) VIII, 505—507; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 101—108.

187) VIII, 507 и слѣд.; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 116 и др.

188) «Правительственный Вѣстникъ» за 1874 годъ; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 117—119.

189) «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 119—125.

190) VIII, 518—520.

191) VIII, 528; «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 114.

192) VIII, 522—530.

193) «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 127, 128; «Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности», *Н. И. Петрова*, Кіевъ, 1886 г., 99, 100.

194) «Судьбы уніи въ рус. Холм. еп.», *Попова*, 128—135, 137, 138.

195) «Правительственный Вѣстникъ», 1875 г., № 10; «Голосъ», 1875 г., № 16.

196) VIII, 534—537.

197) VII, 127—132; VIII, 540—542.

198) Изъ перваго отчета М. Куземскаго, въ «Правит. Вѣстникѣ» за 1874 годъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ,

ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ „ХОЛМСКОЙ РУСИ“.

А. Священныя изображенія.

1. Чудотворная икона Холмской Божіей Матери.

(Стр. 153.)

Гравюра на деревѣ воспроизведена съ живописной и фотографической копій съ иконы, полученныхъ изъ Холма.

По преданію, записанному епископомъ Яковомъ Сушею, чудотворная икона Холмской Божіей Матери, написанная св. евангелистомъ Лукой, привезена изъ Константинополя св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, послѣ принятія имъ крещенія, вмѣстѣ съ другими иконами. Икона изображена на трехъ, вмѣстѣ соединенныхъ кипарисныхъ доскахъ. Величина ея 1 аршинъ 4 верш. длины и около 1 арш. ширины. Въ древнія времена икону украшала драгоцѣнная риза изъ литаго золота съ эмалью византійской работы, но эта риза, во время нападенія на Холмъ полчищъ Бурундая въ 1261 году, была снята татарами, съ поврежденіемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, живописи, а самая икона была заброшена ими. Только спустя сто лѣтъ послѣ разрушенія Холма татарами, икона была открыта подъ известковымъ щебнемъ и торжественно установлена въ обновленномъ храмѣ. Съ переходомъ холмскаго православнаго епископа Діонисія Збируйскаго, въ 1596 году, въ унію, Холмскій соборъ и находившаяся въ немъ чудотворная икона оказались въ рукахъ уніатовъ. Въ 1650 г. уніаты возвратили Холмскую каѳедру православному епископу Діонисію Балабану, въ силу зборовскаго договора, заключеннаго поляками съ Богданомъ Хмельницкимъ, но икону уніаты скрыли и возбудили предъ польскимъ королемъ ходатайство о перенесеніи ея въ другое мѣсто, и лишь послѣ долгихъ розысковъ православные нашли свою святыню запрятанною въ подземельѣ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году возгорѣлась война между поляками и казаками; король Янъ-Казиміръ, по наущенію Якова Суши, взялъ икону въ походъ, по окончаніи котораго икона была отвезена въ Варшаву, гдѣ и оставалась въ часовнѣ королевскаго дворца до 1652 года. Приписавъ счастливое окончаніе войны съ казаками нахожденію чудотворнаго образа среди польскихъ войскъ, Янъ-Казиміръ возстановилъ, 29 іюня 1651 г., Холмскую уніатскую каѳедру и затѣмъ передалъ уніатамъ икону, которая торжественно была ввезена въ Холмъ 29 апрѣля 1652 г. и установлена въ соборномъ храмѣ. Между тѣмъ снова возникла война съ казаками, которые при м. Батогѣ на голову разбили поляковъ; пораженный неудачей, король вытребовалъ на мѣсто битвы холмскую икону, но русская святыня не оказала

помощи полякамъ и король, потерпѣвъ пораженіе подъ Жванцемъ, возратилъ икону въ Холмъ, гдѣ она остается съ тѣхъ поръ неприкосновенно до настоящаго времени. Во время господства уніи принимались различныя мѣры къ латинизаціи русской святыни; такъ, при перестройкѣ Холмскаго собора, съ устраненіемъ при этомъ иконостаса, икона была установлена въ алтарѣ, надъ главнымъ престоломъ, по католическому образцу; въ 1765 году, по латинскому обычаю, икона была коронована двумя золотыми коронами, присланными папой; на лицевой сторонѣ престола, при которомъ находилась икона, укрѣплена серебряная доска съ барельефами и латинскими надписями, объясняющими побѣду польскихъ войскъ надъ казаками. (Доска эта находится нынѣ въ московской оружейной палатѣ). Съ возрожденіемъ Холмскаго края въ духѣ православія и русской народности, въ Холмскомъ соборѣ были произведены передѣлки, при чемъ чудотворная икона торжественно была установлена въ иконостасѣ, вверху царскихъ вратъ, со спускомъ для того, чтобы къ иконѣ могли прикладываться, подобно иконѣ Успенія Божіей Матери въ соборѣ Кіево-Печерской лавры.

Такимъ образомъ, холмская святыня, переживъ татарское кощунство, тяжкія времена церковной уніи и польскаго владычества, снова возсіяла въ русскомъ православномъ храмѣ, привлекая къ себѣ огромное число паломниковъ, которые на пути въ святой городъ Холмъ благоговѣйно воспѣваютъ мѣстный народно-религіозный гимнъ:

Пречистая Дѣво,
Мати Русскаго краю!
Ангелы на небѣ, мы на землѣ
Тя величаемъ.
Ты грѣшниковъ съ тяжкой муки
Чрезъ свои спасаешь руки,—
Не дай пропасти.....

Въ виду историческаго значенія холмской иконы и того почитанія, которымъ окружена эта православная святыня, издателемъ «Холмской Руси», по ходатайству преосвященнаго епископа холмскаго, издано въ 1886 году, съ высочайшаго разрѣшенія, точное изображеніе чудотворной иконы Божіей Матери отдѣльными хромолитографированными, художественно исполненными оттисками большаго размѣра, въ числѣ 10.000 экземпляровъ, для распространенія среди православныхъ жителей Холмщины и Подляшья, давно уже выражавшихъ желаніе имѣть вѣрныя изображенія своей древней святыни.

(*Упоминается на стр. 149 и 151.*)

2. Крестъ съ изображеніемъ Купятицкой Божіей Матери.

(Стр. 161.)

Изображеніе воспроизведено съ натуры по фотографическому снимку.

Крестъ сдѣланъ изъ мѣди и имѣетъ въ длину и ширину по 2¼ вершка. На одной сторонѣ его изображена Божія Матерь съ предвѣчнымъ младенцемъ, а на другой распятіе. По преданію, древній крестъ былъ найденъ въ селѣ Купятицкомъ,

Пинскаго уѣзда, Минской губерніи, на деревѣ, какою-то дѣвицею, которой онъ представился въ огнѣ. По мѣсту обрѣтенія святыня и названа Купятицкою. Помѣщенная въ Купятицкомъ мужскомъ монастырѣ, явленная икона прославилась чудесами, изъ которыхъ многіе были проявлены предъ Аѳанасіемъ Филипповичемъ во время его борьбы съ поляками за православіе. Копію съ этой иконы Филипповичъ представлялъ московскому царю Михаилу Ѳедоровичу, а также вліятельнымъ членамъ польскаго сейма, предъ которыми онъ обличалъ ревнителей уніи и гонителей православія. Послѣ завладѣнія уніатами Купятицкимъ монастыремъ во второй половинѣ XVII вѣка, крестъ былъ перенесенъ въ Кіевъ и помѣщенъ въ Софійскомъ соборѣ, въ ряду мѣстныхъ иконъ южнаго придѣла апостола Андрея, гдѣ и находится до настоящаго времени.

---

3. Чудотворная икона Лѣснинской Божіей Матери.

(Стр. 173.)

Въ селѣ Лѣснѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, въ церкви ново-открытой въ 1885 году женской православной общины находится чудотворная икона Божіей Матери. По преданію, икона явилась 14 сентября 1683 г. пастухамъ въ лѣсу, на вѣтвяхъ грушеваго дерева. Помѣщенная въ русской церкви ближайшаго села Буковичи (въ 2-хъ верстахъ отъ Лѣсны; см. особый рисунокъ и объясненіе къ нему), икона начала привлекать къ себѣ богомольцевъ. Слава русской святыни обратила вниманіе латинскаго духовенства на икону. Задумавъ присвоить ее себѣ, ксендзы выстроили въ Лѣснѣ деревянный костелъ и затѣмъ возбудили споръ объ иконѣ. Мѣстный полякъ-помѣщикъ Михаловскій рѣшилъ споръ по своему: ворвавшись въ церковь со своими гайдуками, онъ захватилъ икону и перенесъ ее въ лѣснинскій костелъ. Въ 1718 году въ Лѣснѣ былъ выстроенъ каменный костелъ, который паулины Ченстоховскаго монастыря выпросили въ свое управленіе. Наплывъ богомольцевъ усилился, и это вызвало необходимость построить болѣе обширный костелъ; при этомъ икона, усердіемъ Карла Радзивила, была украшена золотою ризою и драгоцѣнными камнями. Эти украшенія, во время нашествія въ 1812 году французовъ, исчезли. Вскорѣ Лѣсна сдѣлалась оплотомъ католицизма среди сплошнаго уніатскаго населенія, однимъ изъ дѣятельныхъ центровъ польско-латинской пропаганды; съ наступленіемъ же польскаго возстанія 1863 года ксендзы начали устраивать въ Лѣснѣ политическія манифестаціи. Правительство упразднило монастырь; но это не послужило урокомъ ксендзамъ: когда совершилось возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью, католическое духовенство, съѣзжаясь въ лѣснинскій костелъ, начало возбуждать ихъ противъ православія и совращать въ папизмъ. Такая незаконная агитація вынудила правительство совершенно закрыть лѣснинскій костелъ; а такъ какъ онъ находился среди сплошнаго возсоединеннаго населенія, то его передали въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Высокочтимый архипастырь варшавскій, высокопреосвященный Леон-

тій, въ заботахъ объ укрѣпленіи православія среди возсоединеннаго народа, по особому предвидѣнію значенія мѣстности и ея святыни, испросилъ разрѣшеніе на устройство въ Лѣснѣ первой въ его епархіи женской православной общины, которая была торжественно открыта 20 октября 1885 г. Настоятельницею обители назначена инокиня, графиня Евгенія Борисовна Ефимовская.

Изображеніе Божіей Матери и Младенца Іисуса вырѣзано рельефомъ на темно-красномъ овальномъ камнѣ въ 9 вершковъ длины и около того ширины; украшенная серебряной вызолоченой ризой, драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и кораллами, икона окружена серебряною рамкой, вставленной въ большую золоченую раму съ вѣнцомъ надъ нею и лучами вокругъ рамы. Помѣщается икона въ большой нишѣ, за престоломъ, на той самой грушѣ, на которой она была явлена пастухамъ.

(Упоминается на стр. 118.)

---

4. Славянскіе первоучители, святые Кириллъ и Меѳодій.

(Стр. 41.)

Хромолитографированное изображеніе святыхъ славянскихъ первоучителей воспроизведено по оригинальному рисунку художника В. А. Барвитова.

Святые Кириллъ и Меѳодій родились въ Македоніи, въ городѣ Ѳессалоникѣ (по славянски Солунь) отъ богатыхъ, сановныхъ и благочестивыхъ родителей Льва и Маріи. Старшій сынъ ихъ Меѳодій былъ областнымъ начальникомъ и послѣ десятилѣтнихъ трудовъ переселился на Олимпъ и вступилъ тамъ въ монашество. Младшій его братъ Константинъ получилъ блестящее образованіе при византійскомъ дворѣ вмѣстѣ съ юнымъ царемъ Михаиломъ III Багрянороднымъ (842—867 г.г.) и за особенную любовь къ наукамъ получилъ званіе философа (по нынѣшнему профессора); но и онъ вскорѣ удалился на Олимпъ, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ проводилъ иноческую жизнь въ трудѣ, постѣ, молитвѣ и изученіи св писанія. Вызванные затѣмъ въ Константинополь, солунскіе братья, по распоряженію царя Михаила и съ благословенія патріарха, отправились къ хазарамъ (единоплеменники турокъ, населявшіе окрестности р. Дона и Азовскаго моря), которые, перемѣнивъ язычество на іудейскую вѣру и сознавъ лживость своего вѣроученія, пожелали принять христіанство. Просвѣтивъ хазаръ свѣтомъ христіанской истины, солунскіе братья, по просьбѣ моравскихъ князей Ростислава и Святополка, пожелавшихъ просвѣтить свой народъ истинной вѣрой на понятномъ для народа славянскомъ языкѣ, отправились, также съ благословенія святѣйшаго патріарха, сперва въ Моравію, а потомъ въ Паннонію, но предъ тѣмъ изобрѣли (по преданію, около 855 года) славянскую азбуку и переложили съ греческаго на славянскій языкъ священное писаніе, которое и положило въ новопросвѣщенныхъ странахъ начало православному богослуженію на понятномъ для народа языкѣ. Такой успѣхъ святыхъ братьевъ возбудилъ зависть въ латинскомъ духовенствѣ, опасавшемся, чтобы сла-

вянскія области не отошли въ вѣдѣніе константинопольскаго патріарха. Оклеветанные своими недоброжелателями и вызванные въ Римъ для объясненій, просвѣтители славянъ съумѣли оправдаться предъ папой и защитить славянскую проповѣдь и богослуженіе. Во время нахожденія св. братьевъ въ Римѣ, младшій изъ нихъ, принявъ схиму съ именемъ Кирилла, скончался 14 февраля 869 г. и былъ тамъ погребенъ въ церкви св. Климента; Меѳодій же, поставленный моравскимъ епископомъ, испытывая притѣсненія отъ латинскаго духовенства, продолжалъ христіанскую проповѣдь среди славянскихъ племенъ, а въ томъ числѣ и въ Холмской Руси, и, послѣ 16-ти лѣтняго святительства, скончался 6 апрѣля 885 г.

Причисленные православною церковью къ лику святыхъ, Кириллъ и Меѳодій заслуживаютъ особаго почитанія со стороны славянскихъ народовъ, получившихъ отъ нихъ свѣтъ истины и письмена, посредствомъ которыхъ славяне слышатъ глаголы живота вѣчнаго.

---

5. Св. равноапостольный князь Владиміръ.

(Стр. 7.)

Хромолитографія составляетъ копію съ древнѣйшей фрески Владимірскаго Успенскаго собора. Храмъ этотъ, основанный великимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ въ 1158 году, былъ росписанъ въ 1161 году знаменитыми греческими художниками того времени и около двухъ столѣтій былъ главнымъ храмомъ земли Русской, имѣя богато украшенныя иконы и обладая драгоцѣнною утварью, которая потомъ частію была разграблена татарами, частію погибла отъ пожара. Впослѣдствіи соборъ пришелъ въ запустѣніе и былъ возстановленъ лишь въ 1708 году. Послѣ того онъ былъ неоднократно реставрированъ. При послѣдней реставраціи, въ 1882 году, на стѣнахъ собора были открыты древнія фрески, которыя, при содѣйствіи московскаго археологическаго общества, возстановлены изографомъ Н. М. Сафоновымъ; при чемъ на одномъ изъ столповъ, поддерживающихъ соборный куполъ, противъ праваго клироса, открыта и фреска св. Владиміра. Предполагаютъ, что у этого столпа, какъ болѣе центральнаго, нѣкогда находился тронъ великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, впослѣдствіи перенесенный въ Московскій Успенскій соборъ. Теперь здѣсь находится святительское мѣсто. Надъ этимъ мѣстомъ, въ иконостасѣ, была живописная икона Спасителя; когда ее сняли для изслѣдованія остатковъ стѣнописи, то за нею обнаружилась фресковая живопись, заслоненная отчасти иконостасомъ. Для дальнѣйшихъ изслѣдованій выпилили часть иконостаса, и предъ изслѣдователями представилась довольно хорошо сохранившаяся фреска равноапостольнаго князя Владиміра. По характеру письма и орнаментамъ фреска эта составляетъ иконопись XII вѣка, что подтверждается и греческими надписями, оказавшимися при другихъ открытыхъ фрескахъ. При фрескѣ не сохранилось никакой надписи о томъ, что это—изображеніе именно Владиміра, но въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ съ печемъ въ рукѣ, какъ извѣ-

стно изъ древнѣйшихъ подлинниковъ, изображали только равноапостольнаго князя. Открытая фреска конечно не составляетъ портрета крестителя Русской земли; но несомнѣнно, что это самое древнѣйшее изображеніе св. Владиміра и, если сопоставить время его княженія (980—1014 г.г.) съ временемъ производства живописныхъ работъ Владимірскаго собора (1161 г.), то окажется, что фресковая икона написана въ эпоху, не столь отдаленную отъ жизни Владиміра, чтобы преданія о внѣшности его могли совершенно утратиться.

Съ этой исторической фрески издателю были доставлены копіи: акварельная, воспроизведенная до реставраціи фрески, и фотографическая, снятая послѣ реставраціи. По симъ несомнѣнно вѣрнымъ копіямъ воспроизведенъ художникомъ В. А. Барвитовымъ рисунокъ, съ котораго сдѣлана хромолитографія, впервые появляющаяся въ печати.

Княженіе св. Владиміра Великаго тѣсно связано съ начальною исторіей Холмской Руси. Вѣрныя историческія свѣдѣнія объ этомъ краѣ именно и начинаются съ временъ равноапостольнаго, который, въ 981 году, покорилъ Забужную Русскую область. Къ этому же времени нѣкоторыя относятъ учрежденіе въ ней православной епархіи. Владиміру святому приписывается и основаніе въ Холмѣ собора Рождества пресв. Богородицы и церквей св. Василія и Спаса близъ Холма, а также пожертвованіе въ первый чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Холмскою, и въ послѣднюю иконы Спасителя, не сохранившейся къ нашему времени.

Св. Владиміръ почилъ въ селѣ Берестовѣ, близъ Кіева, 15 іюля 1014 года. Мощи его почиваютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.

---

6. Рака св. преподобномученика Аѳанасія Филипповича.

(Стр. 165.)

Изображеніе раки св. Аѳанасія, находящейся въ Брестскомъ соборѣ, воспроизведено съ фотографіи, снятой съ натуры.

Аѳанасій Филипповичъ, изучившій науки и особенно священное писаніе и творенія св. отцевъ, въ молодости жилъ у канцлера литовскаго Льва Сапѣги, какъ «инспекторъ Диитровичу, якомусь царевичови московскому», но вскорѣ поступилъ въ монахи и затѣмъ назначенъ намѣстникомъ Добойскаго монастыря близъ Пинска. Монастырь этотъ вскорѣ былъ отданъ уніатамъ. Подъ вліяніемъ этого горестнаго событія и въ надеждѣ на силы небесныя, Филипповичъ молился и имѣлъ чудесныя видѣнія. Перейдя въ Купятицкій монастырь, онъ составилъ «жалобный листъ», который посвятилъ чудотворной иконѣ Божіей Матери на крестѣ, находившейся тогда въ Купятицкой обители. Вскорѣ, по распоряженію Петра Могилы, Филипповичъ долженъ былъ отправиться въ Московское государство за сборомъ на сооруженіе въ Купятицкомъ монастырѣ церкви. Подкрѣпленный молитвою и услышавъ отъ чудотворной иконы голосъ: «Иду и Я съ тобой», Филипповичъ отправился въ путь съ послушникомъ Онисимомъ Волковицкимъ и, послѣ разныхъ препятствій, достигъ

Москвы, гдѣ лично представилъ царю Михаилу Ѳедоровичу записку о бѣдственномъ положеніи южно-русской церкви, вмѣстѣ съ печатнымъ изображеніемъ Купятицкой Божіей Матери, и получилъ отъ благочестиваго царя богатое пожертвованіе. Избранный, въ 1640 году, въ настоятели Брестскаго св. Симеона монастыря, Филипповичъ вступилъ на тяжкій путь борьбы за православную вѣру. Здѣсь онъ старался возстановить прежнія церковныя права и привиллегіи, ходатайствовалъ предъ Владиславомъ IV и сеймомъ объ утвержденіи этихъ правъ, о защитѣ православія и искорененіи уніи. Но смѣлыя его рѣчи не могли понравиться угнетателямъ: Филипповичъ былъ арестованъ, лишенъ священства и игуменства и отправленъ въ Кіевъ, и только благодаря заступничеству Петра Могилы, возстановленъ въ своемъ духовномъ санѣ. Бѣдственное положеніе православной церкви продолжало однако озабочивать его, и онъ вторично уже готовился изложить предъ королемъ свои слезы и стенанія, но неожиданно для него его арестовали, привезли въ Варшаву и посадили въ оковы. Это было вызвано подозрѣніемъ польскаго правительства въ политической его неблагонадежности и прикосновенности къ дѣлу московскаго лже-царевича Яна Фаустина Дмитровича Лубы, воспитателемъ котораго былъ Филипповичъ и выдачи котораго требовало московское правительство, какъ самозванца, будто-бы сына Марины Мнишекъ. Но дѣло это вскорѣ уладилось, а Филипповича продолжали держать въ тюрьмѣ, откуда ревнитель православія непереставалъ вести защиту своей вѣры, сыпать упреки и порицанія полякамъ, уніи и латинству. Въ ноябрѣ 1645 г. его отправили въ Кіевъ, но на игуменство въ Брестскомъ монастырѣ онъ былъ возвращенъ лишь послѣ кончины Петра Могилы († 1647 г.). Вскорѣ здѣсь настали для Филипповича тяжкія испытанія и затѣмъ мученическій вѣнецъ. На Украйнѣ тогда уже возгорѣлось возстаніе Хмельницкаго. Какъ держалъ себя въ это тревожное время нашъ защитникъ православія,—неизвѣстно; но поляки, вспомнивъ его смѣлые протесты и порицанія уніи и католицизма, обвинили его въ содѣйствіи казакамъ,—хотя это не было доказано,—продержали его около двухъ мѣсяцевъ въ оковахъ, совращая его при этомъ въ унію, и затѣмъ, въ ночь на 5 сентября 1648 г., казнили—по однимъ сказаніямъ—выстрѣлами изъ «мушкета», а по другимъ—«усѣченіемъ въ главу». Предъ своею смертію, св. Аѳанасій предсказалъ, что «церковь правовѣрная будетъ въ великомъ гоненіи отъ несправедливыхъ и гордыхъ учителей церковныхъ, отъ святыя вѣры отступившихъ. но потомъ процвѣтетъ она яко кринъ посреди тернія и яко искра въ пеплѣ зарытая явится, возсіяетъ и повсюду здѣсь освѣтитъ... и гдѣ мое тѣло сіе израненное и оструплённое за имя Божіе положено будетъ,—говоритъ преподобномученникъ,—тамо и въ окрестныхъ мѣстахъ никогда собраніе злоумышленныхъ супостатовъ, отступниковъ отъ святыя вѣры, вредить не можетъ, даже до послѣдняго изреченія праведнаго судіи Христа».

Нетлѣнныя мощи этого преподобномученика покоятся въ Брестской церкви и служатъ предметомъ чествованія и поклоненія со стороны окрестнаго населенія, а въ томъ числѣ и населенія Забужной Руси.

Б. Портреты.

7. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

(Стр. 157.)

Гравюра на деревѣ составляетъ копію съ единственнаго, дошедшаго до нашего времени портрета Михаила Ѳедоровича юношескаго возраста и, какъ нужно полагать, современнаго избранію его на московскій престолъ. Весьма рѣдкій оригиналъ, итальянской живописи, хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ этого портрета обязательно была сообщена издателю директоромъ архива, барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ фотографическая копія, снятая художникомъ В. В. Левицкимъ. Подъ портретомъ помѣщенъ впервые воспроизводимый въ печати автографъ Михаила Ѳедоровича, составляющій, въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, точную копію съ его собственноручной подписи, сдѣланной на грамотѣ, данной князю Петру Александровичу Репнину съ выраженіемъ благодарности за его дѣятельное участіе въ изгнаніи поляковъ изъ Россіи. Грамота эта, доселѣ сохранившаяся у потомка его, кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, князя Николая Васильевича Репнина, который обязательно доставилъ издателю фотографическую копію съ нея, кромѣ историческаго интереса, имѣетъ то значеніе, что въ ней находится собственноручная подпись Михаила Ѳедоровича; до настоящаго времени всѣ розыски его автографовъ представляли значительныя затрудненія, такъ какъ ихъ не оказалось даже въ такой сокровищницѣ государственныхъ бумагъ, какъ находящійся въ Москвѣ главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Михаилъ Ѳедоровичъ (р. 1596 г. † 1645 г.) вступилъ на престолъ въ то время, когда Московское государство, только-что очищенное отъ польскихъ войскъ, не успѣло еще войти въ мирныя отношенія съ Польшей, надѣлявшей Москву разными самозванцами; но юному царю, благодаря его мудрости и совѣтамъ его отца, патріарха Филарета (Ѳедора Никитича Романова), удалось окончить борьбу съ Польскимъ государствомъ, хотя послѣ того, въ 1632 году, пришлось возобновить съ нимъ войну, которая окончилась въ 1634 году. Родившись въ годъ объявленія злосчастной брестской церковной уніи, Михаилъ Ѳедоровичъ жилъ и царствовалъ въ пору самыхъ усиленныхъ гоненій на православную вѣру въ русскихъ областяхъ, подчиненныхъ Польшѣ. Эти гоненія вынуждали мѣстныхъ ревнителей благочестія обращать свои взоры къ московскому царю. Съ такимъ обращеніемъ относился къ Михаилу Ѳедоровичу, между прочими, и энергичный защитникъ православія, брестскій игуменъ Аѳанасій Филиповичъ (см. рисунокъ его раки и объясненіе къ нему), открывшій предъ царемъ бѣдственное положеніе пра-

вославной вѣры въ юго-западной Руси; но господствовавшій въ Польшѣ прозелитизмъ и натянутыя отношенія этого государства къ Москвѣ были причиною того, что защита русскимъ царемъ правъ польскихъ его единовѣрцевъ не имѣла надлежащаго успѣха.

---

8. Царь Алексѣй Михайловичъ.

(Стр. 169.)

Гравюра на деревѣ исполнена по фотографіи, снятой художникомъ В. В. Левицкимъ съ портрета, находящагося въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и обязательно доставленной издателю директоромъ архива, барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Изображеніе царя, представленнаго съ сѣдою бородою, относится къ концу царствованія Алексѣя Михайловича. Подъ портретомъ помѣщены: двѣ строки изъ собственноручной его приписки на грамотѣ, данной 29 августа 7156 (1648) г. Кирилло-Бѣлозерскому монастырю: «Писалъ я Государь Царь своею рукою», и царская печать, воспроизведенная съ грамоты, данной Богдану Хмельницкому на пожалованіе ему города Гадяча.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича (р. 1629 г. † 1676 г.) въ Польшѣ происходило систематическое и послѣдовательное угнетеніе православной церкви и народности въ русскихъ ея областяхъ, и въ число мѣръ къ искорененію православія входило умышленное запущеніе церквей и приведеніе ихъ въ нищенское состояніе. Для православныхъ оставалось одно—обращаться за помощью къ московскому царю. Защищая своихъ единовѣрцевъ въ Литвѣ и Польшѣ, Алексѣй Михайловичъ приходилъ къ нимъ на помощь разными приношеніями. Такъ, чрезъ боярина Хитрово многіе православные храмы получили отъ царскихъ щедротъ церковную утварь и богослужебныя книги; изъ этихъ царскихъ даровъ большая часть была захвачена впослѣдствіи католиками для костеловъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. мѣдныя паникадила съ двуглавыми орлами, при отдачѣ православныхъ церквей въ аренду евреямъ, изъяты изъ нихъ и нынѣ украшаютъ синагоги....

Принявъ Богдана Хмельницкаго со всею Малороссіею въ свое подданство, царь Алексѣй Михайловичъ, въ 1654 году, посылалъ отряды своихъ войскъ, вмѣстѣ съ казацкими, и въ Забужную Русь, въ Люблинъ и Красноставъ.

---

9. Императоръ Петръ I Алексѣевичъ.

(Стр. 179.)

Портретъ воспроизведенъ съ гравюры на стали, исполненной въ прошломъ столѣтіи граверомъ Фридрихомъ Баузе съ портрета Леруа 1717 года. Латинская надпись на оригиналѣ замѣнена русскою.

Царствованіе императора Петра Великаго (р. 1672 г. † 1725 г.) положило начало преобладанію Россіи надъ Польскимъ королевствомъ. Ведя съ Швеціей войну, территоріально распространившуюся и на Польшу, Петръ находился нѣкоторое время съ своими войсками въ Польшѣ. Въ концѣ 1706 г. онъ пріѣзжалъ въ Острогъ, а потомъ въ Жолкву, гдѣ принималъ прибывшее изъ Львова великое посольство генеральной конференціи съ просьбою помочь Польшѣ и сохранить ее отъ разоренія. Вскорѣ Петръ самъ побывалъ во Львовѣ, посѣтивъ находящійся въ Галиціи Креховскій монастырь. Царь щедро одарилъ этотъ монастырь, бывшій въ то время еще православнымъ, и долгое время присылалъ въ эту обитель денежныя пособія и другія приношенія. Составляя планъ веденія войны съ Карломъ XII, осматривая войска въ Дубнѣ, Якубовицахъ и Казимежѣ, Петръ прибылъ, въ маѣ 1707 г., въ Люблинъ, въ которомъ останавливался въ домѣ Марка Собѣсскаго (доселѣ сохранившемся). Здѣсь онъ открылъ всеобщій сеймъ для объявленія междуцарствія и съ цѣлью подготовки выбора короля вслѣдствіе отреченія отъ престола ставленника Карла XII — Станислава Лещинскаго. Поляки медлили исполненіемъ желанія русскаго царя, но успѣхъ нашихъ войскъ противъ шведовъ и настоянія Петра вынудили сеймъ исполнить его требованіе. 6 іюля Петръ выѣхалъ въ Варшаву, но здѣсь онъ захворалъ и пробылъ до 4 сентября. По окончаніи полтавской битвы (27 іюня 1709 г.). Петръ Великій снова посѣтилъ, въ августѣ 1709 г., Польшу. Польскіе вельможи поздравляли русскаго царя съ побѣдой и благодарили за дарованіе имъ законнаго короля (Августа II).

Насильственное распространеніе уніи, захватъ православныхъ монастырей, церквей и другія притѣсненія русской вѣры въ польскихъ областяхъ вынуждали угнетаемое населеніе прибѣгать съ жалобами къ русскому царю. Петръ Великій не однократно обращался по этому поводу къ польскому королю, и Августъ II издалъ, въ 1720 году, грамоту о свободѣ православной вѣры въ Польшѣ. Хотя эта грамота, равно какъ и обращеніе Петра къ папѣ, и не прекратили угнетенія православной вѣры, тѣмъ не менѣе въ дѣлахъ общей политики Польское королевство, служившее въ теченіи десяти лѣтъ ареной военныхъ дѣйствій въ русско-шведскую войну, подчинялось вліянію Россіи. Это вліяніе, впослѣдствіи усилившись, привело Польшу къ раздѣлу, при которомъ началось и возсоединеніе Холмско-Подляшскаго края съ великимъ Русскимъ государствомъ.

---

10. Императрица Екатерина II Алексѣевна.

(Стр. 189.)

Портретъ составляетъ копію съ гравюры, исполненной въ 1775 году граверомъ А. Радигомъ съ портрета В. Эриксена. Греческія надписи оригинала замѣнены русскими. Автографъ скопированъ съ оригинала, принадлежащаго П. Н. Батюшкову.

Императрица Екатерина II (р. 1729 г. † 1796 г.), съ самаго вступленія своего на всероссійскій престолъ (1762 г.), обращала вниманіе на положеніе своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ. Угнетеніе послѣднихъ въ половинѣ XVIII вѣка дошло до того, что православные депутаты были лишены права участвовать въ сеймѣ и занимать какія либо общественныя должности; русскихъ заставляли платить латинскому духовенству десятину и принимать участіе въ католическихъ процессіяхъ; ихъ подчинили вѣдѣнію католическаго духовнаго суда; запрещалось починять старыя и возводить новыя церкви, а богослужебныя книги были отданы подъ цензуру католиковъ. Защитница свободы вѣры и просвѣщенія, Екатерина II не могла равнодушно смотрѣть на такое проявленіе польскаго фанатизма и въ союзѣ съ прусскимъ королемъ потребовала отъ польскаго правительства уравненія правъ диссидентовъ съ католиками. Польскій сеймъ выказалъ этому требованію сопротивленіе, которое поддерживали латинскіе епископы; но вскорѣ особо назначенною коммиссіею рѣшено уравнять права диссидентовъ съ католиками. Хотя въ подкрѣпленіе этого рѣшенія состоялся въ 1768 году договоръ Россіи съ Польшей, обязавшейся при этомъ не дѣлать никакихъ измѣненій въ своемъ государственномъ строѣ, но вслѣдъ за тѣмъ образовалось нѣсколько конфедерацій, возставшихъ яко-бы въ защиту вѣры и свободы. Варшавскій сенатъ взглянулъ однако иначе на конфедератовъ, и считая ихъ нарушителями порядка, обратился къ Екатеринѣ съ просьбою объ умиротвореніи государства. Русскія войска вступили въ Польшу, но король и шляхта оказались на сторонѣ конфедерацій, вслѣдствіе чего произошелъ, 18 сентября 1773 г., первый раздѣлъ Польши, по которому Россія пріобрѣла Бѣлоруссію (съ 1.800.000 жителей). Это было сильнымъ ударомъ для поляковъ, которые рѣшились сдѣлать государственный переворотъ, введя, 3 мая 1791 г., конституцію съ наслѣдственною монархіей. Россія и Пруссія, отказавшись признать это новое государственное правленіе, вынуждены были, вмѣстѣ съ Австріей, въ видахъ сохраненія общей безопасности, ограничить предѣлы Польской республики. 11 іюля 1793 г. сеймъ подписалъ актъ втораго раздѣла, давшаго Россіи Волынь, Подолію и часть Литвы, всего съ 3 милліонами населенія. Тогда остальная часть Польши выступила, въ 1794 году, противъ Россіи подъ предводительствомъ Костюшки, но, будучи подавлена русскими войсками, подъ предводительствомъ Суворова, окончательно утратила свою самостоятельность: въ октябрѣ 1795 г. совершился третій и послѣдній раздѣлъ, по которому Россія получила остальную часть Литвы, часть Великопольши и Курляндію. Въ это время возсоединены были съ Россіей три округа Холмской епархіи, находившіеся по правую сторону р. Буга, въ предѣлахъ нынѣшней Волынской губерніи.

Такъ распалось государство, отличавшееся непримиримымъ религіознымъ фанатизмомъ, стремленіемъ къ удержанію средневѣковыхъ сословныхъ правъ и неумѣвшее создать у себя правильнаго гражданскаго строя.

Паденіе Польши и присоединеніе отъ нея къ Россіи русско-литовскихъ областей повлекло за собою возстановленіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ православія. Насильно обращенное въ унію православное населеніе южныхъ областей, получивъ

возможность возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ, начало массами присоединяться къ православной церкви. Въ царствованіе Екатерины II около трехъ милліоновъ русскаго народа добровольно возвратилось на лоно прародительской вѣры.

---

11. Императоръ Николай I Павловичъ.

(Стр. 195.)

Гравюра воспроизведена съ живописнаго портрета, находящагося въ императорскомъ эрмитажѣ, работы знаменитаго художника Франца Крюгера. Автографъ скопированъ съ рескрипта, даннаго графу М. М. Сперанскому и хранящагося въ императорской публичной библіотекѣ.

Императоръ Николай I (род. 1796 г. † 1855 г.) вступилъ на престолъ въ то время, когда царство Польское, находясь подъ главенствомъ Россіи, пользовалось конституціей, дарованною милостію императора Александра I, 3 ноября 1815 года. Поляки не съумѣли оцѣнить предоставленныхъ имъ правъ и, стремясь къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ — отъ моря до моря,—образовали противуправительственные заговоры, а 29 ноября 1830 г. открыли вооруженный мятежъ, воспользовавшись для этого дарованною имъ національною арміей. Польская армія, выдержанная и обученная подъ надзоромъ русской власти, имѣла иногда случай показать свою ловкость и знаніе; но ни одна изъ этихъ битвъ успѣха для возставшихъ не имѣла, тѣмъ болѣе, что среди польскаго народа была совершенная неурядица. Штурмъ Варшавы, произведенный гр. Паскевичемъ 8 сентября 1831 г., положилъ конецъ кровавой драмѣ, послѣдствіемъ которой была отмѣна конституціи, изданіе особаго статута и уничтоженіе отдѣльной польской арміи.

Изъ числа важнѣйшихъ дѣяній императора Николая I въ отношеніи царства Польскаго слѣдуетъ отмѣтить изданіе закона объ улучшеніи быта поселянъ. Крестьяне этого края, лично свободные, находились въ зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ по владѣнію землею, за которую отбывали разныя болѣе или менѣе отяготительныя повинности, произвольно устанавливаемыя владѣльцами; при чемъ крестьяне нерѣдко были вовсе лишаемы земли. Помѣщичій произволъ былъ устраненъ указомъ 26 мая 1846 г., положившимъ основанія для пользованія крестьянами землею и установившимъ правильный порядокъ отбыванія повинностей. Этою благодѣтельною мѣрою, которая предшествовала великой крестьянской реформѣ императора Александра II, пользовались, въ числѣ поселянъ Привислинскаго края, и жители той его части, историческому описанію которой посвящено настоящее изданіе.

Въ царствованіе императора Николая I совершилось возсоединеніе съ православною церковью 1.500.000 русскаго народа, насильно отторгнутаго отъ православія въ унію. Это великое событіе, коснувшееся жителей губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Минской, Могилевской, Волынской и Подольской, совершилось 25 марта 1839 г. при дѣятельномъ участіи преосвященнаго Іосифа Сѣмашко и подвѣдомственнаго ему уніатскаго духовенства.

При императорѣ Николаѣ I-мъ положено начало возсоединенію и холмскихъ уніатовъ съ православною церковью въ приходахъ Люховѣ, Бабицахъ, Горнемъ Потокѣ и Тарногродѣ, Люблинской губерніи.

---

12. Императоръ Александръ II Николаевичъ и императрица Марія Александровна.

(Стр. 208.)

Въ преобразовательныхъ реформахъ императора Александра Николаевича (р. 1818 г. † 1881 г.) не было забыто и бывшее царство Польское, которое получило болѣе широкія учрежденія. Въ то время, когда благодарное населеніе имперіи благословляло имя царя-освободителя, польская шляхта встрѣтила дарованныя польскому краю льготы выраженіемъ прежнихъ безумныхъ требованій своихъ о возстановленіи Польши. Возстаніе началось послѣдовательными покушеніями на жизнь трехъ царскихъ намѣстниковъ, а въ ночь на 11 января 1863 г. открылся вооруженный мятежъ, начавшійся нападеніемъ въ Варшавѣ на русскія казармы; по губерніямъ образовались вооруженныя шайки повстанцевъ, среди которыхъ выдающуюся роль исполняли ксендзы. Съ пораженіемъ Лангевича, возстаніе было подавлено. Дабы положить конецъ преступнымъ замысламъ и неосуществимымъ надеждамъ, русское правительство рѣшилось произвести коренныя реформы въ умиротворенномъ краѣ. Освободивъ крестьянъ отъ повинностей, которыя они отбывали помѣщикамъ за пользованіе землею, съ принятіемъ выкупа сихъ повинностей на счетъ казны, надѣливъ ихъ землею, укрѣпивъ за ними весьма существенное право на разныя угодія (пастьбу скота на помѣщичьихъ владѣніяхъ, пользованіе топливомъ изъ дворскаго лѣса и т. п.), предоставивъ, наконецъ, крестьянамъ право сельскаго самоуправленія, русское правительство упрочило въ Польской области бытъ сельскаго населенія, образовавъ такимъ образомъ многочисленный классъ народа, вполнѣ благодарнаго и благонадежнаго, чуждаго сепаративныхъ стремленій и несбыточныхъ мечтаній. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ рядъ другихъ мѣръ оздоровленія края, какъ-то: устройство народныхъ школъ; преобразованіе гимназій; закрытіе латинскихъ монастырей, оказавшихся излишними или обнаружившихъ свою политическую неблагонадежность; принятіе на счетъ казны содержанія католическихъ ксендзовъ взамѣнъ пользованія землею, которая частью была обращена въ казну, частью же поступила въ даровой надѣлъ безземельнымъ крестьянамъ; раздѣленіе царства Польскаго, вмѣсто прежнихъ пяти, на 10 губерній; закрытіе мѣстныхъ центральныхъ учрежденій, существовавшихъ въ видѣ особыхъ министерствъ; преобразованіе администраціи на началахъ, существующихъ въ имперіи; введеніе судебной реформы и т. п. Эти основныя преобразованія царствованія Александра II, коснувшіяся всѣхъ классовъ населенія Привислинскаго края, принесли весьма благопріятные результаты. Сельское населеніе дошло до небывалаго благосостоянія, оправдавшаго ихъ надежды на милость и справедливость русскаго царя; стоимость помѣщичьихъ имѣній, не смотря

на крестьянскую реформу, возвысилась; промышленность развилась до размѣровъ, какихъ прежде не вѣдала; торговля сравнительно улучшилась. Общее благосостояніе края сдѣлалось таковымъ, что поляки тѣхъ мѣстностей, которыя отошли къ Австріи и Пруссіи, имѣютъ основаніе завидовать своимъ привислинскимъ братьямъ.

Къ числу преобразовательныхъ мѣропріятій описываемаго царствованія слѣдуетъ отнести и улучшеніе быта греко-уніатскаго духовенства, устройство учебныхъ заведеній для уніатскаго населенія, заботы объ улучшеніи церквей Холмской епархіи и очищеніи ихъ отъ польско-латинскихъ примѣсей. Мѣры этого рода также не остались безплодными, и среди уніатскаго духовенства и народа явилось движеніе къ возстановленію въ Холмщинѣ и на Подляшьи православія, — движеніе, которое завершилось возсоединеніемъ, въ 1875 году, болѣе 200.000 русскаго народа съ православною церковью.

Благочестивѣйшая государыня императрица Марія Александровна (р. 1824 г. † 1880 г.) оставила не угасаемый свѣтъ въ жизни русскаго народа. Высоко-религіозная и преданная истинамъ православія, въ Бозѣ почивающая императрица зорко и неустанно слѣдила за духовно-нравственнымъ развитіемъ Русскаго государства и обращала особенное вниманіе на плачевное состояніе православія въ нашихъ западныхъ окраинахъ. Въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Украинѣ едвали найдется храмъ не одаренный отъ щедротъ ея. Выведенные изъ униженнаго состоянія православные каѳедральные соборы Вильны, Житоміра и другихъ городовъ получили отъ государыни богатыя облаченія, иконы, церковные сосуды и проч.; а нѣкоторыя изъ мѣстныхъ чтимыхъ иконъ украшены ею драгоцѣнными камнями; не были забыты при этомъ и сельскіе убогіе храмы, въ которые императрица пожертвовала церковную утварь и богослужебныя книги, давшія возможность возстановить прекращенное за неимѣніемъ ихъ богослуженіе. Въ особенности государыня заботилась объ улучшеніи тѣхъ православныхъ церквей, близъ которыхъ были воздвигнуты, съ цѣлью латинской пропаганды, величественные костелы, несоотвѣтствовавшіе своими громадными размѣрами малому количеству прихожанъ-католиковъ.

Не чужда была въ Бозѣ почившей императрицѣ и Холмская Русь. Съ искреннею радостью встрѣтила государыня движеніе холмскихъ уніатовъ къ возсоединенію съ православіемъ. Она одарила Холмскій каѳедральный соборъ богатыми вкладами и вообще оказывала помощь церквамъ Холмской епархіи, не исключая глухихъ уголковъ Холмщины, гдѣ деревенскіе храмы за время уніи были доведены до полнаго убожества и крайней нищеты. Возрожденное въ духѣ русской народности и вѣры, населеніе Холмскаго края вѣчно будетъ вспоминать имя государыни Маріи Александровны, и память о ея милостяхъ перейдетъ въ отдаленное потомство.

---

13. Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ.

(Стр. 121.)

Гравированный портретъ Гедеона Балабана составляетъ копію съ живописнаго портрета, находящагося въ Львовскомъ Онуфріевскомъ монастырѣ. Это—единственное изображеніе святителя, сохранившееся отъ уничтоженныхъ іезуитами и поляками портретовъ его.

Въ святительской дѣятельности епископа Гедеона Балабана рѣзко различается два періода: до брестской церковной уніи 1596 года и послѣ того. Въ первый изъ этихъ періодовъ Гедеонъ велъ борьбу съ Львовскимъ православнымъ братствомъ изъ-за имущественныхъ и іерархическихъ своихъ правъ и въ увлеченіи этою борьбою даже временно склонялся къ принятію только еще готовившейся тогда уніи съ римскою церковью. Но несомнѣнно Балабанъ нисколько не сочувствовалъ уніи, такъ какъ вслѣдъ за симъ онъ заявилъ протестъ противъ уніи и когда послѣдняя провозглашалась, 8 октября 1596 года, на брестскомъ соборѣ, въ то же самое время Балабанъ участвовалъ на православномъ соборѣ, осудившемъ измѣнниковъ православію и объявившемъ ихъ лишенными церковнаго сана. Съ тѣхъ поръ Балабанъ оставался до самой смерти своей († 1607 г.) на Львовской каѳедрѣ, сдѣлавшись борцомъ православія и ревностнымъ защитникомъ русской вѣры и народности отъ посягательствъ уніатовъ и польско-католиковъ. Въ качествѣ экзарха константинопольскаго патріарха, Гедеонъ Балабанъ управлялъ и другими викарными православными епархіями и, между прочимъ, Холмскою каѳедрою. Вѣроятно, въ бытность свою въ Замостьѣ, при обозрѣніи православныхъ церквей, не отпавшихъ еще въ унію, Гедеонъ утвердилъ, 30 марта 1606 г., уставъ Замостьскаго Николаевскаго братства. Среди многополезной дѣятельности епископа Балабана видное мѣсто занимаетъ исправленіе и изданіе имъ богослужебныхъ книгъ по греческимъ оригиналамъ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ по справедливости можетъ быть названъ предтечею кіевскаго митрополита Петра Могилы.

---

14. Кіевскій митрополитъ св. Петръ Могила.

(Стр. 145.)

Портретъ воспроизведенъ по фотографіи съ рѣдкаго портрета, находящагося въ Кіевѣ. Автографъ скопированъ, нѣсколько въ уменьшенномъ видѣ, съ грамоты, хранящейся въ императорской публичной библіотекѣ.

Петръ Могила, сынъ князя Симеона Волошскаго, родился въ 1590 году въ Молдавіи. Получивъ воспитаніе въ парижскомъ университетѣ, Могила поступилъ въ военную службу въ польскія войска. Въ 1625 году онъ принялъ монашество и уже въ слѣдующемъ году былъ посвященъ въ архимандриты Кіево-Печерской лавры, а въ 1631 году—въ санъ кіевскаго митрополита. Обладая умомъ и большою для того времени образованностью, и имѣя связи съ лучшими людьми и магнатами польскими

и западно-русскими, Петръ Могила сдѣлался выдающимся представителемъ южно-русскаго народа. Свои труды и заботы онъ посвятилъ развитію и упроченію духовно-нравственной жизни русскаго народа и защитѣ православной церкви отъ покушеній на нее со стороны католицизма. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи не осталась безъ успѣха. Ему обязана южно-русская церковь возстановленіемъ тѣхъ ея законныхъ правъ, которыя были подавлены уніей и латинствомъ; имъ обновлены пришедшіе въ ветхость или полное разрушеніе православные храмы; преобразована кіевская духовная академія, открыты многія училища, изданы нѣкоторыя богослужебныя книги, составленъ полный требникъ и написано нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ лучшимъ признается «Камень на сокрушеніе оболганія Саковича», составляющее обличеніе уніи.

Іерархическая власть Петра Могилы, какъ кіевскаго митрополита, простиралась и на Холмскую Русь. Возвращаясь, въ 1632 году, съ польскаго сейма изъ Варшавы, Петръ Могила посѣтилъ Холмъ и Люблинъ и въ это время освятилъ Люблинскую Преображенскую церковь и назначилъ игумена для Люблинскаго монастыря.

Петръ Могила скончался въ 1646 году. Мощи его почиваютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.

---

15. Сплѣтскій архіепископъ Маркъ-Антоній Господнѣчичъ.

(Стр. 138.)

Портретъ воспроизведенъ съ гравюры, приложенной къ сочиненію Господнѣчича «De republica ecclesiastica», изданному въ Гейдельбергѣ въ 1618 году.

Происходя отъ знатной славянской фамиліи, Маркъ-Антоній Господнѣчичъ родился въ 1560 году въ Раабѣ, въ Далмаціи, которая въ то время принадлежала Венеціанской республикѣ. Окончивъ воспитаніе въ іезуитской школѣ въ Падуѣ и вступивъ въ іезуитскій орденъ, онъ былъ преподавателемъ въ разныхъ публичныхъ школахъ и, не прерывая своихъ учебныхъ занятій, вступилъ въ духовное званіе. Вскорѣ онъ получилъ епископскую каѳедру въ Сеньѣ (или Ценгѣ) въ Далмаціи, а потомъ, въ 1602 году, былъ назначенъ архіепископомъ сплѣтскимъ или салонитанскимъ и примасомъ Далмаціи и Кроаціи. Съ сожалѣніемъ взирая на раздѣленіе христіанскихъ церквей, Господнѣчичъ, путемъ изученія твореній отцевъ церкви и преимущественно восточныхъ, пришелъ къ сомнѣнію въ правотѣ ученія католической церкви и открыто выступилъ въ нѣсколькихъ своихъ сочиненіяхъ противъ главенства папы и зависимости отъ него гражданскихъ властей Венеціанской республики. Отсюда произошли споры и столкновенія съ римскою куріею, которая начала выражать Господнѣчичу свое недовольство въ видѣ замѣчаній, угрозъ и т. п. Это вынудило Господнѣчича оставить сплѣтскую каѳедру и искать спасенія въ Англіи, въ которой въ то время произошло уже отдѣленіе церкви отъ Рима. Радушно встрѣченный королемъ Іаковомъ I, Господнѣчичъ торжественно отказался въ Лондонскомъ соборѣ св. Павла отъ католицизма и былъ назначенъ деканомъ виндзорскимъ, настоятелемъ савойскимъ и приходскимъ священникомъ вестъ-иселльскимъ. Вскорѣ

однако ему пришлось разочароваться въ истинѣ англиканскаго ученія, представлявшагося ему прежде идеаломъ ученія свободной христіанской церкви первыхъ вѣковъ. Паписты воспользовались этимъ его настроеніемъ и успѣли склонить Господнѣчича къ возвращенію въ лоно католической церкви. Понадѣявшись на всепрощеніе, Господнѣчичъ возвратился въ Римъ, но хотя и получилъ обѣщаніе епископской каѳедры, принеся предварительно тяжкое публичное покаяніе, однако вскорѣ былъ подвергнутъ суду инквизиціи и, заключенный въ тюрьму, скончался, не дождавшись рѣшенія своей участи. Это не стѣснило однако инквизицію издать и послѣ его смерти суровый приговоръ, по которому тѣло Господнѣчича, послѣ признанія его еретикомъ, было торжественно сожжено вмѣстѣ съ его сочиненіями, а пепелъ выброшенъ въ рѣку Тибръ.

Своими учено-литературными сочиненіями Господнѣчичъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей его времени. Изъ числа этихъ сочиненій его «Посланіе къ соепископамъ» (Consilium suae profectionis), переведенное почти на всѣ европейскіе языки, вызвало къ себѣ сочувствіе и со стороны южно-русскаго духовенства, которое воспользовалось этимъ сочиненіемъ для примѣненія его къ собственной своей защитѣ отъ притязаній властнаго римскаго католицизма.

Нѣсколько словъ объ этомъ сочиненіи изложено ниже, въ объясненіи гравюры, изображающей отрывокъ изъ южно-русскаго его перевода.

---

16. Гетманъ запорожскихъ казаковъ Богданъ Хмельницкій и его бердышъ.

(Стр. 149.)

Портретъ воспроизведенъ съ древней гравюры, находящейся въ собраніи портретовъ сенатора Д. А. Ровинскаго.

Подъ портретомъ помѣщенъ бердышъ Хмельницкаго съ изображеніемъ архистратига Михаила на одной сторонѣ и съ надписью на другой:

«Подъ Замосцемъ я Богданъ Хмельницкій съ 80 тисячъ козаковъ, а ляхамъ жедамъ и попамъ супостатамъ симъ Бердышемъ заграю на ихъ толстыхъ шияхъ козака року 1648 месяца лѣстопада (ноября) 11 дня».

Бердышъ этотъ, хранящійся въ краковскомъ академическомъ музеѣ, сдѣланъ изъ желѣза, вѣсомъ $10^3/_4$ фун. и въ $^1/_2$ аршина длины. Онъ окрашенъ красноватой краской, а буквы надписи желтоватой.

Подлинность орудія казацко-польской борьбы XVII вѣка представляется несомнѣнною. Въ надписи на немъ сдѣлано указаніе на 1648 г. и на городъ Замостье, гдѣ Богданъ Хмельницкій дѣйствительно былъ въ этомъ году. Въ то время слава гетмана достигла до такой степени, что отъ дальнѣйшаго движенія его войскъ народъ ожидалъ полнаго освобожденія Руси отъ польскаго владычества. Слѣдуя изъ подъ Львова къ Замостью, Хмельницкій былъ встрѣчаемъ и сопровождаемъ

нимъ убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости этой реформы. И онъ тѣмъ охотнѣе присталъ къ этому движенію, что начало ему было уже положено (въ іюнѣ 1591 г.) четырьмя западно-русскими епископами. Побывавъ въ Римѣ, въ сентябрѣ 1595 г., вмѣстѣ съ Терлецкимъ и формально принявъ унію на брестскомъ соборѣ, 8 октября 1596 г., Поцѣй сдѣлался ревнителемъ этого вѣроисповѣднаго измышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокимъ гонителемъ православія; своими гоненіями онъ вызвалъ такое раздраженіе въ народѣ, что на него было сдѣлано даже покушеніе: въ бытность его въ Вильнѣ ему былъ нанесенъ саблей ударъ, отсѣкшій два пальца лѣвой руки (отсѣченные пальцы, какъ драгоцѣнныя реликвіи, были подняты и возложены на алтарь Троицкаго монастыря). Поцѣю принадлежитъ инициатива учрежденія базиліанскаго ордена, отличавшагося особенною ненавистію къ православной церкви. Въ 1599 году Поцѣй былъ назначенъ уніатскимъ митрополитомъ и въ этомъ санѣ умеръ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ 18 іюля 1613 г.

---

19. Уніатскій лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ.

(Стр. 132.)

Портретъ Іосафата Кунцевича снятъ съ портрета, хранящагося въ портретной галлереѣ виленскихъ римско-католическихъ епископовъ.

Уніатскимъ монахамъ - базиліанамъ всегда желалось имѣть своего святаго. Такъ, у нихъ признавался «блаженнымъ» монахъ Симеонъ Яцкевичъ; задумывали они канонизовать митрополита Іосифа-Вельямина Рутскаго,—этого столпа уніи, а также уніата Аѳанасія; признавался «мученикомъ» и базиліанинъ Симеонъ Рупартовичъ, убитый при взятіи Бреста. Но всѣ эти базиліанскіе «блаженные» и «мученики» отодвинулись на задній планъ, коль скоро явился новый уніатскій «мученикъ».— Іосафатъ Кунцевичъ, причисленный римскою церковью за мнимыя страданія свои сначала къ лику блаженныхъ (beatorum), а потомъ святыхъ (sanctorum).

Уроженецъ Новоградъ-Волынска, полоцкій уніатскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, въ мірѣ Іоаннъ, при жизни своей не имѣлъ прямаго отношенія къ Холмско-Подляшскому краю; но облеченный уніатами и латинянами славою священномученика, онъ ложными своими мощами, пребывавшими около 180 лѣтъ въ городѣ Бѣлѣ, Сѣдлецкой губерніи, служилъ однимъ изъ сильныхъ средствъ къ распространенію и укрѣпленію уніи въ Забужной Руси. До фанатизма преданный римской церкви, Кунцевичъ распространялъ унію посредствомъ ожесточеннаго гоненія и тѣмъ вызвалъ сильное раздраженіе въ русскомъ народѣ и порицаніе даже со стороны поляковъ. Народная ненависть въ особенности проявилась въ городѣ Витебскѣ, жители котораго, не выдержавъ гоненій изувѣра, убили его 12 ноября 1623 г., выбросивъ тѣло его въ Двину. На третій день послѣ убійства, тѣло его было вытащено изъ воды и, предварительно набальзамированное, было погребено въ Полоцкѣ, въ Софійскомъ соборѣ. Гробъ сначала былъ замурованъ въ склепѣ, а послѣ поставленъ въ церкви. Когда русскія войска вступили, въ 1655 году, въ этотъ городъ, уніатскій архіепископъ Антоній Селява, захвативъ тѣло Іосафата, бѣжалъ съ нимъ въ Жи-

ровицы, откуда уніаты перевезли его въ г. Замостье Послѣ перехода Полоцка къ полякамъ, тѣло Кунцевича снова было привезено сюда и установлено въ Софійскомъ соборѣ. Отъ этихъ переѣздовъ тѣло лжемученика начало разлагаться и потомъ совершенно испортилось, и въ такомъ видѣ, можетъ быть утративъ слѣды своей цѣлости и даже подлинности, мнимыя мощи появились, въ началѣ XVIII вѣка, въ домашней часовнѣ князя Радзивила, близъ г. Бѣлы. Спустя лѣтъ 60, именно около 1769 года, мощи были перенесены въ Бѣльскую базиліанскую церковь Въ Бѣлѣ мощи открывались и, найденныя мокрыми и обгнившими, секретно просушивались и препарировались. Поставленные затѣмъ, въ 1769 году, въ церкви на видномъ мѣстѣ для поклоненія, мощи вмѣстѣ съ тѣмъ часто развозились по домамъ, пока это не было воспрещено папскимъ декретомъ отъ 16 февраля 1780 г. Неоднократные осмотры тѣла, разновременно производившіеся уніатами и однимъ русскимъ врачемъ, подтверждали постепенное его разрушеніе, такъ-что къ концу прошлаго вѣка оставались лишь немногія части тѣла, которыя въ 1874 году и были замурованы въ церковномъ склепѣ. Тѣмъ не менѣе, уніаты, подъ знаменемъ мнимыхъ мощей лжемученика, вели сильную пропаганду и пользовались ими для политическихъ демонстрацій, сдѣлавъ изъ г. Бѣлы оплотъ къ возвеличенію уніи и ополяченію мѣстнаго населенія. Но этимъ злонамѣреннымъ проявленіямъ ненависти къ русской вѣрѣ и русской народности былъ положенъ предѣлъ, какъ скоро Бѣльская церковь съ уніатскими реликвіями поступила въ завѣдываніе лицъ, незараженныхъ польско-латинскимъ фанатизмомъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь слѣдующаго замѣчательнаго факта. Та самая Бѣла, гдѣ такъ тщательно сохранялись какіе-то сомнительные остатки мощей уніатскаго лжемученика, куда стекались массы уніатскаго населенія, гдѣ мнимой рукой Іосафата благословляли народъ на возстаніе,—эта самая Бѣла одна изъ первыхъ возсоединилась съ православною церковью (12 января 1875 г., т е. до общаго возсоединенія Холмской епархіи). Въ этомъ знаменательномъ событіи, служащемъ краснорѣчивымъ финаломъ раздутой исторіи о мнимыхъ мощахъ Іосафата, видная роль принадлежитъ бывшему настоятелю Бѣльскаго прихода, протоіерею Николаю Ливчаку, который съумѣлъ убѣдить своихъ прихожанъ въ призрачности мощей и затѣмъ въ правотѣ ученія православной церкви.

---

20. Литовскій митрополитъ Іосифъ (Сѣмашко).

(Стр. 199.)

Портретъ воспроизведенъ по фототипическому портрету, приложенному къ собранію сочиненій митрополита Іосифа, изданному въ Петербургѣ въ 1883 году. Автографъ снятъ съ оригинала, принадлежащаго П. Н. Батюшкову.

Преосвященный Іосифъ родился 25 декабря 1798 г. въ селѣ Павловскѣ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи, отъ уніатскаго священника Іосифа Сѣмашко и супруги его Марѳы. Юный Іосифъ часто ходилъ въ православную церковь, богослуженіе которой оставило въ немъ сильное впечатлѣніе, упрочившееся подъ вліяніемъ перваго наставника его, православнаго Бочковскаго. Отличительными чертами

Іосифа были прилежаніе, любовь къ чтенію и крайняя религіозность. Время съ 1809 по 1816 годъ онъ провелъ въ немировской гимназіи, въ которой окончилъ курсъ первымъ ученикомъ. Поступивъ затѣмъ въ главную семинарію, состоящую при виленскомъ университетѣ, Іосифъ вышелъ изъ нея въ 1820 году со степенью магистра. Большинство воспитанниковъ семинаріи были католики; большая часть наставниковъ принадлежала къ составу латинскаго духовенства; система воспитанія имѣла въ своемъ основаніи начала, чуждыя православію и русской народности. Не смотря на все это, Іосифъ Сѣмашко оставилъ семинарію съ сильными предубѣжденіями противъ римско-католической церкви. Луцкій греко-уніатскій епископъ Яковъ Мартусевичъ, къ которому Сѣмашко явился по окончаніи семинарскаго курса, убѣдилъ его впрочемъ принять священство безъ вступленія въ бракъ, но Іосифъ согласился на это лишь потому, что былъ вообще равнодушенъ къ женитьбѣ. Сначала онъ былъ посвященъ въ діаконы, съ назначеніемъ засѣдателемъ луцкой консисторіи, а потомъ, 28 декабря 1821 г., въ священники. Въ 1822 году Іосифъ былъ назначенъ членомъ петербургской римско-католической коллегіи по уніатскому отдѣленію. Здѣсь молодой уніатскій каноникъ велъ тяжелую борьбу противъ латино-польскихъ интригъ и, съ непреклонною твердостью защищая права уніатской церкви, достигалъ величайшихъ успѣховъ; но, не довольствуясь этими успѣхами и желая совершенно оградить уніатскую церковь отъ покушеній на нея со стороны польско-католиковъ, Сѣмашко подалъ въ 1827 году правительству записку, описавъ въ ней угнетенное положеніе уніатской церкви и порабощенное состояніе русскаго народа и высказавъ свои соображенія для избавленія церкви и народа отъ конечной гибели. Эта записка была принята императоромъ Николаемъ I съ полнымъ сочувствіемъ, и 22 апрѣля 1828 г. послѣдовалъ указъ, въ силу котораго образована особая уніатская коллегія для самостоятельнаго управленія уніатскими дѣлами, уніатскіе базиліанскіе монастыри подчинены епархіальному начальству, учреждены отдѣльныя уніатскія семинаріи и низшія училища. Этотъ указъ далъ возможность дѣйствовать въ томъ же направленіи дальше: по иниціативѣ Сѣмашки, уніатское духовенство приступило къ очищенію обряда отъ латино-польскихъ искаженій. 8 августа 1829 г. Іосифъ былъ посвященъ въ епископы съ назначеніемъ въ викарные Бѣлорусской епархіи; оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ уніатской коллегіи, преосвященный дѣлалъ объѣзды по западнымъ губерніямъ, обозрѣвалъ семинаріи, училъ духовенство правильному восточному богослуженію и убѣждалъ священниковъ идти по пути сближенія съ православною церковью. Назначенный 2 апрѣля 1833 г. литовскимъ епархіальнымъ епископомъ, Іосифъ настоялъ въ коллегіи на введеніе въ уніатскихъ церквахъ богослужебныхъ книгъ православной церкви, устройство иконостасовъ и церковной утвари. Въ 1837 году послѣдовало подчиненіе уніатской церкви вѣдѣнію оберъ-прокурора св. синода. Вслѣдъ затѣмъ уніатское духовенство начало выражать въ особыхъ подпискахъ свою готовность подчиниться православной церкви. 12 февраля 1839 г. въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ былъ подписанъ актъ возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью въ числѣ болѣе 1.300 духовныхъ лицъ и свыше 1.500.000

народа. Осуществивъ завѣтное свое желаніе видѣть западно-русскій край обновленнымъ въ духѣ русской народности и русской вѣры, преосвященный Іосифъ въ дальнѣйшей своей патріотической дѣятельности въ санѣ архіепископа, а потомъ митрополита литовскаго положилъ не мало трудовъ и заботъ къ возрожденію края. Дѣятельными сподвижниками митрополита Іосифа были преосвященные Василій (Лужинскій), Антоній (Зубко) и Михаилъ (Голубовичъ).

Дѣятельность митрополита Іосифа по очищенію русскаго обряда отъ латинскихъ нововведеній и возсоединенію бывшихъ уніатовъ съ православною церковью имѣла благотворное вліяніе и на Забужную Русь. Въ послѣдней тоже обнаружилось подобное движеніе. Нѣсколько подляшскихъ уніатскихъ священниковъ изъявили желаніе слѣдовать примѣру литовскихъ уніатовъ и вошли по этому предмету въ сношеніе съ митрополитомъ Іосифомъ, который предстательствовалъ за нихъ предъ правительствомъ. Съ 1840 года и въ Забужной Руси четыре уніатскихъ прихода приняли православіе, по примѣру бывшихъ уніатовъ литовскихъ.

Митрополитъ Іосифъ скончался 23 ноября 1868 г. и погребенъ въ Вильнѣ, въ пещерной церкви Свято-Духовскаго монастыря, въ устроенномъ имъ для себя каменномъ гробѣ подъ ракою виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія.

21. Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій.

(Стр. 203.)

Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій родился въ 1824 году. Воспитаніе онъ получилъ въ московскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1844 году кандидатомъ юридическихъ наукъ. Служебную дѣятельность свою князь Черкаскій впервые проявилъ въ должностяхъ члена тульскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, а потомъ члена главной редакціонной коммиссіи. Съ 1863 года онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ помощниковъ Н. А. Милютина по преобразованію царства Польскаго. Занимая здѣсь должности члена учредительнаго комитета и главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, кн. Черкаскій былъ главнымъ дѣятелемъ по введенію коренныхъ реформъ въ краѣ, къ числу которыхъ относятся: отмѣна патронатства или ктиторства польскихъ помѣщиковъ надъ уніатскими приходами, упраздненіе базиліанскихъ монастырей,— этихъ разсадниковъ католицизма среди уніатскаго населенія, преобразованіе греко-уніатскихъ учебныхъ заведеній, улучшеніе быта уніатскихъ священниковъ, возстановленіе правильнаго восточнаго богослуженія, произвольно искаженнаго въ уніатскихъ церквахъ, закрытіе римско-католическихъ монастырей, оказавшихся излишними или выказавшихъ преступное участіе въ польскомъ возстаніи и т. д. Кромѣ того, по званію члена учредительнаго комитета, кн. Черкаскій принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ быта крестьянъ и организаціи сельскаго самоуправленія на началахъ указовъ 19 февраля 1864 г. Организаторская дѣятельность кн. Черкаскаго была прервана въ концѣ 1866 года. Послѣ того онъ былъ избранъ московскимъ городскимъ головой. Когда настало время освобожденія болгаръ отъ

турецкаго владычества, кн. Черкаскій былъ призванъ къ устройству гражданскаго управленія въ родственной намъ славянской странѣ и въ то время, когда эти работы приходили къ концу, въ тотъ день, когда Россія подписывала въ Санъ-Стефано, 19 февраля 1878 г., мирный договоръ съ Турціей,—смерть сразила русскаго государственнаго человѣка, одного изъ главныхъ исполнителей преобразовательныхъ реформъ послѣдняго времени, произведенныхъ въ Россіи, Польшѣ и Болгаріи.

---

22. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

(Стр. 207.)

При объединеніи всего Привислинскаго края съ губерніями имперіи, когда были упразднены существовавшія въ бывшемъ царствѣ Польскомъ особыя министерства подъ названіемъ правительственныхъ коммиссій, высшее завѣдываніе греко-уніатскими дѣлами было сосредоточено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которое состояло тогда въ управленіи графа Д. А. Толстаго, одновременно съ тѣмъ занимавшаго и постъ оберъ-прокурора св. синода. Уніатскій вопросъ въ то время находился въ положеніи, требовавшемъ особенной заботливости, твердаго направленія, глубокаго знанія дѣла и строгой послѣдовательности. Система дѣйствій къ возрожденію русской народности въ Холмско-Подляшскомъ краѣ и очищенію уніатскаго богослуженія отъ произвольныхъ латино-польскихъ добавленій была установлена еще во время управленія уніатскими дѣлами княземъ В. А. Черкаскимъ, но исполненіе и завершеніе этого плана ожидались отъ новаго епископа холмскаго Михаила Куземскаго. Этотъ галицкій патріотъ, выказавшій столько энергіи и труда въ защитѣ русскихъ національныхъ правъ своей родины, не оправдалъ однако возлагавшихся на него, въ отношеніи Холмской епархіи, ожиданій и не исполнилъ принятаго на себя обязательства—точно и послѣдовательно осуществить программу русскаго правительства, не смотря на то, что гр. Д. А. Толстой предоставилъ ему возможность дѣйствовать съ бо́льшею самостоятельностію и независимостію. Шаткая, нерѣшительная и двусмысленная дѣятельность Куземскаго была оцѣнена по достоинству. Графъ Д. А. Толстой, изучившій всю тактику римской церкви и ея приверженцевъ, какъ при разработкѣ исторіи иностранныхъ исповѣданій и римскаго католицизма въ Россіи, такъ и во время близкаго и продолжительнаго управленія духовными дѣлами въ Россіи, не могъ уже положиться на епископа Куземскаго. Послѣ увольненія послѣдняго, графъ Дмитрій Андреевичъ избралъ изъ среды духовенства Холмской епархіи людей, понявшихъ предстоявшую задачу и съумѣвшихъ осуществить тѣ мѣры, которыя исходили отъ руководящей власти. Этотъ удачный выборъ мѣстныхъ дѣятелей церковнаго управленія имѣлъ для уніи рѣшающее значеніе, приведя русскій народъ Холмско-Подляшскаго края къ возсоединенію съ православною церковью.

Все это совершилось подъ руководствомъ и высшимъ наблюденіемъ гр. Д. А. Толстаго во время занятія имъ постовъ оберъ-прокурора св. синода и министра народнаго просвѣщенія (1865—1880 гг.).

Оцѣнка дѣятельности гр. Д. А. Толстаго по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а въ томъ числѣ и по управленію уніатскимъ дѣломъ Холмскаго края (1868—1874 гг.) принадлежитъ исторіи. Но при этомъ нельзя не упомянуть, что Забужная Русь обязана графу Д. А. Толстому еще тѣмъ. что памятники ея древности подверглись изученію и широкой разработкѣ. Предпринятое въ 1868 году, по высочайшему повелѣнію, изданіе «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», съ выходомъ въ свѣтъ, въ 1874 году, VI выпуска, было пріостановлено и лишь 9 лѣтъ спустя, по всеподданнѣйшему докладу гр. Д. А. Толстаго, возобновлено это изданіе, появившись въ свѣтъ въ видѣ VII и VIII выпусковъ, которые относятся исключительно къ исторіи и этнографіи Холмщины и Подляшья; вслѣдъ за этимъ изданіемъ, по всеподданнѣйшему ходатайству графа, предпринято изданіе и настоящей книги. Такимъ образомъ, благодаря просвѣщенному и патріотическому содѣйствію графа Дмитрія Андреевича, древняя Забужная Русь и уцѣлѣвшіе памятники старины подверглись всестороннему изслѣдованію и явились въ свѣтъ въ видѣ болѣе или менѣе капитальныхъ научныхъ статей, художественныхъ изображеній въ портретахъ, памятникахъ древняго зодчества, палеографіи и т. п. и наконецъ особаго историческаго иллюстрированнаго очерка, въ которомъ нашли себѣ мѣсто и настоящія строки.

23. Уніатская депутація изъ Холмской Руси 1875 года.

(Стр. 209.)

Уніатская депутація изъ Холмской Руси представлялась государю императору Александру Николаевичу и государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ, въ присутствіи государя наслѣдника-цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго государя императора Александра Александровича, 25 марта 1875 г., по случаю возсоединенія холмскихъ уніатовъ съ православною церковью. Депутація эта состояла изъ слѣдущихъ лицъ:

1. Администратора Холмской епархіи, старшаго соборнаго протоіерея Маркелла Попеля (нынѣ полоцкій и витебскій православный епископъ).

2. Ректора холмской духовной семинаріи, старшаго соборнаго протоіерея Ипполита Криницкаго (скончался въ 1881 году).

3. Секретаря епархіальной консисторіи, соборнаго протоіерея Іоанна Гошовскаго (нынѣ каѳедральный протоіерей Холмскаго собора и членъ духовнаго правленія).

4. Соборнаго протоіерея, магистра Филиппа Дьячана (нынѣ ординарный профессоръ варшавскаго университета).

5. Бѣлгорайскаго благочиннаго, протоіерея Кирилла Хрусцевича.

6. Томашовскаго благочиннаго, протоіерея Северіана Уляницкаго (скончался въ 1880 году).

7. Грубешовскаго благочиннаго, священника Климентія Левицкаго.

8. Замостьскаго благочиннаго, священника Іоанна Гайды.

9. Красноставскаго благочиннаго, священника Александра Концевича.

10. Холмскаго благочиннаго, священника Александра Бобикевича.

11. Бѣльскаго благочиннаго, протоіерея Николая Ливчака.

12. Влодавскаго благочиннаго, священника Іоанна Плютинскаго.

13. Старшаго учителя холмской духовной семинаріи, кандидата богословія Николая Поцѣя.

Портреты этихъ лицъ воспроизведены по фотографіи, снятой въ Петербургѣ въ 1875 году.

Въ числѣ депутатовъ находились выборные отъ мѣщанъ и крестьянъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, всего 21 лицо.

В. Виды мѣстностей и зданій.

24. Городъ Холмъ въ XVI вѣкѣ.

(Стр. 25.)

Гравюра составляетъ точную копію съ рисунка, приложеннаго къ сочиненію холмскаго епископа Якова Суши—«Phoenix tertiato redivivus».

Основаніе города Холма скрывается въ глубокой древности. Сохранилось преданіе, что прежде городъ былъ расположенъ надъ рѣкою Дарцею, теперь уже несуществующей, у подножія горы, поросшей густымъ лѣсомъ; но есть другое преданіе, записанное епископомъ Яковомъ Сушею и гласящее, что Холмъ былъ основанъ св. Владиміромъ еще до крещенія Руси; ему же приписывается и сооруженіе древнѣйшаго холмскаго храма—собора Рождества пресв. Богородицы. О существованіи Холма уже въ XI вѣкѣ упоминается у Длугоша, который подъ 1074 годомъ указываетъ, что укрѣпленные города Владиміръ и Холмъ находились тогда во власти владѣтельнаго князя Григорія. По сказаніямъ ипатіевской лѣтописи, Холмъ былъ заложенъ княземъ галицкимъ Даніиломъ Романовичемъ, который, обративъ вниманіе на красивое мѣсто и узнавъ отъ туземцевъ, что оно называется Холмомъ, создалъ городъ Холмъ, построивъ на горѣ церковь во имя Іоанна Златоустаго. Это было около 1235 года. Можно однако полагать, что князю Даніилу принадлежитъ расширеніе и укрѣпленіе уже основаннаго прежде города. Въ 1240 году татары осаждали городъ, но безуспѣшно. Съ того времени положеніе города упрочилось, и онъ началъ привлекать къ себѣ поселенцевъ. Даніилъ сдѣлалъ его столицей своего княжества и перевелъ сюда изъ Угровска каѳедру православнаго епископа. Въ 1259 году отъ неосторожности женщины въ Холмѣ сдѣлался пожаръ, истребившій весь городъ. Князь вновь отстроилъ городъ и богато украсилъ его храмы. Даніилъ скончался въ 1264 году и погребенъ въ каменномъ гробѣ, въ нишѣ Холмскаго собора. Со смертію этого могущественнаго князя, Галицко-Волынская Русь, раздѣленная между его сыновьями и братомъ, сначала по частямъ, а потомъ во всемъ своемъ

составѣ, подпала владычеству Литвы и затѣмъ Польши. Въ 1349 году польскій король Казиміръ III захватилъ г. Холмъ и отдалъ его на ленномъ правѣ Гедиминовичамъ, но вскорѣ присвоилъ его себѣ. Въ 1359 году городъ занялъ литовскій князь Ольгердъ. Возвращенный опять Казиміру, городъ поступилъ на ленномъ правѣ къ литовскому князю Юрію Наримонтовичу. Когда же противъ нападеній послѣдняго вооружился польскій король Людовикъ, Холмъ былъ присоединенъ, въ 1377 году, къ Польшѣ. Утративъ съ тѣхъ поръ свое политическое положеніе, упроченное за нимъ княземъ Даніиломъ, Холмъ удержалъ однако за собой значеніе религіознаго центра русской области, сдѣлавшись оплотомъ православной вѣры. Съ цѣлью распространенія латинства, около 1377 года, въ Холмѣ была учреждена латинская епископская каѳедра, которая, въ 1473 году, была перенесена въ Грубешовъ. Измѣнникъ и гонитель православія, литовско-польскій король Ягелло (Владиславъ II), уничтоживъ въ 1392 году древнее русское городовое управленіе, даровалъ жителямъ Холма магдебургское право, а сынъ и преемникъ его, Владиславъ III, пожаловалъ холмской епископіи многія льготы и привиллегіи. Пожаръ 1473 года снова истребилъ городъ, а въ 1499 году его опустошили татарскія полчища. Введеніе въ западно-русской церкви уніи 1596 года и принятіе ея на брестскомъ соборѣ холмскимъ уніатскимъ епископомъ Діонисіемъ Збируйскимъ постепенно измѣнило прежнее положеніе Холма, какъ и всей Холмской Руси, подвергшейся гоненію со стороны латинскаго духовенства и польскаго правительства. Когда же наступило разложеніе Польскаго государства, судьба Холмщины начала подвергаться разнымъ превратностямъ. 1 августа 1764 г. Холмъ заняли русскія войска, удивившія уніатовъ своею обходительностію, которой не встрѣтили они въ обращеніи австрійскихъ войскъ, вступившихъ въ этотъ городъ въ августѣ 1772 года. Въ 1794 году Холмъ снова заняли русскія войска. Это было предъ третьимъ раздѣломъ Польши (1795 г.), когда Холмъ перешелъ къ Австріи. При образованіи затѣмъ Варшавскаго герцогства (1807 г.) Холмская Русь вошла въ его составъ, но въ 1812 году была присоединена къ Россіи, которой съ тѣхъ поръ и принадлежитъ. Преобразованія бывшаго царства Польскаго, начавшіяся послѣ мятежа 1863 года, весьма широко коснулись и Холмской Руси, вступившей съ тѣхъ поръ въ обновленномъ видѣ въ ту историческую жизнь древней русской области, которая была создана и поддерживаема усиліями благовѣрныхъ русскихъ князей, ревнителей и защитниковъ православной вѣры и русской народности.

Древняя столица галицкихъ князей, пережившая и татарское нашествіе, и польское владычество, нынѣ находится въ скромномъ положеніи уѣзднаго города Люблинской губерніи. Не смотря на это, Холмъ до настоящаго времени считается центральнымъ пунктомъ Холмско-Подляшскаго края, умственнымъ и религіознымъ его средоточіемъ. Здѣсь существуетъ нѣсколько учебныхъ заведеній: духовная семинарія, духовное училище, учительская семинарія, мужская гимназія, женское училище, двѣ начальныя школы; въ этихъ заведеніяхъ молодое поколѣніе получаетъ воспитаніе въ духѣ православія и русской народности; при каѳедральномъ соборѣ состоитъ св. Богородицкое братство, основанное въ 1617 году, возстановленное 7 сен-

тября 1879 г., принятое подъ высочайшее покровительство 15 мая 1882 и имѣющее своей задачей укрѣпленіе въ возсоединенномъ населеніи истинъ православія и сознанія своей русской народности. При этомъ братствѣ, въ 1882 году, учрежденъ церковно-археологическій музей, въ которомъ хранятся весьма цѣнные документы XIV и XV вѣковъ, касающіеся мѣстной старины.

Въ Холмѣ находится восемь православныхъ церквей: каѳедральный соборъ Рождества пресв. Богородицы и церкви: св. Михаила митрополита, основанная въ 1881 году при архіерейскомъ домѣ; преп Маркелла гробокопателя, устроенная въ томъ же домѣ въ 1875 году; св. Николая; св. Іоанна Богослова, сооруженная въ 1852 году для православныхъ; св. Варвары; св. Духа и часовня св. Кирилла и Меѳодія.

(*Упоминается на стр. 8, 9, 14, 17, 18, 22—24, 38, 40, 44, 46, 91, 96, 154, 155 и 160.*)

---

25. Бѣлавинская башня близъ Холма.

(Стр. 13.)

Въ двухъ верстахъ отъ г. Холма, въ деревнѣ Бѣлавинѣ находятся остатки башни, называемой по имени этой деревни. Отъ старинной башни до нашего времени сохранилась западная стѣна, шириною около 12 аршинъ, съ примыкающими къ ней остатками двухъ другихъ стѣнъ, толщиною въ 1½ аршина. Высота стѣнъ доходитъ до 30 аршинъ. Башня сложена изъ дикаго—синяго и бѣлаго—камня, связаннаго пришедшимъ въ окаменѣніе цементомъ; слѣдовъ кирпича, желѣза или дерева вовсе нѣтъ. По сказанію мѣстныхъ старожиловъ, записанному холмскимъ епископомъ Яковомъ Сушей, Бѣлавинская башня въ древности была крѣпостью; другіе же увѣряли Сушу, что башня, до принятія русскимъ народомъ христіанства, была языческимъ капищемъ. Польскіе изслѣдователи холмской старины предполагаютъ, что башня имѣла характеръ сторожеваго пограничнаго поста, защищавшаго Холмъ отъ нападеній непріятеля, и одинъ изъ изслѣдователей (Балинскій) замѣчаетъ, что Бѣлавинская башня защищала переправу чрезъ болота и р. Угеръ къ холмскому замку. Ипатіевская лѣтопись, описывая основаніе княземъ Даніиломъ, около 1235 года, города Холма, упоминаетъ о Бѣлавинской башнѣ въ слѣдующихъ словахъ: «стоитъ же столпъ *поприще* (русская линейная мѣра XII вѣка, равняющаяся 2-мъ верстамъ) каменъ а въ немъ орелъ каменъ изваянъ, высота же камени десяти лакотъ, съ головами же и подножьками 12 лакотъ». Установку каменнаго орла, какъ герба Византійской имперіи, приписываютъ Роману Мстиславичу. Суровый видъ многовѣковой башни, сооруженной среди топкаго, непроходимаго болота, въ воображеніи народа создалъ цѣлую легенду о постройкѣ башни чародѣемъ, закабалившимъ въ стѣнахъ башни похищенную имъ русскую княжну.

(*Упоминается на стр. 7 и 12.*)

26. Столпьенская башня близъ Холма.

(Стр. 21.)

Столпьенская башня находится въ сел. Столпье, въ 9 верстахъ отъ г. Холма. Представляя собою четыреугольный столпъ, башня эта имѣетъ около 20 арш. высоты, а стѣны ея доходятъ до 7 аршинъ. Сложена она изъ мѣстнаго дикаго камня, скрѣпленнаго цементомъ, безъ признаковъ желѣзныхъ связей и, повидимому, составляетъ только часть какого либо большаго сооруженія, такъ какъ въ 8—10 шагахъ отъ нея находятся остатки каменнаго фундамента. Изъ подошвы кургана, на которомъ стоитъ башня, бьетъ сильный родникъ съ кристальною водою, имѣющею, по разсказамъ, цѣлительное свойство. О происхожденіи Столпьенской башни существуетъ нѣсколько преданій, записанныхъ епископомъ Яковомъ Сушей. По сказанію однихъ, при с. Столпье существовало четыре башни, на которыхъ высился дворецъ, разрушенный впослѣдствіи непріятелемъ. Другіе придаютъ Столпьенской башнѣ, какъ и Бѣлавинской, значеніе языческаго капища. Наконецъ, утверждаютъ, что эти башни сооружены княземъ Щекомъ для того, чтобы съ высоты ихъ любоваться приходящимъ къ водопою звѣремъ. По мнѣнію польскихъ ученыхъ, столпы подъ Холмомъ были граничными башнями, сооруженными галицкими князьями Даніиломъ и Львомъ во время войнъ съ Польшей и ограждавшими Холмъ отъ непріятельскаго вторженія. Но это заключеніе опровергается ипатіевскою лѣтописью, изъ которой видно, что Столпье существовало ранѣе княженія Даніила Романовича. Въ лѣтописи сказано: «Княгиня же Романовая посла Мирослава ко Лестькови глаголющи (1207 г.): «а якосѣ всю землю нашю и отцину держить, а сынъ мой во одиномъ Берестьи» Олександръ прія Угровескъ, Верещинъ, *Столпье*, Комовъ и да Василькови Бѣлзъ». «Времени же минувшю (1211—1213 г.г.) ѣха Данилъ ко Мьстиславу въ Галичь, реки на Лестька: «я ко отчину мою держить»; оному же вещавшю: «сыну! за первую любовь не могу нань востати; а налѣзи собѣ други, Данилу же возвратившуся къ домови, и ѣха съ братомъ и прія Берестій и Угровескъ и Верещинъ, и *Столпье*, Комовъ и всю Урайну».

(*Упоминается на стр. 7.*)

27. Холмскій каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ.

(Стр. 45.)

Собиратель холмской старины, уніатскій епископъ XVII вѣка Яковъ Суша записалъ въ своей книгѣ «Фениксъ» преданіе, что Холмскій Пречистенскій соборъ построенъ великимъ княземъ кіевскимъ Владиміромъ; по сказанію же ипатьевской лѣтописи, храмъ этотъ былъ сооруженъ или возстановленъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ около 1235 года, когда была перенесена имъ епископская каѳедра изъ Уг-

ровска въ Холмъ. Какое изъ этихъ сказаній вѣрнѣе —неизвѣстно; во всякомъ случаѣ Холмскій соборъ составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ западной Руси, что явствуетъ уже изъ того, что въ его алтарѣ, на каменномъ столбѣ, разобранномъ въ 1638 году епископомъ Меѳодіемъ Терлецкимъ при перестройкѣ храма, существовала греческая надпись съ означеніемъ 1001 года. Какъ по тому положенію, которое имѣлъ въ Холмской Руси самый городъ Холмъ, такъ и по древней святынѣ—чудотворной иконѣ Божіей Матери (см. особый рисунокъ и описаніе къ нему), Холмскій соборъ имѣлъ весьма важное значеніе. Его стѣны долгое время служили мѣстомъ упокоенія благочестивыхъ князей русскихъ, кіевскихъ митрополитовъ, холмскихъ епископовъ и другихъ православныхъ іерарховъ. Такъ, здѣсь возлегли усопшіе князья Даніилъ Романовичъ († 1264 г.), Романъ Даниловичъ († 1260 г.), Шварнъ Даніиловичъ († 1268 г.), Михаилъ Юрьевичъ († 1284 г.), Владиміръ Васильковичъ и проч. Во время пожара 1259 года соборъ сгорѣлъ, но князь Даніилъ вновь его отстроилъ и украсилъ; въ числѣ украшеній замѣчательна была мраморная чаша для освѣщенія воды, поставленная предъ царскими вратами. Въ 1261 году татары напали на Холмъ: сначала, подъ вліяніемъ страха, они отступили; но вскорѣ снова сдѣлали нападеніе, при чемъ сильно пострадалъ и соборъ, который былъ обновленъ спустя лишь 100 лѣтъ послѣ того. Съ принятіемъ холмскимъ епископомъ Діонисіемъ Збируйскимъ, въ 1596 году, уніи, Холмскій соборъ, вмѣстѣ съ чудотворною иконой, сдѣлался достояніемъ уніатовъ и потомъ перешелъ къ монахамъ - базиліанамъ. Въ 1650 году, съ возстановленіемъ Холмской православной каѳедры на основаніи зборовскаго договора 1649 года, соборъ былъ возвращенъ православнымъ но не надолго, такъ какъ въ 1652 году уніатская каѳедра въ Холмѣ была вновь возстановлена и соборъ снова перешелъ къ уніатамъ, которые и владѣли имъ до послѣдняго возсоединенія Холмскихъ уніатовъ съ православною церковью. Во время нахожденія храма въ рукахъ уніатовъ онъ неоднократно передѣлывался то подъ видомъ расширенія его, то «вслѣдствіе большой старины каменныхъ стѣнъ»; передѣлки эти производились дотолѣ, пока православный храмъ, сооруженный благочестивою ревностію русскихъ князей, не обратился по своему внѣшнему и внутреннему виду въ положеніе, мало отличавшееся отъ латинскаго костела. Такъ, на фасадѣ храма появились башни западной архитектуры, а внутри его было устроено пять боковыхъ престоловъ; иконостасъ былъ устраненъ; чудотворная икона перенесена въ алтарь и установлена надъ главнымъ престоломъ, имѣвшимъ видъ латинскаго. Въ 1802 году опять случился пожаръ, почти совершенно истребившій соборный храмъ, который послѣ того былъ возобновленъ лишь въ 1827 году, а освященъ только въ 1839 году, при чемъ былъ устроенъ и иконостасъ. Въ 1870 году правительство ассигновало 55.000 руб. на ремонтъ собора и его улучшеніе, а въ 1875 году, въ годъ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, было отпущено 67.000 рублей. Это пособіе дало возможность устроить внутренній и внѣшній видъ храма соотвѣтственно тому высокому значенію, которое онъ издревле занимаетъ въ Холмской Руси.

(*Упоминается на стр. 17, 39, 40, 86, 98—100, 146, 148—151, 160, 162, 164, 171 и 182.*)

28. Башня XIII вѣка, построенная княземъ Владиміромъ Васильковичемъ близъ м. Каменца-Литовскаго.

(Стр. 29.)

Каменецъ-Литовская башня составляетъ замѣчательный памятникъ древняго Владиміро-Галицкаго княжества, въ составъ котораго входила Холмская Русь. По лѣтописнымъ сказаніямъ, владиміро-волынскій князь Владиміръ Васильковичъ (1272—1289 г.г.), укрѣпивъ Брестъ отъ нападеній ятвяговъ и литовцевъ, задумалъ построить за Брестомъ другой городъ; но прежде, чѣмъ осуществить свое намѣреніе, онъ взялъ пророческую книгу, мысленно обратясь къ Богу съ молитвой. Открывъ книгу, онъ остановилъ свой взоръ на слѣдующихъ словахъ пророка Исаіи: «и созиждутъ пустыни вѣчныя запустѣвшыя прежде воздвигнутъ, и обновятъ грады пустыя опустошенныя въ роды». (Исаія, гл. 61, ст. 4). Усмотрѣвъ въ такомъ совпаденіи пророческихъ словъ съ его мыслію волю Божію, князь послалъ искуснаго «городника» (строителя городовъ) Олешко отыскивать мѣсто для постройки города, и, когда послѣдній выбралъ мѣсто надъ берегомъ рѣки Лосны, Владиміръ, одобривъ выборъ Олешки, приказалъ строить городъ, который и назвалъ Каменцемъ, потому что земля здѣсь была камениста. Въ лѣтописи подъ 1288 годомъ говорится, что Владиміръ Васильковичъ «за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемомъ Льстнѣ и нареченимя ему Каменецъ... Созда же въ немъ столпъ каменъ высотою 17 сажней, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань»... Въ началѣ XIV вѣка г. Каменецъ былъ взятъ литовскимъ княземъ, а въ 1382 году его занялъ мазовецкій князь, но въ слѣдующемъ году городъ сданъ литовцамъ. По мирному договору между Ягайломъ и Витовтомъ, городъ Каменецъ перешелъ, въ 1384 году, къ послѣднему, но въ 1390 г. Ягайло, отбивъ каменецкую крѣпость, присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Во всѣхъ этихъ войнахъ каменецкая башня, какъ часть городской крѣпости, исполняла важную роль. Въ нынѣшнемъ столѣтіи на башнѣ вывѣшивали флагъ въ знакъ прекращенія торговли во время богослуженія въ праздничные дни; во время же послѣдняго польскаго возстанія русскія войска поставили на ней оружія для отраженія повстанцевъ.

Башня имѣетъ высоты 16 саж., а въ діаметрѣ болѣе 6 саж. со стѣнами, толщина которыхъ въ основаніи болѣе 2 арш. Сложена она изъ кирпича, пришедшаго теперь въ окаменѣлое состояніе.

(Упоминается на стр. 19.)

29. Успенская церковь въ г. Щебрешинѣ, Замостьскаго уѣзда, Люблинской губерніи.

(Стр. 53.)

Точныхъ свѣдѣній о времени основанія этой церкви не сохранилось, но о древности ея свидѣтельствуютъ нѣкоторые старинные документы, хранящіеся въ подлинникѣ при Щебрешинской церкви. Одинъ изъ этихъ документовъ утверждаетъ, что владѣлецъ Щебрешинскаго округа, межирѣчскій воевода, князь Андрей съ Горки, русской религіи, въ 1194 году построилъ въ Щебрешинѣ каменную церковь во имя Успенія пресвятой Дѣвы Маріи; но едва ли это вѣрно, такъ какъ Горко жилъ гораздо позже. Изъ тѣхъ же документовъ оказывается, что основатель храма Андрей Горка погребенъ въ церкви «подъ мѣстной иконой Богородицы, возлѣ маленькаго престола». Въ древнее время храмъ имѣлъ богатую утварь; такъ, изъ «ревизіи», произведенной епископомъ холмскимъ и белзскимъ Іосифомъ Левицкимъ, 25 декабря 1721 г., видно, что въ Щебрешинской церкви находились серебряно-вызолоченая дарохранительница, украшенная алмазами, двѣ серебряныя чаши, серебряныя ризы на иконахъ съ золотою цѣпью на одной изъ нихъ, и проч.; но изъ числа этихъ драгоцѣнностей,—какъ свидѣтельствуетъ настоятель прихода Иванъ-Карлъ Липовецкій (1776—1793 г. г.) въ своемъ «Описаніи наслѣднику»,—серебряныя ризы съ иконъ Спасителя и Богородицы, по повелѣнію цезаря Іосифа II, были переданы въ 1789 году въ Вѣну, въ государственное казначейство, съ назначеніемъ, впрочемъ, вознагражденія изъ цезарскаго казначейства «по три злотыхъ со ста».

Древній городъ Щебрешинъ составлялъ прежде частную собственность православныхъ дворянъ Горко, а впослѣдствіи перешелъ къ польскимъ магнатамъ гр. Замойскимъ. Въ настоящее время онъ считается безъуѣзднымъ городомъ Замостьскаго уѣзда.

(Упоминается на стр. 40.)

---

30. Преображенская церковь въ селѣ Сычинѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

(Стр. 59.)

Сычинская церковь—одна изъ древнѣйшихъ церквей Подляшья, такъ какъ постройка ея относится къ XV вѣку. Въ настоящее время она дошла до полнаго разрушенія: стѣны пробиты насквозь и отверстія мѣстами заложены мохомъ и камешками; соломенная крыша полуобнажена; вмѣсто креста,—этой необходимой принадлежности всякаго христіанскаго храма,—гнѣздо аиста... Внутренній видъ церкви находится въ такомъ же убогомъ состояніи, а отъ иконостаса остались лишь признаки былаго его существованія. Это—живой памятникъ рачительности польскихъ

пановъ-католиковъ, «патроновъ» уніатскихъ храмовъ, и заботливости уніатскихъ священниковъ о своихъ церквахъ. Сычинскій приходъ упраздненъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, а церковь причислена къ Сворскому приходу.

Село Сычинъ находится въ 12 верстахъ отъ города Бѣлы и въ такомъ же разстояніи отъ г. Межирѣчья.

(Упоминается на стр. 41.)

---

31. Яблочинскій Онуфріевскій монастырь, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

(Стр. 185.)

Яблочинскій монастырь, расположенный на лѣвомъ берегу р. Буга, въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Сѣдлецкой губерніи, въ 2 верстахъ отъ села Яблочна, представляетъ собою драгоцѣнный памятникъ древняго православія въ Забужной Руси, какъ оставшійся вѣрнымъ своему исповѣданію отъ временъ своего основанія. Въ монастырѣ находились документы, которые могли повѣдать правдивую исторію православной обители и выяснить время ея основанія, но эти документы захвачены уніатами при разграбленіи ими, въ 1754 году, монастыря, такъ-что до нашего времени дошло лишь преданіе, которое повѣствуетъ, что основаніе монастырю было положено явленіемъ иконы св. Онуфрія, приплывшей по рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ теперь находится монастырь. Достовѣрно однако, что монастырь существовалъ уже въ XV вѣкѣ, какъ объ этомъ упоминается въ грамотѣ короля Сигизмунда I отъ 1 августа 1522 г. По указанію записи, сдѣланной въ древнемъ яблочинскомъ евангеліи 29 мая 1624 г., монастырь основанъ православными вельможами Богушами, которые пользовались большою извѣстностью въ XV и XVI вѣкахъ. Кромѣ того, изъ выписей о монастырскихъ фундушахъ извѣстно, что монастырь былъ основанъ въ вотчинномъ имѣніи князя Радзивила—Славатыче, находившемся въ заставномъ владѣніи княгини Мосальской. Пользуясь доходами съ имѣній, пожертвованныхъ Лещинскими и князьями Пронскими, и поддержкою окружавшаго его православнаго населенія, Яблочинскій монастырь, со введеніемъ уніи, началъ приходить въ упадокъ и оскудѣніе, изъ которыхъ вывелъ его отчасти іеромонахъ Макарій Корниловичъ, соорудившій церковь, колокольню, кельи и проч. Труды Корниловича на пользу обители были оцѣнены по достоинству кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ, приславшимъ монастырю грамоту отъ 18 сентября 1659 г. Въ 1670 году монастырь перешелъ въ вѣдѣніе луцкаго православнаго епископа, князя Гедеона Четвертинскаго; но когда Луцкая епархія отпала въ унію (1712 г.), монастырь поступилъ подъ власть кіевскаго митрополита. Къ этому времени относятся притѣсненія и обиды, чинимыя православной обители уніатами, которые безцеремонно дѣлали на нее нападеніе, грабили ее, преграждали православнымъ путь къ обители; одновременно съ тѣмъ польскою шляхтою были захвачены монастырскія

земли и наконецъ отобраны прямые монастырскіе прихожане—жители села Яблочна—посредствомъ совращенія ихъ въ унію и постройки уніатской церкви. Отъ дальнѣйшаго угнетенія и полнаго разоренія монастырь былъ спасенъ русскимъ правительствомъ, которое, начиная съ Петра Великаго, защищало права православныхъ иноковъ предъ польскимъ правительствомъ. Съ переходомъ Люблинскаго воеводства, въ предѣлахъ котораго монастырь находился, во владѣніе Австріи въ силу условій третьяго раздѣла Польши, Яблочинскій монастырь былъ подчиненъ буковинскому православному епископу. Послѣ образованія царства Польскаго, монастырь поступилъ въ вѣдѣніе русскихъ православныхъ епископовъ,—сначала минскаго, а потомъ варшавскаго. Съ тѣхъ поръ положеніе монастыря начало улучшаться. Такъ, ему были возвращены земли, отобранныя въ 1807 и 1817 годахъ, а вмѣсто деревянныхъ построекъ возведены каменныя. Въ 1838 году при монастырѣ открыто училище для греко-уніатскихъ дѣтей. Эта первая русская школа въ краѣ дала уніатскому населенію немало юношей, воспитанныхъ въ духѣ русской народности и преданности восточному обряду. Школа существуетъ при монастырѣ до сихъ поръ, воспитывая 30 мальчиковъ на полномъ своемъ содержаніи.

Такимъ образомъ, древняя Яблочинская обитель, съ твердостію устоявшая въ православіи среди латино польскихъ гоненій и пережившая владычество Польскаго государства, продолжаетъ свою многовѣковую историческую жизнь на пользу православной вѣры и русской народности, содѣйствуя народному просвѣщенію и удовлетворяя религіознымъ чувствамъ народа, въ изобиліи стекающагося на поклоненіе древней иконѣ св. Онуфрія.

(*Упоминается на стр. 41, 83, 104, 107, 118, 129—131, 134—136, 156, 157 и 164.*)

---

32. Спасо-Преображенская церковь въ г. Люблинѣ.

(Стр. 125.)

Первымъ православнымъ храмомъ въ Люблинѣ была церковь во имя св. Николая, основанная въ концѣ X вѣка и обращенная, въ началѣ XVI вѣка, въ латинскій костелъ. Взамѣнъ ея на страницахъ исторіи выступаетъ другой люблинскій православный храмъ,—церковь Спаса-Преображенія, служившая долгое время оплотомъ православія въ Люблинѣ. Никакихъ свѣдѣній о времени ея основанія не сохранилось; изъ документовъ извѣстно только, что она возобновлена кіевскою княжною Маріею Ивановною въ 1447 году; по дарственной же записи православнаго князя Юрія Чарторыйскаго отъ 29 іюля 1599 г., церковь эта «зъ вековъ давныхъ уфондована и збудована». Ведя борьбу противъ захватовъ принадлежащихъ ей земель, Спасо-Преображенская церковь, не смотря на энергичную защиту настоятеля Петра Пасскаго (1554—1585 г. г.), была ограничиваема въ своихъ правахъ королевскими декретами и насиліями польско-католической лиги. Въ видахъ защиты

своего храма и попеченія о его нуждахъ, люблинская православная община учредила изъ своей среды православное братство, утвержденное антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ 15 января 1586 г. и получившее потомъ дипломы константинопольскаго патріарха Іереміи и кіевскаго митрополита Михаила Рагозы, до совращенія еще его въ унію, а также привиллегіи польскаго короля. Въ числѣ братчиковъ много было русскихъ князей и вельможъ. Эти ревнители православія содѣйствовали сооруженію, въ 1607 году, каменной церкви взамѣнъ деревянной истребленной, въ 1587 году, пожаромъ. Новый храмъ былъ освященъ Петромъ Могилой, который вмѣстѣ съ тѣмъ учредилъ при церкви монастырь. Послѣ возникновенія брестской уніи, Люблинская церковь и состоящее при ней братство претерпѣвали различныя притѣсненія за преданность православію, вынудившія братчиковъ обратиться съ жалобой къ сейму и королю. Жалобы эти были уважены, и въ 1632—1633 годахъ прихожанамъ Спасо-Преображенской церкви были даны права свободнаго отправленія религіозныхъ нуждъ; но вскорѣ права эти были нарушены. Приказомъ отъ 13 ноября 1638 г. король Владиславъ IV отдалъ Люблинскую церковь «со всѣми ея доходами, пожитками, землями, слугами и людьми церковными превелебному епископу (уніатскому) Меѳодію Терлецкому до смерти его, или же добровольнаго отреченія, въ полное его распоряженіе». Королевскій приказъ былъ приведенъ въ исполненіе не безъ сопротивленія и протеста со стороны православныхъ горожанъ, положеніе которыхъ съ тѣхъ поръ начало ухудшаться еще и потому, что почти всѣ княжескіе и дворянскіе роды, поддерживавшіе братство, перешли въ католицизмъ. При возвращеніи православнымъ, на основаніи зборовскаго договора 1649 года, захваченныхъ уніатами церквей, въ распоряженіе православныхъ г. Люблина поступила и Спасо-Преображенская церковь, которой Янъ-Казиміръ выдалъ, 12 января 1650 г., привиллегію, принявъ затѣмъ подъ свое покровительство духовенство и прихожанъ этой церкви. Королевскія привиллегія и покровительство остались однако на бумагѣ: послѣ побѣды поляковъ надъ казаками подъ Берестечкомъ, уніаты захватили въ 1651 году, Люблинскую церковь. Въ 1654 году войска царя Алексѣя Михайловича вступили въ польскія владѣнія и, разгромивъ поляковъ, освободили Спасо-Преображенскую церковь отъ уніатовъ и передали ее православному духовенству, взявъ съ поляковъ клятвенное обѣщаніе не занимать ее впредь ни подъ какимъ видомъ. Но эта клятва также была исполнена, какъ и прежнія увѣренія и обѣщанія поляковъ: едва русскія войска очистили Польшу, Люблинская церковь снова была захвачена уніатами, и лишь послѣ заключенія гадячскаго договора польскій король, грамотою отъ 5 іюля 1659 г., приказалъ передать церковь православнымъ. Долго послѣ того православные владѣли Спасо-Преображенскою церковью, но въ 1695 году уніатамъ опять удалось захватить этотъ храмъ; многіе изъ прихожанъ, оставшись вѣрными православію, примкнули къ греческой колоніи, получившей, въ 1790 году, отъ короля Сигизмунда Августа дозволеніе на сооруженіе въ Люблинѣ церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы.

Многократно переходившая такимъ образомъ отъ православныхъ къ уніатамъ

*

и обратно, Люблинская Спасо Преображенская церковь окончательно сдѣлалась достояніемъ православія послѣ возсоединенія въ 1875 году холмскихъ уніатовъ.

Въ Спасо-Преображенской церкви находится древняя чудотворная икона Божіей Матери, въ богатыхъ окладахъ, принесенная въ церковь кѣмъ либо изъ благочестивыхъ русскихъ людей, какъ предполагаютъ, Константиномъ и Иваномъ Александровичами Острожскими.

(Упоминается на стр. 41, 79, 88, 95, 97, 102 и 104.)

---

33. Свято-Духовская церковь въ посадѣ Коднѣ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

(Стр. 85.)

О времени постройки Св.-Духовской Коденьской церкви нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Нѣкоторые относятъ основаніе ея къ XV вѣку. По другимъ даннымъ, можно предполагать, что она сооружена около 1520 года православнымъ владѣльцемъ имѣнія Кодень, кн. Иваномъ Семеновичемъ Сапѣгой. По нахожденію ея близъ древняго замка Сапѣговъ, сохранившагося до нашего времени, церковь эту называютъ «замковой». Построенная въ готическо-византійскомъ стилѣ, изъ ярко-краснаго кирпича безъ штукатурки, и имѣющая въ себѣ около 40 аршинъ длины, 24 арш. ширины и 32 арш. высоты, съ черепичной крышей и куполомъ, Коденьская церковь представляла величественный храмъ, отъ котораго теперь сохранились лишь стѣны, покрытыя гонтовою крышей, внутри же церкви отъ прежняго ея благоустройства ничего не осталось. На хорахъ храма, въ стѣнѣ, уцѣлѣла каменная плита, служащая надгробіемъ строителю его И. С. Сапѣгѣ (см. особую гравюру и объясненіе). Приходъ Св.-Духовской церкви былъ упраздненъ въ 1791 году съ причисленіемъ прихожанъ къ другой Коденьской церкви—Михайловской; богослуженіе же въ ней прекращено около 1817 года.

Посадъ Кодень, живописно расположенный у лѣваго берега р. Буга, въ древности былъ деревней съ названіемъ Тодень, которая была обращена въ городъ кн. И. С. Сапѣгой въ 1513 году. Въ 1869 году Кодень, какъ не отвѣчающій городскому положенію, преобразованъ въ посадъ.

(Упоминается на стр. 42.)

---

34. Михайло-Архангельская церковь въ селѣ Витулинѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

(Стр. 61.)

Скромная по виду Витулинская сельская церковь, выстроенная изъ дерева, основана въ 1573 году, т. е. за 23 года до введенія брестской уніи 1596 года; по

этому она носитъ всѣ признаки восточнаго, православнаго храма. Фасадомъ она обращена на востокъ; во все пережитое ею время въ ней существовалъ иконостасъ; въ церкви этой никогда не было органа, безъ котораго не обходилась въ послѣдніе годы уніи ни одна уніатская церковь; въ числѣ древнихъ иконъ сохранились образа, писанные византійскимъ стилемъ на деревѣ, съ греческими и славянскими надписями; на намогильныхъ крестахъ, уцѣлѣвшихъ въ церковной оградѣ, находятся надписи на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Нельзя не удивляться, какимъ образомъ, при систематическомъ насильномъ введеніи въ уніатскія церкви латинской обрядности, могли дожить до нашего времени въ Витулинской церкви всѣ особенности православнаго храма.

Село Витулинъ находится въ двухъ верстахъ отъ села Лѣсны, славящагося чудотворною иконою Божіей Матери (см. рисунокъ иконы и описаніе), въ которомъ недавно открыта первая въ Холмскомъ краѣ женская православная община.

(*Упоминается на стр. 41.*)

35. Св.-Троицкая церковь въ селѣ Буковичи, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

(Стр. 69.)

По народному преданію, Буковичская церковь построена тремя годами позже Витулинской церкви, сооруженной въ 1573 году. Такимъ образомъ, подобно послѣдней, Буковичская церковь была основана еще до введенія брестской уніи 1596 года. Церковь окружена могилами, на которыхъ встрѣчаются кресты съ славянскими надписями. Буковичскій приходъ закрытъ въ 1859 году и прихожане его причислены къ Носовскому приходу. Самая церковь пришла въ ветхость и грозитъ паденіемъ. Стѣны ея, сложенныя изъ сосновыхъ бревенъ, грубо обтесанныхъ топоромъ, дошли до полной гнилости и частью покрылись слоями моха. Внутренность этого скромнаго храма доведена до пустоты и мертвенности. Отъ иконостаса и слѣдовъ не осталось, но о быломъ его здѣсь существованіи свидѣтельствуютъ остатки иконъ, найденныхъ на хорахъ съ исчезнувшею живописью. На горнемъ мѣстѣ сохранилась икона пресвятой Троицы, а съ правой ея стороны—образъ Спасителя съ славянскою надписью о пожертвованіи его Хведуромъ Ковальчукомъ. Кромѣ того, найдена икона Воскресенія съ потемнѣвшимъ ликомъ, заржавленное желѣзное копіе и оловянные сосуды. У входныхъ дверей церкви сохранилась старинная, такъ называемая, купа,—это два желѣзныхъ полукруга, образующіе ожерелье, которое, по словамъ крестьянъ, надѣвалось на шею преступниковъ.

Въ древности, въ Буковичской церкви находилась явленная икона Божіей Матери, впослѣдствіи захваченная поляками въ паулинскій монастырь въ Лѣснѣ. Объ этой иконѣ, именуемой Лѣснинской, смотри особое объясненіе.

(*Упоминается на стр. 41.*)

36 и 37. Дмитріевская церковь въ селѣ Чернеевѣ, Холмскаго уѣзда, Люблинской губерніи.

(Стр. 73 и 77.)

Чернеевская, во имя св. Дмитрія, церковь построена въ 1731 году владѣльцами имѣнія Чернеевъ Владиславомъ-Осипомъ и Ядвигою, супругами Кочоровскими, по обязанности патроновъ прихода. За все время существованія уніи въ Холмской Руси въ нынѣшнемъ столѣтіи, до образованія въ 1886 году приходскихъ штатовъ, Чернеевскій приходъ состоялъ въ завѣдываніи священниковъ сосѣднихъ приходовъ, Поболовицкаго и Каменскаго. Этимъ отчасти объясняются убогое состояніе Чернеевской церкви, неоднократная замѣна приходской земли на помѣщичью съ ущербомъ для прихода, упадокъ священнической усадьбы, то обращавшейся подъ хозяйственныя нужды пановъ-патроновъ, то отдававшейся подъ военный постой. Было даже покушеніе (въ 1841 году) со стороны «патронессы» Екатерины Осецкой совершенно упразднить въ Чернеевѣ приходъ съ присоединеніемъ прихожанъ къ Каменскому приходу, и на это согласилось даже уніатское епархіальное начальство того времени; но приходъ былъ спасенъ люблинскимъ губернскимъ правленіемъ, не рѣшившимся дѣйствовать въ угоду «патронессы» безъ уполномочія высшей власти. Самый видъ уніатскаго храма показываетъ степень заботливости о немъ его опекуновъ. Выстроена церковь безъ каменнаго фундамента и не изъ бревенъ, а изъ брусьевъ, которыя никогда не обивались досками; прежде она была покрыта гонтомъ, а въ послѣднее время гонтъ замѣненъ соломой. Не смотря на это, церковь какимъ-то чудомъ просуществовала болѣе 150 лѣтъ.

Внутренній видъ церкви представляетъ собою интересную характеристику уніатскихъ церквей послѣдняго времени. Въ ней есть иконостасъ, но онъ затѣненъ и загроможденъ стоящимъ на первомъ планѣ католическимъ престоломъ (ołtarz); устроено мѣсто для пѣвчихъ за рѣшеткой, но мѣсто клиросей занято латинскими боковыми престолами; красуются хоругви, но рядомъ съ ними установленъ большой крестъ латинскаго вида. Такъ уніаты передѣлывали свои церкви, продолжая считать ихъ и свое искаженное богослуженіе принадлежащими къ восточному обряду.

---

38. Николаевская церковь въ г. Замостьѣ, Люблинской губерніи.

(Стр. 193.)

Постройка Замостьской Николаевской церкви начата была съ разрѣшенія коронного канцлера Яна Замойскаго, даннаго въ особомъ «листѣ» 10 января 1589 г., а окончена около 1604 г. Продолжительность постройки объясняется тѣмъ, что церковь строилась исключительно средствами прихожанъ, безъ участія въ томъ богатѣйшаго владѣтеля Замостья. Это было время подготовленія уніи, и Янъ Замойскій, не преслѣдуя вѣры своихъ православныхъ крестьянъ и мѣщанъ, не оказывалъ имъ

и особаго покровительства. Такимъ образомъ, Замостьская каменная церковь представляетъ собою дорогой памятникъ усердія православныхъ прихожанъ къ храму и преданности ихъ православной церкви. Вскорѣ послѣ постройки церкви прихожане ея—бо́льшею частію бѣдные ремесленники и крестьяне—образовали братство для сохраненія православія, получившее отъ экзарха константинопольскаго патріарха, львовскаго епископа Гедеона Балабана, благословенную грамоту отъ 30 марта 1606 г., а вслѣдъ затѣмъ (1615—1616 г.г.) Николаевская церковь и братство получили права патріаршей ставропигіи. Все это, вмѣстѣ съ учрежденіемъ «юношескаго» братства Покрова пресвятыя Богородицы и братской школы, поддерживало въ средѣ замостьской православной общины преданность православной вѣрѣ и воодушевляло ихъ въ защитѣ противъ вторженія уніи; но борьба была слишкомъ тяжела для того, что бы противустать наплывавшей уніи; Николаевское братство вынуждено было подчиниться тяжелой необходимости и 10 апрѣля 1699 г. согласилось принять унію. Около 1706 года Николаевская церковь поступила въ распоряженіе базиліанскихъ монаховъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу стало терять значеніе и Николаевское братство. Базиліанскій монастырь, вслѣдствіе нравственной распущенности монаховъ, дошелъ до самаго печальнаго состоянія и потому, въ 1864 году, упраздненъ.

Однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ православія въ Замостьѣ служитъ величественный шестиярусный иконостасъ, устроенный въ 1648 году, какъ предполагаютъ, присланными изъ Константинополя мастерами и сохранившійся до нашего времени.

Городъ Замостье, основанный въ мѣстности, составляющей до сихъ поръ заповѣдныя владѣнія графовъ Замойскихъ, былъ заложенъ въ 1580 году канцлеромъ Яномъ Замойскимъ въ видѣ лепты польской отчизнѣ, задумавшей обратить русскія области въ польскія; въ этихъ цѣляхъ грамотою, утвержденною королями Стефаномъ Баторіемъ (1585 г.) и Сигизмундомъ III (1589 г.), основатель города разрѣшилъ селиться въ немъ исключительно католикамъ; но сила необходимости заставила Замойскаго разрѣшить православнымъ постройку церкви. Городъ Замостье памятенъ въ исторіи тѣмъ, что въ немъ происходилъ съѣздъ латинскаго и уніатскаго духовенства съ цѣлью установленія яко-бы единообразія въ уніатскомъ богослуженіи, а въ дѣйствительности для искаженія православнаго обряда и сближенія его съ латинскимъ. На этомъ, такъ называемомъ «Замостьскомъ соборѣ», происходившемъ въ 1720 году, подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція, едесскаго архіепископа Іеронима Гримальди, и было положено начало тѣмъ измѣненіямъ и искаженіямъ восточнаго богослуженія, которыми унія отличалась, съ обрядовой стороны, отъ православія.

(Упоминается на стр. 41, 80, 107, 114, 116, 117, 141, 142 и 158).

39. Кирилло-Меѳодіевская часовня въ г. Холмѣ.

(Стр. 213.)

Возсоединеніе съ православною церковью Холмской епархіи, пребывавшей въ уніи 255 лѣтъ, прекратило религіозную зависимость послѣдняго остатка русскихъ уніатовъ отъ главенства римскаго папы,—зависимость, искуственно созданную фанатизмомъ польскаго духовенства и нетерпимостью Польскаго государства. Это знаменательное событіе въ религіозной жизни русскаго народа Холмско-Подляшскаго края не могло остаться безъ увѣковѣченія достойнымъ памятникомъ. Одинъ изъ русскихъ патріотовъ, потомственный почетный гражданинъ, Осипъ Павловичъ Пестриковъ, подъ вліяніемъ радостнаго извѣстія о возстановленіи православія въ древней Холмской епархіи, пожертвовалъ на нужды епархіи 100.000 руб., изъ которыхъ 30 тыс. рублей и обращены на сооруженіе въ Холмѣ часовни во имя славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, въ день памяти которыхъ 11 мая (1875 г.) совершилось возсоединеніе. Часовня выстроена на горѣ и представляетъ собою весьма красивое сооруженіе русской архитектуры. Стѣны ея снаружи расписаны фресковыми арабесками русскаго стиля; дубовыя двери покрыты рѣзьбой; надъ дверями и съ боковъ установлены иконы. Надъ главнымъ входомъ красуется надпись: «И будетъ едино стадо и единъ пастырь»,—надпись, вполнѣ отвѣчающая значенію историческаго религіознаго памятника. Внутренность часовни украшена стѣнною живописью и фресковыми орнаментами. Иконостасъ сдѣланъ изъ дуба въ древне-русскомъ стилѣ съ золоченою рѣзьбой, въ четыре яруса. Полъ и балюстрада сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Постройка часовни начата въ 1876, а окончена въ 1884 году.

(Упоминается на стр. 211.)

Г. Разныя гравюры.

40. Гербъ Володиміро-Галицкой земли.

(Стр. 37.)

Гербъ Володиміро-Галицкаго княжества 1313 года находится на грамотѣ галицкаго князя Юрія I Львовича (внука Даніила Романовича), данной гросмейстеру нѣмецкаго рыцарскаго ордена, съ которымъ онъ былъ въ союзѣ. Грамота хранится въ кенигсбергскомъ музеѣ. Князь Юрій I, получивъ отъ отца своего Льва Даніиловича Холмъ и Белзъ съ Червенемъ, послѣ смерти дяди своего князя Мстислава Даниловича, соединилъ княжества Володимірское и Галицкое въ одинъ удѣлъ, принявъ титулъ князя русскаго и владимірскаго. Къ этому времени и относится соединенный гербъ двухъ княжествъ. Гербъ Литовской Руси изображаетъ на красномъ полѣ бѣлаго (посеребренаго) всадника съ хоругвію, на которой виднѣется красный крестъ. Гербъ Червонной Руси состоитъ изъ желтаго льва на голубомъ фонѣ, опирающагося на серебряную скалу.

---

41. Плита князя Ивана Семеновича Сапѣги.

(Стр. 89.)

Обрусѣлый литовскій князь Иванъ Семеновичъ Сапѣга, владѣлецъ нѣсколькихъ помѣстій, а въ томъ числѣ бывшаго города, нынѣ посада Коденъ. Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, скончался въ 1519 или 1520 годахъ и первоначально былъ погребенъ въ Боцькахъ, Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Сынъ его, князь Павелъ Ивановичъ, перенесъ останки своего отца въ сооруженную послѣднимъ въ Коднѣ Свято-Духовскую церковь (см. особый рисунокъ и объясненіе къ нему) и на хорахъ ея, въ стѣнѣ, укрѣпилъ плиту съ славянскою надписью, которая въ переводѣ на современный языкъ заключаетъ слѣдующее:

«Б. Н. Н. Ивану Семеновичу Сопѣгѣ на первыхъ порахъ писарю, затѣмъ канцлеру и гетману (военныхъ) силъ великаго княжества Литовскаго, и витебскому, а подъ конецъ (жизни) подляшскому воеводѣ, маршалу, а вмѣстѣ съ

тѣмъ самому высшему секретарю великаго княжества Литовскаго, брацлавскому старостѣ, владѣльцу Кодня, потомку великихъ князей литовскихъ, сыну Сунигайлы Пунигайловича Софіи, трокскаго кастеляна, который при святомъ крещеніи принялъ имя Симеона, украшеннаго отъ Ягеллы во время соединенія Литвы (съ Польшею) гербомъ Лисица, присоединеннымъ къ дѣдовскимъ Колоннамъ и Лиліямъ («до столповъ и криновъ»); внуку Пунигайлы Наримунтовича, современника Ольгерда и тоже кастеляна трокскаго, названнаго поречески Софіей за свою мудрость, откуда выводитъ свое названіе (т. е. названіе Сапѣга) и все потомство Наримунтовича, роднаго брата белзскаго и подольскаго князей; правнуку Наримунта Гедиминовича пинскаго епарха, сына Гедимина Витеновича, внука Витена—родоначальника князей литовскихъ, — Павелъ Ивановичъ Сопѣга сдѣлалъ эту надпись въ 1520 году своему отцу, умершему по достиженіи 89-ти лѣтняго возраста. Тѣмъ (т. е. такою плитою) запечатываютъ человѣка».

Помѣщенныя въ началѣ этой надписи буквы (инициалы): Б. Н. Н., какъ надо полагать, соотвѣтствуютъ инициаламъ латинскимъ Д. О. М. (Deo optimo maximo), т. е. «Богу наилучшему, наивысшему» (подразумѣвается: «да будетъ хвала» или «во славу»). Изображенные на плитѣ символическіе знаки и гербы имѣютъ слѣдующее значеніе: **черепъ**—символъ смерти, смертности рода человѣческаго; **змѣя**, держащая въ пасти свой хвостъ, а внутри образуемаго ею круга **песочные часы** съ крыльями — символы вѣчности, обхватывающей быстротечное время; **сова** — птица Минервы, сидящая на книгѣ, и **хартіи** — символъ истинной мудрости, спокойно смотрящей на смерть На четырехъ щитахъ, соединенныхъ попарно одною лентою, въ знакъ родственной связи Ягеллоновъ и Сапѣгъ, изображены гербы этихъ двухъ фамилій: Колонны и Погоня Ягеллоновъ, Лиліи и Лисица Сапѣгъ.

42—45. Апостолъ львовской первопечати Ивана Ѳедорова.

(Четыре рисунка на стр. 92, 93, 101 и 105.)

Первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ былъ діакономъ въ Московской кремлевской церкви Николы Гостунскаго. Въ 1563 году на печатномъ дворѣ, устроенномъ царемъ Иваномъ Грознымъ, онъ отпечаталъ первую въ Россіи книгу Дѣянія апостольскія, а чрезъ два года—Часовникъ. Обвиненный въ вольнодумствѣ и вызвавшій къ себѣ неудовольствіе бояръ, Иванъ Ѳедоровъ бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Петромъ Мстиславцемъ въ Литву. Гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ далъ ему пріютъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, гдѣ онъ напечаталъ, въ 1569 году, Евангеліе учительное и Псалтырь. Вслѣдствіе болѣзни и старости Ходкевича, Иванъ Ѳедоровъ переселился во Львовъ, открывъ здѣсь типографію, въ которой напечаталъ въ 1573—1574 гг., Апостолъ; въ то-же время сынъ его Иванъ

устроилъ переплетное заведеніе. Отпечатанная книга продавалась по $1^1/_2$ польскихъ злотыхъ. Нужда заставляла нашего первопечатника продавать книгу чрезъ посредство аптекарей, разныхъ ремесленниковъ и проч., но ему приходилось ее и закладывать. Не имѣвъ успѣха во Львовѣ, Иванъ Ѳедоровъ заложилъ еврею типографію, словолитню и не проданныя книги и переселился въ Острогъ къ извѣстному ревнителю русской народности и вѣры, князю Константину Острожскому. Здѣсь онъ напечаталъ, въ 1580 году, Новый завѣтъ съ псалтырью, а въ 1581 году—первую полную славянскую библію, извѣстную подъ названіемъ Острожской. Въ томъ же году Иванъ Ѳедоровъ вернулся во Львовъ, гдѣ и умеръ 5 декабря 1583 г. въ крайней бѣдности, будучи погребенъ въ притворѣ Львовской Онуфріевской церкви. Еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія существовала надгробная плита съ гербомъ первопечатника и съ надписью: «Іоаннъ Ѳедоровичъ. друкарь москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ. Друкарь книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ». Этотъ памятникъ уничтоженъ уніатскимъ священникомъ, который велѣлъ разбить намогильную плиту «схизматика» въ куски.

Для печатанія книгъ Иванъ Ѳедоровъ самъ отливалъ буквы и рисунки и вырѣзывалъ особыя формы (матрицы), и все это исполнялъ съ такимъ искусствомъ, что его тисненія не уступали заграничнымъ изданіямъ того времени.

Экземпляръ львовскаго апостола, изъ котораго въ настоящей книгѣ воспроизведены первоначальная страница текста, изображеніе евангелиста Луки и гербы Ходкевича и самаго первопечатника, былъ купленъ въ 1699 году (неизвѣстно отъ кого) священникомъ Собѣборской церкви, Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, Саковичемъ и хранился въ ней до 1884 года, когда поступилъ въ музей при Холмскомъ Богородичномъ братствѣ. Книга отпечатана на хорошей бумагѣ, прекрасно сохранившейся въ теченіи болѣе трехъ вѣковъ, и имѣетъ 280 листовъ. Переплетъ состоитъ изъ деревянныхъ досокъ, обтянутыхъ снаружи прочной кожей.

(*Упоминается на стр. 64.*)

---

46. Письмо Іосафата Кунцевича.

(Стр. 133.)

Письмо уніатскаго лжемученика Іосафата Кунцевича воспроизведено съ оригинальнаго письма его къ неизвѣстному игумену. По характеру стариннаго почерка, оригиналъ читается съ трудомъ; поэтому здѣсь не лишне привести его содержаніе съ переводомъ на современный языкъ.

Отче игумене!

Умыслне посылаю выежчихъ моихъ, навежаю листа и упоминаюся знову до поправы. Бо-мъ слышалъ, же знову до блевотинъ своихъ ся ворочаешъ, а тому и на соборъ за листомъ моимъ прибыть не хотѣлъ. Вѣдай тежъ и то, же я васъ и тамъ найду и будетъ вамъ послѣдняя ваша лесть горшая первыхъ. Бо вижу, воздасшъ ми злая возблагая и ненависть за возлюбление мое. Прочее здравствую а поправуйся. Съ Полоцка, вторая недѣля св. посту, февраля року 1621. Въ любви же Христовой братъ.

Іосафатъ Кунцевичъ, епископъ полоцкій.

На оборотной сторонѣ письма сдѣланы слѣдующія надписи:

List swiętego Iozafata Ręką własną pisany do Ihumena niewiedziec jakiego, Roku 1621, in Februario, napominaiący go ad Unionem.

Fascicul 157, № 3.

Ab illustrissimo Domino Carolo Copec Castellano Trocensi, Capitaneo Brestensi haec epistola Beati Iosaphati manupropria scripta donata est templo Brestensi Sanct... I..

Отецъ игуменъ!

Нарочито посылаю разсыльныхъ моихъ, прибѣгаю къ письму и вновь напоминаю объ исправленіи. Ибо я слышалъ, что ты снова возвращаешься на свои блевотины, а потому не хотѣлъ прибыть, по письму моему, и на соборъ. Такъ знай же и то, что я васъ и тамъ найду, и, вѣроятно, будетъ для васъ послѣдняя ваша лесть горшая первыхъ. Ибо я вижу, что ты воздаешь ми злая возблагая и ненависть за возлюбленіе мое. Въ заключеніе же будь здоровъ и исправляйся. Изъ Полоцка, второе воскресенье св. поста, февраля 1621 года. Въ любви же Христовой братъ.

Письмо святаго Іосафата, собственноручно писанное къ неизвѣстно какому игумену, 1621 года, въ февралѣ, побуждающее его къ уніи.

Связка 157, № 3.

Отъ вельможнаго господина Карла Копца, каштеляна троцкаго, старосты брестскаго, сіе письмо, писанное собственною рукою блаженнаго Іосафата, пожертвовано храму Брестскому св. I.

47. Страница изъ посланія Сплѣтскаго архіепископа Марка-Антонія Господнѣчича къ соепископамъ, въ южно-русскомъ переводѣ.

(Стр. 139.)

Краткія свѣдѣнія о симпатичной личности Господнѣчича, осужденнаго инквизиціею за опроверженіе папскихъ лжеученій, приведены выше, въ объясненіи къ его портрету.

Воспроизведенная фотоцинкографически страница изъ рукописи, составляющей переводъ посланія Господнѣчича къ соепископамъ (Consilium suae profectionis) на южно-русскій языкъ XVII вѣка, содержитъ въ себѣ, въ русскомъ переложеніи, слѣдующее:

«*Что такое нынѣ епископы, находящіеся подъ римскою властію? Въ мірскихъ вещахъ дѣйствительно, гдѣ есть сытнѣйшія священныя должности и славящіяся свѣтскими почестями, они—вельможи, знатны, князья, но никакимъ образомъ не епископы (развѣ только по названію). Прочихъ же епископовъ власть епископская вся погибла; ибо управленіе всѣми церквами всецѣло сосредоточилось въ Римѣ, сами же епископы суть лишь только викаріи господина папы и служители, униженные, презрѣнные, угнетенные, попранные, жалкимъ образомъ подчиненные не только самому папѣ, но кардиналамъ и столькимъ конгрегаціямъ, учрежденнымъ надъ ними въ Римѣ: легатамъ a latere, нунціямъ апостольскимъ, инквизиторамъ, визитаторамъ и, наконецъ, безчисленнымъ орденамъ монашескимъ и ихъ фратрамъ, которые своими апостольскими привиллегіями не только уже равняются епископамъ, но даже и превосходятъ ихъ и препятствуютъ въ управленіи и поглощаютъ ихъ власть. Церковь подъ римскимъ папою не есть болѣе церковь, но какое-то человѣческое государство, подъ совершенно мірскою папскою монархіею; она есть виноградникъ, но только для упоенія Поя*».

Эти немногія строки даютъ нѣкоторое понятіе о сочиненіи обратившемъ на себя вниманіе южно-русскаго духовенства смѣлымъ протестомъ противъ заблужденій католической церкви и стремленіемъ возстановить ученіе древнихъ отцовъ церкви. Такого рода сочиненіе, при воздвигнутомъ гоненіи на православную церковь въ западной Руси, послужило угнетаемому духовенству однимъ изъ доказательствъ, которое они могли выставить въ подтвержденіе чистоты ученія восточной церкви. Открывая злоупотребленія, существовавшія въ римскомъ духовенствѣ съ папою во главѣ, и возстановляя христіанскую церковь въ первобытномъ ея строѣ, посланіе Господнѣчича тѣмъ самымъ подтверждало основныя положенія православной вѣры, за которую велась такая ожесточенная борьба въ русскихъ областяхъ Польши.

Судя по характеру письма и языку, рукописный переводъ посланія относится къ началу XVII вѣка. Этотъ единственный списокъ перевода, безъ нѣсколькихъ лишь страницъ, сохранился въ Яблочинскомъ православномъ монастырѣ (Сѣдлецкой губерніи); нынѣ онъ находится на храненіи въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи.

48. Карта Люблинской и Сѣдлецкой губерній, съ показаніемъ границъ земель Люблинской, Брестской, Луковской, Черско-Мазовецкой и Плоцко-Мазовецкой въ половинѣ XIII вѣка.

(Стр. 216.)

Матеріалами для составленія карты служили: Спеціальная карта губерній царства Польскаго Н. Нипанича; карта границъ Люблинской земли въ половинѣ VIII вѣка, А. Лонгинова, и списокъ церквей и духовенства Холмско-Варшавской епархіи (Варшава, 1886 г.). Границы земель Брестской, Луковской, Черской-Мазовецкой и Плоцко-Мазовецкой въ половинѣ XIII вѣка обязательно нанесены на карту А. В. Лонгиновымъ согласно древнимъ актамъ. Въ числѣ показанныхъ на картѣ поселеній помѣщены всѣ села, имѣющія самостоятельные православные приходы, и нѣкоторыя изъ поселеній, въ которыхъ находятся приписныя церкви или часовни. Такъ какъ на картѣ отмѣчены историческія границы XIII вѣка, то слѣдуетъ замѣтить, что многіе изъ нынѣшнихъ городовъ и селъ въ то время вовсе не существовали, а названіе нѣкоторыхъ изъ существовавшихъ измѣнились

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

упоминаемыхъ въ „Холмской Руси“.

А.

Августъ II, Фридрихъ. электоръ саксонскій и король польскій, 123, 124.

Авдѣй, искусный мастеръ XIII в., украшавшій Холмскую церковь Іоанна Златоустаго, 40.

Авраамій, стагонскій, а потомъ пинскій и туровскій епископъ, 80.

Александровичъ, графиня, владѣлица м. Константинова, стремившаяся къ полному сліянію уніи съ латинствомъ, 176.

Александръ:
—Великій князь литовскій. См. **Витовтъ**.
—IV, папа римскій, 17.
—VI, папа римскій, 50.

Александръ Всеволодовичъ, князь белзскій, 11.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, 201, 207, 210, 211.

Александръ Ягеллонъ, король польскій и великій князь литовскій, 28, 29, 49.

Алексѣй (Александръ), князь збаражскій, холмскій православный епископъ XVI в., 54.

Алексѣй Комненъ, византійскій императоръ, 12.

Алексѣй Михайловичъ, московскій царь, 100—103.

Ангеловичъ, Антоній, перемышльскій уніатскій епископъ, временно управлявшій Холмскою епархіей, 161.

Андреевскіе:
—Арсеній, холмскій уніатскій епископъ, 78.
—Православные вельможи, 54.

Андрей Юрьевичъ, князь галицко-владимірскій и холмско-белзскій, 20.

Антоній:
—Галицкій митрополитъ XIV в., 44.
—(Зубко), архіепископъ минскій, сотрудникъ Іосифа Сѣмашко, 186.
—(Рафальскій), архіепископъ варшавскій, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, 163.

Аркудій, Петръ, греко-уніатъ XVI в., докторъ богословія, 74.

Аѳанасій (Филиповичъ), игуменъ Брестскаго Симеоновскаго монастыря, преподобномученикъ, 96.

Б.

Бака, Василій или Вассіанъ, холмскій православный епископъ XVI в., 38.

Балабаны:
— Гедеонъ, экзархъ константинопольскій, епископъ галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій, 65, 66, 68—71, 78, 79. 97, 141.
— Діонисій, холмскій православ. епископъ, 97, 100, 104.

Батый, ханъ Золотой Орды, 15.

Белла IV, король венгерскій, 17

Бенедиктъ:
—XIII, римскій папа, 129.
—XIV, римскій папа, 146. 147.

Бергъ, гр. Ѳедоръ Ѳедоров., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, 191.

Беркай, ханъ Золотой Орды, 17.

Бернардъ, клервосскій аббатъ XII в, вызванный въ Польшу для искорененія «безбожнаго русскаго обряда», 37.

Билинскій, Ѳедоръ, белзскій православ. священникъ, 106.

Бобовскій, Карлъ, помѣщикъ, угнетатель православныхъ, 137.

Бобриковичъ-Копоть, Іосифъ, мстиславскій епископъ, 87.

Бобровичъ, Лука, уніатскій священникъ-эмигрантъ, издатель антирусской газеты въ Галиціи «Русь», 205.

Боговитиновы. православные вельможи, 54.
Богуши, православные вельможи, основатели Яблочинскаго монастыря, 83.
Болеславъ:
—Мазовецкій князь. 19.
— I, Храбрый, польскій король, 8.
— II, Смѣлый, польскій король, 8—10.
— III, Тройденовичъ, галицкій князь, 22, 44.
Борецкій, Іовъ, кіевскій митрополитъ, 80, 100.
Борисковичъ, Исакій, луцкій и острожскій епископъ, 80, 100.
Борщовка, Степанъ, совѣтникъ холм. управленія, соучастникъ Маничика въ безпорядкахъ въ Холмѣ (XVII в.), 100.
Бурундай, татарскій военачальникъ, 17, 18, 38.
Бучковичъ, Ермолай, соучастникъ Маничика въ безпорядкахъ въ Холмѣ (XVII в.), 100.

В.

Вавила, священникъ Спасской Столпьевской церкви, принявшій флорентійскую унію, 48.
Ваповская. Екатерина, перемышльская кастелянша фанатичка, 52.
Василій:
—Базиліанинъ, викарій холм. уніатскаго епископа Аѳанасія Пакосты, 84.
— Православный священникъ Люблинской Преображенской церкви XVI в., 79.
Василій Васильевичъ Темный, великій князь московскій, 47.
Василько (Василій) Романовичъ, князь владиміро-брестскій, 12, 13, 16, 18, 19 20, 38.
Василько (Василій) Ростиславичъ, князь червенскій, 10.
Веймарнъ, Иванъ Иванов., генералъ-поручикъ, командиръ русскихъ войскъ въ Польшѣ, 135.
Верещинскіе, православные вельможи, 54.
Видони, папскій нунцій (XVII в.), 103.
Викторъ:
—Латинскій мученикъ, мнимыя мощи котораго прославлялись на Подляшьи, 173, 174.
— (Садковскій), епископъ переяславскій и бориспольскій, впослѣдствіи архіепископъ черниговскій, 156, 157.
Вильчекъ, Бернардъ, львовскій католическій архіепископъ XVI в., 51.
Винницкій, Иннокентій, добивавшійся перемышльской каѳедры, измѣнникъ православію, 108.
Витовтъ или **Витольдъ**, во св. крещеніи **Александръ**, вел. князь литовскій, 24, 27, 46.
Витте, Ѳ. Ѳ., главный директоръ правительствен. коммиссіи народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ, 182.
Вишенскій, западно-русскій подвижникъ XVI вѣка. См. **Іоаннъ**.
Вишневецкіе, князья, ревнители православія, 80.
Владиміръ Васильковичъ, князь владиміро-брестскій, 19, 20.
Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кіевскій, 11
Владиміръ Святославичъ, въ св. крещеніи **Василій**, св. равноапостольный великій князь русскій, 8, 9, 37—39.
Владиміръ Ярославичъ, князь новгородскій, 10.
Владиславъ:
—I (или IV), Локетекъ, король польскій, 22.
—II (или V), король польскій. См. **Ягайло**
—III (или VI) Ягайловичъ Варненьчикъ, король польскій, 48, 49.
—IV (или VII), король польскій, 76, 88, 95.
—Опольскій, родственникъ польско-венгерскаго короля Людовика I, 23, 24, 44, 45.
Владычка, деканъ влодавскій (1688 г.), 114
Война Оранскій, Гедеонъ, холмскій уніатскій епископъ (1693—1709 г.), 114, 118.
Войцицкій, Іосифъ, холмскій соборный протоіерей, профессоръ семинаріи, 177, 182, 186, 188 190.
Воловичъ, Евстаѳій, литовскій подканцлеръ, 33.
Володарь (Владиміръ) Ростиславичъ, князь перемышльскій, 10
Володковичъ, Филиціанъ-Филиппъ, холмскій уніатскій епископъ, 141, 148, 149, 153.
Волосевичъ, замостьскій мѣщанинъ, представившій уставъ Николаевскаго братства (XVII в.), 79.
Волостовскій, Григорій, учитель и бакаляръ русской школы въ Замостьѣ, 107.
Всеволодъ-Андрей Ярославичъ, великій князь кіевскій, 9.
Выговскіе:
—Данила, начальникъ отряда казаковъ и московскаго войска, 103.
— Иванъ, гетманъ, 103, 105

Г.

Гавріилъ:
—(Городковъ), архіепископъ могилевскій, впослѣд. рязанскій, 163.
— Охридскій патріархъ XVI в., 64.
Гвоздь, Иванъ, владѣлецъ села Подгорца, близъ Грубешова, 90
Гедиминъ, великій князь литовскій, 20.
Георгій:
— (Конисскій), архіепископъ могилевскій, мстиславскій и оршанскій, 136.
— Холмскій православный епископъ XV вѣка, 48.
Герасимъ (Сосновскій), старецъ Дрогичинскаго Преображенскаго монастыря, 130.
Германъ, полоцкій епископъ, участвовавшій на брестскомъ соборѣ 1596 г., 67.
Герсдорфъ, полковникъ 3-го кирасирскаго

полка, защитникъ Яблочинскаго монастыря, 136.
Глѣбовичи, православные вельможи, 54.
Гоголь, Іона, пинскій епископъ, участвовавшій на брестскомъ соборѣ 1596 года, 67.
Гозій, польскій кардиналъ, вызвавшій въ Польшу іезуитовъ, 52. 62.
Горко, Андрей, владѣлецъ Щебрешинскаго округа, межерѣчскій воевода, 40.
Господнѣчичъ, Маркъ-Антоній, сплѣтскій архіепископъ XVII в., 83.
Гостиловскій, Н., белзскій уніат протопопъ, 106.
Граневицкій, игуменъ Брестскаго православ. монастыря (1753 г.), 131.
Григорій:
— Владимірскій князь XI в., 9.
— Уніатскій священникъ въ Чернечинѣ, XVII вѣка, 94.
— XI. папа римскій, 44. 45.
Гримальди, Іеронимъ, папскій нунцій, предсѣдательствовавшій на замостьскомъ соборѣ 1720 г., 127.
Гроссъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ (1763 г.), 135.

Д.

Даніилъ Мстиславичъ, сынъ владиміро-брестскаго князя Мстислава Даниловича, 21.
Даніилъ Романовичъ, князь галицкій, 12—20, 38, 40, 41.
Дембовскій, грубешовскій староста католическій XVI в., 39.
Дениско, православные вельможи, 54.
Димитрій, намѣстникъ князя Даніила Романовича въ Кіевѣ, 19.
Древинскій, Лаврентій, чашникъ земли Волынской, ревнитель православія, 80, 83.
Друцкіе, православные вельможи, 54.
Друцкой-Горскій, князь защитникъ православія (XVI в.), 79.
Друцкой-Любецкой, князь, защитникъ православія (XVI в.), 79.
Дубровскій, Михаилъ, провинціалъ холмской базиліанской провинціи, 166.
Дульскій, владѣлецъ имѣнія Бѣлый-Камень. Львовской епархіи, 118.
Думинъ, уніатскій священникъ, членъ холмскаго капитула, 165.
Духовичъ, Валентинъ, соучастникъ Маничика въ безпорядкахъ въ Холмѣ (XVII в.), 100.

Е.

Екатерина II Алексѣевна, императрица, 135, 152.

Ж.

Жабокрицкій, Діонисій, луцкій прав. епископъ, совратившійся въ унію, 124.
Жанчикъ, Ѳедоръ, соучастникъ Маничика въ безпорядкахъ въ Холмѣ (XVII в.), 100.
Жиповскій, Іоаннъ, настоятель Кричевскаго уніат. прихода, ревнитель православія, 168, 174.
Жоховскій. Кипріанъ, уніатскій митрополитъ, 112, 118.

З.

Завада, Филаретъ, базиліанинъ XIV в., 84
Загоровичъ, настоятель Холмскаго базиліанскаго монастыря, 171.
Загоровская, Марія, жена брацлавскаго каштеляна, покровительница церкви св. Иліи въ Владимірѣ-Волынскомъ, 74
Заленскій, уніатскій митрополитъ (XVI в.), 118.
Замойскіе, графы:
—Андрей, польскій коронный канцлеръ, 153.
— Анна, владѣтельница г. Замостья (XVII в.), 114, 116, 117.
— Екатерина, основательница католической семинаріи въ Крешовѣ (1641 г.), 121.
Збаражскіе:
—Княжна, владѣлица им. Бѣлый Камень, Львовской епархіи, 118.
—Православные вельможи, 54.
Збируйскій, Діонисій, холмскій епископъ, принявшій унію, 65—67, 78.
Зборовскій, городельскій староста, 88.
Зубко, архіепископъ, сотрудникъ І. Сѣмашко. См. **Антоній**.

И.

Издебскій, управитель Радзивиловскаго имѣнія, притѣснявшій Яблочинскій православ. монастырь, 135, 136.
Изяславъ I Ярославичъ, великій князь кіевскій, 8, 9.
Илляшевичъ, Иларіонъ, намѣстникъ Дрогичинскаго Троицкаго монастыря, 130.
Иннокентій:
—III. папа римскій, 12.
—IV, папа римскій, 17.
Исидоръ, кіевскій митрополитъ, принявшій флорентійскую унію, 47—49.

І.

Іеремія, цареградскій патріархъ, 43, 64.
Іоакимъ, антіохійскій патріархъ, 43, 64
Іоанникій (Горскій), архіепископъ холмско-варшавскій, впослѣд. херсонскій и одесскій, 186, 210.
Іоаннъ:
— Вишенскій, западно-русскій подвижникъ XVI в., 65.
— Холмскій православ. епископъ XIII в., 18, 38, 41.
Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь московскій, 49.

Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, 62.
Іоаннъ Юрьевичъ, князь белзскій, 24.
Іовъ:
— Игуменъ Почаевскаго монастыря (†1651 г.). преподобный, 65.
—(Княгининскій), западно-русскій подвижникъ XVI в., 65.
Іона II, кіевскій митрополитъ, 50.
Іосифъ:
—(Солтанъ), кіевскій митрополитъ, 49.
—(Сѣмашко), литовскій митрополитъ, 137, 163, 166—168, 170, 186.
—II, австрійскій императоръ, 159

К.

Казиміръ:
—Справедливый, польскій король, 19.
- III, Великій польскій король, 12, 23, 44,
--IV Ягеллончикъ, польскій король, 27, 28.
Калинскій, Іоаннъ, нареченный уніатскій епископъ холмскій, 169, 170, 176—178, 182—184, 186, 187.
Каллистъ, холмскій православный епископъ XIII в., 38
де-Карессъ, Іосифъ-Антоній, врачъ, свидѣтельствовавшій мнимыя мощи Іосафата Кунцевича (1780 г.), 145.
Карповичъ, Леонтій, владиміро-брестскій православ. епископъ, 78, 80.
Кейстутъ, литовскій князь, 23.
Кириллъ:
—(Въ мірѣ Константинъ), моравскій архіепископъ, святой, просвѣтитель славянъ. 36 37.
—«Печатникъ» кн. Даніила Романовича, впослѣд. кіевскій митрополитъ. 42.
Кириловичъ, Іоаннъ, уніат. священникъ Вознесенской церкви въ г. Замостьѣ. 107.
Кишка, Левъ, уніатскій митрополитъ, 117. 127, 148.
Климентъ:
—XI, римскій папа. 129.
—XII. римскій папа, 149.
—XIV, римскій папа. 146
Княгининскій, западно-русскій подвижникъ XVI в. См. **Іовъ**.
Козменичъ. Несторъ, подляшскій протопопъ XVII вѣка. 78.
Коленда. Гавріилъ, полоцкій уніат. митрополитъ, 112.
Коломанъ, король венгерскій, 12.
Коммедони. папскій нунцій, присланный въ Польшу съ освященнымъ мячемъ для казни еретиковъ, 52, 62.
Конисскій, бѣлорусскій архіепископъ. См. **Георгій**.
Константинъ Павловичъ, великій князь, намѣстникъ царства Польскаго. 156.
Копинскій, Исаія, перемышльскій епископъ, 80.
Копыстенскій, Михаилъ, перемышльскій епископъ, 68, 69.
Корецкіе, князья, ревнители православія (XVI в.), 79, 80.
Корибутовна—Замойская, Гривелла—Констанція, владѣлица г. Замостья, 106.
Корниловичъ, Макарій, игуменъ Яблочинскаго монастыря, 104.
Коссовъ, Сильвестръ, кіевскій православ. митрополитъ, 97, 98
Косцюшко, Ѳадей, польскій полководецъ 160.
Коцебу, Павелъ Евстафьев., генералъ-адъют., варшавскій генералъ-губернаторъ, 207.
Краевскій, секретарь холмской базиліанской провинціи, 166
Красицкій, графъ, сжегшій уніатскую женщину по подозрѣнію въ колдовствѣ, 150.
Красневичъ, Стефанъ, защитникъ прав. церкви въ Чернечинѣ отъ уніатовъ, 94.
Кременецкіе, православные вельможи, 54.
Крининцкій, Ипполитъ, протоіерей, ректоръ холмской семинаріи, 187.
Крупскіе, православные вельможи, 54.
Крушинскіе, православные вельможи, 54.
Куземскій, Михаилъ, холмскій уніат. епископъ, 191—202, 214.
Кунцевичъ, Іосафатъ, полоцкій уніат. архіепископъ, изувѣръ, лжемученикъ, 73, 75, 81, 82, 102, 143—146, 177, 182.
Куремса, татарскій темникъ или воевода, 17.
Курцевичъ. Іезекіиль, владиміро-брестскій православ. епископъ, 78, 80.
Курцевичъ Булыго, князь, защитникъ православія (XVII в.), 79.
Кучинскій, каштелянъ подляшскій, угнетатель православныхъ, 131.

Л.

Лавровскій, Іоаннъ, холмскій протоіерей. 188.
Ладзѣевскій, Андрей, бѣльскій уніат. священникъ. препарировавшій мнимыя мощи Іосафата Кунцевича, 144.
Лашковскій, Стефанъ, старшій братчикъ Львовскаго ставропигіальнаго братства, 127.
Левицкій, Іосифъ, холмскій уніатскій епископъ, 148.
Левкевичъ, Матѳей, делегатъ Замостьскаго братства къ уніат. митрополиту Льву Шлюбичъ-Заленскому. 116.
Левъ Васильковичъ, князь, племянникъ галицкаго князя Даніила Романовича, 157.
Левъ I Даніиловичъ, князь галицкій, 18—20. 38.
Левъ Юрьевичъ, князь луцкій, 20.
Ледоховскій, познанскій римско католическій архіепископъ, 176.
Лешко Черный, князь краковскій, 13, 19, 20.

Лешновольскій, Мартинъ, дрогичинскій староста XVII в., 90.
Лещинскіе:
— Андрей, владѣлецъ села Яблочна 107.
— Владиславъ, подкоморій Бреста-Литовскаго, владѣлецъ села Яблочна, 104.
— Рафаилъ, белзскій воевода, 83.
Литынскій, Василій, православ. депутатъ въ люблинскомъ коронномъ трибуналѣ, 95.
Лодзята, Александръ-Августинъ, холмскій уніатскій епископъ (1685—1691 г.). 114.
Лубенскій, Матѳей, католическій епископъ (XVII в.), 120, 121.
Лука, велиградскій митрополитъ XVI в., 68.
Лукарисъ, Кириллъ, экзархъ александрійскаго патріарха, XVI вѣка, 68, 70.
Луковскіе, православные вельможи, 54.
Любартъ Гедиминовичъ, литовскій князь, владѣвшій владиміро-волынскимъ княжествомъ, 22, 23.
Людовикъ I Великій, король венгерскій, а потомъ польскій, 23, 24, 44, 45.

М.

Мазановскій, Константинъ, уніатскій священникъ м. Славатичъ, 134.
Мазепа, Ив. Степан., малороссійскій гетманъ, 124.
Макарій:
— Архимандритъ монастыря Симона Петра на св. горѣ, XVI в., 68.
— Кіевскій митрополитъ XVI в., 49
Маничикъ, Григорій, совѣтникъ холмскаго управленія XVII в., преслѣдовавшій уніатовъ, 100.
Марія Александровна, императрица, 211.
Марія-Терезія, австрійская императрица, 159.
Марія Юрьевна, дочь кн. Юрія I Львовича, 20.
Маркеллъ (Попель), витебскій и полоц. православ. епископъ, 195, 200, 206, 210, 211.
Мартинъ:
— V, папа римскій, 46.
— Іеромонахъ, завѣдывавшій грубешовскими прав. церквами (XVII в.), 91.
Мартышкевичъ-Бусинскій, базиліанскій генералъ. 112.
Матвѣй, краковскій католическій епископъ XII в., 37.
Матѳей, архимандритъ Пантелеймонова монастыря на св. горѣ XVI в., 68.
Матишко, мельницкій староста и литовскій писарь, 33.
Мелетій, вселенскій патріархъ XVI в., 70.
Мечиславъ I, великій князь польскій, 37.
Меѳодій, архіепископъ паннонскій и моравскій, святой, просвѣтитель славянъ, 36, 37.
Милютинъ, Никол. Алексѣев., статсъ-секретарь по дѣламъ царства Польскаго, 180, 181.
Миндовгъ, князь литовскій, 17.
Михаилъ Юрьевичъ, князь, правнукъ Даніила Романовича, 15, 20.
Михаилъ Ѳедоровичъ, московскій царь, 76, 100, 102.
Могила, кіевскій митрополитъ. См. **Петръ**.
Мстиславъ Владиміровичъ Храбрый или Удалой, князь русскій, 8.
Мстиславъ Даниловичъ, князь владиміро-брестскій, 20, 21.

Н.

Назаревичъ, Варѳоломей, викарій холмскаго уніат. епископа, 161, 162.
Наполеонъ I, императоръ французовъ, 155, 156.
Немировичи, православные вельможи, 54.
Нестеровичъ, Моисей, игуменъ Яблочинскаго монастыря, 135.
Никифоръ, экзархъ цареградскаго патріарха XVI в., 68, 70.
Николай I Павловичъ, императоръ, 156, 164.
Носъ, Александръ, сторонникъ литов. князя Свидригайлы, 26.

О.

Обровецкій, Пафнутій, игуменъ Подгорецкаго православ. монастыря, 90.
Олегъ Вѣщій, русскій князь, 7.
Олендскій, холмскій каштелянъ, 152.
Олизары, православные вельможи, 54.
Ольгердъ, великій князь литовскій, 23.
Ольгимунтовичи, князья:
— Несторъ, холмскій православный епископъ XIV в., 54.
— Православные вельможи. 54.
Острожскіе, князья:
— Александръ Константиновичъ, 68.
— Константинъ Ивановичъ, гетманъ, 49.
— Константинъ Константиновичъ, кіевскій воевода, маршалъ волынскій и староста владимірскій, 58, 61, 64, 65, 68, 70.
— Православный княжескій родъ, 54, 79, 80.
— Ѳеодоръ, сторонникъ литов. князя Свидригайлы, 26.

П.

Павликовичъ, житель г. Красностава, ренегатъ православія, 100.
Павловскіе, братья, открывшіе холмскую икону Божіей Матери, запрятанную уніатами, 98.
Пакославъ, воевода сандомирскій, 13.
Паносга, Аѳанасій, холмскій уніат. епископъ, 84, 85.
Пасневичъ, Ив. Ѳедор., свѣтлѣйшій князь

Варшавскій, графъ Эриванскій, генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, 163.
Пельчицкій, Леонтій Зеновьевичъ, пинскотуровскій епископъ, принявшій унію, 65, 66.
Петръ (Могила), кіевскій митрополитъ, святой, 83, 87, 88, 90.
Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, 124, 135.
Пій:
— VI, римскій папа, 144.
— IX, римскій папа, 191, 205.
Понятовскій, кн. Іосифъ-Антоній. польскій генералъ, военный министръ герцогства Варшавскаго, 155.
Попель:
— Савва, уполномоченный кіевскаго митрополита, 104.
— Старшій соборный протоіерей. администраторъ Холмской греко-уніат. епархіи, впослѣд. православ. епископъ См. **Маркеллъ**.
Поссевинъ, Антоній, іезуитъ XVI в., 54, 62.
Потемкинъ, Петръ, полководецъ(XVII в.). 103.
Поцѣй (или **Потѣй**).
— Ипатій, владимірскій епископъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей брестской уніи, 58 61, 65—67, 71—75, 78.
— Іоаннъ, протоіерей, ректоръ холмской уніат. семинаріи, 170, 171, 181.
Процевичъ, генералъ базиліанскаго ордена (нач. XVIII в.), 143.
Пузина, Аѳанасій, въ мірѣ Александръ, луцкій православный епископъ, 87, 90, 94.
Пясецкій, Павелъ, холмскій католическій епископъ, 86.

Р.

Рагоза:
— Михаилъ, кіевскій митрополитъ, 43, 65, 69—71.
— Православные вельможи. 54.
Радзивилъ, литовскіе князья:
— Александръ - Людвигъ, владѣлецъ г. Бѣлы, 120.
— Варвара, польская королева, 31.
— Екатерина, рожденная Собѣсская, владѣтельница г. Бѣлы, ревнительница уніи, 119, 120.
— Князь, участвовавшій въ осмотрѣ, въ 1780 г., мнимыхъ мощей Іосафата Кунцевича, 145.
— Николай (Рыжій). 31.
— Николай (Черный), воевода виленскій и канцлеръ литовскій, 31.
— Станиславъ, ревнитель уніи, 119, 120.
Ратенскіе, православные вельможи, 54.
Рафаилъ, архидіаконъ болгаро-уніатскій, 203.
Романъ Даніиловичъ, князь волынскій, 15, 20.
Романъ Мстиславичъ, князь владимірскій, а потомъ волынскій и галицкій. 11, 12, 16.
Ростиславъ Владиміровичъ, князь перемышльскій и владиміро-волынскій, а потомъ тмутараканьскій. 10.
Ростоцкій. Ѳеодосій, холмскій уніатскій епископъ, 159.
Рутскій, Іосифъ-Вельяминъ, холмскій уніат. епископъ, впослѣд. митрополитъ, основатель базиліанскаго ордена, 73, 75, 81, 82, 84.
Рыллю, Максимиліанъ, холмскій уніат. епископъ, 148—155, 158, 159.
Рюрикъ Ростиславичъ, князь кіевскій, 10.

С.

Садковскій, епископъ переяславскій и бориспольскій. См. **Викторъ**.
Саковичъ, Григорій, поручикъ, старшій братчикъ Замостьскаго братства, 107.
Саковичъ, Кассіанъ, ректоръ кіево-братской школы, 83.
Сакранъ, Иванъ, краковскій каноникъ XV вѣка, 54.
Сангушко, княжескій православный родъ, 54.
Сангушко Каширскій, князь, защитникъ православія (XVI в.), 79.
Салѣга:
— Левъ, литовскій канцлеръ, 81.
— Николай, князь, владѣлецъ м. Кодня, совратившійся въ католичество, 120.
Свидригайло. литовскій князь. впослѣдствіи удѣльный луцкій князь, 26.
Свирскій, Николай. суффраганъ холмскаго латинскаго епископа, XVII в., 111, 121.
Свистельницкіе, православные вельможи, 54.
Святополкъ I Окаянный. великій князь кіевскій. 8, 9.
Святополкъ-Червертинскіе, князья, ревнители православія (XVI в), 79, 80
Селицкій, Севастіанъ, игуменъ Люблинскаго православнаго монастыря, 88.
Селява, Антоній, уніатскій митрополитъ, 87, 102, 112.
Семовитъ, князь мазовецкій, 24.
Серафиновичъ, Ѳеофилъ, настоятель Бѣльскаго базиліанскаго монастыря, 144, 144.
Середницкій, поссессоръ села Середницы, угнетатель православныхъ Перемышльской епархіи 136.
Сигизмундъ:
— Великій князь литовскій. 27.
— I, король польскій, 30, 49—51.
— II, Августъ, король польскій, 30, 31, 34, 42, 50, 59.
— III, король польскій и шведскій, 64, 67, 69, 70, 82, 84, 87.
Сидоровичи. Григорій, Филиппъ и Петръ. соучастники Маничика въ безпорядкахъ въ Холмѣ (XVII в.), 100.
Сильвестръ, холмскій православный епископъ (XIV в.), 54.
Скальскій. Петръ, настоятель Варшавскаго

греко-уніатскаго монастыря, впослѣдствіи настоятель православнаго прихода Городище, Сѣдлецк. губ., 191.
Скарбекъ-Важинскій, Порфирій, холмскій епископъ, 159, 160.
Скарга, Петръ, іезуитъ XVI в., 54, 63
Сладковскій, суффраганъ холмскаго епископа, 94
Смогоржевскій-Юноша, Ясонъ, полоцкій уніат. епископъ, впослѣд. митрополитъ, 147.
Смоленецъ, холмскій соборный протоіерей, преданный полонизму, 177, 183.
Сморчевскій, дрогичинскій ксендзъ, викарій іезуитскаго костела (1753 г.), 131.
Смотрицкій, Мелетій. полоцкій архіепископъ, отступникъ православія, 80, 81.
Собѣсская, Екатерина. См. княг. **Радзивилъ**.
Сокольскій, Іосифъ, болгаро-уніатскій архіепископъ, 203, 204.
Соловьевичъ, бресткій благочинный, протоіерей, 170
Солтаны:
— Кіевскій митрополитъ. См. **Іосифъ**.
— Православные вельможи, 54
Сосновскіе:
— Іона, холмскій епископъ (XV в.), 50.
— Православные вельможи, 54.
— Старецъ Дрогичинскаго Преображенск. монастыря. См. **Герасимъ**.
Станиславъ (Лещинскій) польскій король, 123.
Станиславъ II Августъ (графъ Понятовскій), польскій король, 135, 152, 153, 158
Станишевскій, шамбелянъ, 88.
Стефанъ Баторій, король польскій, 50, 62.
Сульжинскій, базиліанинъ, авторъ «Записокъ», 158
Суша, Яковъ, холмскій уніатскій епископъ, 86, 98—100, 103, 106—108, 110—113, 151.
Сѣдлецкій, Викентій, викарій холмскаго уніатскаго епископа. 162, 163.
Сѣмашко, литовскій митрополитъ. См. **Іосифъ**.

Т.

Тарнепольскій, Самуилъ, делегатъ Замостьскаго братства къ уніат. митрополиту Льву Шлюбичъ Заленскому, 116.
Татомиры, помѣщики, нападавшіе на Подбусскую православ. церковь, 136.
Теодоровичъ, Александръ, уніатск. священникъ Рождество-Богородичной церкви въ г. Замостьѣ, 107.
Терашкевичъ, Іоаннъ, нареченный уніатскій епископъ холмскій, 169—172 174, 175.
Терлецкіе:
—Кириллъ, епископъ луцкій и острожскій, одинъ изъ творцевъ унія 1596 г., 65—67, 71.
— Меѳодій, холмскій уніатскій епископъ, 84—88, 90. 91, 94, 95, 100, 146.
Толстой, графъ Дмитрій Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. синода, впослѣдствіи президентъ императорской академіи наукъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, 186.
де-Торресъ, Іоаннъ, папскій нунцій (XVII в.), 143.
Точинская, основательница замка Крыловъ, Грубешовскаго у., Люблинской губ., 30.
Трабскіе, православные вельможи, 54.

У.

Урбанъ VIII, римскій папа, 82, 86, 147, 148.
Уровецкіе, православные вельможи, 54.
Уханскій, польско-католическій архіепископъ XVI в., 62.

Ф.

Фальчинелли, папскій нунцій въ Вѣнѣ, 191.
Филаретъ:
- Холмскій православный епископъ XVI в., 38, 42.
— (Ѳедоръ Никитичъ Романовъ), патріархъ всероссійскій 100.
Филипповичъ, игуменъ Брестскаго монастыря. См. **Аѳанасій**.
Филоѳей. цареградскій патріархъ, 44.
Фридрихъ-Августъ, король саксонскій и великій герцогъ варшавскій, 161.

Х.

Харитонъ, холмскій православный епископъ XV в., 38. 42.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 95, 98, 100, 103, 151.
Ходкевичъ, Григорій Александровичъ, литовскій гетманъ, 64.

Ц.

Цѣхановскій, Фердинандъ, холмскій уніат. епископъ, 161 - 163.

Ч.

Чарторыйскіе, князья, ревнители православія XVI в., 79, 80.
Черкавскій (или **Черновскій**) Паисій Ипполитовичъ, холмскій и белзскій православ. епископъ 80, 83, 84, 90.
Черкаскій, кн. Владим. Александр., членъ учредительнаго комитета и главн. директоръ правительств. коммиссіи внут. и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ,

впослѣдствіи управляющій гражданскою частію въ Болгаріи, 180—184, 186, 188.
Чесниковскій, Иванъ, братчикъ Львовскаго ставропигіальнаго братства, 127.
Четвертинскіе, князья:
— Гедеонъ, луцкій прав. епископъ, 107, 108.
— Королевскій коммисаръ, 88.

Ш.

Шварнъ-Даніиловичъ, великій князь литовскій, князь холмскій и белзскій, 15, 19, 20.
Шептицкіе:
— Аѳанасій, львовскій уніатскій епископъ, впослѣдствіи митрополитъ, 147, 158.
— Левъ, львовскій уніатскій епископъ, 136, 159.
Шиманскіе:
— Веніаминъ, яновскій латинскій епископъ, 173, 174, 181, 184.
— П., профессоръ духовной академіи, членъ Холмскаго капитула, 165.
Шлюбичъ-Залонскій, Левъ, уніатскій митрополитъ, епископъ владимірскій и брестскій, 116, 119.
Штакельбергъ, гр. Э. Г., русскій посланникъ при австрійскомъ дворѣ, 191.
Шумборскій, Фелиціанъ, холмскій уніатскій епископъ, 163, 165, 166, 169, 196.
Шумлянскіе:
— Аѳанасій, луцкій епископъ, 108.
— Іосифъ, львовскій епископъ, 108.
— Кириллъ, луцкій православ. епископъ, 124.
— Онуфрій, перемышльскій уніат. епископъ, 147.
— Православные вельможи, 54.

Щ.

Щекъ, князь, одинъ изъ первыхъ трехъ князей Руси, 7.
Щуровскій, Тимоѳей. настоятель Бѣльскаго базиліанскаго монастыря, 145.

Ю.

Юрій Даніиловичъ князь холмско-белзскій, 20—24, 38.
Юрій I Львовичъ, король русскій и князь владимірскій, 20, 21.
Юрій II Андреевичъ, князь Малой Руси, 20, 21.

Я.

Ягайло, (**Ягелло**), во св. крещеніи **Яковъ**, великій князь литовскій, а потомъ король польскій (Владиславъ II или V), 24, 27, 46, 47.
Ядвига, королева польская, 24.
Янъ-Казиміръ, король польскій, 96, 99, 104, 106, 110, 151.
Ярославъ I (Юрій) Владиміровичъ, великій князь кіевскій, 8, 9, 11.
Ярославъ Владиміровичъ Осмомыслъ, князь галицкій, 10.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Иванъ, дьяконъ Москов. кремлев. церкви Николы Гостунскаго, первый русскій печатникъ, 64.
Ѳеодоръ, послѣдній князь белзскій, 26.
Ѳеофанъ, іерусалимскій патріархъ XVII в., 80—82.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано: Стран.	Строк. (*сверху*).		*Должно читать:*
12	16	знакъ	знака
16	12	столѣтій	столѣтій,
19	33	близь	близъ
22	30	Любачевымъ	Любачевомъ
41	34	Тарноградской	Тарногродской
51	6	году)	году),
71	18	возстановленіе	возстановленіи
88	30	Холмѣ.	Холмѣ,
90	15	Подгорца	Подгорецъ
113	2	Это—	Это
118	17	Шляхтичъ	«Шляхтичъ
—	29	псатухамъ	пастухамъ
119	4	владѣтельница—	владѣтельница
—	19	принялись,	принялись
123	7	Володкевичъ	Володковичъ
124	12	враговъ	враговъ.
—	18	бѣлорусскій	бѣлорусскій.
140	14	ихъ	ихъ,
144	30	по домамъ	по домамъ,
151	13	напоминая	напоминанія
183	22	монестырей	монастырей
186	20	миписстра	министра
187	8	вѣрноподаннымъ	вѣрноподданнымъ
205	24 и 25	проходимцевъ	проходимцевъ
206	20	онѣ	они

27:461